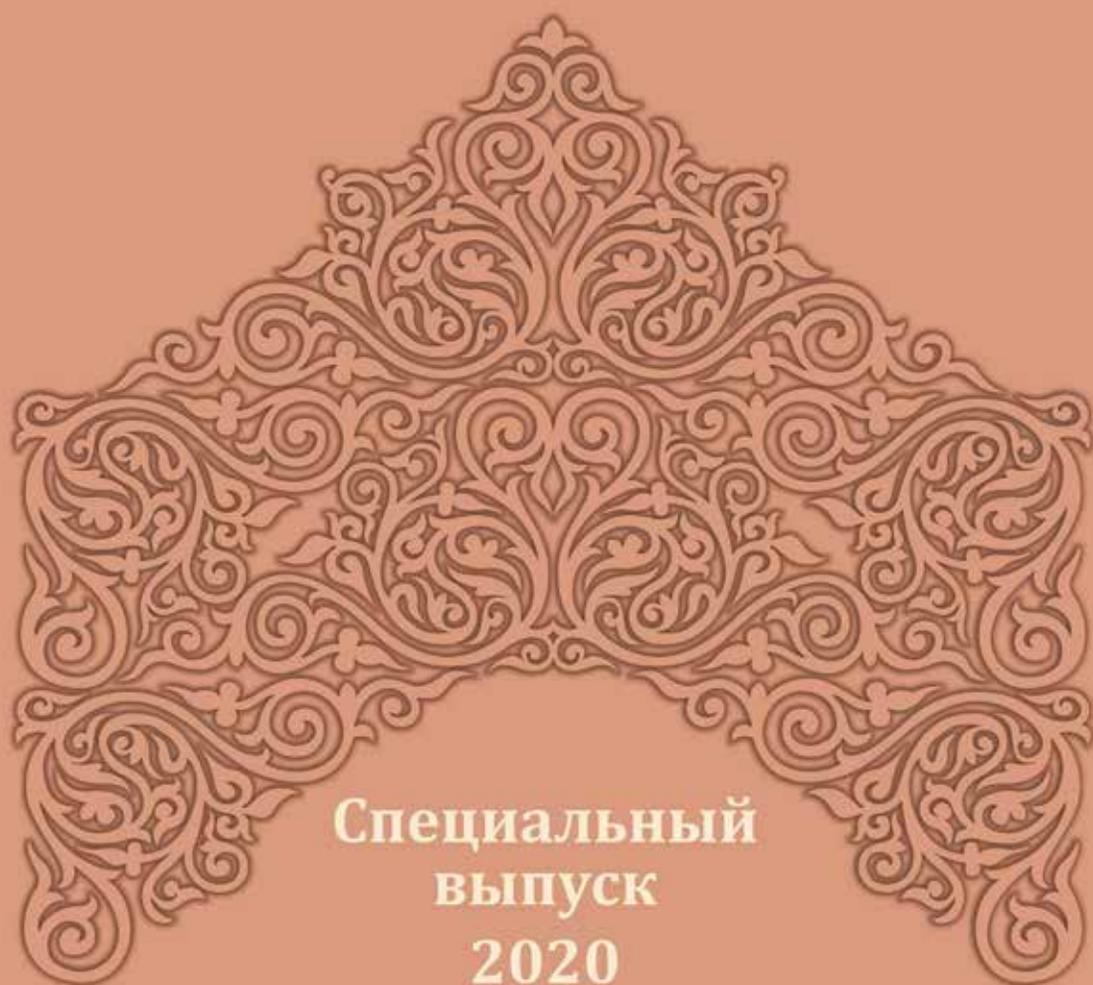

ISSN 2618-9623

Төбөк тарихы буенча журнал
Краеведческий журнал

Туган эҗир

Родной край

Специальный
выпуск
2020

Ә Казан алынган

Саташып уяндым, куркудан.
Имештер зур Казан алынган.
Кан ага Казансу юльиннан,
Исәниәр барысы кол булган.
Куркудан уяндым,
Юрганны очырдым бер читкә.
Ә үзем читлектә, берүзем.
Читлеккә тәрәзә уелган,
Челтәрләр эленеп куелган.
Йөгәрдем ыргылып тәрәзә янына,
Бер мизгел сузылды, жеп булып.
Басылды кемнендер жанына шул чакта.
Челтәрне жыерып, урамга күз аттым,
Ә Казан алынган.
Кол булган исәниәр
Хужалар булганнар, имештер.

Кайдадыр еракта
Кызарып таң ата,
Казаннан чит якта.
Читлеккә керергә омтыла
Канатлы, тик телсез бер кошчык.
Доньялар болганчык.
Без телле, канатсыз – читлектә,
Безне соң монда кем ишетә?
Ә Казан алынган,
Мә, кошчык, бер язу, оч әле читләргә,
Ташшыр бу хатымны, канатлы,
Теллегә ирештер...
Ә Казан алынган,
Ә Казан алынган,
Ә Казан алынган, имештер.
Булат Ибраһим

Бөтендөнья татар конгрессы
Татарстан Республикасы татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр
жәмгыяте

ТУГАН ҖИР

Төбәк тарихы буенча журнал

Махсус сан *2020, I

Казан–2020

Всемирный конгресс татар
Общество татарских краеведов Республики Татарстан

РОДНОЙ КРАЙ

Краеведческий журнал

Специальный выпуск *2020, I

Казань – 2020

УДК 908
ББК 26.89 (2Рос.Тат)
Т 70

Баш мөхәррир:

Дамир Мәүләви улы Исхаков,
тарих фәннәре докторы

Баш мөхәррир урынбасары:

Борханов Альберт Әхмәтжан улы,
тарих фәннәре кандидаты

Редакцион коллегия:

Аблязов Камил
Акчурин Мәгъсум
Бәйрәмова Фәүзия
Гатауллин Ринат
Гариф Нурулла
Гыйләжев Искәндәр
Габдрафиков Илдар
Закиров Ринат
Измайлов Искәндәр
Ситдигов Айрат
Сафин Фаил
Тычинских Зәйтүнә
Хисамов Олег
Шәйдуллин Рафаил

Редакцион-нәшер итү төркеме

Жаваплы сәркатип:

Сәгыйдуллина Мөнирә Хәлим кызы

Корректор:

Фәйзуллина Дания Илдус кызы

Басманың адресы:

Казан шәһәре, Карл Маркс ур., 38/5
e-mail: monitoring_vkt@mail.ru
<http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/>
<http://tuganzhir.org/>

Татар төбәк тарихы буенча кварталлык
журнал

Татар һәм рус телләрендә

Главный редактор:

Дамир Мавляевевич Исхаков,
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора:

Бурханов Альберт Ахметжанович,
кандидат исторических наук

Редколлегия:

Аблязов Камил
Акчурин Магъсум
Байрамова Фаузия
Гатауллин Ринат
Гариф Нурулла
Гилязов Искандер
Габдрафиков Ильдар
Закиров Ринат
Измайлов Искандер
Ситдигов Айрат
Сафин Фаиль
Тычинских Зайтуна
Хисамов Олег
Шайдуллин Рафаиль

Редакционно-издательская группа

Ответственный секретарь:

Сагидуллина Мунира Халимовна

Корректор:

Файзуллина Дания Ильдусовна

Адрес издания:

г. Казань, ул. Карла Маркса, 38/5
e-mail: monitoring_vkt@mail.ru
<http://tatar-congress.org/ru/tugan-zhir/>
<http://tuganzhir.org/>

Ежеквартальный журнал по татарскому
краеведению

На татарском и русском языках

ISSN 2618-9623

Туган жир: Төбәк тарихы буенча журнал [Родной край: Краеведческий журнал].
Специальный выпуск. I. Казан: Бөтендөнья татар конгрессы. 2020.

Эчтәлек

Мөкәтдимә.	10
I бүлек. XX гасыр татар тарихыннан (1920–2020 еллар)	
Кереш.	13
<i>Д.М. Исхаков.</i>	
1920 елларда СССРда татар совет сәяси элитасына каршы беренче һөжүм: сәбәпләре һәм нәтижәләре.	14
<i>И.Л. Измайлов.</i>	
Соңгы көрәш: М. Солтан-Галиевнең СССРны үзгәртеп корырга омтылышы.	23
<i>Л.А. Хәлилова.</i>	
1920 елларда совет тел сәясәте кысаларында ТАССРда татар теленең дәүләт статусын гамәлгә ашыру тарихы.	39
<i>Р.В. Шәйдуллин.</i>	
Татарстан авылы этноконфессиональ контекстта (1917–1927 еллар). .	56
<i>Д.М. Исхаков.</i>	
БКП(б) ҮКнең 1944 елның 9 августындагы карары: совет чорында татарларга каршы иң зур идеологик диверсия.	65
<i>И.Л. Измайлов.</i>	
Татар милләтен формалаштыру һәм болгарчылык дилеммасы: үткәне һәм бүгенгесе.	80
Боз кузгалды. Татарстан һәм татар жәмгыяте «Жылыну» елларында (К. Фасеев истәлекләреннән).	96
<i>Д.М. Исхаков.</i>	
Татарстан модели һәм татар милләтчелеге.	121
<i>Р.В. Айсин.</i>	
Киләчәкне кулдан ычкындырма... ..	143
<i>А.Г. Галләмова, Э.Ф. Харрасова.</i>	
Кара алтын божрасы.	146
<i>И.З. Гарифуллин.</i>	
Башкортостанда татар мәсьәләсе: барлыкка килү һәм эволюциясе. .	151
<i>Р.Ф. Гатауллин.</i>	
Башкортостан һәм Татарстан арасында чик буе агломерацияләре.	169

II бүлек. Татар дөньясы ~ Татарский мир

Кереш.	174
Татар төркемнәренең бүленү үрнәге.	175
XVIII–XX йөз башында аерым татар төркемнәре санының динамикасы.	176
<i>Г.А. Мишкинене.</i>	
Литва татарлары гасырлар борылышында.	177
<i>Тасин Жәмил.</i>	
Добруджа татарлары этник тәңгәллегенең актуаль мәсьәләләре.	197
<i>З.А. Тычинских.</i>	
«Себернең төп халкы»: себер татарлары.	208
<i>Н.В. Бекиров.</i>	
Кырым татарлары: соңгы йөз ел.	234
Әстерхан татарлары.	246
<i>И.Г. Закирова.</i>	
Ханкирмән татарлары, кайда сез?	249
<i>А.М. Буровский.</i>	
Ермак һәм тирә-юнь.	267
<i>З.Г. Хәбилова.</i>	
«Идегәй» дастанында хан сыйфатлары турында бәхәс тамырлары. ...	270
2002, 2010 елларда Бөтенроссия халык санын алу мәгълүматлары буенча, Россия Федерациясе жирлегендә татарларының саны һәм урнашу үзенчәлекләре.	278
Чит илләрдә татарлар саны.	281
<i>Төбәк тарихы буенча конференцияләр һәм очрашулар. Хатлар һәм кайтавазлар</i>	
Хроника.	283
<i>Т.Т. Нигъмәтҗанов.</i>	
Балкырга икән балкырга.	304
<i>Юбиллярлар турында сүз</i>	
Хак Тәгаләдән бирелгән тарихчы: Искәндәр Измайловка – 60 яшь. ...	307
<i>Р.З. Салиев.</i>	
Нурулла Гарифка – 60 яшь.	321

<i>Х.Л. Гарипова.</i>	
Бәхет өчен күп кирәкме?	325
Гөлнәфис.	329
<i>А.Ә. Борһанов.</i>	
Арымас һәм тынғы белмәс Зыятдин.	331
<i>И.Г. Закирова.</i>	
Себер кызы.	336

Хушлашу

Рәшит: демократ һәм кеше турында сүз.	340
Хушлашу.	342

Авторлар буенча белешмә

Содержание

Мукалдима. 10

Часть I. Из истории татар XX в. (1920–2020 гг.)

Введение. 13

Д.М. Исхаков.

Первое наступление в СССР в 1920-х гг. против татарской советской политической элиты: причины и последствия. 14

И.Л. Измайлов.

Последний бой: попытка М. Султан-Галиева реформировать СССР. ... 23

Л.А. Халилова.

История реализации в ТАССР в рамках советской языковой политики государственного статуса татарского языка в 1920-х гг. 39

Р.В. Шайдуллин.

Деревня Татарстана в этнонациональном контексте (1917–1927 гг.). ... 56

Д.М. Исхаков.

Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.: крупнейшая идеологическая диверсия против татар в советский период. 65

И.Л. Измайлов.

Формирование татарской нации и дилемма болгаризма: прошлое и настоящее. 80

Лед тронулся. Татарстан и татарское общество в годы «Оттепели» (из воспоминаний К. Фасеева). 96

Д.М. Исхаков.

Модель Татарстана и национализм татар. 121

Р.В. Айсин.

Не упустить свое будущее... 143

А.Г. Галлямова, Э.Ф. Харрасова.

Кольцо из черного золота. 146

И.З. Гарифуллин.

Татарский вопрос в Башкортостане: зарождение и эволюция. 151

Р.Ф. Гатауллин.

Трансграничные агломерации между Башкортостаном и Татарстаном. 169

Часть II. Татар дөнъясы ∞ Татарский мир

Введение.	174
Схема дифференциации татарских групп.	175
Динамика численности отдельных групп татар в XVIII–начале XX вв.	176
<i>Г.А. Мишкинене.</i>	
Литовские татары на грани веков.	177
<i>Тасин Джемиль.</i>	
Актуальные проблемы идентичности добруджинских татар.	197
<i>З.А. Тычинских.</i>	
«Главнейший народ Сибири»: сибирские татары.	208
<i>Н.В. Бекиров.</i>	
Крымские татары: последние сто лет.	234
Астраханские татары.	246
<i>И.Г. Закирова.</i>	
Где вы, татары Царева-городка?	249
<i>А.М. Буровский.</i>	
Ермак и вокруг.	267
<i>З.Г. Хэбилова.</i>	
Черты присущие хану в эпосе «Идегей».	270
Численность и особенности размещения татар на территории Российской Федерации по данным Всероссийских переписей 2002, 2010 гг.	278
Численность татар в зарубежных странах.	281
<i>Краеведческие конференции и встречи. Письма и отклики</i>	
Хроника.	283
<i>Т.Т. Нигаматзянов.</i>	
Сверкать так сверкать.	304
<i>Слово о юбилярах</i>	
Историк от Всевышнего: 60 лет Искандеру Измайлову.	307
<i>Р.З. Салиев.</i>	
Нурулле Гарифу – 60 лет.	321
<i>Х.Л. Гарипова.</i>	
Много ли нужно для счастья?	325

Гульнафис.	329
<i>А.А. Бурханов.</i>	
Неутомимый и беспокойный Зиятдин.	331
<i>И.Г. Закирова.</i>	
Дочь Сибири.	336

Некрологи

Рашит: Слово о демократе и человеке.	340
Прощание.	342

Об авторах

МУКАТДИМА

Татары, являясь достаточно крупным (свыше 10 млн чел.) тюркским народом, сформировавшимся на просторах Евразии, пройдя ряд этапов этнического становления от древнетюркской эпохи до периода консолидации в Улусе Джучи (Золотой Орде) в международно признанную этнополитическую общность, после распада которой пережив стадию феодальной раздробленности, сохранили однако государственное существование в целом созвездии тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. (ханствах Казанском, Касимовском, Астраханском, Крымском, Шибанидском, Сибирском, Большой и Ногайской Ордах). Затем, в результате стечения многих неблагоприятных факторов, они со второй половины XVI в. были постепенно включены в состав Русского государства (Московского царства).

В цивилизационном отношении этот народ, будучи наследником самостоятельной тюркской (степной) цивилизации, начиная с XIV в. (в лице части этнических предков – булгар и кимаков, гораздо раньше) в итоге окончательной исламизации Золотой Орды, стал частью великой исламской цивилизации, образовав ее тюрко-мусульманскую ветвь. Несмотря на попадание с XVI в. в орбиту влияния русско-православной цивилизации, в целом татары, за исключением группы крещенных татар (кряшен), сумели сохранить свои отличительные культурные особенности.

На основе унаследованного этнокультурного наследия, уже в условиях колониального существования в рамках Российской империи, татарский народ к XVIII в. не только преодолел отрицательные последствия нахождения в ином цивилизационном окружении, но и смог приступить к реформации исламских ценностей, преуспев в этом до такой степени, что к рубежу XIX–XX вв. оказался в тюрко-мусульманском мире на самых передовых позициях. В годы трансформации российского общества во второй половине XIX–начале XX вв. татары, создавшие уникальную высокую культуру, между 1905–1917 гг. начали формироваться в политическую нацию, которая в ходе Февральской буржуазной революции 1917 г. смогла выдвинуть проект штата Идель-Урал (Идел-Урал штаты) как части федеративного Российского государства. В условиях последовавших затем социалистических преобразований этот проект государственного обустройства татар был вначале заменен на проект Татаро-Башкирской республики (1919–нач. 1920-х гг.), затем – Татарской АССР (1920 г.). Создание хотя и весьма ограниченного в политическом и территориальном планах, урезанного по возможностям обеспечения этнокультурного развития народа, автономного образования, позволило тем не менее пройти

народу в советский период по пути дальнейшей национальной консолидации и формирования в республике современного типа институтов культуропроизводства (национальная школа, академическая гуманитарная наука, театр, печать и т. д.). Но специфика такого «автономного» существования советского времени заключалась в том, что она не позволяла достаточно продвинутым уже к началу XX в. татарам в полной мере стать в ряд полноценных наций.

В итоге к середине XX в. татары, во многом утерявшие связь со своим тюрко-исламским наследием и попавшие в молох советской индустриализации, принудительной урбанизации, стали со второй половины прошлого столетия подвергаться все усиливающейся языковой и культурной ассимиляции, постепенно теряя свои отличительные этнокультурные особенности, тем более, что автономный статус республики не позволял противопоставить этим отрицательным трендам адекватную времени культурную политику, основанную на развитой институциональной базе. Поэтому, советский этап истории татарской нации закончился глубоким общественным кризисом, совпавшим с общим упадком советской системы и распадом СССР в начале 1990-х гг.

В ходе последовавшего в конце XX в. подъема национального движения удалось изменить политический статус Татарстана (суверенная республика, объединенная с РФ на основе специального договора), ввести в республике два (татарский и русский) равноправных государственных языка, сформировать обновленный комплекс институтов этнокультурного воспроизводства (включая и сферу школьного образования), создать предпосылки экономического подъема, а также подойти к началу становления в обществе политической демократии и плюрализма. Возникновение тогда целого ряда национальных общественных объединений, принимавших самое активное участие в политической жизни постсоветского этапа, когда были созданы и доведены до общественного мнения ряд программ общенационального характера по решению накопившихся социально-политических и этнокультурных проблем, позволили татарской политической элите выработать в Республике Татарстан достаточно взвешенные, основанные на консенсусе, подходы по их постепенному преодолению.

Однако развернувшиеся в РФ с начала 2000-х гг. процессы политической централизации, сворачивания демократии и усиления авторитаризма, совпавшие с ростом русского национализма и подъемом в стране синдрома великодержавия, вызвавшие на республиканском уровне встречную волну урезания демократии и усиления в местной политической жизни роли национальной государственной бюрократии и тесно с

ней связанной группы нуворишей, привели в 2000-х гг. к постепенному откату от достигнутых на предыдущем этапе политических и этнокультурных достижений (ликвидация политического суверенитета, национально-регионального компонента образования, отказ от реализации проекта Национального университета и др.), закончившихся в итоге недавно практически почти полной потерей государственного статуса татарского языка в республике и сдачей его завоеванных позиций ранее, в образовательной сфере. На повестку дня уже может встать вопрос о ликвидации самой Республики Татарстан (как и других национальных образований в составе РФ) путем ее «растворения» в некоей новой территориальной структуре агломерационного типа.

Совокупность крайне отрицательных для национального бытия изменений 2000-х гг. привела к глубокому и всеобъемлющему кризису в татарском обществе, совпавшему по времени с постепенным, но неуклонным втягиванием всего российского общества в эпоху социальных и политических потрясений, вызванных крайним непрофессионализмом правящих верхов РФ, закреплением во внутренней политике в стране авторитаризма и цезарианства, пренебрежением интересами народов РФ (включая и русского народа) и широких масс трудового населения. В итоге татарский народ, согласно действующей Конституции РФ, являющийся в стране одним из государствообразующих политических субъектов, оказался не только перед лицом полной потери своего тысячелетнего вектора этнокультурного развития, но и перед прямой угрозой ликвидации самих политических основ своего существования в рамках конституционно признанной государственности в лице Республики Татарстан.

В этих условиях татарской интеллектуальной и политической элите ещё раз следует проанализировать исторический путь нашего народа за последний век, особенно в связи со столетним юбилеем Республики Татарстан. Такой взгляд на собственное прошлое будет полезен и всем остальным татарам для более четкого понимания стоящих перед татарской нацией задач на ближайшую и более отдаленную перспективу.

І бүлек. XX гасыр татар тарихыннан (1920–2020 еллар)

Часть I. Из истории татар XX в. (1920–2020 гг.)

Современная история татарской нации, начало которой было положено образованием в 1920 г. Татарской АССР, чрезвычайно важна – с той даты наступила эпоха советской жизни нашего народа, хотя уже и завершившаяся, однако все ещё глубоко укорененная в ментальности большинства населения страны, следовательно, и татарской его части. Этот вековой опыт, в котором было немало хорошего, но и не меньше сугубо отрицательного, все еще татарами в должной мере не осмыслен, а нашими политиками и интеллектуалами из него необходимые выводы не извлечены. Да и не удивительно – настоящая история татарской нации XX в. ещё не написана, по данному периоду изданы лишь поверхностные труды, зачастую подвергнутые как внешней, так и внутренней цензуре историков. Имея в виду, что к оценке своей вековой истории татарам рано или поздно всё равно придется обратиться, нами в настоящем издании были предложены ряд очерков, позволяющих взглянуть без предвзятости на эту, уже оставшуюся в прошлом, эпоху.

Предупреждаем: при анализе исторических событий очень противоречивой советской эпохи, «душа должна быть крепка», ибо речь идет о совсем недавнем прошлом, относительно которого сейчас ещё существуют разные мнения. Редакция же при подготовке материалов для журнала исходила из главного принципа – оставаться на почве исторических фактов, объективности освещения исторических событий и персонажей. Насколько нам это удалось, судить вам, дорогие читатели.

ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В СССР В 1920-Х ГОДАХ ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация: *Статья посвящена анализу одного из важных этапов реализации национальной политики в РСФСР/СССР в 1920-х гг., связанного с «делом М. Султан-Галиева». В итоге рассмотрения совокупности данных, имеющих отношение к этому событию, делается заключение о том, что в стране отказ РКП от интернационализма произошел не в конце 1930-х гг., как это принято думать, а гораздо раньше – еще 1920-х гг.*

Ключевые слова: *шовинизм, национализм, национальная политика, РСФСР, ТАССР, М. Султан-Галиев, коммунисты «левые» и «правые».*

В связи с политическими тенденциями последнего времени в Российской Федерации (усиление роли русского языка в сфере образования, конституционное закрепление в стране особой роли русского этноса и др.), возникает необходимость обращения к анализу нашего советского исторического прошлого, представляющего немало возможностей для понимания нынешних общественно-политических реалий. Для размышлений в этом плане много пищи дают материалы, связанные с начальным периодом существования Татарской АССР, столетний юбилей образования которой празднуется в этом году.

Как известно, относительно немногочисленная татарская советская политическая элита, приложившая немалые усилия для реализации проекта государственного обустройства татар в рамках РСФСР, практически сразу же после учреждения по Декрету от 27 мая 1920 г. Татарской АССР, столкнулась с массой проблем, среди которых очень важное место занимает политический кризис в республике, связанный с раскруткой в 1923 г. так называемого «дела Султан-Галиева» (в партийно-советском жаргоне в 1920–1930-х гг. именовавшегося «султан-галиевщиной») [История: 2014. С. 98–108]). Оно начало разворачиваться еще в январе 1923 г., но для логического завершения этого «дела» потребовалось особое «секретное» Совещание ЦК РКП по национальному вопросу, проходившее в Москве 9–10 июня того же года. Его материалы опубликованы: [Тайны: 1992]. Несмотря на то, что весь ход событий, имеющих отношение к

«делу Султан-Галиева», уже достаточно детально изучен [Султанбеков, Шарафутдинов: 2002. С. 10–27]¹, один из значимых аспектов круга проблем, обнаруживаемых при анализе материалов, имеющих отношение к нему, все еще остается вне поля зрения исследователей. Речь идет о начале формирования в СССР идеологии «национал-большевизма» [Рютин: 1990. С.174], обычно датируемого второй половиной 1930-х гг. [Бранденбергер: 2002. С.2]. Между тем материалы, связанные с «делом Султан-Галиева» и последующими политическими репрессиями 1920-х гг. в Татарской АССР, позволяют отнести первый этап становления данного феномена в стране к гораздо более раннему времени, чем предполагается в исследованиях советского общества, в том числе и зарубежных.

Так как «национал-большевизм» являлся основой не только советской коммунистической идеологии, но и, по мнению отдельных ученых, был базой формирования в СССР современного типа русской национальной идентичности (детальнее см.: [Бранденбергер: 2002]), противоречия, возникшие между центральным партаппаратом РКП, во многом склонным, о чем писал еще В. Ленин, к шовинизму, и отстаивавшими региональные интересы татарскими коммунистами, волею судеб оказавшимися политическими лидерами только что созданной Татарской АССР (за ней скрывалась достаточно крупная и относительно развитая татарская этнонация), представляют значительный интерес, в том числе и потому, что в нынешних процессах централизации и усиленно проводимой политики культурно-языковой унификации, имеется явное типологическое (и не только) сходство с политическими процессами, протекавшими в СССР еще в 1920-х гг.

Биография Султан-Галиева, видного татарского большевистского деятеля, в 1920 г. в ходе создания Татарской АССР чуть было не занявшего пост Председателя Совнаркома республики, вплоть до 1923 г. затем пребывавшего на нескольких высоких постах в госаппарате в Москве, достаточно хорошо изучена (подробнее см.: [Султанбеков, Шарафутдинов: 2002-а; 2002-б]) и нет необходимости на ней останавливаться отдельно. Однако следует отметить, что у этого политического деятеля, кроме прочего бывшего и членом Коллегии Наркомнаца, уже в 1921 г. возникли принципиальные разногласия с тогдашним наркомом этого ведомства И. Сталиным. Эти разногласия достигли своего пика на заседании Национальной секции поворотного для страны XII съезда РКП, проходившего 25 апреля 1923 г.

М. Султан-Галиев, заявивший в его ходе о том, что подходы, предложенные И. Сталиным по национальной проблематике, их «не решают», в итоге

¹ Кроме указанных выше двух документальных сборников имеется еще одно издание, содержащее собственные труды М. Султан-Галиева, позволяющие лучше понять взгляды этого политика. См.: [Султан-Галиев: 1998].

Д.М. Исхаков. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В СССР В 1920-Х ГОДАХ
ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

кончил плохо – 4 мая 1923 г. он, на основе обширных материалов, собранных ЧК, был вначале исключен из партии, а затем прямо в здании ЦКК арестован и перепровожден в Лубянку [Султанбеков, Шарафутдинов: 2002-а. С. 15]. То, что в основе обвинений М. Султан-Галиева была его позиция «по национальному вопросу», видно из реплики Л. Троцкого на IV совещании ЦК РКП, а также из выступления В. Куйбышева там же [Тайны: 1992. С. 14, 20]. Далее в течение 1920-х гг. последовали ряд событий, напрямую связанных с этой личностью и увязанных с Султан-Галиевым политическими деятелями высокого ранга из руководства Татарской АССР. Вся эта история для М. Султан-Галиева в конце концов позже закончилась трагически – 28 января 1940 г. он был убит в подвалах НКВД выстрелом в затылок [Там же. С. 10]. К этому времени большинства татарских политических деятелей, «вписанных» в так называемое, явно инспирированное, «дело Султан-Галиева», уже не было в живых, ибо они еще раньше пали жертвами репрессий.

Для понимания сути вопросов, связанных с «делом Султан-Галиева», надо в целом разобраться в тех национальных проблемах, которые привели к его появлению.

На первый взгляд кажется, что после Октябрьской революции все «инородческие» народы, находившиеся в Российской империи на положении угнетенных национальных меньшинств, обрели свободу и могли рассчитывать на культурный и социальный прогресс. Действительно, ориентированное первоначально на создание «всемирной коммунистической республики», основанной на интернационализме (правда, «пролетарском») и марксистском учении, руководство большевиков вроде бы пошло по пути проведения политики «развития угнетенных народностей» бывшей империи – для этого между 1918–1920 гг. были созданы большое число автономных республик и областей, а также национальных районов, предприняты ряд мер по культурно-языковому, а также управленческому (коренизация кадров и др.) направлениям [История России: 2009. С. 780–787], превращавшим Россию в федеративную республику – РСФСР, с одновременным проведением в ее рамках активной национальной политики, в ходе реализации которой застарелые национальные проблемы начали вроде бы достаточно последовательно решаться.

Однако, на самом деле полученная народами страны «свобода» оказалась весьма ограниченной и кратковременной, к тому же она практически сразу же коммунистическим руководством страны начала подвергаться всяческому ограничению. Поэтому, высказываемый иногда в научной литературе тезис о том, что в 1920-х гг. «коммунисты [еще] не были озабочены подведением националистического (русско-националистического – Д.И.) фундамента под свое государство» [Там же: 2009. С. 784], не

может быть поддержан полностью – политическая реальность была несколько иной, что и демонстрирует, например, «дело Султан-Галиева», к которому мы далее и обратимся.

Но начать придется с тех фундаментальных разногласий, которые выявились в 1923 г. по ходу IV совещания ЦК РКП между центральной партийной верхушкой и представителями партийно-хозяйственного актива национальных образований разного типа, существовавших тогда в стране. Следует отметить, что на данное Совещание были приглашены 60 ответственных партийных работников (реально прибыли 58), в состав которых дополнительным постановлением были включены и 15 секретарей обкомов русской национальности [Тайны: 1992. С. 7–8, 14]. Они должны были обсудить два вопроса: 1) Доклад ЦКК о М. Султан-Галиеве; 2) Практические мероприятия по проведению резолюции XII съезда РКП по национальному вопросу (последний был конкретизирован в семи пунктах) [Там же. С. 14].

Изучение материалов указанного Совещания показывает, что совещание на нем этих двух вопросов было совершенно не случайным – такое явление, как «султан-галиевщина», возникло на основе межнациональных противоречий, существовавших ранее в Российской империи и унаследованных затем Советской Россией, но по определенным причинам вовремя не осмысленных в полной мере руководством РКП. О чем идет речь? О том, что в стране сохранялись сильнейшие проявления «великодержавного (т.е. русского – Д.И.) шовинизма», проникавшего и в партийно-советские органы (не только в центре, но и в регионах). Лидер российских коммунистов В. Ленин, как известно, начисто лишенный этнического национализма, был очень хорошо осведомлен об этом явлении, о чем свидетельствуют его высказывания позднего этапа жизни: например, относительно необходимости «защитить русских инородцев от нашествия того истинного русского человека, великоросса – шовиниста..., типично русского бюрократа..., [от]... моря шовинистической великорусской швали, ...от истинно русского держиморды» (его письмо от 22 сентября 1922 г.) [Там же. С. 772] или об «объявлении» [им лично] «боя не на жизнь, а на смерть великодержавному шовинизму» в ходе обострившейся между центром и республиками дискуссии при учреждении СССР [Сильницкий: 1981. С. 284].

Именно как ответная реакция на эту, фактически сугубо колониальную, позицию русского и потакавшего ему иного происхождения партийного большинства по отношению к национальным меньшинствам, являвшимся зачастую таковыми и в республиканских партийных организациях, и формировался местный, «защитный» по своему характеру, национализм, в частности, в татарском обществе, в ходе социалистических

Д.М. Исхаков. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В СССР В 1920-Х ГОДАХ
ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

преобразований начала 1920-х гг. столкнувшегося с целым рядом трудностей, в том числе и, особенно, в рамках Татарской АССР. Среди них весьма важное место занимала проблема «великодержавного», то есть, русского национализма, отягощенного левацким уклоном части руководящих республиканских партийных кадров татарского происхождения, вообще отрицавших необходимость учета национальных особенностей в ходе выстраивания политической линии во вновь образованной Татарской Республике (О «левом» уклоне в партийных рядах Татарского обкома в начале 1920-х гг., см.: [Вэли: 2020. Б. 14–33]).

То, что «националистический уклон», инкриминированный высшим партийным руководством М. Султан-Галиеву в 1923 г., имел глубокие внутренние причины, было признано и в докладе В. Куйбышева, произнесенном от имени ЦКК на IV совещании. В нем, в частности, заявлено, что «дело Султан-Галиева» имело прямую связь «с общим вопросом ... национальной политики», разобранным на XII съезде РКП и указавшем на такие причины «национальных уклонов», как «остатки и пережитки национального неравенства и проявления великодержавного российского шовинизма» [Тайны: 1992. С. 20–21]. Докладчик прямо отметил, что на «начальной стадии» деятельность М. Султан-Галиева по отстаиванию своей позиции являлась всего лишь «реакцией против великорусского шовинизма» [Там же. С. 22]. Это заключение вошло и в резолюцию рассматриваемого Совещания относительно «дела Султан-Галиева» [Там же. С. 281]. Похожая формулировка содержится также по второму пункту повестки дня, посвященному, как уже было сказано, национальному вопросу. Но там она приобрела несколько иные оттенки: («Товарищи из центра... среди более отсталых народностей... должны строго выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам..., не допуская ... ничего, что походило бы на присваивание права вязать (т.е. – арестовывать Д.И.) и решать... опираясь на авторитет центра»; «Идти на уступки тем местным национальным элементам», которые «хотят и могут лояльно работать в рамках советской системы» и т. д. [Там же. С. 282–283]. Иначе тогда и быть не могло, ибо выступления представителей ряда национальных республик и областей в составе РСФСР (Башкирской и Туркестанской АССР, Марийской и Бурято-Монгольской АО и др.) подталкивали именно к такому решению [Там же. С. 26, 40–41, 44–45, 47, 66–67, 69, 112 и др.].

Весьма своеобразными были в ходе дебатов по «делу Султан-Галиева» выступления на рассматриваемом форуме татарских партийно-советских деятелей. Одна их группа (Председатель СНК К. Мухтаров, Председатель ЦИК Р. Сабилов, представитель Наркомнаца РСФСР в ТАССР Р. Енбаев), представлявшая Татарскую АССР, пыталась прямо или косвенно

защищать обвиняемого [Там же. С. 59, 138, 244]. К ним присоединился и представитель Крымской АССР И. Фирдевс (тогда нарком юстиции этой республики) [Там же. С. 48–50]. Похожие позиции высказал и Председатель СНК Башкирской АССР Р.М. Халиков (отмечен как башкир по национальности) [Там же. С. 244], мнение которого тоже следует принять к сведению из-за существования в последней республике татаро-башкирского этнического симбиоза на северо-западе этой республики. Надо отдельно отметить, что еще до IV совещания в ЦК РКП поступило «Заявление» (документ от 8 мая 1923 г.), подписанное группой руководящих работников ТАССР, в котором они «поручались» за М. Султан-Галиева и просили об отмене по отношению к нему «всякой репрессии» [Султанбеков, Шарафутдинов: 2002-б. С. 60–62]. Однако, имелась другая группа работников из татар и башкир (С. Саид-Галиев, ранее Председатель СНК Татарской АССР, затем – Крымской АССР, Ш. Ибрагимов – Председатель Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крымской АССР, Г. Шамигулов, Председатель ЦИК Башкирской АССР, башкир по национальности), представители которой выступили резко против идейных позиций М. Султан-Галиева [Тайны: 1992. С. 31–33, 36–37, 237–239]. Надо заметить, что взгляды Ш. Ибрагимова в некоторых деталях отличались от остальных, но в идейном отношении все равно были близки к ним.

В чем же заключались главные моменты разногласий последних с попавшим в опалу видным татарским коммунистом?

Относившийся к «левым» коммунистам С. Саид-Галиев, успевший недолго поработать первым Председателем СНК Татарской АССР и переброшенный затем ЦК РКП в Крым из-за его серьезных разногласий с пришедшими в республике ему на смену представителями «правого» течения (с ними и был тесно связан осужденный М. Султан-Галиев), утверждал, что взгляды попавшего в немилость партийного Центра татарского лидера вовсе не связаны с «реакцией» на великодержавный шовинизм, как это утверждали многие участники Совещания, а являются отражением якобы присущего ему «природного» национализма (курсив наш – Д.И.), который, согласно взглядам этого, склонного отрицать необходимость учета в партийно-советской работе национальных особенностей советского работника, проявился бы у Султан-Галиева и без внешнего влияния вследствие того, что тот был вовлечен в «пантюркистское движение» и стремился создать «тюркскую федерацию». К тому же, по его мнению, данное политическое течение было связано ещё и с «панисламизмом». Ему вторил Ш. Ибрагимов, заявивший, что среди угнетенных национальностей до революции преобладали антикоммунистические, панисламистские и пантюркистские движения, а прослойка «националистов» и «социалистов» была очень тонкой. Наконец, Г. Шамигу-

Д.М. Исхаков. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В СССР В 1920-Х ГОДАХ
ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

лов отметил, что в общественно-политической ситуации, в целом характерной для Востока (сюда он относил и татар), коммунистические организации, возглавляемые «националистами», всегда претерпевали «ущерб», причем М. Султан-Галиев возглавлял даже не настоящих коммунистов, а был во главе «мусульманских кадетов», фактически имея дело с «присоединившейся [к коммунистам] публикой», состоявшей главным образом из «интеллигенции». Как видим, представители данной группы стремились подчеркнуть чуждость взглядов М. Султан-Галиева коммунистической идеологии.

Для того, чтобы глубже раскрыть взгляды этих татарско-башкирских «левых», полезно дополнительно рассмотреть выступления на названном форуме среднеазиатских, в первую очередь, туркестанских коммунистических деятелей, представлявших, так сказать, подлинный Восток. Так, секретарь ЦК Компартии Туркестана (правлящей партии в Туркестанской АССР) А. Икрамов отметил, что сторонники «султан-галиевщины» хотят «через Советскую власть получить автономию» и таким образом освободить в буржуазном смысле окраины [Тайны: 1992. С. 40]. Другой представитель Туркестанской АССР – С. Ходжанов (зам. Председателя ЦИК ТуркАССР), высказал мнение о том, что султан-галиевцы являются представителями торгового капитала, действующего, однако, «под советским флагом». Согласно представлениям этого туркестанского политика, подобное течение у восточных народов появилось из-за «отсутствия [у них] всякой... советской общественной жизни». Он отмечает, что к «султан-галиевщине» надо относиться как к проявлению «культурной деятельности татарских миссионеров», действовавших «в качестве политического и экономического посредника между восточными народами и капиталистическим центром» [Там же. С. 43–44]. Однако он добавил, что при наличии решений X и XII съездов РКП, было бы «очень трудно обвинить» М. Султан-Галиева в правовом отношении [Там же. С. 40]. Его заключение: покуда у партии «твердая позиция» отсутствует, такого рода «уклоны» – «колонизаторский» и «националистический», будут существовать (заметим, что он отмеченное «колонизаторство» увязал с «возвратом к старому строю», а «национализм» – с «панисламизмом») [Там же. С. 112]. Еще один представитель этой же республики – Т. Рыскулов (Председатель СНК ТуркАССР), выступавший на IV совещании несколько раз, заметил, что «уклоны» в сторону «шовинизма» и «местного национализма» просто так («механическим путем») уничтожить нельзя [Там же. С. 26]. Одна из причин – это состав «местных [партийных] аппаратов», которые, как он указал, в большинстве «возглавляются людьми, вовсе не сочувствовавшими решениям XII-го съезда» [Там же. С. 66]. Затем, в ходе завершающего заседания этого Совещания, А. Икранов еще

раз взял слово и предупредил участников данного крупного партийного форума – практически последнего в 1920-х гг. по национальному вопросу – что для Советской власти на окраинах более опасны не «панисламисты», а состоящие из «молодых джадидов» националисты, которые пользуются «именем Ислама» лишь для того, чтобы «обмануть дехкан». Он прозорливо подчеркивал, что именно из этой среды могут возникнуть «контрреволюционные организации». Этот партработник настойчиво проводил мысль о том, что имеющие общегосударственное значение решения XII съезда РКП должны претворяться в жизни не местными руководителями, а «русской частью партии» [Там же. С. 231, 235].

Таким образом, мы видим тут довольно подробный разбор тех проблем, которые вызвали к жизни «дело Султан-Галиева». Они сводятся к следующим моментам:

Сохранение у русского большинства партийных и советских органов в 1920-х гг. ярко выраженного шовинизма.

Малочисленность в национальных образованиях, возникших после распада Российской империи, носителей пролетарской идеологии, преобладание там крестьянско-мелкобуржуазных слоев, склонных к защитному национализму.

Отсутствие со стороны политического руководства РКП тщательно выработанной и целенаправленной национальной политики, склонность его в целом к централизму и опоре (зачастую – скрытной) на массы господствовавшего этнического большинства и его представителей в партийно-советских органах.

Особый характер татарской этнонациональной общности среди тюрко-мусульманских народов страны (относительная культурная развитость, присутствие в составе народа значительного торгово-буржуазного элемента и образованного на джадидистский манер «интеллигентного» слоя), в условиях дисперсного расселения подталкивающих татарских идеологов, в том числе и коммунистических, к политическим проектам надэтнического, а также международного характера, направленным в целом к антиколониальным действиям в масштабах всего Востока.

После повторного ареста М. Султан-Галиева и его сподвижников в 1928 г., проведя целое расследование относительно этой группы бывших (иногда ещё и продолжавших находиться в рядах партии) татарских коммунистов, ЦКК ВКП(б) 29.08.1929 г. выпустило Постановление, что эти лица «выработали чисто буржуазную, явно контрреволюционную программу, направленную против программы ВКП(б) и Коминтерна», осуществляя «антипартийную и антисоветскую» деятельность [Султанбеков, Шарафутдинов: 2002-б. С. 276].

Д.М. Исхаков. ПЕРВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ В СССР В 1920-Х ГОДАХ
ПРОТИВ ТАТАРСКОЙ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ:
ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Последовавший вскоре приговор по этим лицам с длительными сроками заключения позволяет говорить о том, что для татарской коммунистической элиты эпоха интернационализма и свободного выражения своих политических взглядов закончилось весьма рано – ещё в 1920-х гг. Отчасти это было связано и с особым характером татарской этнонации, для которой в условиях сильно централизованной страны возможностей для реализации весьма специфического татарского политического проекта попросту не было.

Сегодняшние политические реалии в стране ещё раз заставляют нас обратить внимание на это историческое прошлое.

Источники и литература

1. Вәли Р. Тәүге суверенитет атасы... // Туган жир. Родной край. 2020. № 1. С. 14–33.
2. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм и формирование русско-го национального самосознания. Массачусетс, Лондон, 2002. – 353 с.
3. История Татарстана и татарского народа. 1917–2013 гг. учебное пособие / А.Г. Галлямова, А.Ш. Кабирова, А.А. Иванов, Р.Б. Гайнетдинов, И.Р. Миннуллин, Л.И. Алмазова. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2014. – 434 с.
4. История России. XX в.: 1894–1939. М.: Астрель: АСТ, 2009. – 1023 с.
5. Рютин М.Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 165–183.
6. Султанбеков Б.Ф., Шарафутдинов Д.Р. Мирсаид Султан-Галиев: жизнь и судьба // Султанбеков Б.Ф., Шарафутдинов Д.Р. Неизвестный Султан-Галиев. Рассекреченные документы и материалы. Казань: Татар. кн. из-во, 2002-а. С. 10–27.
7. Султанбеков Б.Ф., Шарафутдинов Д.Р. Неизвестный Султан-Галиев. Рассекреченные документы и материалы. Казань: Татар. кн. из-во, 2002-б. – 459 с.
8. Силницкий Ф. Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 г. Втор изд. Сучасність, 1981. – 314 с.
9. Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань: Из-во «Гасыр». Прил. к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков», 1998. – 719 с.
10. Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Москва. Бюро Секретариата ЦК РКП. Июнь, 1923 г.). М.: Инсан, 1992. – 295 с.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ: ПОПЫТКА М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА РЕФОРМИРОВАТЬ СССР

Создание СССР вступило в завершающую фазу 30 декабря 1922 г., когда делегаты союзных республик и федераций X Всероссийского съезда Советов созвали новый – I Всесоюзный Съезд Советов. В своем докладе Сталин провозгласил, что этот день явился днем «торжества новой России над старой, над Россией – жандармом Европы, над Россией – палачом Азии». Далее он выделил три причины образования Союза – экономическую (восстановление разоренного войной народного хозяйства невозможно без объединения), военную (неизбежное создание единого фронта республик против враждебного окружения) и, наконец, идеологическая (советская власть интернациональная по природе, толкает народы на объединение) [Сталин: 1952. Т. 5. С. 158]. Далее съезд, после недолгих выступлений, единогласно утвердил Договор, избрал Всесоюзный ЦИК СССР и поручил ему составить проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик [Съезд: 1923. С. 11], основные пункты которого уже содержались в Договоре и восходили к проекту «Комиссии Куйбышева».

Таким образом, объединение Советских республик и образование единого Союза стало реальностью. Это событие имело огромное историческое значение и для дальнейших судеб, как всего Советского государства, так и Татарстана.

Президиум нового Всесоюзного ЦИКа, избранного I Всесоюзным Съездом Советов, 10 января 1923 г. назначил комиссию из 13 чел. для составления проекта новой Конституции СССР. Вскоре комиссия была увеличена до 25 чел.: 14 – от РСФСР (из них 5 – от российских автономий), 5 – от Украины и по 3 от Закавказья и Белоруссии. Подобный состав формально должен был означать, что национальные интересы всех советских наций будут в полной мере учтены. Однако, в действительности, как показали последующие события, главные решения, касавшиеся Конституции, не зависели ни от Комиссии, ни от какого бы то ни было другого государственного органа. Их решение целиком зависело от Политбюро и расклада политических сил, складывавшихся в борьбе «эпигонов» (как назвал их Троцкий) В.И. Ленина.

Проект Конституции, согласно которому РСФСР лишалась своего исключительного положения и попадала в подчинение, наряду с другими равноправными партнерами, органам всесоюзной власти, был значитель-

ной уступкой союзными республиками. Но постепенно к лидерам этих республик приходило осознание, что всесоюзные органы становятся еще более властными и более престижными, но при том более формально демократичными, чем прежние всероссийские, что вызвало бурную реакцию. Украинским и Белорусским ЦИКаами были представлены в Комиссию, а позднее и обнародованы проекты, направленные вообще против принципа централизованной власти, что было явным нарушением решений декабрьских съездов и Договора об образовании СССР. При этом для канализации недовольства союзных и, особенно, автономных республик, при Наркомнаце был создан псевдопредставительный орган – Совет Национальностей. В феврале 1923 г. в проектной Комиссии было выдвинуто предложение преобразовать Совет Национальностей в орган СССР, превратив его, в соответствии с другими федеральными конституциями, во вторую палату ВЦИКа. Предложение вызвало резкое неприятие со стороны некоторых российских делегатов (впоследствии И. Сталин писал, что были «речи, не соответствующие коммунизму, – речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом» [Сталин: 1952. Т. 5. С. 244–245]) и это завело работу Комиссии в тупик. Как всегда, в таких затруднительных случаях, принимать окончательное решение по спорному вопросу было предоставлено партии, или, если быть точнее, ее аппарату.

В партии и вокруг нее началась подготовка к съезду. Одна интрига была связана с тем, что В.И. Ленин, немного оправившись от болезни, потребовал возможности работать и начал диктовать последние письма и статьи, которые получили название «ленинского завещания» (См.: [Ленинское завещание: 1988]). Для обстановки того времени весьма характерно, что для широких масс это «Завещание» было обнародовано (кроме одной – «Лучше меньше, да лучше») лишь спустя двадцать три года после написания. Важно подчеркнуть, говоря о режиме содержания Ленина в Горках и его изоляции от партии, что уже 18 декабря 1922 г. пленум ЦК возложил на Сталина (несомненно, по его требованию) «ответственность за изоляцию Владимира Ильича, как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки» [Яковлев: 1989. 22 января]. Такой режим секретности почти неотличим от домашнего ареста. Тем не менее, В.И. Ленин находит возможность с января по начало марта диктовать свои статьи и даже сноситься с членами ЦК. В феврале он затребовал материалы по грузинскому делу, но их ему не дали. Работать с ними, по указанию И. Сталина, могла только секретарь Фотиева, для которой он составляет памятную записку. Его, в частности, интересовало: «1). За что старый ЦК КП Грузии обвинили в уклонизме. 2). Что им вменялось в вину как нарушение партийной дисциплины. 3). За что обвиняют Закрев-

ком в подавлении ЦК КП Грузии. 4). Физические способы подавления («биомеханика») ... 5). Линия ЦК РКП(б) в отсутствие Владимира Ильича и при Владимире Ильиче. 6). Отношение комиссии. Рассматривала ли она случай биомеханики? ...» [Ленин: 1970. Т. 45. С. 478]. В.И. Ленин явно решил начать борьбу за власть, точнее, сделал попытку вернуть ее себе. Но и И. Сталин ответил ему тем же. Еще 27 января Секретариат от имени Политбюро и Оргбюро разослал во все губкомы РКП закрытое письмо по поводу последних ленинских статей, подписанное Андреевым, Бухариным, Дзержинским, Калининым, Каменевым, Куйбышевым, Молотовым, Рыковым, Сталиным, Томским и Троцким. Смысл его, скрывающийся за приличествующими фразами о тяжелой болезни вождя, заключался в том, что В.И. Ленин не в курсе текущих партийных дел и его статьи, и высказывания не стоит воспринимать всерьез.

С 21 по 24 февраля 1923 г. собрался Пленум ЦК РКП(б) по рассмотрению тезисов по национальному и организационному вопросам. На пленуме произошло нечто необычное – они были признаны политически сомнительными и направлены на экспертизу В.И. Ленину. Одновременно Пленум признал целесообразным создать на съезде секцию по национальному вопросу с привлечением всех делегатов из национальных республик и областей, а также с приглашением до 20 коммунистов, не делегатов съезда. Тезисы И. Сталина, отправленные на переработку и заключение В.И. Ленину, назывались «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» и характеризовали объединение национальных республик в Союз Советских Социалистических Республик как заключительный этап развития форм сотрудничества, принявшие вид военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство. Такие радикальные действия участников Пленума не могли не быть вызваны чрезвычайными усилиями части Политбюро. Некоторые историки вполне обоснованно считают, что такой силой мог быть и, видимо, стал очередной блок В. Ленина с Л. Троцким. К сожалению, этого мы никогда, очевидно, не узнаем точно, но видимо были какие-то письма В.И. Ленина Пленуму, вызвавшие после всех декабрьских побед Сталина эти неординарные решения (См.: [Фильштинский: 1999. С. 308 (с ссылкой на В. Дорошенко)]).

Очевидно, что В.И. Ленин возвратился в большую политику и уверенно вернул себе бразды правления в ЦК и Оргбюро. И.В. Сталин проиграл начальную схватку, но не войну. В этой ситуации В.И. Ленин решается на союз с Л. Троцким, чтобы уравновесить влияние Оргбюро и И. Сталина. Начавшийся альянс с Л. Троцким имеет и документальное подтверждение в виде писем В.И. Ленина, который 5 марта писал Троц-

кому: «Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем, напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признанием Вашего несогласия» (Впервые опубликовано: [Троцкий: 1990. С. 82]; (В Советском Союзе – после 1956 г. См.: [Ленин: 1975. Т. 54. С. 329]). Одновременно с этим письмом от секретаря В.И. Ленина Володичевой была послана записка: «Товарищу Троцкому. К письму, переданному вам по телефону, Владимир Ильич просил добавить для вашего сведения, что тов. Каменев едет в Грузию в среду и Вл. Ил. просит узнать, не желаете ли вы послать туда что-либо от себя» [Троцкий: 1990. С. 81]. Тогда же Каменев посетил больного Троцкого и они, долго беседовали, выработав единую позицию по национальному вопросу [Троцкий: 1991. С. 460–462].

В советской историографии существует мнение, что «Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства» [Ленин: 1954. Т. 54. С. 674]. Такой же версии событий придерживался и А. Авторханов [Авторханов: 1990. С. 36]. Но, как известно, Л. Троцкий не вернул «дело» Ленину и более того, он демонстрировал поддержку ленинских инициатив, это писала и секретарь Ленина Фотиева в письме Каменеву о передаче статьи В.И. Ленина «Троцкому, которому В.И. поручил защищать его точку зрения по данному вопросу на партсъезде, в виду их солидарности в данном вопросе» [Троцкий: 1990. С. 82]. О ней пишет и сам Л. Троцкий в секретном письме всем членам ЦК, уведомляя их о полученной статье В.И. Ленина по национальному вопросу, которую тот положил в основу своих поправок на тезисы И. Сталина и требует решить вопрос о доведении ее до внимания делегатов съезда. Кроме того, он 28 марта направляет в Секретариат замечания по национальному вопросу, среди которых: 1. Констатация, что Закавказская Федерация в нынешнем виде представляет искажение советской идеи федерации, как чрезмерно централизованная; 2. Признать, что меньшинство ЦК КП Грузии не представляло собой «уклона» от партийной линии в национальном вопросе; 3. Отозвать тов. Орджоникидзе (См.: [Архив Троцкого: 1990. Т. 1. С. 51]).

Подтверждением важности этого письма можно считать слова из письма Султан-Галиева И. Фирдеву от 9 апреля 1923 г., перехваченное ГПУ: «В пленуме ЦКа недавно стоял вопрос о Грузии. Указывают, будто бы грузинские работники, обиженные Сталиным, пожаловались Ильичу и последний будто бы оставил записку т. Троцкому с поручением ему «защитить Грузию от Сталина». В связи с этим т. Троцкий выступал на

пленуме ЦКа с защитой грузинских «уклонистов». В результате в новый состав Грузинского ЦКа допущены и «уклонисты» («националисты») ... Стоял вопрос об отзыве и Орджоникидзе. Говорят, на этом весьма решительно настаивал Троцкий, но его пока не тронули» [Султан-Галиев: 1998. С. 433]. Все это заставляет считать, что Лев Троцкий действительно пытался бороться с большинством ЦК и И. Сталиным опираясь на авторитет В.И. Ленина, и орудием этой борьбы должен был стать национальный вопрос.

Были ли у Л. Троцкого в этой борьбе союзники из автономных республик? Ответ на этот вопрос не прост. С одной стороны, чрезвычайно бедна источниковая база для ее полноценного научного анализа и еще хуже обстоит дело с ее источниковедческой характеристикой. С другой – мала вероятность того, что подобные материалы вообще могли где-либо отложиться. Да и нужна ли была Л. Троцкому открытая поддержка? Вряд ли. Между тем, есть несколько весьма интересных эпизодов, связанных с М. Султан-Галиевым.

Как известно, когда в перерыве одного из заседаний XII съезда РКП(б) Султан-Галиев подошел к И. Сталину с каким-то вопросом, то в ответ услышал: «Я больше с вами разговаривать не хочу и руки не подам» [Султанбеков: 1994. С. 49]. Анализируя этот эпизод и другие контакты М. Султан-Галиева с Троцким, Б.Ф. Султанбеков делает вывод, что налицо явное сближение в этот период этих двух политиков, хотя и называет их альянс «несостоявшимся» [Султанбеков: 1994. С. 46–49]. Действительно, в начале 1923 г. после дискуссии со И. Сталиным на X Всероссийском съезде Советов, против Султан-Галиева началась активная кампания травли и сбора компромата, примерно в это же время началась операция Восточного отдела ГПУ «2-й парламент», прямо направленная против него. В конце января 1923 г. обвинение в нарушении партийной дисциплины против него выдвигает председатель ЦКК В.В. Куйбышев, но тогда Оргбюро ограничилось «решительным осуждением» и не дала делу хода [Султан-Галиев: 1998. С. 414–416]. Но тучи вокруг Султан-Галиева сгущались, и он вполне мог пойти за Л. Троцким в его борьбе со И. Сталиным, даже если это и не был вполне оформленный союз.

Тем временем борьба В.И. Ленина со И. Сталиным становилась все ожесточеннее. Вполне, возможно, чтобы иметь кроме «грузинского дела» и другой материал «о недопустимой грубости» И. Сталина, В.И. Ленин вспоминает случай, когда И. Сталин нахамил Н.К. Крупской и подчеркнул: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять ска-

занное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения» [Ленин: 1975. Т. 54. С. 329–330]. В тот же день он отправляет «письмо группе Мдивани» (копии: Троцкому и Каменеву), выражающее им поддержку («Всей душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь» [Там же. С. 330]) и также направленное прямо против И. Сталина. Это уже не просто объявление войны – это смертельная угроза. И. Сталин понял это. Что произошло далее слишком хорошо известно: резкое обострение болезни, паралич и потеря речи, после которых Ленин уже никогда не поправится. Был ли этот приступ следствием нервного перевозбуждения или вождь был отравлен (Например, эту точку зрения логично обосновывает Ю.Г. Фильштинский (см.: [Фильштинский: 1999. С. 313–330]), сказать трудно. Как бы то ни было, он навсегда выпал из большой политики, а его сторонники остались без вождя, имевшего непререкаемый авторитет. Как справедливо заметил в воспоминаниях Л.Д. Троцкий, «Ленин успел, в сущности, только объявить войну Сталину и его союзникам, причем и об этом узнали лишь непосредственно заинтересованные, но не партия» [Троцкий: 1991. С. 463]. Ресурс ленинского авторитета оказался не использованным Л.Д. Троцким.

Л. Троцкий остался без его поддержки и оказался один во враждебном окружении. Красноречивый эпизод: узнав на пути в Тбилиси из телеграммы о приступе болезни у В.И. Ленина, Л.Б. Каменев резко меняет свою позицию и на конференции выступает в прямо противоположном духе, чем обещал Л. Троцкому в Москве [Троцкий: 1991. С. 462; Васецкий: 1992. С. 188]. Против Л. Троцкого был создан альянс других членов ЦК РКП(б) во главе с «тройкой» (Сталин, Каменев, Зиновьев), ставшей позднее «семеркой» (все члены Политбюро), которыми заправлял «туз» (Сталин). Объединенные против Л. Троцкого «тройка», «семерка» и «туз» нанесли сильнейший удар по престижу Главковерха Л. Троцкого. 22 марта на расширенном заседании Политбюро были обсуждены и приняты за основу тезисы Сталина, ранее отвергнутые Февральским пленумом (они были опубликованы 24 марта в «Правде», дав старт партийной дискуссии). Поскольку по статусу тезисы мог принять только Пленум, то Л. Троцкий написал письмо с протестом, а в ответ «семерка» разослала участникам Политбюро критические поправки к тезисам доклада самого Л. Троцкого, заставляя его изменить их.

В этих условиях Л. Троцкий мог пойти на компромисс и отойти от своей проленинской позиции в национальном вопросе. Во всяком случае в его статьях, вышедших незадолго до XII съезда РКП, нет ни слова критики в адрес позиции И. Сталина, хотя написана она в духе ленин-

ских идей. Например, такое место: «...государственное согласование хозяйственной централизации с национально-культурной децентрализацией – в жизни, на практике, – большая и сложная задача, разрешение которой требует осторожности, вдумчивости и выдержки. Несомненно, что национальности, терпевшие ранее угнетение, и несущие и сейчас на себе его следы, могут оказаться склонными отстаивать свою автономию и в таких областях, которые по существу своему – без всякого ущерба для национальной самостоятельности и с большими административными или хозяйственными выгодами для всех – могли бы быть централизованы. Но и в таких спорных вопросах надо предварительно сделать все для того, чтобы по крайней мере руководящие слои малой или отсталой нации поняли выгоды и преимущества централизации...» [Троцкий: 1992. С. 123–129.]. Совершенно справедливые слова, но в условиях схватки за реальные права республик, они звучат беззубо и уклончиво. Это скорее похоже на стыдливую капитуляцию, а не открытую войну.

Тезисы И. Сталина вызвали много откликов по проблемам национально-государственного устройства Советского Союза. Интересной и острой была статья делегата XII съезда РКП В.М. Квиркелия, где он поставил острый вопрос о статусе автономных республик, возражая против решений декабрьского X съезда Советов, что разъединение федераций (Российской и Закавказской) стало бы реакционным шагом. Он писал: «Что касается (этого – И.И.) возражения... то, признаться, мы никак не можем уразуметь, откуда такое заключение выводится... почему, когда Республики стремятся к более непосредственному без существующих федеративных перегородок по частям, объединению с целым и основным ядром союзной власти... это стремление рассматривается, как «мелкобуржуазная уступка туземному национализму», как «разъединение», как «реакционный шаг назад» ...» [Квиркелия: 1992. С. 133]. Этот выпад прямо против И. Сталина так и остался без аргументированного ответа. В ответ сторонники сталинизма высказывали только обвинения в «уклонизме», которое становилось все более расхожим обвинением по всякому инакомыслию.

Сам XII съезд партии большевиков, сыгравший исключительную роль в деле практического осуществления национальной политики, начался 17 апреля 1923 г. В начале участники съезда были ознакомлены с ленинским письмом «К вопросу о национальностях и об “автономизации”», зачитанным по делегациям.

По существу, он стал последним партийным съездом, где по национальному вопросу велась такая острая и заинтересованная дискуссия. Весь ход ее рассмотреть невозможно, поэтому выделим ряд ключевых моментов.

В своем докладе И. Сталин придерживался опубликованных тезисов. Он был построен так, чтобы большее внимание уделить «уничтожению фактического национального неравенства», требуя ускорить развитие «тяжелой промышленности в национальных окраинах». Но там же он вел наступление на «туземный национализм» и предлагал усилить работу Наркомнаца. С большой силой обрушился он не только на «великорусский шовинизм», но и, особенно, на «национал-уклонизм» группу нерусских народов. Отдельной, уничтожающей критике, он подверг грузинского политика Мдивани. Но важнее то, чего в нем не было: ни объяснения причин разногласий с В.И. Лениным, ни оценки обстоятельств «грузинского дела», ни ответа на требования автономий на вхождение в Союз напрямую. Отвечать на эти острые вопросы он предоставил своим соратникам.

Доклад Сталина вызвал бурные дебаты. Один из руководителей Украины – Х.Г. Раковский, упрекал ЦК словами Ленина в «административном увлечении и торопливости» при организации СССР. Он подчеркивал, что «данный проект игнорирует, что советская федерация не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным пунктом во всей национальной политике нашей партии. Его проведение, т.е. фактическое упразднение независимых республик, явится источником затруднений как за границей, так и внутри Федерации» [Стенограмма: 1992. С. 185]. Отметил он и источник опасности – стремление центральных органов власти управлять всем «одной кнопкой». В вопросе о правах автономий он встал на их позиции: «Мы самым широким образом ставим вопрос о федерировании республик. Нечего смущаться тем, что есть отдельные республики, которые назывались независимыми, а были другие, которые назывались автономными. Абсолютно никакой опасности нет в том, что данная республика, заключающая в себе данную национальность, объявляется равноправной и федерируется в общесоюзном масштабе. И автономные и независимые республики объединяются в один союз». По проблеме государственных органов власти Союза он предлагал «избирать ЦИК не на общем съезде Советов всех республик, а на съездах Советов отдельных республик; выборы ЦИК происходят на равных пропорциональных началах» [Там же. С. 186–187]. Этот вполне демократический шаг создания условий для реальной равноправной Федерации был поддержан частью делегатов. В случае реализации этой модели и автономные республики могли претендовать при определенных условиях на равное представительство.

Выступавшие следом докладчики разделились в вопросе о механизме формирования органов власти союзной республики и о равном представительстве автономий. Например, М.В. Фрунзе отметил, что тезисы

И. Сталина не дают прямого ответа на то, как будут входить в Союз автономные республики – «вместе и наравне» или в составе федераций. При этом он подчеркнул, что принцип этот не может быть применим везде. Особо он остановился на вопросах «полного равенства отдельных республик. Формально это принято давно и как будто бы не требует подтверждения. Но практика советского строительства и, в частности, те конкретные формы, в которые облачают будущие государственные взаимоотношения Союза проекты, разработанные до сих пор в Москве, совершенно извращают этот принцип... Я считаю необходимым, чтобы Съезд заявил, что все отдельные республики... совершенно равноправны... Все соображения удобства, дешевизны и т. д. нами должны быть отброшены» [Там же. С. 194–195].

Еще более резко критиковал тезисы ЦК Султан-Галиев, сказав: «По моему мнению, та постановка вопроса, которая предлагается тов. Сталиным, не разрешает национального вопроса, и мы принуждены будем опять возвращаться к этому вопросу, если не поставим его кардинально». Предлагаемые полумеры в виде бесправной Палаты национальностей он таковой не считал. В чем же, по его мнению, суть необходимого реформирования? «Оно выливалось в ту форму, которая предлагается тов. Мдивани. В Союз Советских Республик входит Российская Республика и все автономные республики, бывшие независимыми республиками, все национальные области. Нельзя говорить, что эта национальность доросла до того, что ей можно предоставить автономию, а эта – не доросла. Это, по моему мнению, совершенно не логическое рассуждение. Если мы будем так рассуждать, до чего мы дойдем». Далее он призвал бороться со всяким национализмом, «потому что проявление великодержавного шовинизма есть проявление национализма...», но осторожно, ибо борьба против местного национализма в условиях “разложения партийных кадров на местах” может принять характер настоящей “вакханалии”» [Там же. С. 198–200]. Ясно, что после такого выступления, когда Султан-Галиев прямо встал на позицию оппонента И. Сталина, он нажил себе смертельного врага в лице генсека. Оценивая же его выступление в целом, надо высоко оценить эту попытку противостоять сталинской «автономизации». Его позиция по отстаиванию прав автономий, с которой согласились многие делегаты – небольшая, но, видимо, последняя победа. Недаром И. Сталин, отвечая на вопросы, уколол оппонента: «Должно быть по поручению тов. Мдивани Султан-Галиев говорит – образуй немедленно русскую республику и т. д. Торопливость, товарищи, вещь плохая. Посмотрим год-два, как пойдет дело, если практика покажет, что надо dribble РСФСР – раздробим, а нечего забегать вперед. Вы сами знаете, что

торопливость вещь плохая» [Там же. С. 209, 212]. Эта, прямо по Фрейду, оговорка и намек на письмо Ленина – дополнительное основание считать, что И. Сталин указывал оппонентам, что ему известны их связи с Л.Д. Троцким и В.И. Лениным.

Интересно, что в своем выступлении Л. Троцкий, которого все ожидали, несомненно, с большим интересом, от полемики по ключевым вопросам уклонился, оставив своих возможных союзников без высокого и авторитетного покровительства. А ведь его поддержка могла резко изменить ход обсуждения и склонить чашу весов в пользу автономий. Но этого не произошло, что имело в дальнейшем весьма печальные последствия, как для самого Л. Троцкого, так и «национал-коммунистов».

Отвечая своим оппонентам в прениях, И. Сталин высказал одну очень интересную мысль. Частично отступив от своей бескомпромиссной позиции, он заявил: «Мы должны такие органы создать, где должны быть представлены национальности не четырех республик, входящих в состав Союза, все национальности, все республики и области. У нас есть орган представительства на началах пропорциональности – нынешний ЦИК и нижняя палата... У нас нет органа, представляющего собою отражение потребностей национальностей и республик на началах равенства. Первая палата будет построена на началах пропорциональности, вторая палата – на началах равенства. У нас восемь республик» [Там же. С. 209]. Фактически он вынужден был признать представительское равенство автономий. К сожалению, эта его оговорка не была закреплена и не стала руководством к действию для делегатов съезда. В дальнейшем же, как хорошо известно, равенства представительства республик с разными статусами в органах советской власти никогда не было.

В той же речи он резко обрушился на Наркомнац, ставший к тому времени из его «вотчины» рассадником «фронды»: «Я два года дрался за уничтожение Наркомнаца и получал отказ. Это орган ничего не делающий и тормозящий работу. Меня не освобождали от наркомства. Я и здесь был подневольным человеком». Предлагаемая же им Палата национальностей, по его словам: «... узда против великорусского шовинизма. Это гарантия в том, что нам не придется только на съезде партии высказывать свое недовольство, но есть специальный [орган], где можно это недовольство отражать и где можно проводить те или другие мероприятия. Это будет барометр, отражающий потребности, нужды и интересы всех национальностей и, вместе с тем, это будет узда для великорусского шовинизма» [Там же. С. 209]. Формально верные, хотя и лицемерные слова, поскольку мы знаем, чем они обернулись в действительности – безудержным расцветом этого самого «великорусского шовинизма».

В конце концов, съезд принял предложенную И. Сталиным резолюцию. Она оценивала роль и значение национального вопроса в истории России и защите партией лозунга на национальное самоопределение. Здесь же подчеркивалось, что «результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета, созданием почвы для объединения народов. В ходе своего развития Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство... Таким образом, пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности». Далее там совершенно справедливо указывалось, что «...найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит решить его полностью и окончательно исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении. Для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом» [КПСС: 1984. Т. III. С. 83]. (См также: [XII съезд РКП(б): 1968]). Виделись эти препятствия участникам съезда в виде великодержавного шовинизма, «фактическом, т.е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик» и пережитках национализма.

Наступила пора активных действий. О их направленности оговорился в речи на съезде Н.И. Бухарин: «Почему т. Ленин с такой бешеной энергией стал бить тревогу в грузинском вопросе? И почему т. Ленин не сказал ни слова в своем письме об ошибках уклонистов и, наоборот, все слова сказал, и четырехаршинные слова сказал против политики, которая велась против уклонистов. Потому что не знал, что существует местный шовинизм? А потому, что т. Ленин – гениальный стратег. Он знает, что нужно бить главного врага. Например, на этом съезде нечего говорить о местном шовинизме. Это – вторая фаза нашей борьбы (разрядка наша – И.И.)» [XII съезд РКП(б): 1923. С. 561–564]. (См. также исправленное издание: [Стенографический отчет: 1968]). И эта фаза, во всяком случае для российских автономий, наступила довольно быстро. Как тут не вспомнить, что именно Н.И. Бухарин был автором яростных филиппик против права наций на самоопределение на VIII съезде партии и оппонентом В.И. Ленина по этому вопросу. Вряд ли, спустя три года он изменил свою позицию, поэтому, кажется, отнюдь не случайной эта ого-

ворка верного сталинца: он-то, очевидно, знал куда и когда будет нанесен «второй удар».

Против М. Султан-Галиева. Но почему объектом травли стал именно он? Возможно, правы те историки, кто видит причину такой проявившейся ненависти именно в марте 1923 г. сведениями о контактах Султан-Галиева с Троцким. Как бы то ни было, но после съезда, где Сталин был сильно потрепан, почти разбит в вопросе, который он считал своим «коньком», ему требовалась жертва. М. Султан-Галиев, если задуматься, подходил почти идеально: мусульманский коммунист, националист, выступал против Сталина (т.е. против «генеральной линии»), работник высокого ранга и представитель Татарии в Москве, но не член Политбюро (Л. Троцкий, ни Сталину, ни «семерке» был еще не «по зубам»)» (Подробнее о нем см.: [Султанбеков: 1991.]). Удар по нему с обязательным доказательством, во-первых, фракционности, сколачивании группы, во-вторых, связанной с контрреволюционерами (т.е. показывать, куда, вообще, ведет всякая «кружковщина» – в «стан врагов революции»), и в-третьих, идеологические разногласия – «мелкобуржуазный национализм», который и двигал им, когда он требовал равноправия для автономий. Иными словами, М. Султан-Галиев, в биографии которого были темные пятна, был готовой жертвой.

Другой вопрос – о степени его действительной и мнимой вины. Из истории «сталинского политического театра» (по словам А. Антонова-Овсеенко) мы знаем, что коммунисты более высокого ранга признавались и в более страшных злодеяниях, вплоть до убийства В.И. Ленина, поэтому анализировать материалы «дела Султан-Галиева» очень трудно. Видимо, требуется новая особая источниковедческая работа, с публикацией не только всех материалов следственного дела, но и многочисленные архивные изыскания.

Кроме рассмотрения «дела Султан-Галиева», которое получило уже освещение в исторической литературе [Там же], и называлось «укрепление коммунистических кадров в республиках и в областях из местных людей», на нем обсуждались проблемы внесения поправок в Конституцию Союза Советских Республик.

По этому вопросу, докладывавший его пленуму И. Сталин остановился на палате национальностей, отметив, что отдельная палата признана нецелесообразной, а должна стать частью ЦИКа, причем делегировать туда должны республики по 5, а области – 1 человека [Гайны национальной политики: 1992. С. 104.]. Не очень ясно о каких республиках шла речь, но из контекста понятно, что о союзных и автономных. Другие выступавшие в той или иной мере соглашались с предложением ЦК,

а представители автономий более не высказывались резко в пользу равноправия. Они больше обвиняли М. Султан-Галиева или пытались найти какое-то приемлемое для партийной этики оправдание. Самое большее, что они могли себе позволить – это указать на специфику Востока и призвать партию более терпимо относиться к их требованиям и запросам.

В целом, принятая резолюция являлась достаточно спокойной [Тайны национальной политики: 1992. С. 282–286], в ней даже отмечалась необходимость развития национальных кадров, повышения статуса национальных языков и т. д. Но было ясно, что в период практического исполнения этих решений все будет зависеть от управленческой воли центральных властей. Власти добились главного – все эти реформы впредь будут находиться не в воле съездов с их стихийной демократией, а в руках партийных чиновников. Тем же, кто и далее будет пытаться уповать на свой авторитет, силу убеждения и идти против руководства ЦК и Политбюро, уготована участь М. Султан-Галиева.

Между тем, продолжалась работа над Конституцией СССР. За принципиальную ее основу были взяты решения XII съезда РКП(б). Окончательная же корректировка позиций и укрощение строптивых национал-большевиков произошло на IV июньском пленуме ЦК РКП(б). Оппозиция автономных республик там была сломлена. Противники сталинской федерализации лишились своих признанных лидеров (российские автономии – М. Султан-Галиева, а союзные – Г. Мдивани). И тот, и другой были осуждены и морально раздавлены в первой половине 1923 г. Путь к окончательному утверждению проекта Конституции был расчищен. Исправленная и дополненная редакция Конституции СССР была принята на заседании ВЦИКа 6 июля 1923 г. и немедленно вступила в силу. Формально-официальное ее утверждение состоялось 31 января 1924 г. на II Всесоюзном Съезде Советов. Симптоматично, что это произошло через десять дней после смерти В.И. Ленина, так яростно боровшегося против сталинского Союза. Его смерть и образование Советского Союза подвела черту под целой эпохой. Для автономных республик это стало и крушением попыток занять равноправное и достойное положение среди других наций «союза нерушимого республик свободных».

Вместо подлинной национально-культурной автономии осталась ее видимость, а от Автономной Татарской республики – лишь ее призрак. По Конституции ТАССР 1926 г. республика сохранила лишь видимость автономии, а по существу была низведена до уровня обычной области РСФСР, когда ее культура, образование, печать и вся общественная жизнь находились под мелочной опекой Москвы, а любая самостоятельность

всячески искоренялась. Одновременно к отсутствию реальных полномочий и механизмов власти был густо примешан страх самостоятельных политических, нет, разумеется, даже не действий и поступков, а самих мыслей о них. После разгрома «султангалеевщины», ставшей нарицательным наименованием для татарского «национализма» – то есть любого выступления в защиту культуры, языка, прав и свобод – жупелом для любого недовольства и подавления прав и свобод татарского народа.

Тем самым был полностью выполнен ленинский план полной «интернационализации» национальной политики, в основе, перелицованный, однако, И. Сталиным. Отныне интернационализация была изгнана не только из всероссийской политики, но из региональной. Из автономной государственности была в конец выхолощена ее культурно-национальная составляющая. Хотя декларативно партия коммунистов и государственные органы прокламировали, что «целью образования республик является обеспечение свободного развития национальных республик», на деле они рассматривались лишь как досадная помеха, сложившаяся исторически, и мешающая полному и окончательному слиянию наций в единый «советский народ». Далее по нарастающей начались репрессии против буржуазных, а потом мелкобуржуазных партий, а позже и против своих бывших соратников по борьбе, что затем назвали ужасными по смыслу и емкими словами «большой террор».

Была ли связь между подавлением остатков самостоятельности национальных республик с последующей кровавой вакханалией? Думается, что была и связь прямая. Поборов сопротивление и уничтожив репутацию «национал-коммунистов» и поддерживавших их ведущих членов ЦК, И. Сталин отработал механизм партийного подавления инакомыслия, любой действительной и мнимой оппозиционности. Одновременно была опробована новая техника расправы с неугодными партийными лидерами используя органы ГПУ, которые, набив руку на слежке, сбору и фабрикации политического компромата на прежде «неприкасаемых» партийных вождей, стали важнейшим инструментом политической внутрипартийной борьбы. Недаром Л. Троцкий в эмиграции вспоминал сетования Л. Каменева на то, что они зря отдали М. Султан-Галиева на растерзание И. Сталину, поскольку «лизнув крови» видного коммуниста, он уверовал в свою безнаказанность [Султанбеков: 1994. С. 40].

Таким образом, в России подавление свободы национальных меньшинств практически всегда вело к усилению диктатуры и тоталитаризма, подтверждая правоту Ф. Энгельса о «невозможности свободы для народа, угнетающего другой». Весьма поучительный и универсальный исторический опыт.

Литература

1. Авторханов А.Г. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Вильнюс: ИМОИ: INRA, 1990. – 240 с.
2. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т.1. М.: Изд-во ТЕРРА, 1990. – 256 с.
3. Васецкий Н.А. Троцкий: Опыт политической биографии. М.: Республика, 1992. – 351 с.
4. Квиркелия В.М. К вопросу о Союзе Советских Социалистических республик. 5 апреля 1923 г. // Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е гг. М.: Наука, 1992. С. 131–135.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Том третий. 1922–1925. М., 1984. С. 83.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.45. М.: Политиздат, 1970. – 729 с.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т.54. М.: Политиздат, 1975. – 863 с.
8. Ленинское завещание. Документальный репортаж. М., 1988.
9. Сталин И.В. Собр. соч. Т. 5. М.: Партиздат, 1952. – 446 с.
10. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу. 25 апреля 1923 г. // Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е гг. М.: Наука, 1992. С. 183–226.
11. Султанбеков Б.Ф. Первая жертва генсека. Мирсаид Султан-Галиев: Судьба. Люди. Время. Казань, 1991.
12. Султанбеков Б.Ф. Султан-Галиев и Троцкий: несостоявшийся альянс // Султанбеков Б.Ф. История Татарстана: Страницы секретных архивов. Казань, 1994.
13. Султан-Галиев М. Заявление в ЦК РКП(б) с опровержением обвинений в нарушении партийной дисциплины // Султан-Галиев М. Избранные труды. Казань: Изд-во «Гасыр», 1998. С. 414–416.
14. I Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. М.: Изд-во ЦИК СССР, 1923. – 24 с.
15. Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспр. по тексту «Четвертое совещание ЦК РКП с ответ. работниками национальных республик и областей в Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М.: ИНСАН, 1992. – 296 с.
16. Троцкий Л.Д. Мысли о партии (Правда. 1923. 20 марта) // Национальный вопрос на перекрестке мнений. 20-е гг. М.: Наука, 1992. С. 123–129.
17. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М.: Панорама, 1991. – 624 с.

И.Л. Измайлов. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ: ПОПЫТКА М. СУЛТАН-ГАЛИЕВА
РЕФОРМИРОВАТЬ СССР

18. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Репринт. Воспр. книги, опубли. в Берлине в 1932 г. изд-вом «Гранит». М.: Наука, 1990. – 336 с.
19. Фильштинский Ю.Г. Вожди в законе. М.: ТЕРРА, 1999. – 360 с.
20. Яковлев Е. Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича // Московские новости. 1989. 22 января.
21. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1923. С. 561–564.
22. XII съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. – 961 с.

**ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
В 1920-х гг.**

«Условным критерием самостоятельности культуры является язык».

Эрнест Геллнер

При изучении этнополитической истории любой нации выявляется немаловажное, а то и первостепенное значение языковой политики государства для развития этнонациональной общности. Реализация языковой политики или ее провал, по сути, являются неким индикатором характера национальной политики государства, показывая положение национальных меньшинств в многонациональной стране.

Ярким примером воздействия национальной политики государства на развитие языков национальных меньшинств является Советский Союз начала XX в. Какой же в действительности была языковая политика большевиков – конструктивной или деструктивной? Изучение одной из важных составляющих языковой политики в СССР – реализации государственных статусов национальных языков в условиях территориализации этничности – является целью данного исследования.

Ниже мы попытаемся подвергнуть анализу события 1920–1927 гг. в ТАССР, происходившие в процессе придания государственного статуса татарскому языку. При этом следует оценить проведенные тогда в республике мероприятия исходя из того, что конструктивной языковой политикой можно считать ту политику, которая направлена на расширение функций языков, сфер их применения, их социально-коммуникативной роли, на создание и развитие литературных языков. Кроме того, надо также выделить наиболее удачные решения, использованные в ходе реализации данного проекта.

Выделение Татарской АССР в национально-государственную территориальную единицу теоретически создавало возможность значительного расширения ее прав и самостоятельности в подготовке и решении местных вопросов, связанных также и с национальным развитием татар.

В аспекте национально-языкового строительства в республике в 1920-е гг. осуществлялась политика реализации татарского языка (РТЯ), связанная также с увеличением числа татарских служащих в государ-

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

ственной и партийной системе (так называемая коренизация). Основной целью в области РТЯ в условиях Татарской республики являлось установление юридического и практического равноправия татарского и русского языков в государственных и общественных учреждениях ТАССР, что было сопряжено с переводом активного основного делопроизводства на татарский язык во всех тех советских учреждениях и предприятиях, где татарское население являлось большинством. При необходимости предполагалось сохранить пассивное делопроизводство на русском языке для русского населения. Охват вышестоящих органов указанным процессом являлся перспективной задачей, которую планировалось завершить к десятилетию республики, то есть к 1930 г. [За 5 лет: 1925. С. 40]. Нужно сказать, что данные мероприятия в силу эмоциональной составляющей были прорывом для татар, так как со времен завоевания Казанского ханства в этом регионе татарский язык в политической, экономической и культурной сферах был ограничен в своем развитии.

Процесс реализации татарского языка как государственного вел отсчет от Декрета Всетатарского ЦИК и СНК ТССР от 25 июня 1921 г. «О реализации татарского языка в пределах Татреспублики». На самом деле, данный декрет носил декларативный характер, так как после его выхода каких-либо активных действий по реализации татарского языка вплоть до 1923 г. не предпринималось [За 5 лет: 1925. С. 39]. Одной из основных причин подобного затишья в деле реализации татарского языка был голод в Поволжье, произошедший в 1921–1922 гг., а также разруха, наступившая после Первой мировой и Гражданской войн.

В течение 1922 г. по РТЯ появились три законодательных акта центральной власти Татарской республики, из которых основным документом является «Инструкция по реализации татарского языка в государственных учреждениях и предприятиях ТАССР». С её появлением в конце 1922 г., дело по РТЯ ставится в реальные и конкретные рамки. По данной инструкции, к 1 февраля 1923 г. все печати, штампы и вывески учреждений и предприятий должны были быть представлены на двух языках, необходимо было обеспечить в обязательном порядке прием заявлений на татарском языке во всех учреждениях республики, а также всякие постановления, приказы, инструкции, плакаты и объявления, исходящие от всех центральных, кантонных, городских, районных и волостных учреждений, должны были объявляться и печататься как на русском, так и на татарском языках. К 1 июля того же года в области РТЯ требовалось достигнуть еще большего, а именно: татары должны были иметь возможность не только писать заявления на родном языке, но и получать на них ответы на том же языке; все внутреннее делопроизводство волостей с большинством татарского

населения полагалось вести на татарском языке, в волостях же с меньшинством татарского населения сношение с ним должно было обеспечиваться на татарском языке; так же все мандаты и удостоверения должностных лиц предполагалось выдавать на двух языках республики; всем государственным органам следовало было пересмотреть списки своих служащих с тем, чтобы должности, которым особенно много приходилось соприкасаться с татарским населением, непременно были бы замещены лицами, владеющими татарским языком. К тому же все центральные учреждения ТАССР должны были организовать курсы-кружки по обучению татарскому языку и курсы для подготовки специалистов из татар по своему ведомству или кантону [Сборник Декретов: 1925. С. 11–12].

Татарский Народный Комитет Просвещения (ТатНаркомпрос) был обязан организовать для татар подготовительные группы и классы, а после забронировать для них определенное число мест во всех профтехнических учебных заведениях и рабфаках для последующего обеспечения государственных органов ТАССР двуязычными сотрудниками. Перед ТатНаркомпросом также стояла сложная задача – до 1 июля 1923 г. ввести во все учебные заведения республики, а в городах вплоть до школ 1-й ступени, изучение татарского языка. Вместе с тем во всех татарских учебных заведениях предполагалось ввести обязательное преподавание и русского языка [Сборник Декретов: 1925. С. 13].

Важной и требующей скорейшего решения задачей, указанной в Инструкции, была задача пересмотра ведомствами границ районов. От наркоматов требовалось согласовать ведомственное районирование ТАССР с языковым составом населения. Ведомства должны были успеть пересмотреть в назначенный срок сеть своих учреждений (школы, библиотеки, народные дома, клубы, больницы, медицинские, ветеринарные, фельдшерские пункты и т. д.) с точки зрения обеспечения работниками, владеющими татарским языком те учреждения, которые были расположены в татарских и смешанных районах [Сборник Декретов: 1925. С. 14].

Для руководства РТЯ в 1922 г. при Тат ЦИКе была создана специальная Центральная Комиссия по РТЯ, соответствующие комиссии были учреждены и при Кантонных Исполнительных Комитетах. Кантонные комиссии имели при себе по одному штатному сотруднику-инструктору, а Центральная Комиссия имела двух-трех постоянных сотрудников. Состав Центральной Комиссии персонально назначался Президиумом ЦИК и отчитывался перед ЦИК ТАССР. Также Кантонные Комиссии должны были представлять ежемесячные отчеты ЦК по РТЯ перед Тат НКВД. Известно, что заместителем председателя Центральной Комиссии по РТЯ был А. Енбаев, а секретарем – Г. Шафарф [НА РТ Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 179].

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

Заседания ЦК по РТЯ происходили по мере необходимости или по назначению председателя [Сборник Декретов: 1925. С. 29]. Работа как Центральной, так и кантонных комиссий носила, главным образом, директивный и контрольный характер, велась путем подготовки соответствующих законодательных актов, собирания отчетного и статистического материалов, заслушивания докладов и отчетов, организации инструктирования и обследований. Вместе с тем они принимали участие и в подготовке работников, владеющих обоими языками, вели их учет и распределяли по организациям [За 5 лет: 1925. С. 40].

Для наиболее полного проведения реализации татарского языка по линии отдельных ведомств, при Наркоматах и других центральных учреждениях ТАССР должны были создаваться ведомственные тройки по РТЯ. На них предполагалось возложить обязанности общего руководства по проведению мероприятий в области РТЯ по линии данного ведомства, разработку и принятие мер по татаризации аппарата, организацию и руководство курсами-кружками по обучению татарскому языку работников не татар, а также выполнение заданий ЦК РТЯ и предоставление в ЦК РТЯ периодических отчетов о состоянии РТЯ по ведомству [Сборник Декретов: 1925. С. 29]. Есть данные, что все же указанные тройки вплоть до 1926 г. были созданы не во всех учреждениях ТАССР [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 984. Л. 45]. Например, в конце 1925 г. в результате обследования ЦК по РТЯ подведомственным ей аппаратом, было выявлено, что подведомственный и подсобный аппарат ЦК организационно не сложился. Ряд троек в ее составе распались, при некоторых же центральных учреждениях таковые даже не были организованы. К моменту обследования ЦК не имела полного и подробного учета тройкам и уполномоченных последних [НА РТ Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 768. Л. 52].

Организационный момент в деле РТЯ шел к ухудшению – к 1925 г. отмечается урезание суммы расходов на РТЯ как по смете ЦК РТЯ, так и по сметам Наркоматов до 36–46%, а по некоторым учреждениям – до 100%. [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 768. Л. 53]. С одной стороны, постановления ЦИК и ЦК РТЯ требовали полнейшего проведения политики РТЯ, а с другой шло урезание средств на проведение указанных мероприятий.

В течение 1923 и 1924 гг. и далее продолжают издаваться постановления, оглашаться резолюции Сессий ЦИК ТССР, заседаний Пленума ОК РКП(б), которые шли как дополнение к Инструкции по РТЯ, где снова и снова утверждалась необходимость более ответственного отношения в Татарской Республике к реализации татарского языка [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 768. Л. 16, 18, 30–37, 37–38]. В 1924 г. появились документы, которые должны были углубить реализацию татарского языка в ТАССР:

Постановление Тат ЦИКа от 5 мая и Резолюция 2-й Сессии Тат ЦИКа от 18 июля. Они шли в развитие предыдущих документов по РТЯ, конкретизируя необходимые действия в целях плодотворного проведения данной языковой политики в ТАССР [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 798. Л. 12].

К сожалению, в силу многих причин, данные распоряжения в указанный срок не были выполнены. Об этом свидетельствуют не только многочисленные архивные материалы, но и последовавшие постановления ЦИК ТАССР. Например, несмотря на то, что в Инструкции по РТЯ 1922 г. указывалось, что печати, штампы и вывески всех учреждений республики до 1 февраля 1923 г. должны были быть представлены на татарском и русском языках, 21 сентября 1923 г. выходит новое постановление ЦИК ТАССР об обязательном выполнении указанного п. 2 Инструкции по РТЯ в месячный срок [Сборник декретов: 1925. С. 15].

Также есть факты несвоевременного выполнения указаний ЦК по РТЯ на местах. Например, в августе 1923 г. Свияжское кантонное управление пишет в Татарский Народный комиссариат внутренних дел, что инструкций и подробных указаний о реализации татарского языка до сих пор не получали [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 12].

Несмотря на вышесказанное, по протоколам ЦК по РТЯ можно проследить, что в целом после голода 1921–1922 гг. до 1925 г. РТЯ проводилась более эффективно, чем в последующие годы, и давала некоторые результаты. Активная деятельность по РТЯ видится, главным образом, в заинтересованности правительства К. Мухтарова. По архивным материалам можно проследить, что в этот период осуществлялся реальный контроль за выполнением директив в области РТЯ. В учреждения посылались инструкторы, создавались специальные комиссии для проверки проведения в жизнь инструкции по РТЯ, периодически заслушивались доклады Наркоматов в заседаниях ЦК по РТЯ о работе в области РТЯ. В случае не выступления с докладом и не предоставления сведений о РТЯ, руководителям учреждений приходилось писать объяснительные и в скорейшем порядке посылать в Тат НКВД все необходимые сведения. ЦК РТЯ через Президиум Тат ЦИКа поручал Наркомвнуделу проводить обследования о выполнении требований по РТЯ, организовывались совещания преподавателей курсов для выяснения результатов организации преподавания и приобретения техники для курсов-кружков и пр. [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 532. Л. 24; Ф. 5852. Оп. 1. Д. 317. Л. 15; Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 71; Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 78].

30 января 1925 г. на заседании Президиума ЦИК ТАССР был утвержден новый перспективный план в области РТЯ в ТАССР. В нем повторяются все основные указания, имевшие место в ранее вышедших по-

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

становлениях по способствованию быстрой реализации татарского языка в ТАССР, что в принципе является показателем все еще нереализованности данного мероприятия в ТАССР к 1925 г. Приблизительный календарный план на 1924–1925 гг. был представлен в следующем виде:

- 1) окончание перевода делопроизводства татарских сельсоветов на татарский язык с проведением для секретарей сельсоветов всех кантонов месячных курсов;
- 2) окончание перевода делопроизводства ВИК татарских волостей на татарский язык;
- 3) установление сношений кантонных учреждений с татарскими волостями и селениями на татарском языке;
- 4) татаризация состава милиции в татарских районах;
- 5) установление до 75% татарских судебных и следственных участков на татарском языке в татарских районах;
- 6) доведение в общем составе служащих в кантонных и центральных административных учреждениях процента татар и владеющих татарским языком в среднем до 25%;
- 7) снабжение центральных, кантонных учреждений и татарских волостей пишущими машинками, имеющими татарский и русский шрифты;
- 8) подготовка через постоянные курсы по РТЯ от 500 до 1000 работников, в том числе 50% для волостей, до 40% для кантонных и районных учреждений и до 10% – для центральных учреждений;
- 9) обучение татарскому языку русских служащих до 100 чел. в городе и до 300 в кантонах;
- 10) установление института практикантов в размере 10% к штату технического и административного персонала ВИК, кантонных и центральных учреждений [Сборник Декретов: 1925. С. 52–53].

В 1925–1926 гг. указанное число обучаемых должно было вырасти вдвое, а выполнение директив – содержаться на том же уровне. В 1926–1927 гг. делопроизводство в 7 кантонах должно было вестись полностью на татарском языке, татаризацию служащих планировалось довести до 40% (это по остальным пяти кантонам и центральным учреждениям), численность обучаемых должна была вырасти. Далее, за 1927–1928 гг. численность обучаемых на центральных курсах РТЯ предполагалось увеличить до 400 чел., русскоязычных служащих также должно было быть 400 чел. К 1928–1929 гг. планировалось установить равноправие двух языков во всех государственных учреждениях, подготовка работни-

ков для советского аппарата также должна была вестись в том направлении [Сборник Декретов: 1925. С. 53–59].

Эти основные задачи были связаны и с выполнением других задач. Здесь, прежде всего, имеется в виду «коренизация» советского аппарата. Под «коренизацией» аппарата понималось привлечение в советский аппарат работников-татар. Этого необходимо было достичь путем повышения их квалификации через краткосрочные курсы по специальностям, а также путем усиленного приема татар в профессиональные учебные заведения и в сам партийный аппарат. Было важно и то, что реализация татарского языка должна была быть поддержана технически, то есть следовало готовить пишущие машинки, наладить издательское дело, разработать терминологию и формы делопроизводства и т.п. [За 5 лет: 1925. С. 40].

Для этих целей ЦК РТЯ проводил курсы по Реализации татарского языка при Тат ЦИКе, которые начали свою работу в сентябре 1922 г. Первоначально они были в виде временных и краткосрочных, а с 1923 г. были переименованы в «постоянные» [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 778. Л. 75]. До 1925 г. курсы проводились в общежитии Кряшенского Педтехникума, после этой даты получили отдельное помещение.

Постоянные курсы ЦК РТЯ при Тат ЦИКе имели разные циклы, скажем так, профориентацию. Были открыты кооперативный, канцелярский, страховой, счетоводный, статистический, почтово-телеграфный и машинописный циклы [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 532. Л. 10]. Также существовали курсы для волостных секретарей, за работой которых тщательно следила комиссия по РТЯ [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 115].

Курсы по РТЯ имели плохое финансирование. Это особенно давало о себе знать тогда, когда от курсов требовалось постоянное расширение, а финансирование либо задерживалось, либо отсутствовало. В августе 1923 г. было принято решение расширить курсы до 600 чел., предварительно запросив наркоматы и все учреждения о необходимом числе работников. Оплатить данное мероприятие должен был Центр, так как Татнаркомфин не имел на это средства [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 532. Л. 27]. В таком случае, естественно, процесс задерживался ввиду затрат времени на запросы, согласования смет, поиск средств и т.д. Учреждения, заинтересованные в существовании указанных циклов, материальной помощи не оказывали. Исключением было Управление Округа связи, который брал некоторые расходы на себя. Так продолжалось до 1925 г., а в 1925 г. ЦК по РТЯ договорился с учреждениями о материальной поддержке соответствующих циклов [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 778. Л. 75 об.].

На деле результативность курсов зависела от многих причин, но основным фактором успешности было наличие финансирования. Так, в

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

резолюции Верхне-Городского райкома Казани по докладу заведующего курсами РТЯ отмечается их тяжелое материальное положение. Например, на содержание одного курсанта в месяц отпускалось 25 р., что было недостаточно, так как туда входило питание, стоимость проживания в общежитии, учебные расходы и т.д. В общежитии отсутствовали нормальные условия для учебы. Например, из 300 курсантов 80 чел. были заражены чесоткой. Отмечается, что курсы не популяризировались в обществе. Партийными органами уделялось мало внимания на реализацию программы РТЯ, в основном шла погоня за числом учащихся, а техническая оснащенность курсов рассматривалась в последнюю очередь. В выписке из протокола заседания секретариата Татарского ОК РКП(б) от 2 июня 1926 г. об обследовании Курсов РТЯ, говорится о почти полном отсутствии учебных пособий, необорудованности кабинетов наглядными пособиями и литературой и т.д. [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 779. Л. 19]. Все это вместе взятое и было причиной плохой результативности у обучающихся. Отмечается практическая неопытность прибывших с казанских курсов волработников, которые впоследствии были использованы как переписчики [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 182].

Можно предположить, что посещение курсов в Казани многими использовалось в своих личных целях. Курсанты особо не заботились об успеваемости, что приводило к неудовлетворительным результатам по окончанию. Например, курсанты, окончившие кооперативный цикл курсов ЦК РТЯ в 1926 г., были использованы соответствующими учреждениями лишь на 55–60% [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 779. Л. 32]. В этой связи интересен социальный состав посещающих курсы по РТЯ при ТЦИКе: в 1925 г. по всем циклам (а их было 7) из 242 слушателей 204 были крестьянами, то есть, в основном все были приезжие [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 778. Л. 31 об.].

Если в Казани обучение было более или менее обеспечено преподавателями, классами, то в кантонах средства на расходы по организации курсов татарского языка не отпускались, а взыскивались из кредитов на хозяйственные службы [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 317. Л. 12]. Такие проблемы, впрочем, существовали и для сотрудников Кантисполкома, где, например, для начала работы курсов требовались средства по оплате труда преподавателей, и, по всей видимости, отпуск средств из Центра не планировался [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 317. Л. 14]. По докладу председателя кантонной комиссии по РТЯ Бугульминского кантона выявляется следующая картина: для поездки 16 курсантов с целью повышения квалификации и обслуживания татарского населения в Казань, Тат ЦИК выделяет ничтожные средства, которых было недостаточно даже для покупки билетов на одного человека. К этому времени все еще не была восстановлена татарская типо-

графия, не было технического сотрудника для ведения делопроизводства даже самой Комиссии по РТЯ. Отмечается полное отсутствие средств на приобретение изданий на татарском языке, в частности, и официального характера, на выписку газет, на открытие курсов на местах по подготовке волостных работников татар [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 41].

Таким образом, при внимательном изучении архивных документов и материалов относительно курсов по ЦК РТЯ при ТатЦИКе складывается следующая картина: судя по процентам использования на работе окончивших курсы специалистов, они не смогли готовить в достаточной мере квалифицированных выпускников ввиду плохо поставленного учебного процесса. Причиной тому послужило, в основном, недостаточное финансирование курсов государством и отсутствие должной популяризации среди населения.

В целях более полной и скорейшей реализации татарского языка в государственных учреждениях ТАССР, кроме подготовки работников из трудящихся татар и предпочтительного приема на службу владеющих обоими языками, вплоть до замены таковыми имеющихся служащих, в Казани и кантонных городах предполагалось организовать курсы-кружки по обучению татарскому языку служащих государственных и общественных учреждений ТАССР. Они имели целью обучение служащих учреждений, предприятий разговорному языку, письму, чтению, ведению делопроизводства на татарском языке и вообще свободному изложению своей мысли на нем как устно, так и письменно. Общее руководство курсами и командирование или утверждение преподавателей на курсах рассчитывалось оставить в городе Казани за Центральной Комиссией РТЯ, а в кантонах – соответствующим кантонным комиссиям РТЯ.

Указанные кружки при государственных и общественных учреждениях по изучению татарского языка не планировались как обязательные. Курсы-кружки должны были стать помощью для тех, кто имел серьезное желание и возможность изучать татарский язык. Они могли создаваться при клубах, профсоюзах, отдельных учреждениях и предприятиях при наличии не менее 15–20 слушателей. В случае отсутствия активности со стороны слушателей и непродуктивности курсов, отпуск средств на содержание курсов должен был прекратиться. Каждое учреждение, организующее курсы по обучению татарскому языку, должно было выдвинуть из состава своих служащих ответственного руководителя курсами. Занятия на курсах полагалось установить вне служебных часов и вести по разговорному методу, по возможности, с практическим уклоном в направлении РТЯ в соответствующих учреждениях и предприятиях [Сборник Декретов: 1925. С. 29].

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

Надо сказать, что к концу 1923 г., как указывается в отчете ЦК РТЯ за 1923–1924 гг., интерес к изучению татарского языка среди служащих не татар значительно поднялся, но уже к началу 1924 г. начал постепенно ослабевать¹. Признается отсутствие результативности курсов по изучению татарского языка нетатарскими служащими [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 527. Л. 131]. При таких условиях продолжение курсов-кружков для учреждений оказывалось лишним бременем, не дававшим практических результатов. Поэтому ЦК РТЯ не решился настаивать на сохранении и организации этих курсов в 1924 г. [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 798. Л. 10].

Лишь в 1926 г. в сентябре месяце на высшем уровне снова начинается попытка организации курсов-кружков по изучению татарского языка ответственными партийными работниками, не владеющими татарским языком [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 779. Л. 37].

Несмотря на это, не все организации стремились выполнять данные указания. Например, Совет Народного Хозяйства ТАССР в 1926 г. отмечает, что при нем кружков для изучения татарского языка не организовывалось, так как отсутствовали средства и желающие обучаться, к тому же сумма для проведения РТЯ, внесенная ТСНХ в смету, была исключена Наркомфином [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 984. Л. 83].

В архивах немало документов, где ряд учреждений ходатайствуют об отпуске средств перед Центром, но ничего не получают. Так, в резолюции представитель Управления Округа Связи осенью 1926 г. рекомендует Округу Народной связи возбудить ходатайство перед Центром об отпуске специальных средств для проведения в жизнь мероприятий по РТЯ, а именно – на содержание курсов по подготовке работников, знающих татарский язык, и содержание кружков по изучению татарского языка для русских [Гарипова: 2009. С. 53]. Управление Округа Связи отмечает полное отсутствие литературы на татарском языке по популяризации почты и телеграфа, татароязычных работников по линии работы в телефонной сети, бланков и других бумаг на татарском языке для того [Там же. С. 52]. В этой ситуации Управление Волжско-Камского округа связи в своем сообщении в ЦК по РТЯ было вынуждено говорить о невозможности провести в жизнь за пять лет на все 100% по округу связи намеченные мероприятия по реализации татарского языка. Для этого был необходим более продолжительный период, большие средства и содействие местных комиссий РТЯ [Там же. С. 48–50]. Об отсутствии финансирования РТЯ говорится и в докладе заместителя председателя ЦК РТЯ Ш. Шаймарданова о деятельности Комиссии по реализации татарского языка за 1925 г., где отмечается «безнадежность» получения средств из

1 Не исключено, что в данном случае сказались репрессии против М. Султан-Галиева (ред.).

национального фонда СССР и исключения соответствующих статей по РТЯ из смет ведомств [Там же. С. 32]. В самом деле, в 1925 г. представленная Наркомфину смета ЦК РТЯ по постоянным курсам не была удовлетворена полностью. Из затребованных 192 тыс. р. недоставало 90 тыс. Особенно это было заметно по смете Курсов на 300 чел.: на хозяйственные расходы требовалось около 30 тыс. р., отпущено – около 10 тыс. р., на учебные расходы требовалось 2400 р., отпущено только 900 р. Как видим, средства, выделенные Наркомфином, были намного меньше требуемого, даже при минимальном расчете, курсам для полноценной работы не хватало 30 тыс. р. в год [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 778. Л. 21–22]. Также имеются данные, что во всех кантонах инструкторы РТЯ, за отсутствием предназначенных для командировок средств, по обследованию дела РТЯ разъезжают на свои собственные средства [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 768. Л. 274]. В дополнение к этому можно привести данные из протокола заседания Бюро Татарского обкома от 12 июля 1927 г. «Об утверждении резолюции по докладу о ходе выполнения бюджета за 1926/27 и перспективах построения бюджета на 1927/28 г.». На исполнение директив по РТЯ, как там указано, средства не были выделены, и какие-либо указания в помощь деятельности ЦК по РТЯ отсутствуют [ЦГАИПД. Ф. 5924. Оп. 1. Д. 374. Л. 94].

Что касается технического обеспечения огосударствления татарского языка, надо сказать, что ввиду отсутствия снабжения татарских волостных исполкомов пишущими машинками, данный процесс тормозился и реализовывался за редким исключением. По производственному плану на 1925 г. ЦК по РТЯ предполагалось снабдить волостные исполкомы пишущими машинками и машинистами, заготовив 100 машинок и организовав 1,5–2 месячные курсы по машинописи. [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 798. Л. 11]. Несмотря на это, к 1926 г. только в трех волостях были машинки с татарским шрифтом [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 778. Л. 92 об.]. Такая нехватка пишущих машинок удваивала техническую работу данных учреждений, заставляя необходимые документы переводить и умножать от руки [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 768. Л. 58]. После того, как 31 марта 1926 г. ЦК РТЯ сообщил, что в дальнейшем в процессе снабжения Наркоматов и центральных учреждений пишущими машинками не сможет участвовать, учреждения Казани сами должны были заниматься приобретением и переделыванием пишущих машинок [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 771. Л. 46]. Лишним подтверждением невнимательности руководителей учреждений к мероприятиям РТЯ является факт невыполнения постановления ЦИК и СНК об изъятии части пишущих машинок для переделки на татарский шрифт, где намечено было изъять из 199 машин 48.

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

Было изъято всего 33, из них неисправных и негодных было 12 [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 771. Л. 54].

В январе 1930г. Центральные курсы по РТЯ передаются в ведение Наркомпроса ТАССР, а мастерская пишущих машин ЦК РТЯ по выработке пишущих машин с татарским шрифтом передается в ведение Татполиграфа [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 1367. Л. 60]. В принципе, эти указания были целесообразны: курсы уже потеряли свою актуальность за незаинтересованностью предприятий в получении работников, знающих татарский язык, а пишущие машинки с арабским шрифтом уже не были нужны, так как в республике в полную мощь шло производство пишущих машинок с латинским шрифтом. Производство данных машинок было поставлено на высший уровень – мастерская пишущих машинок стала предприятием на правах самостоятельного хозрасчета [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 1367. Л. 64]. Помимо этого, по производственной программе за семь месяцев предприятие должно было выпустить 250 штук пишущих машинок со шрифтом «яналиф», покупка которых обеспечивалась государством за счет выделения средств по бюджетам РИКов и КИКов. Грандиозность проводимых мероприятий по замене алфавита посредством участия государства вырисовывалась в сравнении с выпущенными машинками с арабским шрифтом за все 10 лет.

Таким образом, крайняя ограниченность средств на хозяйственные и прочие расходы резко отразилась на технической стороне реализации татарского языка. Задерживались такие процессы, как издание канцелярских форм, переводов важнейших постановлений и циркуляров, изготовление бланков и т.п. или издание каких-либо инструкций организационного или административного характера на татарском языке [НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1. Д. 318. Л. 55]. В то же время не приходится говорить и об окончании каких-либо реальных действий для поддержки РТЯ, наоборот, происходило постепенное расформирование ее органов и введение действий, противоречащих или тормозящих начатую политику РТЯ, такие как изменение графики татарского языка.

Исходя из вышесказанного, можно заключить – реализация татарского языка Центральными органами власти тормозилась умышленно. При реальной нацеленности на результат проводимой языковой политики в ТАССР Центральная власть сделала бы все возможное для технического оснащения РТЯ в таких же ускоренных темпах, как это сделала для смелых арабской графики на латиницу.

Несмотря на официально объявленную нацеленность власти на коренизацию, четкого слежения за ее выполнением в конце 1920-х гг. уже не было. Если в 1928г. безработных татар было 3960 чел., в 1929г. стало

уже 4549 чел., что говорило о бездействии Биржи Труда в том числе и в деле содействия укомплектованию учреждений и предприятий лицами, владеющими обоими государственными языками [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 1367. Л. 3]. При выяснении причин указанных недочетов, Татарский народный комитет труда говорит о недостаточной квалифицированности безработных. Это подтверждает и американский исследователь Т. Мартин, который приводит архивные данные, где указано, что большинство принятых на работу татар были низкоквалифицированные работники, и в основном занимали должности в сфере услуг. Поэтому в ТАССР в это время была популярна шутка, что «проводят не коренизацию, а кучеризацию» [Мартин: 2011. С. 199–200].

Вдобавок к этому в 1927 г. произошло массовое сокращение управленческих штатов. В ТАССР было уволено 782 чел. (25,2%) [Там же. С. 205]. В целом татары никогда не выдвигались в центральные организации. Существовала негласная политика блокирования их социальной мобильности. Восточные национальности не могли присутствовать в составе центральной элиты в силу своей неблагонадежности. Позже этой возможности были лишены и западные национальности (См. об этом: [Там же. С. 254–255]).

К 1930 г. дело коренизации фактически сошло на нет. Обеспечивающих мер по осуществлению директив правительства по коренизации аппарата и реализации татарского языка уже не принималось. В некоторых организациях число сотрудников татар постепенно уменьшилось, а текучесть работников татар увеличилась ввиду не создания необходимых условий отсутствовал интерес к поднятию квалификации татарских служащих [НА РТ. Ф.Р-732. Оп. 1. Д. 1428. Л. 77].

Одной из причин свертывания политики РТЯ можно назвать сопротивление коммунистов не татар этой политике. Есть данные о том, что отдельные группы комсомольцев обращались в Центральный Комитет Комсомола, в Центральную и местную печать, а также к отдельным центральным работникам, в том числе, и к Г.Е. Зиновьеву, выражая свое недовольство по ряду вопросов политики партии по национальным вопросам, советской работе в деревне и прочее [ЦГАИПД. Ф. 5924. Оп. 1. Д. 374. Л. 12]. Жалобы в основном были на «злоупотребление угнетенных наций правами советской власти» (имеются в виду татары. – Л.Х.), разницу оплаты труда и т.д. В результате, проявившие недовольство получили выговор или были отстранены от активной комсомольской деятельности. Но в скором времени ОК ВКП(б) и ОК ВЛКСМ предлагают соответствующим кантонным комитетам ВЛКСМ пересмотреть принятые ими постановления карательного порядка и в дальнейшем при таких случаях дей-

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

ствовать исключительно методами разъяснения и воспитания [ЦГАИПД. Ф. 5924. Оп. 1. Д. 374. Л. 12]. После громких показательных разоблачений местного национализма татары более не могли открыто высказывать свое мнение по поводу торможения политики РТЯ в ТАССР, но все же в 1930 г. имелись случаи, когда они открыто не соглашались с «продолжением угнетения татарского народа русскими» [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1367. Л. 55]. Имелись и факты проявления откровенного недовольства русских проводимой языковой политикой в ТАССР. Татары в некоторых учреждениях, особенно среди рабочих и студенчества, терпели по отношению к себе преследования и нежелание вместе работать [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1428. Л. 53–54]. Например, в 1930 г. на некоторых заводах прием на работу татар прекратился, а имеющееся число работников составляло лишь 10% [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1428. Л. 53].

Таким образом, намеченные по плану параметры татаризации соваппаратов и подготовка работников, владеющих татарским языком, которые необходимо было выполнить, во многих учреждениях остались нереализованными. Как отмечает председатель ЦИКа и ЦК по РТЯ Ш. Шаймарданов, на это было много причин: отсутствие положительных результатов курсов-кружков, недостаточность мероприятий по подготовке работников из татар, отсутствие должного внимания значению РТЯ со стороны самих учреждений и их руководителей, случаи отказа в приеме на службу подготовленных татар, которые не состояли в профсоюзе, и, наконец, почти совершенное отсутствие или недостаточность средств на реализацию татарского языка [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 771. Л. 70]. Ш. Шаймарданов говорит, что при разработке указанного плана центральные и кантонные учреждения отмечали «весьма желательность» перечисленных мероприятий по РТЯ и писали о своем согласии и желании сотрудничать, а в результате же показали халатность и безразличие ко многим директивам Тат ЦИКа. Видимо, как отмечает Ш. Шаймарданов, они полагали, что вопрос РТЯ является задачей исключительно Комиссии [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 771. Л. 69].

Действительно, даже в 1929 г. центральные и кантонные учреждения продолжали посылку циркуляров на русском языке в районы, населенные главным образом татарами [НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1367. Л. 3]. В 1927 г., в задачах партии в деле выдвижения рабочих и крестьян в госаппарат, о национальном составе выдвиженцев уже не говорится [ЦГАИПД. Ф. 5924. Оп. 1. Д. 378. Л. 28]. К этому времени появляются факты, которые являлись следствием отсутствия контроля над исполнением указаний из центра. Например, в Агрызском поселковом отделении Мензелинского кантона после избрания русского работника на должность председателя

правления, делопроизводство снова было переведено на русский язык с соответствующим подбором персонала, несмотря на то, что татар в районе было исключительное большинство (90% с лишним процентов). [Гарипова: 2009. С. 55].

Можно сказать, что к 1927 г. реализация татарского языка отходит на второй, а то и на дальний план. К концу 1920-х гг. большевики сознательно перестают акцентировать свое внимание на расширении границ татарского языка как государственного и на увеличении доли представителей татар в составе партии. Это отражается во многих документах, а также видно по их все уменьшающемуся числу.

В целом при изучении документов 1920-х гг. ясно, что советская власть, если и была в какой-то мере заинтересована в использовании татарского языка как государственного, то исключительно для широкого охвата масс своей идеологией, что влекло за собой тотальную власть над населением страны и полное укрепление положения новой власти. Для советской власти, продолжающей построение единой советской нации, приоритетом были административно-хозяйственные проблемы. Национальные вопросы актуализировались лишь в моменты проявления недовольства остатками национальной интеллигенции и то они быстро пресекались за неимением массовой поддержки.

Несмотря на предпринятые усилия по РТЯ, все же задача максимум – перевод делопроизводства на татарский язык во всех звеньях государственного аппарата – так и осталась нерешенной, а в 1930-е гг. работа по РТЯ во многом приняла формальный и декларативный характер, как, впрочем, и в других автономных республиках [Клементьев: 2002. С. 47–76].

Насквозь пронизав этнонацию своей идеологией, большевики дали начало процессу трансформирования татароязычного населения ТАССР в русскоязычное, подтверждением чему могут служить факты изменений татарской письменности, а также постепенное сужение возможности татарских детей обучения своему языку и литературе в нужном объеме, что в дальнейшем привело к ослабеванию национального самосознания части татар, в том числе и из-за незнания своего родного языка.

* * *

Идеологическое давление партии, проявившееся в гонениях на национально ориентированных татарских коммунистов, в массовых репрессиях, жестком контроле над развитием национальной культуры, послужили причиной переоценки ценностей у татарской общественности. Испытывая большие сложности в попытках сохранения и развития своей этнонациональной культуры, имея ограничения, прежде всего языковые, затрудняющие социальную и территориальную мобильность, татарам в

Л.А. Халилова. ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ В ТАССР В РАМКАХ
СОВЕТСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТАТУСА
ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В 1920-х гг.

1920–1930-х гг. оказалось легче отказаться от своих этнонациональных интересов. Примирение с действительностью происходило не только в политической, но и в идеологической, культурной, а также и других сферах общественной жизни. Данный процесс проявился в отходе от религии, упадке престижа родного языка и отказе от многих традиционных обычаев. Чтобы не отличаться от остальных, не быть обвиненным в «отсталости», татарскому населению, особенно городским группам, пришлось порвать с прежней национальной культурой и присоединиться к общесоветской социалистической культуре, в основном являвшейся модификацией русской культуры.

Государственная политика в реальности привела к сужению функций национальных языков, к поднятию престижа русской культуры и языка, когда в результате усиления социальной мобильности, роста индустриализации и урбанизации население родному языку стало предпочитать межнациональный язык общения, который для многих стал фактически и родным. Надо сказать, что преобразования в 1920–1930-е гг. в сфере образования, языка и культуры привели к определенному повышению степени вовлечения татарского населения в культурное строительство. Сферы выражения татарской культуры расширились, приближая ее к более развитым культурам посредством развития определенных элементов «высокой» культуры, таких как опера, театр и многие другие. Несмотря на введение татарской национальной культуры в идеологически ограниченные рамки, все же определенные условия для ее сохранения и развития ещё оставались. Результаты же советского нациестроительства проявились несколько позже.

С течением времени национальные языки в союзных и, в особенности, автономных республиках, были вытеснены из многих сфер общества, их функционирование заметно ограничилось по сравнению с 1920-ми годами, а образование на национальных языках сильно урезалось, изучать национальный язык становилось невыгодно, даже немодно. И здесь дело не только в «естественном» вытеснении русским языком национальных языков, как это утверждал Ю.И. Семенов, – это все стало результатом языковой политики, проводившейся в СССР по отношению к национальным языкам, которая была, в конечном счете, направлена на аккультурацию этнонациональных обществ [Семенов: 2001. С. 177].

Для идеального же развития национальной идентичности в многонациональной стране этническому большинству необходимо вести себя так, чтобы содействовать развитию как «своей» идентичности, так и идентичности «другого».

Источники и литература

1. Гарипова З.Г. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920–1930-е гг. Казань, 2009. – 272 с.
2. Геллнер Э. Условия свободы. М., 2004. – 240 с.
3. За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской Советской Социалистической Республики. Казань, 1925. – 208 с.
4. Клементьев В.Н. Формирование и развитие советской государственности Чувашии (нояб. 1917–1993 гг.) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия: сб. ст. Чебоксары, 2002. С. 47–76.
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин; [пер. с англ. О.Р. Щелковой]. – М.: РОССПЭН, 2011. – 663 с.
6. Национальный Архив Республики Татарстан. Фонд Татарского Центрального исполнительного комитета. Р-732. Оп.1. Д. 532.
7. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 768.
8. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 771.
9. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 778.
10. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 779.
11. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 798.
12. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 984.
13. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1367.
14. НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 1428.
15. НА РТ. Ф. фонд НКВД 5852. Оп. 1. Д. 317.
16. НА РТ. Ф. 5852. Оп. 1, Д. 318.
17. Сборник Декретов, Постановлений, важнейших Циркуляров и других материалов в области Реализации Татарского Языка. Издание ЦК по РТЯ при ЦИК ТССР. Казань, 1925.
18. Семенов Ю.И. Этнополитология: трудный путь становления новой научной дисциплины (размышления над книгой М.Н. Губогло «Языки этнической мобилизации». М., 1998. 811 с.) // Отечественная история. 2001. № 1.
19. Центральный Главный Архив историко-политической документации Республики Татарстан Фонд. Мензелинского кантонного комитета (1920–1930 гг.) Ф. 5924. Оп. 1. Д. 374.
20. ЦГАИПД Ф. 5924. Оп. 1. Д. 378.

ДЕРЕВНЯ ТАТАРСТАНА В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (1917–1927 гг.)

Аннотация: В статье вкратце рассматривается социально-экономическая жизнь крестьянства Татарстана в контексте решения земельного вопроса. Особое внимание в ней уделяется проблемам безземелья, малоземелья, землеустройства, дробления крестьянских дворов. Кроме того, в этнонациональном ключе анализируются отдельные аспекты социокультурной трансформации, происходившие в повседневности татарского крестьянства в 1920-х гг.

Ключевые слова: Татарстан, крестьянство, диверсификация деревни, новая экономическая политика, земельный вопрос, землеустройство, этнонациональная политика.

Значительным событием в истории татарского народа стало обнаружение совместного декрета ВЦИК и СНК РСФСР «Об образовании Автономной Татарской Социалистической Советской Республики» (27 мая 1920 г.). На ее территории было сконцентрировано около 40% татарского населения бывшей Российской империи. К концу 1922 г., после почти окончательного размежевания границ Татарстана, на его территории были образованы 13 кантонов. Они административно делились на 222 волости, те в свою очередь – на 3057 сельсоветов. К этому времени на территории Татарской республики было 3405 сельских населенных пунктов, в том числе татарских – 1516, русских – 1455, чувашских – 149, удмуртских – 48, марийских – 43, мордовских – 27. По данным Всероссийской демографической переписи 1920 г., общая численность населения республики составляла около 2,9 млн чел., из них татар – 54,8%. Почти 9/10 (свыше 2,6 млн чел.) населения Татарстана проживало в сельской местности. Городского населения насчитывалось около 253 тыс. чел. (14%), большая часть которого концентрировалась в Казани (194 тыс.) [Мәңге: 2020. С. 82].

Судя по демографическому составу населения, Татарстан был многонациональной и аграрно-крестьянской республикой. Около 90% татарского населения республики проживало в сельской местности. Татарские населенные пункты имели свои этнокультурные особенности и национальную хозяйственную специфику. Традиционно этнический облик татарских населенных пунктов Казанского края к началу XX в. изменился незначительно, городская культура в деревенскую жизнь прони-

кала достаточно медленно. Несомненно, интенсивная капиталистическая диверсификация во второй половине XIX – начале XX вв. и связанное с нею развитие товарно-денежных и частнособственнических отношений, усиление индивидуальных начал в производственной деятельности крестьянства, дробление семей и др., позитивно повлияли не только на хозяйственную жизнь населения татарских деревень, но и на их планировку, жилые и хозяйственные строения. Немалую роль в этом сыграл и переход от джиенного социально-правового уклада на сельскую поземельную общину. Это усилило дробление сельских дворов и разрушение патриархально-семейного домостроя. С каждым десятилетием ускорялся процесс сокращения численного состава крестьянской семьи. Так, по данным по сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Казанской губернии на один крестьянский двор приходилось в среднем 7 чел.

Все это сопровождалось не только ростом численности крестьянских дворов, но и изменениями в строительной планировке жилых и хозяйственных построек. Из анализа этнографических описаний застроек татарской деревни следует, что в ней была очень сложная и запутанная планировка. В историко-этнографических материалах, относящихся к середине XIX в., отмечалось, что «селения татар всегда раскинуты во все стороны от одного центра. Улицы и переулки, кривые, узкие и грязные, идут во все стороны со всевозможной асимметрией и пересекаются во многих местах заборами и изгородями, которые составляют передовую часть селений... Часто двор татарина, со всем его хозяйством и не примыкает к улице, обстроен бывает со всех сторон такими же дворами других хозяев и чтоб добраться нужно пройти через несколько других дворов» [Этнографическое: 1841. С. 406]. Такая система застроек жилищ и хозяйственных построек в татарских населенных пунктах, скорее всего, объяснялась сильным давлением на бытовую жизнедеятельность крестьян традиционных родственно-клановых отношений. Так, по заключению современников данной формы застройки селений, «это происходит оттого, что если, например, в каком-нибудь семействе кто женится, его не выселяют на край деревни, напротив, у родительского двора отделяют половину, которая тогда огораживается и нововодворенный обстраивается там своим отдельным домом и хозяйством» [Там же. С. 407].

В пореформенный период, особенно во времена столыпинской диверсификации аграрного сектора Казанского края, в татарских деревнях на место гнездовых кучевых (родственно-клановых) застроек жилищ постепенно приходит новая планировка улиц с расположением крестьянских домов и надворных построек по прямой линии. К началу XX в. в татарских деревнях печное отопление почти полностью вытесняет курное, что

было своеобразным цивилизационным прорывом. При этом татарские населенные пункты почти ничем не отличались от окружающего русского сельского населения. Большая часть их домов были с серым внешним обликом, неказисты и вросшие в землю, покрыты соломой. В зимний период часто животные содержались в жилищах. У состоятельных селян крыши домов вместо соломы были покрыты тесом, дранкой, реже железом. Во многих домах вместо бычьего пузыря или слюды в оконные рамы вставлялось фабричное стекло. Одной из своеобразных черт, характерных для татарской деревни, стало строительство узорных ворот, полисадников, украшение различными узорами оконных наличников, фронтонов и карнизов домов. Но оно было присуще в основном для жилищ зажиточных селян. К тому же для скота начали строить специальные теплые помещения.

Конечно, появлению новой планировки улиц и домов способствовало не только разложение больших семей и выделение им земли под застройки на окраине деревни, индивидуализация крестьянских занятий, но и частые опустошительные пожары, во время которых порой сгорали целые улицы и переулки, иногда и деревни. Однако, несмотря на все положительные изменения в планировке сельских улиц, жилых и хозяйственных построек, к началу 1920-х гг. по-прежнему почти каждый крестьянский двор Татарстана с его постройками, крытыми сплошь соломой, со сложенными вокруг скирдами соломы и стогами сена производил впечатление материала, как бы нарочно собранного для гигантского костра. В результате частые пожары и в годы НЭПа были страшным бичом сельских населенных пунктов.

Еще более страшным бичом деревни были частые неурожаи хлебов, в период которых наблюдались массовые голодания населения и падежи скота. В годы недородов хлебов разорялись тысячи крестьянских хозяйств, и даже целые деревни, усиливалась миграция сельского населения. Страшный голодомор начала 90-х гг. XIX в. сильно отразился и на демографическом развитии татарского народа Российской империи. В одной из своих статей известный татарский ученый и публицист Хади Атласи отметил, что на 1891–1892 гг. приходится самая большая смертность татарского крестьянства. Называя среди основных причин повышенной смертности голодомор начала 1890-х гг. и инфекционные болезни, он акцентировал внимание и на другие проблемы, в том числе связанные с политикой царского правительства по отношению татарского крестьянства. При этом ученый предупреждал соплеменников, что татарский народ в силу некоторых проявлений косности и невежества может исчезнуть [Атласов: 2010. Б. 496–498]. В другой статье, написанной после очередного неурожая хле-

бов 1911 г. и массового голода сельского населения, автор с сожалением констатировал, что «российские мусульмане, с политической точки зрения, – рабы. Они также являются рабами нищеты, голода и невежества» [Атласов: 1912. Б. 15–16]. Хади Атласи признавал необходимость экономических реформ в татарском земледелии, критически оценивал господствующие натуральные формы хозяйствования в татарской деревне и видел ее будущее в рыночной самоорганизации. Интересны его замечания и относительно менталитета татарского крестьянства. Он считал необходимым психологически перестроить этнокультурный и житейский менталитет татарского земледельца, активизировать его не только в хозяйственном отношении, но и в плане повседневности. Автор настаивал на том, что нельзя мириться с судьбой, нужно всегда думать о завтрашнем дне, и вообще, в новое время следует думать по-новому [Там же].

Эти справедливые слова ученого были к месту и в 1920-е гг. Именно в начале 1920-х гг., в момент институционализации Татарской государственности, республика переживала массовый голодомор населения. Голодало более 80% населения Татарстана, большую часть которых составляли татарские крестьяне. Безвозвратные потери республики составили от 400 до 600 тыс. чел.. Между двумя демографическими переписями населения Татарстана 1920 и 1926 гг. численность татар в Татарской республике сократилась более чем на 3% (с 54,8% до 51,3%). Этот экономический кризис, как и всякий кризис, не только разорил массу сельских хозяйств, но и консервировал в татарской деревне средневековые формы хозяйствования, которые ограничивали хозяйственную инициативу и заинтересованность в совершенствовании агрикультурных элементов сельскохозяйственных работ. В результате истощалась почва, с каждым годом все больше понижалось ее плодородие, в огромных масштабах растрачивался в пустую крестьянский труд.

Самой злободневной проблемой в жизнедеятельности деревни вплоть до коллективизации оставался земельный вопрос. В ходе аграрных реформ 1860-х и 1906–1911 гг. многоэтничное крестьянство не получило той земли, которую оно испокон веков возделывало и которую законно считало своей. Лучшие крестьянские земли, луга, выгоны, водопои и лесные угодья были отрезаны в пользу помещиков и государства. Эти так называемые «отрезки» и являлись главной причиной последующих социальных конфликтов и агрикультурной отсталости деревни. В 1907 г. основная масса татарского населения (крестьяне-общинники) имела надел пахотной земли в уездах Казанской губернии в среднем по 7,2 дес. на семью, или по 2,5 дес. на мужскую душу. Размер этих наделов по уездам варьировал от 8,1 дес. на семью (Спасский уезд) до 5,0 дес. (Свияжский

уезд). Наделы татарских крестьян были несколько меньше, чем у русских (7,9 дес. на семью) и других нерусских народностей (8,8 дес.) [Воробьев: 1953. С. 62–63].

Но самой опасной тенденцией было неуклонное сокращение размеров наделов во всех этнических группах крестьянства. Основными причинами этого процесса являлись интенсивный естественный прирост сельского населения и дробление крестьянских хозяйств. Характерной чертой для многонациональной деревни Казанской губернии наряду с увеличением численности малоземельных крестьян стал рост числа безземельных семей. Процент безземельных семей среди русского населения составлял 9,9%, среди татарского – 4,3%, чувашского – 0,4% и прочего – 4,3% [Крестьянское: 1969. С. 69]. Причем численность безземельных семей у татар колебалась от 1,7% в Тетюшском уезде до 9,1% в Казанском уезде [Воробьев: 1953. С. 63].

В период самодержавия царское правительство так и не смогло разрешить земельный вопрос, остановить процесс обезземеливания крестьянства. Этот вопрос не смогло разрешить и советское правительство, большая часть татарского крестьянства в период большевистского аграрного переустройства осталась обделенной землей. Как известно, в ходе реализации основных положений «Декрета о Земле» крестьянство получило большую часть частновладельческих земель, в результате чего площадь крестьянского надела в Казанской губернии увеличилась в среднем с 1,47 до 1,64 дес. на едока, или на 10,4% [ГА РТ. Ф.Р.-4580. Оп. 1. Д. 118. Л. 1]. Из общего количества конфискованного земельного фонда 714 тыс. дес. (помещичьих, удельных, церковных и пр. земель) татарам, составляющим 54,8% всего населения Татарстана, досталось 26,2%, или 0,12 дес. на едока, русским (соответственно) – 37,6% и 64,3%, или 0,38 дес., чувашам, марийцам, удмуртам, мордве и др. – 7,6% и 9,5% [ГА РТ. Ф.П. 15. Оп. 1. Д. 1331. Л. 58]. Следовательно, в наиболее привилегированном положении в отношении устройства земель оказалось русское крестьянство. К 1924 г. размер земельного надела на едока у русских равнялся 1,89 дес., у татар – 1,52 дес. [Там же]. В отдельных кантонах Татарстана, например, в Арском, Мамадышском, Свияжском, Тетюшском площади крестьянских наделов составляли 0,5 и менее дес. на едока [Там же].

В годы новой экономической политики в Татарстане несколько иную постановку получили вопросы землеустройства. Республиканское правительство начало особое внимание уделять проблеме землеустройства малоземельного татарского крестьянства. В первой половине 1920-х гг. особый вклад в дело обеспечения татарских крестьян землей внесли такие видные руководители Татарстана, как председатель Совнаркома ТАССР Ка-

шаф Мухтаров, нарком земледелия Юнус Валидов и председатель Президиума ЦИК ТАССР Рауф Сабиров. В период их руководства начался процесс расселения крестьян из густонаселенных татарских деревень в земли государственного фонда по берегам Волги и Камы. В этот период образовалось несколько десятков новых татарских поселений. При этом во время нового земельного переустройства они стремились соблюсти определенный межэтнический паритет. В 1923–1926 гг. на землях госфонда было организовано 111 поселков, из них 84 принадлежали татарским крестьянам [Хафизов: 1968. С. 284], причем последние преобладали и в количественном отношении. По данным председателя Совнаркома ТАССР Х.З. Габидуллина, среди переселенцев на земли госфонда татары составляли 66,4%, русские – 13,4%, национальные меньшинства – 20,2% [Габидуллин: 1927. С. 10]. При этом им особо подчеркивался и тот факт, что «Октябрьская социалистическая революция, передав значительный земельный фонд в руки трудящегося крестьянства, не изменила положение татарского крестьянства в лучшую сторону» [Там же].

Земельная политика татарстанского руководства, несомненно, вызвала различные пересуды и ярко выраженное недовольство среди русского населения. Очевидно, во время устройства земель между различными национальными группами населения имели место некоторые шероховатости и просчеты. Все это в конечном итоге создавало определенную социальную напряженность среди сельского населения и давало возможность ряду руководителей разыгрывать антитатарскую (антитатарстанскую) карту. Земельные споры, переселенческая политика, ошибки местных руководителей в сельскохозяйственной политике создавали условия для проявления межнационального антагонизма (к примеру, в Свияжском кантоне – между русскими и татарами, в Бугульминском кантоне – между татарами, русскими и мордвой). Безусловно, можно понять позиции местных татарстанских руководителей в этом вопросе. Они стремились добиться социальной справедливости – уравнивать по уровню землеобеспеченности татар с русскими. В то же время трудности и противоречия нэповской экономики, вовлечение в орбиту социально-экономических реформ огромных масс мелких производителей, пропитанных частнособственническими привычками и национальными традициями, создавали благоприятную почву для развития в деревне социальной зависти и межнациональной розни. Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин по этому поводу заметил: «Крестьяне как мелкобуржуазная среда психологически имеют всегда зависть к своему соседу. Каждое небольшое повышение уровня жизни другого всегда в крестьянстве вызывает реакцию, некоторую настороженность к этому человеку» [Калинин: 1925. С. 53].

В годы НЭПа организация землеустроительных работ в деревне, агрономической помощи и доступного сельскохозяйственного кредита населению в Татарстане была одной из очередных задач местного руководства. В 1923–1927 гг. было проведено землеустроительных работ на площади свыше 2,38 млн дес., из землеустроенных хозяйств на татарское крестьянство приходилось 55,7%, на всех остальных селян – 44,3%. Если разбить землеустроенные крестьянские угодья по основным национальностям, проживающим в Татарстане, то можно увидеть следующую картину (см. диаграмму).

Динамика землеустройства крестьянских земель в Татарстане в национальном срезе в 1924/25, 1925/26, 1926/27 гг. (в дес.)*

* Диаграмма составлена по данным: Климов И.М. *Образование и развитие Татарской АССР (1920–1926 гг.)*. Казань, 1960. С.100.

Данные диаграммы свидетельствуют о том, что татарстанскому руководству удалось оказать существенную помощь татарскому населению в деле землеустройства их сельскохозяйственных угодий. Однако, к сожалению, в эти годы устраивались главным образом межевые границы земель между селениями (72%), а на участковое землеустройство крестьянских угодий не обращалось серьезного внимания (15%) [Коновалов: 1929. С. 15].

Первоочередное землеустройство территорий и окончательное закрепление определенных сельскохозяйственных угодий за каждым населенным пунктом диктовались следующими соображениями: во-первых, минимизировать последствия межселенных и межнациональных конфликтов по земельному вопросу; во-вторых, укрепить и совершенствовать общинную систему поземельного обложения единоличных крестьянских хозяйств; в-третьих, ввести в хозяйственный оборот спорные приграничные сельскохозяйственные угодья, находившиеся между селами, и тем самым ограничить их «нетрудовое» использование.

Причем межселенная форма землеустройства территорий сельских поземельных обществ не смогла устранить такие негативные формы общинного землепользования, как мелкополосица, чересполосица, дальнo-земелье. Так, например, в Татарстане в 66% сельских населенных пунктов на один крестьянский двор приходилось от 18 до 70 и более земельных участков (полос) и только в 34% – до 18 [Материалы: 1928. С. 52]. Вследствие большой дробности земельных наделов селяне не могли в своей массе проявить хозяйственную инициативу, быстро идти вслед за развивающейся техникой и земледельческими технологиями.

Кроме того, интенсивное дробление крестьянских хозяйств сводило к нулю некоторые сдвиги в области землеустройства, произошедшие в годы НЭПа. К примеру, в Татарстане в течение 5,5 лет (1922–1928 гг.) количество крестьянских хозяйств увеличилось на 18,5% (с 443509 до 524674) [Бич народа: 1922. С. 100; ГА РТ. Ф.Р.-1024. Оп. 1. Д. 147. Л. 9]. Дробление крестьянских хозяйств, приобретшее в советское время массовый характер, очень негативно сказывалось на крестьянском землепользовании. Процесс измельчения сельских дворов неизбежно приводил к уменьшению их производственных возможностей. Все это в конечном итоге создавало опасность превращения значительной части крестьянских хозяйств из товарного в семейно-потребительское подворье. Лишение значительной части крестьянства возможности выделять на сторону товарных излишков в свою очередь отсекало их из системы товарно-денежных и рыночных отношений.

Таким образом, национальная деревня в изучаемый период стала объектом различных экономических реформ и общественно-политических экспериментов. Фактически они породили сильную дробность крестьянских хозяйств, а вместе с тем житейскую неуверенность и хозяйственную неустойчивость в землепользовании. Не оправдались расчеты ни имперских, ни советских руководителей, пытавшихся в ходе землеустройства остановить процесс оскудения национальной деревни, значительно поднять производительность труда и уровень агрикультуры крестьянских хозяйств. Все землеустроительные работы по существу не имели последовательного и законченного характера, в результате крестьянин не стал полноправным хозяином своего участка. Свободный выбор крестьянством форм землепользования и выход из общины являлись основными условиями для утверждения новых земельных порядков в деревне. В то же время государственная агротехническая и материальная помощь сельским труженикам, превращение крестьян в полноправных граждан, могли бы создать условия для хозяйственного прогресса в аграрном секторе экономики Татарстана и России, чего, однако, ещё не было.

Литература

1. Атласов Һ. Ачлык вә мөселманнар // Шура. 1912. № 1. Б. 15–16.
2. Атласов Һ. Йогышлы рәнжү һәм татарлар // Шура. 1910. № 16. Б. 496–498.
3. Бич народа: Литературно-научный иллюстрированный сборник. – Казань, 1922.
4. Воробьев Н.И. Казанские татары (этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953.
5. Габидуллин Х.З. Татарстан за 7 лет (1920–1927). Казань, 1927.
6. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р4580. Оп. 1. Д. 118.
7. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.П-15. Оп. 1. Д. 1331.
8. Государственный архив Республики Татарстан. Ф.Р1024. Оп. 1. Д. 147.
9. Калинин М.И. Основные вопросы нашей внутренней политики // Власть Советам. 1925. № 1.
10. Коновалов А.С. Задачи реконструкции сельского хозяйства в связи с индустриализацией страны // Труды Первого агрономического съезда Татарской республики (15–21 декабря 1928 г.): Сб. статей. Казань, 1929.
11. Крестьянское землевладение Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казань, 1909. Вып. 13.
12. Материалы по вопросу об оскудении сельского хозяйства Татарской республики. Казань, 1928.
13. Мәңге яшә, газиз Ватаныбыз! = Цвети, священная земля моя! = Vorever florich yoı, my native land! / авт. Р.В. Шайдуллин и др. Казань, 2020.
14. Хафизов Ш.Ш. Роль советской автономии в разрешении национального вопроса на территории Татарии в восстановительный период (1921–1926) // Ученые записки КГУ. 1960. Т. 120. Кн. 5.
15. Этнографическое описание Казанской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. Т. 39.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ
ПРОТИВ ТАТАР В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

В условиях ещё не завершённой Великой Отечественной войны неожиданно появилось Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., касающееся Татарской АССР. Оно было озаглавлено в традиционном духе партийных документов того времени следующим образом: «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Написанное языком «новоязи» отмеченное Постановление, опубликованное гораздо позже времени его принятия (только в начале 1950-х гг.), на первый взгляд не содержало ничего экстраординарного и было как будто бы направлено всего лишь на критику деятельности местной парторганизации. К тому же оно вполне вписывалось в ряд аналогичных документов, принятых ЦК ВКП(б) примерно в то же самое время (по Казахстану, Башкирской парторганизации и т. д.). Но нельзя забывать, что в СССР именно тогда происходила массовая депортация народов, преимущественно мусульманских, но не только. То есть, советские власти не ограничивались одними мерами идеологического характера, но последние тоже считали важными.

Сейчас уже можно утверждать, что действия властей СССР того времени были вызваны возникшими в стране в ходе войны новыми идеологическими трендами, на вполне массового патриотического подъема, отчасти инспирированного самим Московским Кремлем, начавшими перерастать в новый, для начала идейный, этап этнонационального возрождения народов, в конце 1920–1930-х гг. насильственно остановленного репрессиями. Партийно-советская верхушка СССР и лично генсек И.В. Сталин вполне, скорее всего, осознавая, что для многонациональной страны такая тенденция была опасна, особенно, для того тоталитарного режима, который в стране закрепился за предыдущие десятилетия, решили предпринять ряд превентивных мер, в том числе и чисто идеологических. Тем более, что всех неугодных, когда речь шла о целых народах, сослать в места, отдаленные не представлялось возможным. Хотя, как гласят некоторые существующие среди татарских историков слухи, правда, окончательно не подтвержденные, имелись планы и по депортации волго-уральских татар...

К настоящему времени обций контент и многие детали подготовки и принятия вышеназванного Постановления, уже выяснены [Липкин:

Д.М.Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

1989; Исхаков, Измайлов: 1991; 1992; Измайлов: 1992; 1996; 1997; Исхаков: 1996; 1997; Солтанбеков: 1992; Леушин: 1996; Бордюгов, Бухараев: 1999; Галлямова: 2019]. Но нельзя сказать того же о выявлении его глубинной идеологической направленности, заданной советской татарской нации на долгие годы этим партийно-идеологическим документом. Нашей главной задачей как раз и будет выяснение на основе изучения ряда аспектов отмеченного Постановления, связанного с трактовкой его создателями и принявшей эти идеи партийной верхушкой СССР, скрытого от внешнего взгляда внутреннего идеологического его ядра, так сказать, инварианта данного документа.

Как думается, особенно ясно этот «корректирующий» посыл, отправленный партийной верхушкой страны во главе с И.В. Сталиным «непокорным» татарам, продолжавшим и в советский период консолидироваться в национальную общность, лучше всего выясняется при анализе закладываемого в рассматриваемое Постановление понимания средневековой истории нашего народа. Чтобы было более понятно, насколько серьезное внимание в Татарской АССР было обращено на указанное Постановление после его принятия, надо отметить, что на его основе в республике между 1944–1952 гг. в свою очередь были приняты отдельные постановления Татарского обкома ВКП(б). Это такие документы, как утвержденные после заседания партактива в Казани 18 сентября 1944 г., посвященного данному Постановлению, Постановления бюро Татарского обкома «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (10 октября 1944 г.); «О состоянии работы по составлению «Очерков по истории Татарской АССР» (21 марта 1946 г.); «О работе Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР» (16 апреля 1947 г.); «Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы» (2 сентября 1948 г.); «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школах» (18 января 1952 г.) [Исхаков: 1997. С. 207]. Сюда ещё следует добавить состоявшуюся в Москве 25–26 апреля 1946 г. специальную сессию Отделения истории и философии АН СССР (Она начала готовиться еще в 1945 г. и была в ряду других совещаний, посвященных этногенезу и этнической истории народов СССР. См.: [Институт истории: 1946. С. 146–149]), проведенную совместно с ведущими учеными из ИЯЛИ и посвященную проблеме происхождения татарского народа (= «казанских» татар) (Материалы данной сессии были достаточно оперативно опубликованы. – См.: [Происхождение: 1948]. Термин «казанские татары» был применен, как думается, чтобы отделить основную массу татар от татар крымских, которых следовало в условиях депортации предать забвению).

Параллельно развернулись административные меры давления на ученых республики: согласно Постановлению бюро Татарского обкома от 6 октября 1944 г., директор единственного в республике гуманитарного академического научно-исследовательского учреждения – ИЯЛИ, известный фольклорист Х.Х. Ярмухаметов был смещен со своей должности, были сняты со своих должностей и некоторые заведующие секторами, а коллективу его сотрудников пришлось не только коренным образом перестроить свою деятельность, но и подвергнуться дополнительной московской цензуре со стороны вновь образованной «Постоянной комиссии по истории Татарии» при Институте истории АН СССР. Именно на неё и была возложена задача принятия непосредственного участия в «разработке наиболее сложных и неизученных вопросов истории Татарии», а также в редактировании «важнейших научных и научно-популярных трудов» ИЯЛИ и даже в «составлении развернутого проекта по истории Татарии» – местным ученым такая работа уже не доверялась. Одновременно подготовленная ранее в ходе войны (работа на самом деле началась ещё в довоенный период) к печати при участии видных московских историков, находившихся в эвакуации в Казани (это академик Б.Д. Греков, доктора исторических наук С.В. Бахрушин и Л.В. Черепнин), рукопись «Очерков по истории ТАССР» объемом в 13 авторских листов, была уничтожена (1944 г.). Так что вышеназванная Комиссия должна была курировать весь процесс подготовки совершенно новой редакции «Истории Татарии», чтобы придать этой работе угодный взглядом тогдашних партийных идеологов, характер.

Выступавший на собрании партактива, проходившего, как было уже отмечено, в Казани 18 сентября 1944 г. и направленного на разъяснение местным коммунистам содержания Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа, второй (вскоре ставший первым) секретарь Татарского обкома партии З.И. Муратов – человек от мозга до костей твердокаменный коммунист сталинистского типа – ненароком раскрыл главный «секрет» данного документа, отметив, что в республике, оказывается, «не была организована работа по идейно-политическому воспитанию интеллигенции» [Исхаков: 1997. С. 199].

Итак, рассматриваемое Постановление было направлено против не «воспитанной» в должной мере, в «марксистском советском духе», татарской интеллигенции. В чем же она обвинялась и кто были конкретно «герои» этих обвинений?

Появившиеся вслед за этим партийным документом в двух номерах журнала «Большевик» за 1944 г. статьи работника аппарата ЦК ВКП(б) А. Солодовникова «За высокую идейность советского искусства», проясняют ответ на эти вопросы. В частности, он отмечает, что «любой эпос ...

Д.М.Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

нельзя принять безоговорочно», как это было сделано в «Татарии», где «в некоторых драматических и оперных произведениях прославлялась и превозносилась деятельность Идегея – одного из предводителей Золотой Орды». А Идегей, по его мнению, являлся «фигурой, по существу, реакционной: он неоднократно руководил набегами на русские земли» [Солодовников: 1944. С. 55–57]. Тут необходимо пояснение – эти формулировки восходили к внутренним документам Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Дело в том, что его работники ещё в мае 1944 г. побывали в Татарской АССР с целью проверки состояния агитационно-пропагандистской работы. Эта была рутинная деятельность, она происходила ежегодно. По этой поездке появились ряд внутренних документов ЦК ВКП(б), один из которых заинтересовал Г.М. Маленкова – тогда фактически второго человека в Аппарате партии. По его запросу из Управления пропаганды и агитации 24 июня 1944 г. была отправлена обширная записка, позже использованная при подготовке изучаемого Постановления. Так вот, в докладной записке адресованной Г.М. Маленкову и озаглавленной почти так же, как появившийся позже интересующий нас документ, подчеркивалось, что в Татарском НИИ языка литературы и истории все ещё ведется работа по подготовке к изданию сводного текста эпоса «Идегей»¹, но – внимание! – в партийных органах вопрос «об исторической роли Идегея не разбирался». Между тем, как далее указывалось в Записке, «культ Идегея проникает в татарскую драматургию и поэзию», а написанная Н. Исанбетом пьеса «Идегей», по существу, «националистическая». Да и к тому же он, оказывается, «возводя Идегея в сан народного героя... пытается представить Золотую Орду как передовое государство». В этой же связи к данной Записке была приложена справка «О татарском эпосе «Идегей», где подчеркивалось, что его герой не есть «национальный герой только казанских татар», а скорее он «герой ногайского племени». И вообще, Идегей «возглавил погромный поход татаро-монгол на Москву..., увёл в рабство десятки тысяч русских людей» и являлся «типичным феодалом», стремившимся «восстановить былое могущество Золотой Орды». Наконец, Идегей, согласно Справке, был «врагом русского народа», а весь эпос о нём проникнут «антирусскими мотивами». Следовал вывод: «Стремление некоторых татарских литераторов поставить эпос «Идегей» в ряд с величайшими произведениями устного творчества народов СССР [которые были опубликованы ранее – Д.М.], никак необосновано»,

1 Действительно, к 1944 г. Ш. Мансур, Н. Исанбет и Х. Ярми подготовили 45 печатных листов критического текста эпоса «Идегей», содержавшего библиографию и подстрочный перевод на русский язык; Х. Гимади написал к дастану историческую справку.

а сам дастан «отражает далеко не прогрессивные исторические события» (Подробнее см.: [Леушин: 1996]).

Итак, перед нами появляются известный политический деятель периода кризиса Золотой Орды Идегей и сама Золотая Орда, причем с отрицательными коннотациями, что было, как далее выяснится, далеко не случайно.

После того, как Постановление от 9 августа 1944 г. вышло и республиканская партийная организация пришла в движение, происходящее нашло отражение и на страницах «толстого» литературного и общественно-политического журнала «Совет эдэбияты» (впоследствии – «Казан утлары»), выходившего на татарском языке. В его десятом (октябрьском) номере появилась передовица, в которой уже фигурировало конкретное имя одного из татарских интеллектуалов – «засвеченный» ранее во внутренних документах ЦК известный писатель и фольклорист Н. Исанбет был там обвинён в том, что он подпал под идейное воздействие «буржуазно-националистических историков». Проявлялось это, по мнению авторов передовицы, в том, что тот «встал на путь искажения исторического пути татарского народа». Каким образом? А вот таким: он «Народы Казани и Болгара ... считает ... народом Золотой Орды», а последнюю рассматривает как «татарское государство», а слово «татар» употребляет в том же смысле, что и сейчас, как оно применяется по отношению к татарскому народу», упуская из виду, что в Золотой Орде «не было признаков формирования нации или народа, существовали лишь отдельные племена». Авторы передовицы подчеркивали, что «рассматривание истории татарского народа в отрыве от общей русской истории и истории других народов ... в научном плане безосновательно» [Совет эдэбияты: 1944. Б. 3 и др].

Чтобы глубже понять смысл всех этих обвинений, надо кратко описать то, что происходило в СССР на историческом «фронте» в 1920–1930-х гг.

Для начала отметим, что в 1920–1930-х гг. в СССР, судя по всему, отношение к Золотой Орде на уровне формировавшейся постепенно официальной советской историографии, вначале было достаточно ровным. Хотя и тогда из исторических трудов, прежде всего, из многократно переиздававшейся, но затем осужденной как несоответствующий новым взглядам сталинистов «Русской истории» видного советского историко-марксиста М.Н. Покровского, до определенного времени занимавшего со своими последователями на историческом небосклоне страны доминирующее положение, можно увидеть, что «монгольские завоеватели» (они же у него – «татары») все-таки не слишком жаловались советскими историками [Покровский: 2002. Т. I. С. 96–101]. Видимо, даже на этом

Д.М.Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

историке-марксисте сказывалось влияние дореволюционной российской историографии, где такая тенденция была весьма явственной. Но в целом ярко выраженного отрицательного отношения к Золотой Орде в СССР в довоенное время ещё не обнаруживается.

У татарских гуманитариев, несмотря на то, что некоторые видные их представители из числа историков дореволюционной закалки во второй половине 1930-х гг. уже были репрессированы, интерес к золотоордынскому политическому и историко-культурному наследию, особенно характерный для дореволюционной национальной историографии, но существовавший в Татарской АССР и в 1920-х гг., не исчез. К примеру, в 1935/1936 гг. молодой татарский поэт М. Джалиль написал первый вариант своего либретто оперы «Алтынчэч», основанный на произведениях фольклора, и в нём, несмотря на некоторые отрицательные оценки, все-таки появились образы «монгольских» ханов и Золотой Орды [Жэлил: 2006. Т.2. Б.180–240]. В 1937 г. был издан объемистый том документальных материалов по истории татарского народа, содержащий также разделы с историческими источниками о монгольских завоеваниях XIII в., в целом об истории Улуса Джучи (Золотой Орды) [История Татарии: 1937. С.39–90]. Этот сборник документов являлся, судя по его содержанию, подготовительным этапом к написанию «Истории Татарской АССР». Но тогда этот проект остался не реализованным, скорее всего, из-за начавшихся политических репрессий, под каток которых попали, как было уже сказано, и видные татарские историки.

Затем, уже в 1940 г., появился объемный текст подготовленного к печати группой фольклористов из ИЯЛИ сводного текста дастана «Идегей», к которому писателем и фольклористом Н. Исанбетом были написаны (на самом деле и сводный текст тоже был создан по большей части им) обширные комментарии, в связи с фигурой Идегея достаточно подробно освещающие также и историю Золотой Орды [Татар халык дастаны: 1940. №11. Б.39–76; №12. Б.34–82]. Эта работа, по всей видимости, велась (подготовленный текст дастана, кажется, был даже как отдельная книга сдана в печать [Надилов: 1988. Б.7]) в рамках намечавшейся к проведению в Москве «Декады татарского искусства» (она должна была проходить в столице в августе 1941 г., а решение Политбюро ЦК ВКП(б) об этом приняло ещё 26 августа 1940 г.). Подобные мероприятия, олицетворявшие тогда «расцвет» советских наций, как и печатание национальных эпосов (вспомним только в качестве иллюстрации грузинский эпос «Давид Сасунский»), широко практиковались в СССР. Так что татарский случай вполне вписывался в эту общую схему советской жизни той эпохи. Однако татарские дела пошли на самом деле не так. Начало Великой Оте-

чественной войны, а также складывание в её ходе новых политических реалий, не позволили руководству Татарской АССР вписаться в отмеченный общий поток формирующийся советской традиции, а затем ему и вовсе пришлось вынужденно заняться переформатированием прежней линии татарского нациестроительства на историческом поприще, в исходных моментах заложенной ещё в досоветский период. А там, как известно, на стадии начала формирования национальной историографии, при обсуждении проблемы этногенеза татар и становления их государственности, история Золотой Орды в трудах татарских авторов занимала видное место [Марджани: 2005; Рамзи: 2017. Т. I].

Тем не менее, следует отметить, что в дореволюционной национальной историографии полного единодушия среди ученых все-же не существовало и в реальности во-второй половине XIX – начале XX вв. в ней сложились два параллельных течения исторической мысли – «татаристская», точнее «тюрко-татаристская», делавшая особый упор на историю Золотой Орды (Улуса Джучи), на историческом и культурном наследии именно этого этапа истории татарского народа, и «булгаристская», на передний план выставлявшая историю Волжской Булгарии, включавшей и сюжеты с исламизацией болгар, связываемых с особой ролью историко-культурного, преимущественно мусульманского, наследия в становлении татарского этноса. За этими двумя течениями исторической мысли у татар фактически скрывались два варианта складывания у народа этнической идентичности – татарский, с этнополитическим оттенком подчеркивания былого величия предков, и исламистский, с «булгарским» этнокультурным ядром данного варианта идентичности, где притязаний на «величие» не содержалось. Но специфика дореволюционной ситуации в национальной историографии была такой, что указанные два историографические течения мирно сосуществовали, как бы дополняя друг друга [Әхмәров: 2000. Б. 80–168; Вәлиди: 1992; Гобәйдуллин: 1989; Фәхретдин: 1996; Фәхретдинов: 1993. Б. 83–117]. А вот позже, уже в советский период, особенно после принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г., произошло коренное изменение хода дальнейшего развития национальной историографии, оказавшее прямое влияние и на функционирование идентичности татар в СССР.

Однако, для понимания сущности «спецоперации» московских сталинистских партийных политтехнологов по переформатированию татарской идентичности начиная с середины 1940-х гг., надо обратиться к рассмотрению более общих идеологических процессов, заданных советскому обществу партийным руководством страны начиная еще с 1930-х гг. и получивших логическое завершение как раз в 1940-х гг. При этом мы можем опереться на вышедшие ранее труды – Т. Бордюгова и В. Бухарае-

Д.М. Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП (б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

ва, а также на весьма интересное новое исследование Д.Л. Бранденберге-ра [Бранденбергер: 2002].

Согласно этим публикациям, когда первоначальные планы и расчеты российских большевиков на скорое начало мировой революции не подтвердились, их руководство, уже с начала 1930-х гг., приступило к идеологическому развороту в сторону «национал-большевизма», то есть, к реализации проекта строительства социализма в одной отдельно взятой стране, что потребовало взамен «пролетарского интернационализма» постепенной выработки нового концепта, опиравшегося на всегда тлевший в российском обществе русский, точнее, имперско-русский национализм. Он процветал и в рядах РКП (б), о чем её вождь – В.И. Ленин, как известно, начисто лишенный, не в последнюю очередь благодаря в том числе и своему этнически весьма смешанному происхождению, националистического сознания, оставил весьма красочные высказывания начала 1920-х гг. По мере осознания И.В. Сталиным и его окружением назревания необходимости в дальнейшем опоры в стране на русское этническое большинство, были созданы каркасные элементы идеологии национал-большевизма, включая и национальные мифологемы, опирающиеся на русскую историю и культуру, учебники и учебные пособия, написанные с учётом этих мифологем, кинофильмы, художественные произведения, пропагандирующие их и т. д. (обо всем этом детально пишет Д.Л. Бранденбергер), способные превратить русских в рамках становящегося советского неоимперства в фундамент советского общества. Для этого из русского народа, до 1917 г. из-за многоэтничности как самой Российской империи, так и его правящего дворянского сословия, не прошедшего до конца этап национальной консолидации, предстояло вначале сформировать, правда, уже на советской базе, нацию современного типа. Такая ситуация в мире не была уникальной – например, турки, в Османской империи бывшие «скрепом» государства, но в условиях существования в стране нескольких «миллетов» остававшихся скорее народом-сословием, современной нацией стали лишь после её распада. Точно такая же трансформация в итоге фундаментальных социально-экономических изменений в СССР (бурная индустриализация и связанная с ней урбанизация) произошла в советских формах и с русскими. Лекала этого процесса, во многом выработанных партийными идеологами из ВКП (б), были утверждены под личным руководством И.В. Сталина. Эта трансформация русского народа в национальную общность заняла несколько десятилетий, но в общих чертах завершилась к середине 1940-х гг., когда и сложилось советское новоимперство. Четким индикатором происшедших в СССР в 1920–1940-х гг. изменений был знаменитый тост «вождя

народов» И.В. Сталина, произнесенный им 24 мая 1945 г. на приеме, организованному по случаю Победы для командования Красной Армии в Кремле. Он звучал так: «... Тост за здоровье Советского народа, прежде всего, русского народа..., потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского общества». Далее было сказано, что в ходе войны русские получили «общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны...» (Цитируется по: [Бранденбергер: 2002. С. 86]. Ранее такие характеристики для народов не применялись, а могли использоваться лишь к партии коммунистов и рабочему классу [Бордюгов, Бухараев: 1999. С. 42].

Таким образом, пролетарский интернационализм был заменен в СССР на русоцентрический этнонационализм, правда, он существовал под бдительным контролем партийного руководства страны, жестко отслеживавшем и пределы выражения русскости (Скажем, когда «русский вопрос» переходил дозволенные границы, немедленно начинались репрессии. См.: [Кузнечевский: 2016]).

Татары, как раз попали под каток этой новой политической линии партийного руководства СССР. Действительно, по мере разворота в стране в сторону державно-патриотических идей, основанных на великорусской идеологии, соединенной и с историей русского народа как «собирателя» необъятных просторов страны и культуртрегера, для обеспечения единства всей идейной конструкции, ставшей важнейшей основой советского унитаризма (= советского новоимперства) [Бордюгов, Бухараев: 1999. С. 29, 33–34], требовалось отбросить все, что в это прокрустово ложе не вмещалось. Вот татарская история точно в заданную советскими партийными политтехнологами схему не вмещалась.

Возникает закономерный вопрос: А почему именно татары в ходе идеологических нововведений 1940-х гг. оказались под жестким ударом? Вообще-то проблемы ведь были и с другими народами страны [Там же]. Но татарский случай имел особенности. И дело видимо было не только в нелюбви И.В. Сталина к татарам (Она достаточно красочно охарактеризована С. Липкиным, сделавшим перевод эпоса «Идегей» с татарского языка на русский. См.: [Липкин: 1989. С. 24]), но и в целом в месте татар в исторических процессах, имеющих прямое отношение к средневековой истории русского народа.

Проблема заключалась в том, что объявив русский этнос единственным активным политическим субъектом, создавшим через постоянное историческое восхождение громадную империю, включая и её прямого политического наследника в лице СССР, сталинские идеологи попали в двусмысленное положение, ибо на поверку реальный исторический про-

Д.М. Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП (б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

цесс эту схему не подтверждал. В частности, в вышеуказанную схему не вписывался этап длительного нахождения русских княжеств в состав Золотой Орды, где правили «татаро-монголы». Этот факт – а его то отрицать невозможно – вызывал затруднения и у дореволюционных, так сказать, «имперских» историков. Вот, например, что писал самый крупный российский буржуазно-либеральный историк дореволюционного времени С.М. Соловьев о «татарском периоде» русской истории: «... Историк (пишущий русскую историю – Д.И.) не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные (то есть, писать историю излагая только русские дела – Д.И.) – и вставлять татарский период, выдвигать на передний план татар, татарские отношения...» [Соловьев: 1988. Кн. I. Т. 1–2. С. 54]. Как видим, в данном случае предлагалось как бы не замечать татар, не видеть их влияния на русских. Между тем, такой подход не мог быть продуктивным – даже у того же С.М. Соловьева период XIII–XVI вв. прямо-таки заполнен русско-татарскими отношениями. По-видимому, именно осознавая эту истину, национал-большевистские идеологи советского новоимперства решили пойти другим путем, а именно, путем отсечения из истории татарского народа её золотоордынского этапа.

Логика этих идеологов вполне понятна: после того, как русский народ был назначен в качестве несущей конструкции новой советской державной идеологии, никто более не смел становиться на пути неуклонно прогрессирующего великого русского народа, собирателя земель Российской империи и её прямого политического продолжателя – Советского государства. Существование Золотой Орды именно вследствие такого подхода к истории становилось нетерпимым, ее следовало просто «отжать» из русской истории (в этом проглядывает явное сходство со взглядами С.М. Соловьева), заодно превратив «татаро-монгол» в совершенно чуждую внешнюю силу, так сказать, дикую орду кочевников, бесследно исчезнувших в истории не оставив вообще никаких потомков.

Хотя такой подход к трактовке средневековой истории народов Евразии затрагивал истории многих этносов (ногайцев, каракалпаков, казахов, узбеков, башкир, татар и др.), но татар он касался больше других. Во-первых, из-за закрепившегося за ними национального этнонима, в русской исторической традиции обозначавшего политически доминировавшую в Золотой Орде этнополитическую общность. Во-вторых, из-за того, что Улус Джучи и его политические наследники – позднезолотоордынские ханства, признавались ведущими татарскими, да и не только, историками важнейшим периодом становления татарского народа. Так что просто так татар партийные идеологи обойти не могли. В итоге ими был придуман

«изящный» ход – объявить «казанских» татар (синоним волго-уральских татар, другие группы татарского происхождения – касимовские, астраханские, сибирские и крымские вообще не учитывались) булгарами.

Такой результат был достигнут именно после принятия Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. через ряд партийных документов, принятых на республиканском уровне Татарским обкомом ВКП(б). Так как они уже ранее анализировались в отмеченных выше публикациях, приведем выдержки лишь из Постановления Татарского обкома от 6 октября 1944 г. «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». Они заслуживают отдельного внимания потому, что там были заложены руководящие указания по поводу того, как дальше писать «Историю ТАССР». Наряду с итогами специальной сессии Отделения истории и философии АН СССР от 1946 г., этот документ стал основополагающим для национальных историков на долгие годы.

Что же конкретно закладывалось в обкомовское Постановление, в отличие от достаточно абстрактного Постановления ЦК, выражавшегося вполне ясно?

Там недвусмысленно указывается, что «грубейшей ошибкой института является полное отождествление истории Золотой Орды с историей современного татарского народа», а также отмечается – «строя свои труды на упрощенных ложных и ненаучных (видите, истина, так сказать, конечный исторический вердикт, имелась только у партийных идеологов – Д.И.) позициях, институт рассматривал период Золотой Орды, как величайший и яркий период истории татарского народа». Далее, «припечатывался» и дастан «Идегей». Оказывается, «Институт обошел тот факт, что в эпосе «Идегей» выражены чуждые татарскому народу, как и всем народам СССР, националистические идеи» (выделено нами – Д.И.), с уточнением, что они заключались в «ненависти к русскому народу», а также в «идеях соединения татарских племен всех степных районов Деште-Кыпчака» [Об ошибках: 1996. С. 102] (то есть, в последнем случае, прямо отрицается золотоордынский этап формирования татарского народа! – Д.И.).

Следует следующее заключение: «... Бюро Обкома считает, что ошибки института, выразившиеся в приукрашивании Золотой Орды (ранее в тексте было, что она в корне неверно «изображается прогрессивным государством, страной с высокоразвитой экономикой и культурой»), в полном игнорировании её агрессивной сущности, в антинаучной характеристике Золотой Орды, как родины татарского народа...» [Там же].

После того, как внешние рамки трактовки татарской истории были заданы, московский контроль над её написанием установлен, осталось

Д.М. Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП (б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

только реализовать данный проект. Это удалось сделать не сразу, ибо в подготовке такого труда оставались ещё другие проблемные аспекты, например, относительно буржуазного этапа истории татарского народа, ещё до 1917 г. успевшего сформироваться в общность национально-го типа, что создавало новые трудности идеологического характера. Но этот вопрос требует отдельного разбора. Тут, исходя из задач данной статьи, только констатируем, что в конце концов образцовые академические «Истории Татарской АССР» в 1950-х гг. были написаны и изданы. Они в версиях за 1951 и 1955 гг. в средневековой части различаются несущественно и воспроизводят в полной мере сталинистские установки.

Так, в издании «Истории Татарской АССР» за 1951 г. заложена идея о том, что Волжская Булгария находилась в составе («под игом») Золотой Орды, обладая там «некоторыми элементами автономии». Таким образом, в текст данного труда закладывалась мысль о продолжении существования и в Золотой Орде домонгольского этнополитического образования булгар. Далее, там подчеркивается, что несмотря на стремление монгольских феодалов из «покоренного тюркоязычного населения» (= булгар, возможно и кыпчаков) сформировать в рамках Золотой Орды единый народ, превратить ее в «национальное» государство не удалось. Тем более, что «жители Булгарии считали унижением называть себя татарами [и] даже значительно позднее... называли себя «булгарами», ... считая слово «татарин» обидной для себя «кличкой». Наконец, когда Золотая Орда пала, оказывается, именно «на базе Булгарского государства» возникло «новое феодальное образование Казани» (то есть, Казанское ханство. – Д.И.), население которого состояло в «массе из булгар» [История Татарской АССР: 1951. Т. 1. С. 104–106, 118–119, 128]. Эта схема этнического развития «казанских» татар осталась неизменной и в издании «Истории Татарской АССР» за 1955 г. Но из-за начавшихся после смерти И.В. Сталина послаблений политического режима, там уже говорится о том, что «казанские татары» XV в. и более позднего времени имели «заметные отличия» от булгар X–XII вв. [История Татарской АССР: 1955. Т. 1. С. 98] Но что при этом подразумевалось, конкретно, не пояснялось.

В дальнейших изданиях этого академического труда по истории татар (1968, 1973, 1980 гг.) общий подход к Золотой Орде и её месту в национальной истории в целом не менялся и её золотоордынский этап все время носил отрицательные коннотации.

В целом сталинские идеологи по отношению к татарам своих целей в значительной мере достигли – имевшая историю мирового уровня татарская нация была наделена всего лишь локальной историей булгарско-го типа, географически ограниченной в основном пределами Среднего

Поволжья, фактически – границами Татарской АССР, а этническая идентичность народа оказалась в состоянии своеобразной аберрации – будучи носителями татарского этнического самосознания, его представители должны были выводить себя из средневековых булгар, прямого отношения к татарам не имевшим. В результате возникающую ложную коллизию в этнической самоидентификации татар логически стройно не могли объяснить даже размножившиеся в Татарстане после 1940-х гг. в национальной историографии адепты булгаристской школы. Им для отстаивания своих позиций приходилось прибегать к всевозможным квазинаучным построениям вроде «навязанности» народу татарской идентичности буржуазными идеологами или татарскими большевистскими вождями ТАССР в 1920-х гг. [Каримуллин: 1988]. Хотя с точки зрения подлинной исторической науки это было полной чушью, в республике подобная точка зрения продержалась почти до конца 1980-х гг. [Алишев: 1985. С. 109–117]. Лишь с началом горбачевской Перестройки и с образованием в условиях демократизации советского общества татарского национального движения, сталинский концепт татарской истории был подвергнут прогрессивной частью национального отряда гуманитариев жесткой критике [Суверенный Татарстан: 1998. С. 120, 182] и затем, уже в 1990-х г., полностью разрушен [Исхаков: 2010]. Лишь после этого создалась возможность полноценного формирования и нормального функционирования татарской идентичности.

В условиях нового подъема в современной России имперских настроений и усиления ограничений демократии, одностороннего возвеличивания русского народа, нам полезно ещё раз посмотреть на советский опыт новоимперства – там мы увидим много того, что позволит нынешним татарам глубже понять происходящее сегодня.

Литература

1. Алишев С.Х. К вопросу об организации болгаро-татарской народности // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1985. С. 109–117.
2. Әхмәров Г. Казан тарихы // Әхмәров Г. Тарихи-документаль жьентьк. Казан: «Жьен» нәшр., 2000. Б. 80–168.
3. Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветском государствах. Под ред. К. Аймерхамера, Г. Бордюгова М.: «АИРО–ХХ», 1999. С. 21–73.
4. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм и формирование русско-го национального самосознания. Массачусетс, Лондон, 2002. – 353 с.

Д.М. Исхаков. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б) ОТ 9 АВГУСТА 1944 г.:
КРУПНЕЙШАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ ТАТАР В
СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

5. Вәлиди Ә.-З. Кыскача төрек-татар тарихы. Беренче жөзүә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1992. – 181 б.
6. Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. №4. С. 784–797.
7. Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма әсәрләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 334 б.
8. Жәлил М. Алтынчәч. Опера өчен либретто // Жәлил М. Әсәрләр. Биш томда. 2-нче том. Шигырьләр. 1941–1944. Либреттолар. Шагыйрь архивыннан. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 180–240.
9. История Татарики в документах и материалах. М.: Соц. экон. изд-во, 1937. – 503 с.
10. История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции. Казань, Таткнигоиздат. 1951. – 660 с.
11. История Татарской АССР. Т. 1. С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции. Казань, Таткнигоиздат. 1955. – 550 с.
12. Институт истории АН СССР в 1945 г. // Вопросы истории. 1946. №4. С. 146–149.
13. Измайлов И. Томанга төрелгән тарих. // Мирас. 1992. №7. Б. 67–74.
14. Измайлов И. «Не дано марксистской оценки Золотой Орде» // Эхо веков. 1996. №3/4. С. 96–101.
15. Измайлов И.Л. «Идегеево побоище» ЦК ВКП(б) // Родина. 1997. №3–4. С. 116–118.
16. Исхаков Д., Измайлов И. «Черное» постановление, или о духовном геноциде против татарского народа // Татар иле. 1991. №10.
17. Исхаков Д., Измайлов И. Айсберги прошлого // Tatarica. Казань, 1992. С. 20–26.
18. Исхаков Д. «Промывка» татарских мозгов, или размышления о том, из чьей шинели вышли некоторые «теории» гуманитарной науки Татарстана // Идел. 1996. №11–12. С. 32–33.
19. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: «Мастер Лайн», 1997. – 248 с.
20. Исхаков Д.М. «Битва историков» в Республике Татарстан в 1990-х гг. и создание Института истории АН РТ // Этнологические исследования в Татарстане. Вып. IV. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2010. С. 287–311.
21. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. – 128 с.
22. Кузнечевский В.Д. Сталин и «русский вопрос» в политической истории Советского Союза. 1931–1953 гг. М.: Центрполиграф, 2016. – 288 с.

23. Липкин С. Бухарин, Сталин и «Манас» // «Огонёк». 1989. №9. С. 22–24.
24. Леушин М. История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 84–87.
25. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Муштафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар). Часть I. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2005. – 255 с.
26. Надиров И. «Идегэй» дастаны // Идегэй. Татар халык дастаны. Казан: Татар. кит. нәшр., 1988. 5–10 бб.
27. Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1996. № 3/4. С. 101–105.
28. Покровский М.Н. Русская история. В 3 т. Т. I / М.Н. Покровский. СПб.: Изд-во ООО «Полигон», 2002. – 346 с.
29. Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала Академии наук СССР, 25–26 апреля 1946 г., в городе Москве (по стенограмме). Казань, 1948. – 159 с.
30. Рамзи М. Талфик аль-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи' Казан ва Булгар ва мулюк ат-татар / Науч. ред., авт. вступ. ст. и комм. С.И. Хамидуллина. Уфа: БашГУ; ЦИИ НБ «Шежере»; НБ РБ; Китап, 2017. Т. I. – 600 с.
31. Совет әдәбияты. 1944. № 10. Б. 3 и др.
32. Солтанбеков Б. Сталин һәм безнең көннәр // Татарстан. 1992. № 11–12. 34–44 бб.
33. Солодовников А. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1944. № 17–18. С. 55–57.
34. Соловьев С.М. Сочинения. История России с древнейших времен. Книга I. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. – 797 с.
35. Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Т. II. Современный национализм татар. Автор-сост. Д.М. Исхаков / Под ред. М.Н. Губогло. М.: ЦИМО, 1998. – 289 с.
36. Татар халык дастаны «Идегэй». Н. Исәнбәт жыйнамасы // Совет әдәбияты. 1940. № 11. Б. 39–76; № 12. 34–82 бб.
37. Фәхреддинов Р. Болгар һәм Казан төрекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993. – 287 б.
38. Фәхреддин Р. Алтын Урда ханнары. Р. Әмирхан эшкәртүендә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1996. – 127 б.

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И ДИЛЕММА БУЛГАРИЗМА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В становлении и трансформации татарской нации были моменты, когда в среде элиты шли дискуссии о выборе исторической перспективы и, соответственно, очерчивания своего «образа прошлого» и идентичности. Причиной этого было присутствие в общественном сознании татар-мусульман Поволжья представлений о наличии болгарских исторических корней. Дилемма татарской идентичности, пусть и призрачная, требует осмысления, особенно в свете того, что в советское время произошло не просто ее возрождение, но и попытка ее конструирования в качестве альтернативы татарской идентичности. Вопросы возникновения и причины живучести данной дилеммы получили уже некоторое освещение в исторической литературе, причем как отечественной, так и зарубежной [Каримуллин: 1988; Халиков: 1992; Закиев: 1995. С. 12–94; Закиев: 2003; Алишев: 2000; Измайлов: 2002. С. 57–75; Уяма: 2003. С. 16–51; Цвиклински: 2003. №3. С. 361–392; Измайлов: 2009. С. 19–79]. Однако, широкой общественности многие аспекты этих процессов недостаточно известны или кажутся относящимися к числу непонятных или в принципе неразрешимых.

Нация и история: обретение настоящего через прошлое. Ключевым моментом, позволяющим выработать научный взгляд на решение этой дилеммы, является современное понимание сути нации как научного феномена. Если говорить кратко, не вдаваясь в детали, вокруг которых ломают копья этнологи и социологи, то нация – это межпоколенная общность людей, связанных общими языком, историческим прошлым, культурой, включая и религию, и, что действительно важно, – осознающими свое родство и общность, а также свое отличие по тем или иным параметрам от остальных человеческих коллективов и общностей. Оставим в стороне такие важнейшие и очевидные элементы общности, как язык и религия. Их значимость представляется самоочевидной и, поэтому, не требует особых доказательств. Более сложной проблемой представляется понимание механизмов формирования таких элементов общности, как «общее родство» и «общая историческая судьба». В этой связи имеет смысл остановиться на рассмотрении таких понятий, как «историческая память» и «образ прошлого», поскольку именно через их посредство происходит отбор и выработка символов единства и отличительных от других элементов общности (Подробнее см.: [Измайлов: 2007. С. 130–177]).

Совершенно правы те исследователи, которые считают, что «культурно-историческая идентичность общества, по сути своей, означает проблему его субъектности в историческом процессе, интерпретируемом в данном случае как реализация определенной культурной традиции» [Гибдуллин: 2005. С. 118]. Субъектность эта развивается, как в общем, так и в частном. Нация определяет свое место в истории, но через самоопределение всех членов этой общности. Здесь существует особая диалектическая связь: с одной стороны, позиция каждого индивида зависит от коллективного сознания и традиции, но она зависит и от состояния умов всех и каждого из ее членов.

Не вдаваясь в теории исторической антропологии и этнологии, можно констатировать, что в самом общем виде история нации – это коллективная память поколений. Для нас, в данном случае, малозначимо, что существует история как коллективная память и история, как наука, познающая прошлое. Ведь условиях развития средств массовой информации и всеобщего среднего образования грань между ними постепенно стирается. В коллективной памяти народа оригинальны в большей степени воспоминания в пределах одного-двух поколений, тогда как о далеком прошлом широкие массы народа узнают не из семейных преданий, а из книг и средств масс-медиа. Как своеобразное эхо, многократно повторенное и искаженное от гласа самого народа, артикулированное трудами историков.

Проблемы происхождения основных этнических компонентов, этногенеза и этнической истории татарского народа являются ключевыми для татар Волго-Уральского региона. Неудивительно, что в силу этого все эти темы входят в число наиболее сложных и дискуссионных. Особые споры вызывают общие и частные проблемы становления, развития и распада средневековой этнополитической болгарской общности. Изучение этой проблемы идет уже около двухсот лет, но актуальность ее не только не снижается, но становится еще более высокой, как и накал страстей вокруг нее. В немалой степени это связано с процессами этнической мобилизации, с тем, что иногда называют «мифологизацией прошлого» и «обретением великих предков», то есть вполне себе политической борьбой, едва прикрытой академической научностью с апелляциями к героическому и великому прошлому.

Все это активизирует целый ряд вопросов, нескончаемое количество раз задаваемых прошлому – кто были болгары и татары, а главное, кто из них является нашими предками? Ответы на эти вопросы в разные годы и десятилетия были неодинаковыми, наряду с традициями научно-объективного освещения существовали и другие, в которых научность порой подменялась квазинаучными соображениями и откровенным политиканством.

В принципе, в науке и общественном мнении есть два ответа на эти сакраментальные вопросы: первый – болгары являются прямыми и основными предками татар и второй – болгары были местным народом, который наряду с другими, был ассимилирован татарами. Каждый из этих вопросов имеет ряд нюансов и дополнений, но смысл их все равно сводится к этой формуле. Острота этой проблемы, фактически неразличимая в XIX в., стала постепенно актуализироваться в первой четверти прошлого века, достигнув апогея в 1940-е гг., став объектом прямого декретирования всей мощью коммуно-большевистской идеологической машины и партийно-государственного аппарата. После 50-х гг. XX в. административный нажим в этом вопросе постепенно снижался, но вплоть до середины 1990-х гг. продолжал оказывать давление на научных диссидентов. Можно сказать, что весь XX в. в татарской общественной мысли, особенно исторической науке, прошел под знаком борьбы воинствующего болгаризма против своих оппонентов. Однако, после того, как пал сам советский режим, его идеология была дискредитирована и были преданы забвению рычаги административного давления на науку, критика официального болгаризма стала усиливаться. Стало ясно, что не все научные вопросы можно свести к простым ответам. История татар как раз из таких примеров. И ключевую роль в этом отводится новым подходам к изучению болгарского периода, его роли и месту в прошлом татарского народа.

В контексте «Божьего града Болгара»: «мусульманская нация». Становление письменной традиции болгаризма можно отнести, как думается, еще к периоду Казанского ханства, когда представления об «избранности» рода Чингиз-хана и его потомков стали трансформироваться, объединяясь с преданиями о болгарской истории (О средневековых концепциях истории в Булгарии и Казанском ханстве см.: [Измайлов: 1998. 2006. С. 99–128]). Однако, в условиях поражения восстаний татар и башкир под знаменами ханов из рода Джучи начали нарастать настроения разочарования и безнадежности методов вооруженной борьбы и следования идеологии «чингизизма». Привычная монокультурная среда татарского средневекового общества, в которой ценности ислама играли определяющую роль, была разрушена Российским царством: ислам потерял прежнее господствующее положение; обычаи, сама культура татар, подвергались ограничениям и гонениям; усилилось давление на военно-служилую знать (даже на лояльную Москве), которая постепенно потеряла свои земли и, за этим, привилегированное положение в татарском обществе.

В таких кризисных условиях практически полной гибели светской политической культуры в татарском обществе на место знати на ведущие роли выходят религиозные деятели. Они выдвигают идеи преодоле-

ния этих трудностей своеобразным путем – через духовное обновление и обретение «Божественного Града». Причем, это не столько реальный земной Город, сколько Горний, «небесный» или «духовный» Град. Способом достижения (или вернее обретения) его считалось создание общины социальной справедливости (ибо «несправедливость разрушила святой Болгар»). В условиях Поволжья эти представления о социальной гармонии (очень близкие к первоначальному, «неиспорченному», «традиционному» или «первоначальному» исламу) причудливо переплелись с традиционным воззрением на особую святость древнего города Болгара («Шәһри Болгар»). Они, определенно, насыщались элементами и символами прежнего болгарского этнополитического сознания. В результате возникло течение общественной и политико-религиозной мысли, символом которой стал образ «Святого Града Болгара».

В мировой культуре подобный феномен приобрел название «кризисный культ» [La Vague: 1971], под которым понимаются все различные мессианские и милленаристские (то есть стремящиеся к созданию царства вечного благоденствия) движения. Кризисные культы представляют собой массовые аффективные, иррациональные движения, ставящие себе целью преодоление трудностей, выхода из тупика в условиях, когда решение задачи разумными способами невозможно (провал вооруженных восстаний и утопичность, например, планов создания независимого города Болгара внутри Российской империи) или может потребовать от общества таких усилий и самоограничений, на которые оно пойти не готово (всеобщее восстание или кампания гражданского неповиновения). Адепты кризисных культов, не в состоянии избавить людей от сильнейших негативных явлений, создают иллюзию избавления. Как правило, кризисные культы претендуют на способность преодоления не только частных трудностей (причин, породивших их), но и решение основных проблем бытия (открытие смысла жизни, внеземное блаженство). Они сулят вечное счастье и благосостояние всем сторонникам, но только после достижения власти, и гибель всем, кто противостоит движению или равнодушен к нему. Только постановка таких сверхзадач и дает возможность мобилизовать сторонников и заставить их на время забыть о реальных страданиях и потерях.

На этот контекст в татарской ситуации накладывались милленаристские представления о «Святом граде Болгаре» не только как форма переживания великого прошлого, но и грядущего «тысячелетнего царства справедливости» для правоверных мусульман. Скорее всего, в этом смысле и следует понимать воспевание святости и духовного совершенства «города Болгара» (Утыз-Имяни, Гали Чокры) и политических про-

кламаций, призывающих приложить усилия к возрождению «Болгара» (мулла Мурад, Батырша). Например, мулла Мурад прямо проповедывал своим сторонникам, что «настало время «возобновления» самого «града Болгара» (См.: [Хасанов: 1977. С.58; Гайнутдинов: 2000. С.8–12]).

Определенно, что только в таком контексте понятны обращения в татарском обществе XVIII в. к истории и истокам названной духовной традиции. Во всяком случае, термин «Божий град Болгар» и производные от него вполне реальны как духовные символы, но эфемерны на реальной этнополитической карте – найти следы их сродни попыткам обнаружить «Третий Рим» или «Новый Иерусалим», а «обретение «святого града Болгара» на месте развалин золотоордынского Болгара сродни стремлению восстановить «Храм Соломона» на горе Сион. Надо иметь в виду, что подпитывались взгляды о прошлом величии Болгара и восточной историко-географической традицией, где представления о Поволжье, как области ислама и «стране Булгар», были распространены уже с XV в., став для восточных интеллектуалов элементом традиционной «картины мира». Преподаваемые в медресе (причем, как в среднеазиатских – ведь значительная часть татарского духовенства училась в Средней Азии – так и поволжских) подобные традиционные формулы скорее всего постоянно воспроизводились во время учебного процесса.

«Святой Болгар» являлся для татарского общества кризисным культом и распространился особенно широко в религиозной среде, став знаменем борьбы за свободу и веру. Мулла Мурат, Батырша и многие другие «взыскующие града» деятели, в ходе отстаивания права народа на исповедание ислама сумели сплотить мусульманскую умму и создать весьма сильное давление на царские власти. Их борьба в итоге увенчалась определенным успехом: в 1784 г. власти частично признали за татарской мусульманской знатью дворянские права, в 1788 г. было создано Оренбургское Духовное управление мусульман и др. Было дано разрешение на строительство мечетей, наступила определенная свобода в области исповедания не христианских религий. Все это снизило градус накала борьбы и в какой-то мере примирило татар-мусульман с властью. После этого идеологи ислама и «булгарских традиций» в своих работах стали больше обращать внимание не на борьбу с царизмом и духовном противостоянии, а на собирании сведений о святых местах, легендах и преданиях о святых (например, труды Хусамаддина Ибн-Шарафаддина, Таджаддина Йалчигула, Муслими и др.) для утверждения мусульманских «булгарских» традиций.

В такой сложной общественно-политической обстановке происходило становление «мусульманской» этнокультурной общности в XVII–

XIX вв. в Поволжье [Исхаков: 1997. С. 68–70; Исхаков: 2001. С. 141–142]. Консолидация тюрко-мусульман именно по конфессиональной идентичности было вызвано воздействием целого ряда факторов. Во-первых, сильнейшего давления имперской власти, стремящейся полностью искоренить мусульман на своей территории и проводившей политику насильственной христианизации и русификации, что не могло не вызвать объединения единоверцев с целью коллективного противостояния политике властей. Во-вторых, вследствие окончательного деклассирования слоя военно-служилой аристократии, когда роль руководителей мусульманских общин взяли на себя представители духовенства, которые играли важную роль в сопротивлении, в том числе и вооруженном (восстание Батырши) (Подробнее см.: [Гилязов: 1997. С. 13–21]). Однако, вопреки мнению некоторых авторов, неправильно понимающих, что такое этническая идентификация, никакой «болгарской» этнонациональной идентичности и ее активных пропагандистов в лице мифического «движения абызов» в источниках не зафиксировано [Хабутдинов: 2008. С. 4]. Историки, прекрасно разбирающиеся в этих вопросах, прямо указывают, что тахаллусы «ал-Булгари» или апелляция к болгарским корням «не несет никакой этнической нагрузки и не заменяет ее» [Кемпер: 2008. С. 32]. Более того, можно сказать, что весь прошлый «булгаризм» XVIII–XIX вв. имел книжное происхождение и апеллировал к традиции и мифическим предкам, очерчивая рамки, современные реалиям «мусульманской» нации того времени. Вот что писал по этому поводу немецкий исламовед и историк М. Кемпер: «Это «литературное болгарское пространство» соответствует населенной мусульманами территории между Средней Волгой и Уралом, охватывая на востоке деревни на Урале, на юго-востоке Каргалинскую слободу под Оренбургом ... территорию к югу и северу от Камы до Казани, а также правый берег Средней Волги; на западе и севере эта «Волжская Булгария» ограничена территориями чувашей, марийцев и удмуртов, которые в XIX в. были христианизированы, а вдоль Волги достигает Новой Кулатки под Саратовым» [Там же. С. 31]. Иными словами, ареал этой «болгарской» идентичности охватывает территорию формирования новой, консолидирующейся общности – «мусульманской» нации, маркируя ее особым способом – показывая от какого наследия тюрко-мусульмане никогда не откажутся. Суть этого «болгарского дискурса» выраженного в целом ряде, условно говоря, «исторических текстов» (Современные издания см.: [Галяутдинов: 1990; Мөслими: 1999; Әмирхан: 2001] прекрасно проанализирована А. Франком [Frank: 1998; Франк: 2008], который подчеркивал, что эта историография, подпитываясь древними преданиями и, возможно, не имевшая прямой писанной

традиции, восходящей к историописаниям средневековой Волжской Булгарии, служила целям объединения волго-уральской мусульманской общины на основе значимых для нее коннотаций, являясь особой формой социального и политического протеста.

Причем, судя по трудам типа «Тэварихы Болгария/Болгар тарихы»), «булгарская» общность в лице ее идентичности самими идеологами трактовалась как «традиционная мусульманская идентичность», понимаемая как «чистая вера», которая, якобы сохранилась у части духовенства, тогда как татарская аристократия, «погрязшая в грехах», привела страну к гибели. Отсюда распространенный пристрастный поиск болгарских истоков и, особенно, подчеркивание «святости древнего Болгара» и его традиций как «истинно правоверных», а также трактовка его падения как вызванного не столько внешними причинами, сколько ослаблением веры и вероотступничеством. В этом смысле для данной традиции было характерно настороженное отношение к ближайшей истории татарских ханств, поскольку, следуя указанной логике, адепты «булгаризма» считали, что их правители виновны в отступлении от чистоты веры. Для них характерно и негативное отношение к собственно татарской идентичности, сохранявшейся в традициях служилых татар и таких исторических источниках, как «Дафтар-и Чингиз-наме» XVII в.

Но придавать подобным антитатарским инвективам слишком большого этнического значения не стоит, как и конструировать из этих тенденций некую «булгарскую» этнокультурную общность, находившуюся под управлением абызов. Подобная позиция была подвергнута вполне справедливой критике, указывающей на явные политические коннотации «булгарской» идентичности, сопряженность и взаимоперекрывание булгарской и мусульманской идентичностей, а также то, что внутри нее латентно существовали и другие типы самоидентификации, в первую очередь, сословные и родовые (Подробнее критику см.: [Исхаков: 1997 б. С. 22–33].

Зарождение татарской исторической науки и болгарское наследие. Волжская Булгария всегда занимала особое место в трудах татарских историков. Пытаясь создать новую историческую традицию, татарские общественные деятели не могли обойти стороной ни вопрос о месте в истории татар средневековой Волжской Булгарии, ни игнорировать определяющее значение в XIII – начала XV вв. Улуса Джучи. Зарождающаяся татарская историография, вырабатывая свою историческую традицию, сделала попытку пройти по тонкому льду, сохраняя преемственность с предшествующей традицией и более ранними историческими повествованиями, она утверждала мысль о преемственности болгар и татар, но

при определяющем влиянии на этническую историю болгар этнокультурных и социальных процессов, протекавших в период Улуса Джучи.

Основой для подобного прорыва и некоего исторического компромисса стали труды Ш. Марджани, стоявшего у истоков не только современной татарской историографии, но и татарского самосознания типа национального. Понимая, что обретение прошлого является важнейшим этапом становления национального самосознания, он не уклонился от ответа на эти сложные проблемы, решив их в определенном ключе, задав смысл и формат дальнейших дискуссий, которые развернули его последователи и которые продолжают его потомки вплоть до современности. В рамках этих острых проблем взгляд на его творчество был различным. От почтительного отношения современников и ближайших потомков, до нигилистического отношения в 1930–1950-х гг. и осторожного признания заслуг перед наукой и просвещением в 60–80-е гг. XX в. Коллизии в отношениях к жизни и творчеству Ш. Марджани на протяжении прошлого века объяснялись властным вторжением в историческую науку политики и идеологии.

Нервом этих дискуссий вокруг наследия великого национального деятеля и историка являлось отношение к болгарскому прошлому и определение места этого периода в истории татарской нации. Это сложные, многоаспектные и неоднозначные вопросы. Противоречия кроются как в подробностях формирования самой исторической науки, раскрывающей факты болгарской истории, так и в зигзагах политики, причудливых извивах национального самосознания под их воздействием. Достаточно сказать, что у его ближайших потомков не было единства в вопросах о месте болгарского периода в истории татар. Но и взгляды самого Ш. Марджани также не укладывались в простые схемы дилеммы «булгаризма»-«татаризма». Они были многомерными. Очевидно, именно поэтому в советское время его труды не только не печатались, но и практически не цитировались. Даже тогда, когда в 1980-х гг. стало возможным изучать и анализировать его труды, многие исследователи пытались «слепить» из их автора предтечу булгаризма, искажая и перетолковывая его взгляды (например, М.Х. Юсупов, А.Н. Хайруллин, М.З. Закиев и др.).

Будучи страстным поборником разработки национальной истории, Ш. Марджани посвятил все свои творческие силы освобождению своего народа из плена средневековых басен и мифов относительно прошлого своего народа и сделал немало, чтобы пробудить его национальное самосознание. В этой связи он стремился дать цельную концепцию истории татар с древнейших времен до своего времени, что было невозможно без решения ключевой проблемы роли и места истории Волжской Булгарии

в этногенезе и этнической истории татар. При этом, отстаивая собственный взгляд на прошлое своего народа как на татарскую историю, он должен был учитывать весьма популярную и авторитетную «булгарскую» традицию и характерные для того времени дискуссии среди русских историков, суть которых, общаясь с профессорами Казанского университета, он, несомненно, знал.

В первую очередь он изучил и подверг серьезной критике труды мусульманских авторов конца XVIII – начала XIX вв. Т. Йалчигула и Муслими. Однозначно отметив, что они не выдерживают никакой критики как исторические сочинения, Марджани указал, что «большая часть известий, излагаемых в истории Хисамуддина, суть лживые предположения, пустые воображения и чистая ложь» [Багаутдинов [Марджани]: 1884. С. 42] и практически не использовал их в своих трудах. Фактически ему пришлось заново создавать татарскую историческую традицию, которая бы объединяла восточные историко-географические труды, частично – татаро-мусульманскую местную историографию и русские летописи. При этом все это должно было способно выдержать взыскательную критику университетских ученых.

Для Ш. Марджани было чрезвычайно важно показать этнокультурную преемственность между булгарами и современными ему татарами, которую он всячески подчеркивал. Он, например, писал: «Из-за многочисленных смут и бед, обрушившихся на Булгарию, ее прежнее благополучие пошло на убыль, постепенно все это перешло на Казань, которая и стала наследницей всего этого бывшего величия» [Марджани: 2005. С. 11]. Подводя итог своим изысканиям, Ш. Марджани писал, что булгары и соседние тюркские племена, потерпев поражение от татар и, в конечном счете, потеряв свой этноним, стали называться татарами.

Очевидно, что для него булгарский период был важным для понимания глубины исторического прошлого татарского народа, именно с ним он связывал основные элементы цивилизованной жизни, определявшие и определяющие прошлое и настоящее татар – религию, городскую культуру, письменность и литературу. Вместе с тем, он отчетливо понимал, что сам этноним татары, традиции государственности и многие другие элементы культуры – это наследие Улуса Джучи. В его исторической концепции есть стремление объединить все это и создать теорию плавного перетекания булгарской культуры в татарскую через приобщение кочевников к исламу и городской жизни.

В дальнейшем его последователи развивали отдельные положения его исторического труда, принимая ту или иную сторону исторического спектра по оси булгаризм-татаризм. Р. Фахреддин, например, развивал те

его взгляды, которые можно назвать «тюрко-булгарскими», а Х. Атласи занимал более протатарские позиции. Более отдаленные потомки, клявшиеся в верности его идеалам, пытались то сконструировать «булгаристскую» историю татар (Х. Габяши), то сделать татар частью большой «тюрко-мусульманской нации» (С. Максуди, Г. Исхаки).

Татарский «булгаризм»: попытка синтеза. В 20-е гг. XX в. после победы Советской власти, образования Татарской АССР, с началом политики «коренизации» и «культурной революции», происходит сближение некоторых русских исторических концепций с трудами отдельных татарских историков. С одной стороны, русские историки, в первую очередь, Н.Н. Фирсов, начинают активно разрабатывать историю татарского народа, создавая цельную концепцию ее развития. В их трудах период Волжской Булгарии становится частью прошлого татар и выдвигается концепция преемственности истории и культуры Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства как хронологических периодов единой татарской истории. Эти труды, являвшиеся учебными пособиями, стали своего рода прототипами татарских учебников, играя роль краткого курса истории татарского народа в условиях отсутствия систематизированных учебников истории. А с другой – татарские историки, получившие современное гимназическое и университетское образование, стали разрабатывать историю татар с использованием всех современных методов исторических наук.

Новый импульс получила в этот период татарская историография, объединив свой подход к истории татар с методикой анализа источников и современными концепциями, в первую очередь, марксистской, развития и устройства общества. Наиболее выразительными для этого периода являются труды выдающегося татарского историка и писателя Г. Губайдуллина (Г. Газиза), который выпустил в этот период несколько работ, раскрывающих его подход к истории татар [Губайдуллин: 1925. С. 72–74]. (Также см.: [Губайдуллин: 2002. С. 135–137]). В нем он, развивая исторические взгляды предыдущих историков, попытался создать новую концепцию истории татар на основе материалистического (социально-экономического) метода исследования истории. В программной работе «История татар» (1919 г.) [Газиз: 1919]. (Перевод см.: [Губайдуллин: 1994]), которая выдержала позднее несколько переизданий, он рассматривает историю болгар наряду с гуннами, хазарами и другими тюркскими народами Восточной Европы в качестве предыстории татарского народа.

В выводах он указывал, что, хотя тюркские народы с древнейших времен жили в Восточной Европе, но государственность к XIII в. сохрани-

ла только Волжская Булгария. Значение этого периода, по его мнению, состояло в том, что ранние тюркские группы сыграли главную роль в формировании в будущем татарского народа [Губайдуллин: 1994. С. 45]. Одновременно, он четко расставляет все акценты: «С приходом монголов в Восточную Европу в истории татар начался новый период. В нем имеются две особенности: 1) Формирование татарского народа – с этого времени в Восточной Европе «всех тюрков, тюркизированных финноугров и монголов стали называть татарами» [Там же. С. 55–56]; 2) При этом он считал, что болгарское население продолжало жить «своей родовой жизнью, управляемое своими болгарскими беками», а позднее население Казанского ханства «представляло собой смесь татар, прибывших извне, с местными болгарскими тюрками» [Там же. С. 78–80].

Между тем, серьезных исследований проблем происхождения татар и места болгарского периода в 30-е гг. XX в. не было. Причиной этого стали жесточайшие репрессии в отношении татарской гуманитарной интеллигенции, которые уничтожили практически всех видных историков (Х. Атласи, Г. Губайдуллин, Г. Рахим, Н. Хаким и др.). Говоря о трагедии целого поколения ученых, достаточно сказать, что к моменту образования в 1939 г. Института языка, литературы и истории в его штате не нашлось ни одного кандидата наук из татар. Практически в 1940-е гг. татарская гуманитарная наука начала возрождаться с нулевой отметки.

В этих условиях работы по средневековой истории исчисляются единицами. За эти годы можно, например, назвать одну статью Х.Г. Гимади, в которой он дает периодизацию истории Татарской АССР и специально отмечает, что «нет никакого сомнения, что болгары оказали огромное влияние на формирование татарского народа, его культуру, быт и т.д.» [Гимади: 1941. Вып. 4. С. 56]. Одновременно он, с одной стороны, объявляет, что болгары боролись с «татарским игом», а с другой – указывает, что «Золотая Орда не была централизованным государством. Каждый улус жил своей самостоятельной экономической и культурной жизнью. Она не была и национальным государством» [Там же. С. 60]. Соответственно, он считал, что «Казанское ханство возникло на развалинах Болгарского царства», а его население составляли болгары и мигрирующие с юга татары [Там же. С. 61].

Затем последовало Постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г.

В результате ряда специальных мер, связанных с реализацией этого документа в рамках Татарской АССР, был введен запрет на целый пласт истории татар. Зияющую брешь, образовавшуюся после запрета на историю Улуса Джучи, было решено заполнить «местными болгарскими корнями». Закреплением этого положения стала так называемая «научная

сессия о происхождении казанских татар» (25–26 апреля 1946 г.), проведенная совместно Отделением истории и философии АН СССР и Казанского филиала АН СССР. На ней были заслушаны доклады и выступления специалистов по истории, археологии, тюркологии и антропологии, которые единогласно предложили впредь считать современных татар потомками волжских булгар, а Улус Джучи рассматривать в качестве чисто внешнего явления для этнической истории татарского народа [Происхождение: 1948. См. также: [Советская этнография: 1946. № 3].

Археолог А.П. Смирнов прямо пишет, «что монголы... не осели в Среднем Поволжье и, во всяком случае, не оказали заметного влияния на формирование современных татар» и далее указывает: «Если провести сравнение культуры болгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то не трудно убедиться в том, что болгарская культура является основой культуры казанских татар» [Происхождение: 1948. С. 16]. Не менее определенно формулирует вывод член-корреспондент АН, историк-востоковед А.Ю. Якубовский, задав себе вопрос – «Какое отношение имеют современные татары к татарам Золотой Орды?», он прямо отвечает: «В данном случае у некоторых историков наблюдается... случай смешивания народов с историей имени другого народа. Население Татарской Республики, занимающее территорию бывшего Булгарского княжества, отсюда не уходило, никем не было истреблено и живет по сие время», именно поэтому, по его мнению, «мы с уверенностью можем сказать, что этнический состав татар или Татарской автономной социалистической республики составляют древние болгары, включившие в себя еще новые элементы... и только впоследствии получившие имя татары» [Там же. С. 132–133]. Подводя итог докладам и выступлениям на этой научной сессии, академик Б.Д. Греков, исходя из партийной установки, весьма тонко заметил, что «большинство здесь выступивших с докладами и оппонентов шли по одной и той же линии, и выводы, я думаю, напрашиваются сами собой» [Там же. С. 158].

Таков окончательный анализ научного смысла этой сессии, суть которого в том, что эта самая «одна линия» не являлась, как можно видеть, линией науки, а была конъюнктурной и определенной линией партийной идеологии, слегка прикрытой флером научности.

Таким образом, судьба изучения этнической истории татар была определена надолго. Тенденциозная, однобокая трактовка этногенеза стало нормой. Ключевые этапы формирования татарского народа, периоды подъема государственности и культуры в недрах Улуса Джучи и татарских ханств XV–XVI вв. отныне освещались только под углом зрения болгарской теории. Представления народа о древних корнях единства та-

тарского народа в период существования Улуса Джучи, выраженного в эпосе «Идегей», были заменены сугубо областной историей.

Именно в этом ключе с определенными дополнениями и более обширным корпусом доказательств, но концептуально в неизменном виде трактовалась история татарского народа. В наиболее научном и концентрированном виде данная концепция была изложена в трудах А.Х. Халикова [Халиков: 1978; 1989]. Не удивительно, что в определенный момент времени он пришел к мысли о том, что современных татар следует «переименовать» в болгар [Халиков: 1992]. Интересно отметить, что подобную же мысль о целесообразности переименования татар в болгар, по словам В.А. Тишкова, высказывал ему еще в 1978 г. Первый секретарь Татарского обкома КПСС Ф.А. Табеев: «Мы, – сказал тогда Табеев, – сделали ошибку в первые годы советской власти, нам надо было назваться болгарами» [Тишков: 2008. С. 69]. Сам В.А. Тишков поддержал своего собеседника, размышляя о том, что, «как мне кажется, такая историческая возможность была». Можно много гадать о том насколько подобная возможность была реальной, но история новейшего периода расставила все на свои места.

Уже в 1990-е гг. началось новое татарское возрождение и прежние доктрины болгаризма были сметены, сохранившись лишь на периферии общественной и исторической мысли. В настоящее время подготовлены многочисленные академические труды, в которых изложена современная научная концепция формирования и развития татарской нации с древности до современности: коллективная монография «Татары», вышедшая в серии «Народы и культуры» Института антропологии и этнологии РАН (2001); «История татар с древнейших времен» в семи томах, «Татарская энциклопедия», иллюстрированные монографии «Татарика» (2006), «Татарика. Этнография» (2008) и «Татар дөнъясы = Татарский мир» (2019). Все эти труды, прошедшие серьезную научную апробацию как в России, так и за рубежом, очертили контуры и основные составляющие концепции тюрко-татарского происхождения и формирования идентичности татарской нации. В ней не отвергается ни один из этапов истории татарского народа, включая и болгарский, но все они являются определенными этапами на пути становления средневековой этносоциальной татарской общности как правящего сословия, которое в период модерна трансформировалось в единую татарскую нацию.

Разумеется, следует признать, что трансформация татарской нации татар-мусульман в советский период происходила при острой идеологической борьбе, где вся мощь Советского государства была направлена на перекодирование татарской идентичности. Хотя в целом эта попытка для властей оказалась неудачной, она оказала и продолжает оказывать самое

негативное воздействие на национальный менталитет, искажая и привнося в него особые идеологические элементы. Нельзя не подчеркнуть, что при росте имперских амбиций в России, как показывает исторический опыт, давление на татарскую идентичность возрастает и к этому следует быть готовыми. Булгаризм в этом смысле является самым верным и действенным оружием в руках имперствующим российских идеологов. Особая опасность его в том, что он является регионально-республиканским по своей сути, тогда как формирование и современное российское представление многочисленной татарской нации имеет гораздо более широкие территориальные рамки. Кроме того, определение происхождения татар исключительно от болгар разрушает единство татарской нации, ибо из её состава исключает многие её группы, обрекая тем самым татар на развал и быструю ассимиляцию. В этой связи определение Родины как места становления и формирования современной татарской нации имеет важное значение в борьбе за сохранение национально-культурных прав татарских общин. Поэтому борьба за свой «татарский» – образ прошлого, является не только борьбой за свою подлинную идентичность, но и одновременно мощным средством обеспечения единства татарской нации.

Литература

1. Алишев С.Х. Историки. Татарский народ. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2000.
2. Багаутдинов [Марджани]Ш. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV Археологического съезда. Казань, 1884.
3. Газиз Г. Татар тарихы. Казан, 1919.
4. Газиз Губайдуллин: Научно-биографический сборник. Казань: Рухият, 2002.
5. Гайнутдинов Мурад мулла // Духовная культура и татарская интеллигенция: исторические портреты. Казань, 2000. С. 8–12.
6. Галяутдинов И.Г. «Тарих Нама-и Булгар» Таджетдина Ялсыгулова. Уфа, 1990.
7. Гибадуллин Р.М. Формирование и развитие традиций в культурно-исторической самоидентификации татарского общества // Либеральные и тоталитарные образы истории. Казань-Набережные Челны: Изд-во ИНЭКА, 2005.
8. Гилязов И.А. Эволюция социальной структуры татарского общества и ислам (вторая пол. XVI–XVIII вв.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань: Мастер Лайн, 1997. С. 13–21.
9. Гимади Х.Г. Некоторые вопросы истории Татарии (к вопросу о периодизации истории Татарии до XVIII в.) // Уч. зап. КГПИ. 1941. Вып. 4.

10. Губайдуллин Г. Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана. Вып. II. Казань, 1925. С. 72–74.
11. Губайдуллин Г. История татар. Московский лицей, 1994. – 197 с.
12. Закиев М.З. Проблемы этногенеза татарского народа // Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. С. 12–94.
13. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М.: Инсан, 2003.
14. Измайлов И.Л. «Начала истории» Волжской Булгарии в предании и исторической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М.: Наука, 2000. С. 99–105.
15. Измайлов И.Л. Историческое прошлое как фактор национальной мобилизации // Единство татарской нации. Материалы научной конференции АН РТ. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2002. С. 57–75.
16. Измайлов И.Л. Нашествие Аксак-Тимура на Болгар: мнимая реальность и татарская историческая традиция // Источники и исследования по истории татарского народа. Материалы к учебным курсам в честь юбилея академика АН РТ М.А. Усманова. Казань: Казанский госуниверситет, 2006. С. 99–128.
17. Измайлов И.Л. История и память татарского народа как средство этнонациональной мобилизации // Современная татарская нация: концептуальные исследования. Казань, 2007. С. 130–177.
18. Измайлов И.Л. Оценка болгарского периода в татарской истории: научные концепции и общественное сознание // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 19–79.
19. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань: Мастер Лайн, 1997.
20. Исхаков Д.М. Становление татарской нации в XVIII – начале XIX вв. (этнический аспект) // Татары. М.: Наука, 2001.
21. Исхаков Д.М. Об идентичности волго-уральских татар в XVIII в. // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань: Мастер Лайн, 1997. С. 22–33.
22. Каримуллин А.Г. Татары: этнос и этноним. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988.
23. Кемпер М. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане (1789–1889). Исламский дискурс под русским господством. Казань: РИУ, 2008.
24. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара. Часть 1. Казань, 2005.
25. Мөслими Тәварихы Болгария (Болгар тарихы). Казань: Иман, 1999.
26. Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948.

27. Советская этнография. 1946. №3.
28. Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008.
29. Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Под. ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido Univ., 2003. С. 16–51.
30. Франк А. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань: РИУ, 2008.
31. Хабутдинов А. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008.
32. Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1978.
33. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989.
34. Халиков А.Х. Кто мы: болгары или татары? Казань: Изд-во «Казань», 1992.
35. Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977.
36. Цвиклински С. Татаризм vs. Булгаризм: «первый спор» в татарской историографии // *Ab imperio*. 2003. №3. С. 361–392.
37. Әмирхан Х. Тәварихы Болгария (Болгар тарихы). Казань: Иман, 2001.
38. La Barre W. Materials for a history of studies of crisis cults // *Current Anthropology*. 1971. Vol. 12. N 1. P. 3–27.
39. Frank A. Islamic historiography and «Bulghar» identity among the tatar and bashkirs of Russia. Leiden: Brill, 1998.

ЛЕД ТРОНУЛСЯ

После смерти И. Сталина в СССР начался процесс демократизации, получивший определение «оттепели». Хотя этот период продолжался недолго, вскоре замененный «подмораживанием», осуществленном партийными консерваторами, он сыграл важную роль в дальнейшем развитии советского общества. Данный этап повлиял на Татарстан и татарскую нацию, начавшую поворот в сторону отстаивания своих национальных прав. К сожалению, татарстанские историки изменения в татарском обществе, происходившие в 1950-х гг., детально ещё не изучали. Поэтому, редакция приняла решение опубликовать отрывки воспоминаний второго секретаря Татарского обкома КПСС Камиля Фасеева, как раз бывшего в то время одним из инициаторов демократических преобразований в ТАССР. Из его воспоминаний отчетливо видно, что те задачи, которые были поставлены национальным движением на рубеже 1980–1990-х гг., стояли перед татарским обществом уже в 1950-х гг. Они же показывают, что в торможении назревших демократических изменений в республике участвовали и татарские консерваторы, входившие в центральные партийные органы. Об этом не следует забывать.

ТАТАРСТАН И ТАТАРСКОЕ ОБЩЕСТВО В ГОДЫ «ОТТЕПЕЛИ»

(из воспоминаний К. Фасеева)¹

«... Чувствуя лояльное отношение С.Д. Игнатъева, члены бюро, заведующие отделами и другие приглашенные «развязали языки». Мне пришлось просить слово два раза. Полемизируя с некоторыми товарищами, я отстаивал один тезис: успехи и недостатки в любой области национальной культуры теснейшим образом связаны со школой. Татарская школа переживает глубочайший кризис. Если не принять экстренных мер, через пару лет татарские школы исчезнут вообще, вырастет поколение, лишен-

¹ Фасеев Камилль Фатыхович (1919–2005), советский партийный и государственный деятель, ученый, профессор. Родился в д. Тимяш Лениногорского района РТ, окончил высшую партийную школу, Академию общественных наук при ЦК КПСС (АОН), защитил кандидатскую диссертацию по философии (1953). Был зав. отделом науки, школ и культуры Татарского обкома, секретарем по идеологии обкома, председателем Президиума Верховного Совета ТАССР, первым зам. председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, директором и старшим научным сотрудником ИЯЛИ КФ АН СССР, доцентом, профессором Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина. В бытность секретарем по идеологии Татарского обкома КПСС принял активное участие в попытках реформировать в ТАССР систему школьного образования, усилив преподавание на татарском языке. За это был снят с партийно-советских должностей (1959–1960).

ное родства, не владеющее языком отцов и матерей, не способное создать шедевры национальной поэзии, прозы, музыки, драматургии, абсолютно лишенное возможности ознакомиться с произведениями татарской классики. Если мы хотим приумножить культурные ценности, заслужившие всеобщее восхищение на прошедшей Декаде, следует начать, прежде всего, со школы. А она, национальная школа, тянет нас назад.

Среди участников бюро почти никто категорически не отвергал мои суждения... Заключительное слово Игнатъева было на редкость благожелательным, обнадеживающим. Он высказал много похвал в отношении достижений татарской культуры, подчеркнув, что знает по собственным наблюдениям о ее прогрессивном влиянии на культуру народов Средней Азии, Казахстана и Башкирии. Игнатъев одобрил выступления, в которых прозвучали озабоченность имеющимися отрицательными тенденциями в национальной культуре и сделал конкретные предложения по их устранению. Признаюсь, что до сих пор я не слышал таких ярких, содержательных речей, посвященных национальной культуре.

Порадовало меня еще и то, что касаясь поднятой мной проблемы, Игнатъев прежде всего нас же обвинил в допущении самотека в этом вопросе. Обращаясь к Батыеву, он резко спросил:

– Если татарские школы, как тут обрисовал Фасеев, находятся в плачевном состоянии или просто вымирают, то куда же смотрели вы, руководители республики? Почему не приняли меры для исправления положения?

– Вопрос возник давно и волновал нас, но упирался на резкое сопротивление Муратова, – был ответ.

– Да перестаньте вы все сваливать на Муратова! Знаю, что он был осторожен в этих вопросах, на то были причины. Но почему вам, молодым, не хватило смелости? Ну ладно, вопрос действительно острый, надо найти разумное решение. Посоветуемся с товарищами из ЦК. А вы подготовьте подробную докладную записку и составьте конкретный план работы по подъему всего комплекса культуры.

– Вскоре план был составлен и утвержден. Мы провели ряд совещаний с участием учителей, заведующих отделами народного образования, писателей, ученых, партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. В ноябре 1957 г. состоялась конференция, посвященная детской литературе. С основным докладом пришлось выступить мне, дополнительные доклады сделали Ахмет Исхак, Ибрагим Нуруллин, Нил Юзиев. Содержательными были выступления Мирсая Амира, Абдрахмана Абсалямова, Ахмеда Файзи, Шайхи Маннура, Гарифа Губая, московских гостей Н. Богданова, В. Любимовой, С. Баруздина, Н. То-

мана, Ю. Яковлева. Проблемы эстетического развития детей, роли художественной литературы в воспитании любви к Родине, народу, родному языку, уважительного отношения к национальным традициям, дружбе народов рассматривались в тесной связи со школьным образованием.

– В начале декабря было проведено собрание творческой интеллигенции республики. В докладах министра культуры Рахматуллина, руководителей творческих союзов, выступлениях писателей, композиторов, актеров театров, художников анализировались достижения и недостатки, выявленные в ходе Декады. Выступая на собрании, С.Д. Игнатьев говорил о необходимости усиления внимания к национальной культуре, о роли мастеров литературы и искусства в духовной жизни общества, о намерении обкома основательно рассмотреть вопрос о национальной школе, принять меры по исправлению допущенных ошибок и извращений. Это заявление было встречено бурным одобрением. Такие собрания и совещания были необходимы: они способствовали мобилизации общественного мнения вокруг проблем национального языка и школы, их правильному пониманию и разъяснению.

В то время некоторые представители интеллигенции заявляли следующее: партия и государство проводят политику, направленную на русификацию всей страны, и преследуют цель – закрыть национальные школы; руководство Татарстана, чтобы угодить центру, сознательно притесняет язык татар, запрещает обучение на родном языке. К сожалению, эти явно ложные суждения возникли не случайно.

Переход к преподаванию предметов, кроме татарской литературы, на русском языке в татарских школах, а затем обучение татарских детей в русских школах начался без какой-либо директивы. По этому вопросу нет ни одного правительственного постановления или приказа министра просвещения. Процесс возник «самотеком». Обычно дело происходило так: рекомендуют кандидата на пост секретаря райкома или председателя райисполкома, который прежде работал в районе, где преобладало русское население, его дети обучались в русской школе, татарским языком не владеют. К тому же в районе еще 3–4 ответственных работника русской национальности. Вот для их детей и открываются русские классы. Общаясь со своими сверстниками-татарами, эти дети могли бы быстро научиться говорить, читать и писать по-татарски. Но родители не согласны. И, беря пример с «начальства», родители-татары требуют перевести своих детей в русские классы. Здесь сказалось извечное уважительное отношение к русским, стремление овладеть русской речью. Татары очень хорошо помнят заветы Каюма Насыри, Габдуллы Тукая, Фатыха Амирхана, Галимжана Ибрагимова и других деятелей татарской культуры, зна-

ние русского языка считают большим достоинством. Ф. Амирхан еще в 1907 г. зло высмеял ослепленных религией и национализмом обывателей, пытающихся запретить татарской молодежи изучать русский язык. «В то время, когда вы посылали толстопузых невежд в Петербург с ходатайством не обучать татар русскому языку, – писал он, – мы стали тратить свои ничтожные средства на изучение русского языка, овладевать знаниями, откуда бы они ни шли». Тогда же известный просветитель Шакир Мухамметов призывал: «Каждый из нас должен уметь говорить, читать и писать по-русски так же, как любой русский».

Следование этим традициям было явлением чрезвычайно отрядным, прогрессивным. Только без извращений национальной политики, без явного ущерба татарской культуре, игнорирования основного признака нации – языка. Когда рядом с 3–4 русскими ребятами сажают 30 детей-татар и начинают работать с ними на непонятном им языке, нет смысла говорить об уровне овладения знаниями. Дело еще в том, что многие учителя-татары (особенно женщины) сами в недостаточной степени владеют русским языком. Им трудно перейти с одного языка на другой, правильно пользоваться научной терминологией. Дети зачастую их просто не понимают... В результате неоднократных бесед Семен Денисович согласился специально обсудить на пленуме обкома вопрос о татарских школах. Теперь надо было получить благословение ЦК. Он при мне позвонил заведующему отделом науки, школ и культуры ЦК академику А.М. Румянцеву:

– Алексей Матвеевич, приветствую. Тут товарищи поднимают очень серьезный и щепетильный вопрос. Оказывается, в Татарстане исчезают татарские школы. Хотим обсудить вопрос на пленуме. Что скажешь?

– Погодите-ка, как это исчезают татарские школы?

– В Казани и других городах не осталось ни одной школы с обучением на татарском языке. Татары стараются отдавать своих детей только в русские школы.

– Ну и что, разве это плохо? Лучше будут осваивать русский язык.

– Оно, конечно, так. Но дело в другом. Думаю, что нарушается национальная политика. Татарская молодежь не знает родного языка. Товарищи говорят, что возникает угроза национальной культуре в целом.

– Да-а, подобные разговоры я как-то слышал из уст отдельных товарищей других республик. Кажется, проблема начинает принимать острый характер. Надо посоветоваться. Пошлите в мой адрес подробную записку с конкретными предложениями.

Через два дня требуемый документ ушел в ЦК, а через неделю Румянцев вызвал меня к себе. У него находился его заместитель по школам Дербинов. Румянцев поручил Василию Никитовичу пригласить мини-

стра просвещения РСФСР Е.И. Афанасенко и вместе со мной детально изучить вопрос, сделать заключение. Затем мы перешли в кабинет Дербинова. Подъехал министр. Меня попросили подробно рассказать о состоянии дел, уточняли факты, цифры, забросали вопросами. Дербинов заявил, что он с трудом верит в то, что до такого упадка довели национальную школу. Афанасенко заявил, что и из других автономных республик поступают подобные сведения, так что сомневаться в справедливости постановки вопроса товарищами из Татарстана не приходится.

– Вы ратуете за сохранение всех татарских школ, за прекращение обучения детей-татар в русских школах. А не получится так, что, изучая основы наук на татарском языке, молодежь, оканчивающая среднюю школу, будет плохо владеть языком межнационального общения, окажется духовно ограниченной, так сказать, на отшибе мировой культуры? – спросил Дербинов.

– Я ждал этого вопроса, Василий Никитович. Во-первых, мы не хотим запрещать кому-либо отдавать своего ребенка в русскую школу. Надеемся, что при достаточно высоком уровне обучения в татарских школах никто не захочет убрать оттуда свое дитя. Во-вторых, максимальное и неуклонное повышение качества преподавания русского языка и литературы считаем главным условием престижа татарских школ. Конечно, наивно полагать, что дети татар легко и на уровне русских сумеют освоить русский язык. Между тем сегодня вы редко встретите татарского юношу и девушку, не умеющих говорить, читать и писать по-русски. В процессе трудового общения, обучения в высших или средних профессиональных школах они, на удивление быстро, ликвидируют пробелы в русской речи, даже грамотнее многих русских начинают писать. Возьмите иностранных студентов, обучающихся в наших вузах. Ведь они приезжают, не зная ни одного слова по-русски. Проходит год – и они уже свободно, по крайней мере, внятно, говорят. Могу сказать о себе. Я окончил педтехникум на татарском языке, но потом овладел русским языком, можно сказать в совершенстве, пишу на нем научные труды, статьи, доклады, читаю лекции так же свободно, как и на родном. Такова вся татарская интеллигенция, окончившая национальную школу.

– Разве обучение в русской школе означает, что дети забывают родной язык? Наверное, в семье, бытовом общении люди пользуются родным языком? – продолжал пытаться меня Дербинов.

– Если бы так, незачем было бы вести разговор. В том-то и дело, что молодые люди перестают общаться на татарском даже с родителями. Представляете, ученые, преподаватели общественных наук, многие

партийные, советские, хозяйственные работники, врачи-татары не могут выступать перед татарским населением на родном языке. Постепенно и резко падает функциональная роль языка, а это означает угрозу существованию нации.

– По-моему, вы преувеличиваете. Нация сохраняется независимо от того, каким языком пользуется.

– А, по-моему, вы неправы, Василий Никитович. Извините, ведь еще великий педагог К.Д. Ушинский в «Родном слове» писал, что с исчезновением народного языка исчезает сам народ, что народ продолжает жить только при сохранении разговорного языка.

Собеседники несколько минут молчали, задумавшись и испытующе поглядывая на меня. Я задал им вопрос:

Вы можете представить себе мать и сына-школьника, разговаривающих на двух языках? Скажем, мать обращается к отроку на английском, а тот отвечает на испанском?

– Представляем, если оба владеют этими языками.

– Нет, они не знают языка друг друга.

– Это вообще абсурд.

– К сожалению, этот абсурд у нас сплошь и рядом. Дети, обучающиеся в русской школе, перестают понимать язык матери или бабушки, как и последние первых, по этой причине возникают конфликты между старшим и младшим поколениями, ослабевают чувство родства, взаимопочтение.

– Да-а, это уже проблема не только языковая, она перерастает в нравственную, – заметил Евгений Иванович.

Мы беседовали довольно долго. После всестороннего выявления проблем высокопоставленные коллеги убедились в их актуальности и важности, обещали приехать в Казань для ознакомления с состоянием школ на месте и оказания помощи. После этого мы развернули широкую работу по подготовке к пленуму обкома. Продолжались встречи, собрания, совещания в столице и районах, изучалось общественное мнение...

Важным мероприятием по подготовке к пленуму стало проведенное в марте Республиканское совещание работников народного образования. Был заслушан мой доклад «О мерах усиления руководства учебно-воспитательной работой в школах» и доклад министра просвещения Амины Валиуллиной «О состоянии и мерах улучшения преподавания родного и русского языков в татарских школах». Участники совещания, в том числе партийные, комсомольские, профсоюзные работники, ученые и хозяйственники открыто, без стеснения подвергли критике Министерство просвещения, отдел науки, школ и культуры обкома за недостаточную заботу

о национальной школе, за допущение самотека, выдвинули ряд полезных предложений и рекомендаций.

В мае под руководством С.Д. Игнатьева состоялся серьезный разговор о музыкальной культуре. Дело в том, что до этого руководители обкома ни разу не встречались с музыкальными деятелями для дружеской беседы. Лишь один раз, после выхода Постановления ЦК об опере Мурадели «Великая дружба», в марте 1948 г. бюро обкома рассмотрело вопрос о творчестве наших композиторов и дало ему негативную оценку. В постановлении, подготовленном инструктором отдела пропаганды и агитации Хантимеровой, отмечалось: «Н. Жиганов в последние годы отходит от правильных творческих позиций, допустил в последних сочинениях серьезные ошибки формалистского толка», в балете «Зугра», в операх «Ильдар» и «Ирек» («Воля») не использовал песенное богатство народа, таким же недостатком страдает его опера «Поэт». В результате музыка оперы оказалась фальшивой, надуманной, непонятной народу». Таким образом, огульно осуждалось все творчество (кроме оперы «Алтынчэч») видного, талантливое композитора.

Подобная критика звучала в адрес других композиторов: «Особенно сильно проявляется такое направление в творчестве Альберта Лемана, его концерт для фортепиано, прелюдии, сонатина чужды эстетическому вкусу народа, удовлетворяют лишь узкий круг индивидуалистов-эстетов». Что касается Мансура Музаффарова, Салиха Сайдашева, Джаудата Файзи, то «они перестали создавать хорошие песни, занялись упрощенчеством, не пишут высокохудожественных произведений».

Так, подражая названному Постановлению ЦК, следуя моде, был сделан донельзя поверхностный, тенденциозный и односторонний «анализ» творческой деятельности заслуженных и талантливых мастеров музыкальной культуры. Трудно сказать, насколько это вдохновило их на новые творческие подвиги. Тем не менее, решение бюро не прошло бесследно, оно вынудило музыкантов серьезно задуматься, принять то рациональное, что содержала критика, и активизировать свою деятельность. Музыкальная культура продолжала развиваться.

Заявили о себе новые талантливые сочинители музыки – Энвар Бакиров, Александр Ключарев, Загит Хабибуллин, Хуснул Валиуллин, Сара Садыкова, Исмаил Шамсутдинов, Анас (Алмаз? – ред.) Монасыпов, Рустем Яхин и др., создавшие ряд замечательных опер, балетов, симфоний, песен.

Встреча членов бюро обкома с музыкальными деятелями, состоявшаяся десять лет спустя, особенно после блестящей демонстрации достижений в ходе Декады, проходила в дружеской, благожелательной ат-

мосфере, в духе объективной оценки труда композиторов. Был дан отпор некоторым выступлениям в печати, огульно и оскорбительно пытавшимся осуждать творчество ведущих композиторов, лишить татар национальной ценности, как это было допущено в 1948 г. Разумеется, прозвучала и справедливая критика по поводу недостатков. В частности, отмечалась слабая постановка пропаганды музыки среди населения, особенно сельского. Молодые композиторы-выпускники Казанской консерватории «увлекаются сочинением однодневных песен неглубокого содержания и бедной мелодии, не берутся за создание опер, балетов и других крупных произведений».

По достоинству оценив достижения в области музыкальной культуры и поддержав критические замечания, С.Д. Игнатьев счел уместным увязать обсуждаемую тему с проблемой воспитания подрастающего поколения, с задачами улучшения работы национальной школы. «Мне, – сказал он, – стало известно о культивировании негативного отношения учащихся к родному языку, а это значит, и национальным духовным ценностям. Вы тут говорили о слабой пропаганде музыки. А как обстоят дела в школах? Крайне плохо. Вот мне дали такие сведения: из 140 казанских школ только в 20 проводятся уроки пения. Учите, только пения! Музыкальной грамоте не учат, хоровые коллективы, самодеятельные оркестры можно сосчитать на пальцах. Нам следует очень серьезно думать о подготовке учителей музыки, чтобы молодежь овладела национальной музыкой, как и родным языком, литературой. Думаю, что об этом мы еще поговорим на предстоящем пленуме обкома»...

В апреле 1958 г. бюро обкома и Совет Министров приняли решение об учреждении премии имени Тукая для авторов лучших произведений и выдающихся исполнителей. Я был утвержден председателем Комитета по присуждению премий. Звания первых лауреатов были удостоены: Фарид Яруллин – за балет «Шурале» (посмертно); Ахмед Файзи – за роман «Тукай»; режиссер Ширияздан Сарымсаков, художник Анас Туишев (Тумашев?), актеры Халиль Абжалилов, Асия Хайруллина и Фатых Кульбарисов – за спектакль «Без ветрил»; художники Харис Якупов и Лутфулла Фаттахов – за иллюстрации к татарским сказкам; режиссер Нияз Даутов – за постановку опер «Алтынчэч» и «Евгений Онегин».

Таким образом, культурно-национальные проблемы, издавна волновавшие общественность, но не находившие положительного решения, постепенно становились предметом пристального внимания, обретали реальную перспективу...

Вернемся в 1958 г. Несомненно, сокращение сферы башкирского языка и исчезновение национальных школ беспокоили наших соседей.

Поэтому, узнав о созыве пленума Татарского обкома, Нуриев командировал к нам в качестве наблюдателя Сайранова. Я решил пригласить его на правительственную дачу «Ливадия». Сайранов захотел ознакомиться с моим докладом. – Пожалуйста, читай, критикуй. К моему возвращению с работы он успел его прочитать. Поужинав, мы сели на скамейку под березой.

– Да-а, – заявил коллега, – документ серьезный, необычный. Насколько я знаю, проблемы родного языка и национальной школы так резко и решительно нигде еще не поднимались.

– Боялись. Обжегшись на молоке, дуют и на воду. Сколько честных людей, самоотверженно боровшихся за расцвет национальной культуры и языка, были огульно обвинены в национализме и погибли. Наши руководители, в том числе и Муратов, остерегались подобной напасти, даже термин «нация» стал казаться им устрашающим.

– А ты не боишься? В докладе много такого, к чему можно придаться.

– Злонамеренно можно все извратить. Когда я усиленно стал настаивать, нашлись товарищи, высказавшие сомнение. Даже Батыев с Табеевым проявили непоследовательность. Лишь после выявления позиции Игнатьева, отношения отдела ЦК и Афанасенко сомнения, казалось бы, исчезли. Не знаю, могут найтись охотники приписать всевозможные ошибки и мне. Но отступить, не намерен. Во-первых, имеется крепкий тыл – широкая общественность. Во-вторых, забота о свободе и благополучии своего народа, о сохранении родного языка и духовной культуры ничего общего не имеет с националистической идеологией.

– Но ведь в процессе слияния наций прекращается употребление многих национальных языков, сохранение их станет невозможным. Наши народы все больше осваивают русский язык. А ты идешь против течения.

– Твои доводы не оригинальны, Хайдар. Их мы слышали много раз. Так успокаивал нас и Муратов, отвергая мои предложения. Сближение наций не означает их слияния, исчезновения национальных особенностей и языков.

– Выходит, Ленин ошибался, когда писал «вплоть до полного слияния»?

– Вижу, ты хочешь втянуть меня в теоретическую дискуссию. В борьбе против национального гнета, несправедности, унижения, межнациональных конфликтов, национализма и шовинизма, разрабатывая программу по национальному вопросу, Ленин во главу угла ставил задачу достижения полной свободы наций, права на самоопределение, на беспрепятственное развитие языка и культуры. Поскольку нации не могут жить и развиваться только в своей замкнутой скорлупе, Ленин отстаивал принципы коренного улучшения национальных отношений, более тесно-

го сближения, дружбы и братского сотрудничества. Одним из важнейших условий такого общения является овладение одним, доступным всем языком. Естественно, в силу определенных исторических обстоятельств таким языком стал русский. Однако как сближение, сотрудничество, так и овладение русским языком должны происходить добровольно, без какого-либо нажима и насилия, подчеркивал Ленин.

– Этот принцип соблюдается и у нас.

К сожалению, не полностью. Наверное, сам знаешь, что часто нарушается. Представь себе, начинаем учить на русском языке ребенка, не знающего ни одного русского слова. К тому же и его учитель не владеет русской терминологией. В этом причина слабых знаний учащихся. Мы забыли предупреждение Ленина, что нельзя загнать человека в рай дубиной. Что касается слияния наций, я полагаю, что эта весьма смутная перспектива, может быть, реализуется через тысячу лет. Даже при этом трудно представить общество лишенным бесконечных особенностей, выработанных на протяжении многих веков.

– Вопрос этот спорный. В науке существуют противоположные точки зрения.

Ну и что же, разве мы лишены права иметь свое суждение? Пока существуют нации и их исчезновение сомнительно, значит, надо считаться с этой реальностью, поддерживать, сохранять и развивать лучшие традиции народов с тем, чтобы передать их новым поколениям. Отсюда вывод о необходимости продолжать и всемерно улучшать обучение детей в школах на родном языке.

– Это хорошо, – сказал Сайранов и задал вопрос. – А как с русским языком? Не вырастим ли мы поколение татар, национально ограниченное, лишенное ценностей русской и мировой культуры?

– Откуда у тебя возникла такая мысль? В докладе четко сказано, что одной, и при этом важнейшей, причиной утраты престижа татарских школ, является именно низкое качество преподавания русского языка. Изучая общеобразовательные предметы на родном языке, и проходя хорошие уроки русского языка, молодые люди имеют широкий кругозор, не теряются при поступлении в высшие учебные заведения. Поэтому повышению уровня обучения русскому языку мы уделяем особенно пристальное внимание.

Кажется, Сайранов понял необходимость обсуждения вопроса о татарских школах на пленуме обкома. И прибыл, казалось бы, для ознакомления с нашим опытом. Однако после пленума он быстро уехал, а мы так ничего и не слышали об обсуждении подобного вопроса в Башкортостане.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА – В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ

Пленум обкома партии собрался 21 мая 1958 г. Его участниками были заместитель заведующего отделом науки, школ и культуры ЦК КПСС В.Н. Дербинов, инструкторы ЦК Л.Д. Сокольский и А.П. Лушиков. Они находились у нас в течение семи дней, ознакомились с работой ряда школ, встречались с родителями, учителями, побывали на уроках, принимали участие в работе совещаний, заседаниях бюро обкома.

Разумеется, я не стану излагать весь доклад, с которым мне было поручено выступить. В нем нашли отражение вопросы, которых я коснулся выше. Тем не менее, есть необходимость поподробнее осветить основные положения и сведения. Они и сегодня не потеряли своей актуальности, спустя 40 лет вновь приковали всеобщее внимание. Следует отметить еще одно обстоятельство: нынешнее поколение мало информировано о событиях прошлого, а некоторые искажают действительность, готовы приклеить бывшим работникам всякого рода ярлыки...

Я начал доклад со ссылки на Ленина. Разве потеряли ныне значимость его мудрые указания относительно школьного образования? Отнюдь нет. Конституция России, требовал он, должна обеспечить «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для того школ; право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях» (Соч. Т. 24. С. 434). Сурово осуждая притеснителей национальных языков и школ, Ленин говорил: «У нас есть, например, в Комиссариате просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на родном языке, кроме русского! По-моему, такой коммунист это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться» (Соч. Т. 29. С. 172–173).

Таковы принципы, которые отстаивала партия в области народного просвещения. И на примере Татарстана мы видим положительные результаты его реализации. Правда, есть немало нигилистов, которые пытаются начисто отрицать все наши революционные преобразования, в том числе несомненные успехи в развитии школы. Однако огульной «критикой» невозможно устранить реальные факты: в стране развернулась небывало широкая сеть школ, подготовлены педагогические кадры, полностью оправдало себя обучение детей на родном языке. Ученики, окончившие татарские средние школы, а затем вузы и техникумы, стали специалистами народного хозяйства, учеными, деятелями культуры и искусства.

Однако, довольствуясь и гордясь достигнутым, партийные и советские органы, в первую очередь Министерство просвещения, проглядели застойные и кризисные явления, ослабившие внимание к национальной школе. Распространялись суждения, что при интенсивном сближении наций отпадает необходимость обучения детей на родном языке. Падение авторитета татарских школ ускорило, особенно в последнее десятилетие. Если в 1947–1948 учебном году 95% татарских ребят обучались на родном языке, то в 1958 г. – только 70%, а в Казани – 16,8%. Из 16 татарских школ остались только две, доживающие последние дни. 12-я татарская школа приняла в первый класс лишь 11 детей. В 18-й школе еще сохранились два класса с обучением на татарском языке, в них за партами сидят всего 16 учеников.

Такое же положение и в сельских районах. В Сармановской средней школе на русском языке изучают основы наук 335 детей, из них – только 25 русской национальности. В Пучинской средней школе с первого класса все предметы стали преподавать на русском языке – а село татарское. Мне приходилось бывать во многих школах и наблюдать вопиющие факты нарушения законов педагогики. Например, в четвертом классе Кинерской школы идет урок арифметики. Среди 35 учеников лишь двое русских (сыновья военкома и директора мясокомбината). Учительница-татарка, коверкая русские слова (что поделаешь – приказали!), объясняет правила, задает вопросы, на которые отвечают лишь эти двое, а остальные не понимают и молчат.

Как оценить такое явление? Как нормальное? Нет, это произвол, бесполезный эксперимент. Несправедливо, когда из-за капризов родителей двух-трех ребят заведомо наносится ущерб успеваемости десятков учащихся.

В принципе вряд ли найдется человек, возражающий против обучения на русском языке. Многие общественные и культурные деятели еще в царские времена стремились попасть в русские школы и гимназии. Но при этом надо помнить следующее. Во-первых, состоятельные татары обучали своих детей в русских школах потому, что в то время не было национальных школ, способных дать более-менее прочные знания. А у нас таких школ предостаточно. Во-вторых, эти, в основном городские, дети в какой-то мере владели русским языком и учились не хуже русских. В-третьих, они не забывали родной язык, ибо за этим строго следили родители и общественность. Обучение небольшого количества татарских детей вместе с русскими ровесниками не нарушало педагогический процесс, не мешало татарским школам и дало положительные результаты в воспитании кадров национальной интеллигенции.

Круто изменилось положение, когда дети татар «потокком» пошли в русские школы. Это нарушило основной принцип школы – обучение на наиболее доступном, родном языке, что, в конечном счете, привело к снижению роли татарского языка как средства общения, чтения и письма, потере ценных традиций образа жизни татар. Самое печальное в том, что в результате резко снизился уровень знаний учащихся, росло количество второгодников.

Есть два пути обучения и подготовки татарской молодежи к практической деятельности. Первый – резкое повышение качества преподавания русского языка в национальных школах; второй – закрытие этих школ. По какому пути идти? Конечно же, по первому. Следует пересмотреть программу и методику преподавания русского языка, создать новые учебники и пособия; начиная с первого класса ведение уроков поручить учителям, хорошо владеющим русским языком. Для этого необходимо подготовить дополнительно более 150 специалистов. При удовлетворительном знании учащимися русского языка можно будет практиковать в 9–11-х классах преподавание отдельных предметов на этом языке.

Слов нет, мы хотим, чтобы наши юноши и девушки владели и иностранными языками, но пока не видим пользы от их преподавания. Во-первых, занятия ведут неподготовленные учителя; во-вторых, одновременно изучать три языка чрезвычайно трудно и утомительно. Думается, будет лучше, при наличии хороших преподавателей, начать изучение иностранного языка в татарских школах с 9 или даже 10-го класса, а освободившиеся часы уделить урокам русского языка. Опыт показывает, что молодые люди неплохо осваивают иностранный язык, обучаясь в вузе.

Национальная школа должна и способна давать учащимся глубокие, основательные знания. Для этого надо коренным образом изменить отношение к ней. Немало у нас товарищей, которые иногда любят посетовать по поводу снижения функциональной роли татарского языка, сокращения татарских школ, но вместе с тем отдают своих детей в русские школы. Во время одной встречи с писателями и учеными возник разговор на эту тему. Они жаловались как раз на сокращение числа национальных школ. Я спросил их, где учатся их дети. Оказалось, все в русской школе. «А почему не в татарской?» – на этот вопрос я получил поразительный ответ: «Речь идет не о наших детях, мы заботимся о народе». Вот вам логика: одно требование – народу, другое – интеллигенции. То есть вы, простые люди, отдавайте своих детей только в татарские школы, несмотря на невысокий уровень обучения, а мы, просвещенная элита, предпочитаем лучшую школу – русскую. А почему бы «простым людям» не подражать

«уважаемым» представителям этой элиты, в том числе всякого ранга руководителей?!

Если мы хотим сохранить татарские школы, поднять их авторитет перед народом, надо начать с руководителей и работников партийных и советских органов, директоров школ и учителей. Они должны показать пример уважения татарских школ, проявлять к ним постоянный интерес и заботу, обучать своих детей на родном языке. Следует признать неудовлетворительной и постановку преподавания родного языка и литературы в татарских школах. Министерство просвещения допустило большую ошибку, исключив этот предмет из государственных экзаменов. Эта мера уже сама по себе привела к ослаблению желания изучать родной язык. В настоящее время около 35% татарских детей его не изучают. Если не принять срочные меры – тенденция усилится. Родной язык – краеугольный камень национальной литературы и искусства, главное условие их процветания. Родной язык богат и изящен. Лишая людей возможности овладеть им, мы тем самым оставляем их «на обочине» богатейшей национальной культуры, создаваемой народом на протяжении веков...

Чрезвычайно волнует татарское население проблема продолжения образования их детей в вузах. Ввиду слабого знания русского языка выпускники татарских школ сталкиваются с большими трудностями при поступлении в вузы. Достаточно 4–5 грамматических ошибок в сочинении, чтобы быть исключенным из конкурса. В 1957 г. университет принял 620 абитуриентов, в том числе 173 татар и только 27 окончивших татарскую школу, причем 23 из них приняты на факультет татарской филологии. В числе 750 принятых в авиационный институт только 113 татар, из них 11 учились в школе на родном языке. В финансово-экономический институт поступили 200 чел., из них 39 татар и только 9 выпускников татарской школы. В медицинский институт поспешили попасть 405 юношам и девушкам, но только 120 татарам, в том числе 18 из татарской средней школы. Так, из-за формального отношения к приемным экзаменам, татарские дети даже с достаточно хорошими знаниями лишаются права получить высшее образование, создаются искусственные препятствия на пути подготовки высококвалифицированных специалистов. Между тем выпускники татарских школ, поступив в вузы, изучают науки особенно усердно, общаясь с преподавателями и русскими студентами, быстро осваивают русский язык. Следовательно, надо ломать искусственные барьеры, по желанию абитуриентов приемные экзамены проводить и на татарском языке, экзамен по русскому языку заменить собеседованием. Тогда не останется места для разговоров о том, что для выпускников татарских школ двери вузов закрыты.

Надо решительно пресечь также ложное представление, что-де особая забота о татарских школах является отступлением от интернационалистских позиций, уступкой национализму. Нет интернационализма без национального. Человек, хорошо знающий свой язык и национальные культурные традиции, обретший на этой основе широкую эрудицию, лучше понимает значение языка и культуры других народов, легче осваивает их духовные богатства, приобщается к их образу жизни. Мы никоим образом не противопоставляем татарские школы русским, с презрением отвергаем национальную ограниченность и замкнутость. Мероприятия, намеченные в проекте постановления пленума, направлены на дальнейшее укрепление национальных школ, повышение их роли в формировании грамотных, трудолюбивых, нравственно и политически зрелых кадров, преданных Родине и народу.

Таково вкратце содержание доклада. Он вызвал огромный интерес и был одобрен участниками пленума. Вот некоторые выдержки из выступлений (по стенограмме ЦДНИТ. Ф. 15. Оп. 39. Д. 142)...

Ректор педагогического института Гуишев: «Меры, намеченные обкомом по улучшению работы татарских общеобразовательных школ, не только не встретят возражений, а будут горячо поддержаны всеми трудящимися республики, независимо от их национальной принадлежности. Мы с товарищем Фасеевым поинтересовались и выяснили, что значительная часть татар, обучающихся в нашем институте, оказались непригодными для работы в татарских школах из-за незнания родного языка. Мы принимаем кое-какие меры по исправлению положения: с 1955 г. ввели преподавание татарского языка на всех факультетах, в 1957 г. создали специальные группы на физмате, куда принимаем выпускников татарских школ. Думаю, что это следует сделать и в других вузах»...

Участникам пленума особенно понравилась речь старейшего и талантливейшего писателя Гумара Баширова: «На нашем пленуме разговор идет о том, чтобы язык татарского народа всегда был в силе и красе, чтобы этим чудом из чудес, этим удивительным талисманом мы пользовались гораздо лучше, чем пользуемся до сих пор, чтобы он лучше помогал нашей молодежи расти и быть достойными гражданами, горячими патриотами своей великой Родины. Обсуждение вопроса о работе татарских школ на пленуме обкома партии является большим и радостным событием в культурной жизни нашей республики. Этот вопрос волновал и волнует и писателей, и журналистов, и всю интеллигенцию, всех тех, кому дороги замечательные успехи и достижения нашего народа...

Правом учиться на родном языке, даже свободно разговаривать, издавать книги народы колониальных стран не пользуются, и сейчас за эту

свободу лучшие люди Алжира проливают кровь, мучаются в тюрьмах, погибают.

Обучать детей – это не только научить их читать и писать. Учить – значит воспитывать, чистый и восприимчивый духовный мир ребенка наполнять светлыми чувствами и понятиями о людях, о родной природе, о народе и Родине. В этом тонком и серьезном деле никак нельзя обойтись без языка отца и матери. Не следует забывать, что первые зернышки благородного чувства, которое мы с гордостью называем советским патриотизмом, закладывает в душу ребенка именно родной язык. Считаю, что ребенок при помощи родного языка лучше поймет все то, что полагается знать в общеобразовательной школе.

Обучение на родном языке мы должны рассматривать в тесной связи с основательным знанием нашими детьми русского языка. Значение и роль русского языка в развитии всей нашей культуры не поймет только тот, кто безнадежно отстал от жизни не на 30 или 40, а на целых 100 лет.

Я вполне понимаю и разделяю обиду родителей на татарскую школу. Не зря они обиделись. Татарская школа не оправдывает их надежд. Чиновники из органов просвещения и люди из советского и партийного аппарата своим безразличием, казенно-бюрократическим отношением к специфическим особенностям и запросам национальных школ довели дело до того, что из-за этого пострадали тысячи детей, и школа потеряла свой авторитет перед народом...

Думаю, прежде всего, самой татарской интеллигенции надо покончить с пренебрежительным, я бы сказал, несколько чванливым отношением к родному языку, с недооценкой татарской литературы и вообще всей национальной культуры. У народа есть такая пословица: «Кто скрывает свой недуг, тот непременно умрет». Я всецело поддерживаю остро критический доклад товарища Фасеева, предложения об оздоровлении татарских школ, освобождении их от людей равнодушных, бездарных, случайных, малограмотных...»

На пленуме выступил В.Н. Дербинов: «Товарищ Фасеев правильно осветил положение дел в национальных школах, определил точку зрения бюро обкома и программу мер, которые следует предпринять. В своем обстоятельном докладе он сообщил, что за 10 лет количество детей, обучающихся на родном языке, сократилось на 25%. Одни товарищи говорят, что это процесс естественный, являющийся выражением тяги татарского народа к русскому языку, другие не считают это основной причиной. Эта тяга существовала и раньше. Татарский народ всегда стремился познать русскую культуру, и его удовлетворяла двуединая задача национальной

школы, которая, ведя обучение на родном языке, должна была обеспечить хорошее знание и русского языка.

Копившиеся многие годы недостатки татарской школы стали нетерпимыми в последнее время, они вынудили родителей отдавать своих детей в русские школы. Нужно найти мужество, чтобы признать это явление как своеобразную, очень острую критику национальной школы. В дополнение к фактам, приведенным докладчиком, хотел бы назвать две цифры: в татарских школах до 10-го класса доходят 12% поступивших в первый класс, а в русских – 24%. Конечно, в русских школах этот показатель тоже низкий, но ведь в татарских наполовину хуже. Народ это видит и делает соответствующие выводы. Я должен прямо сказать, что прежнее руководство обкома не поняло существа народной критики, не уловило смысл ненормального процесса, не оценило его как следует, недооценило роль национальной школы в воспитании подрастающего поколения. Оно не поняло трех коренных недостатков в работе татарских школ, накопивших за все это время: 1) обучение детей татар на русском языке нарушает педагогический процесс, затрудняет его, вызывает рост количества второгодников и другие тяжелые последствия; 2) татарские школы в массе своей дают очень невысокие знания по русскому языку, не удовлетворяют требований родителей и учащихся; 3) там, где дети татар обучаются на русском языке, не изучаются родной язык и литература, в результате растут специалисты, работники партийного и государственного аппарата, которые не могут разговаривать со своим народом на его языке.

Товарищ Фасеев прав, говоря об огромной ответственности Министерства просвещения, лично министра. Тов. Валиуллина признала свою вину. Знакомство с положением дел в республике показало, что большое число мероприятий Министерство само могло осуществить, если бы правильно поняло и оценило неудовлетворительную работу татарских школ. Дело не в том, ставило оно или не ставило вопросы перед обкомом и Совмином, также перед Министерством РСФСР. Какое указание или решение вышестоящих органов требуется, чтобы создать хорошие учебники для татарских школ? Это прямая обязанность Министерства. Какое еще решение нужно, чтобы организовать подготовку специальных педагогов для школ?

Вместе с тем повторяю, большая ответственность за ухудшение положения ложится на всю республиканскую парторганизацию, на обком, горкомы и райкомы. Все видели, как принижается авторитет национальных школ. Вместо того, чтобы принять решительные меры, руководители перевели своих детей в русские школы – и дело с концом.

Нельзя пренебрежительно относиться в национальной республике к национальной школе, тем более что половина коренного населения – та-

тары, подавляющее большинство детского контингента, а в сельской местности до 90%, приходит в школу, не зная русского языка. Национальная школа может и обязана успешно справиться с указанной выше двуединой задачей обучения на родном языке и хорошей подготовки по русскому языку. Пленум намечает большую программу, которая требует разумного подхода к ее выполнению, без спешки, перегибов.

Некоторые «горячие головы» могут ставить вопрос так: вернуть всех татарских детей в национальные школы и не разрешать никому из них учиться в русской школе. Это легче всего сделать, но было бы наихудшей ошибкой. Мы должны убеждать родителей в эффективности татарских школ, призывать учить своих детей там. Но если есть горячее желание отдать детей в русскую школу или какие-то объективные обстоятельства не позволяют поступить иначе, идти против воли родителей нельзя. Тем более что в русских школах, при должном уровне преподавания татарского языка, мальчику или девочке не дадут забыть родную речь и оторваться от культуры своего народа.

Полагаю, материалы вашего пленума будут внимательно изучены в Министерстве просвещения РСФСР, Академии педагогических наук и учтены при рассмотрении проблем национальных школ».

В краткой заключительной речи С.Д. Игнатъев сказал: «Я, товарищи, задолго до приезда в Казань неплохо представлял значение национальных школ. Ознакомившись с положением дел в Татарстане, убедился, что дела обстоят нетерпимо плохо. Мы фактически стоим перед опасностью ликвидации татарских школ. Не полагаясь только на собственные силы, мы обратились за помощью в ЦК партии, который командировал к нам тов. Дербинова во главе группы специалистов. Они хорошо поработали. Разобрались в проблеме, помогли нам. Большая работа по подготовке к пленуму проводилась с участием широкого круга работников средних и высших школ, партийных и советских организаций, писателей. Я полностью разделяю положения и выводы, содержащиеся в докладе тов. Фасеева и проекте решения».

Итак, после обмена мнениями на достаточно высоком уровне пленум обкома принял Постановление «О состоянии и мерах улучшения работы татарских общеобразовательных школ».

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

...Посоветовавшись, Игнатъев, Шарафеев, Батыев и я пришли к единому мнению – сменить Министра просвещения. Сначала поискали кандидатуру среди секретарей райкомов и горкомов, но подходящей не нашли. В числе участников совещания по вопросу о татарских школах мне очень понравилось смелое, содержательное, со знанием дела, выступле-

ние аспиранта университета Мирзы Махмутова. Махмутов окончил Высшую дипломатическую школу, совершенно чисто говорит по-татарски и по-русски, свободно владеет арабским и английским языками. Хорошо отозвался о нем и Табеев. Пригласив его к себе, я постарался понять его настроение, напомнил о решении пленума, о его толковом выступлении на одном из совещаний.

– Вы, Мирза Исмагилович, не ощущаете желаний взяться за практическое дело в области народного образования в качестве, скажем, заведующего горОНО или даже министра? – спросил я. Он несколько минут подумал и заявил:

– Совершенно неожиданный вопрос задали вы мне. Если взяться всерьез и с умом, можно было бы справиться. Но я бы сейчас не хотел. Надо завершить работу над диссертацией. А через год подумаю.

– Мы не можем так долго ждать. Подумайте хорошенько, мы еще вернемся к этой теме.

О встрече с Махмутовым я доложил Игнатьеву. Он очень заинтересовался этой кандидатурой и просил позвать его.

Внимательно выслушав рассказ Махмутова о себе, Игнатьев без обиняков сказал:

– Мы думаем выдвинуть тебя на пост министра просвещения. Согласен?

Мирза на сей раз не стал колебаться и дал согласие. Игнатьев тут же позвонил в Москву, связался с Афанасенко:

– Евгений Иванович, привет. Ты давно проявляешь недовольство Валиуллиной. Мы тоже. Решили ее освободить. Что касается нового министра, то, прямо скажу, идем на риск, хотим утвердить аспиранта, никогда не работавшего в школе. Махмутов его фамилия. Да, педагогического опыта не имеет, зато молодой, энергичный, настоящий интеллигент, в совершенстве владеет татарским, русским, английским и арабским языками, теоретически хорошо понимает проблемы образования, перспективный товарищ. Думаю, зазнаваться не станет. Как ты смотришь на это дело? Фасеев с Табеевым его хвалят.

– Я полностью доверяю вашему выбору. Убежден, не ошибетесь. Наконец, и нас избавите от капризной Валиуллиной, – был ответ Афанасенко.

Для разговора о задачах и практических мерах по выполнению постановления пленума мы решили провести совещание с участием секретарей горкомов и райкомов по идеологии, заместителей председателей исполкомов советов, заведующих ОНО, директоров школ. Чтобы проверить нового министра в деле, так сказать, «показать жениха», поручили ему выступить с докладом. В Бугульму его повез Табеев, в Буинск – заместитель председателя Совмина Д. Шакирзянова, которые после возвра-

щения дали высокую оценку и докладу, и поведению молодого министра. Затем я вместе с ним поехал в Таканыш и убедился, что товарищи правы. Участники совещания были очарованы Махмутовым, спрашивали, где мы нашли такого высокоэрудированного педагога.

Не могу не рассказать об одном факте, усилившем симпатию к Махмутову. Утром, перед началом уроков, среди собравшихся учителей я заметил «белую ворону»: небритый, в старом, мятом костюме, несвежей рубашке, без галстука, в грязных сапогах. Указав на него министру, попросил поговорить с этим человеком.

– Вы кто? – спросил Махмутов. – Что вам нужно в школе?

– Я учитель химии и биологии. Уроки у меня.

– Учитель!?! Как же вы посмели прийти учить детей в таком безобразном виде? Я запрещаю вам входить в класс. Идите домой и приведите себя в порядок. Урок ваш заменят.

В те годы приходилось еще встречать неряшливых «интеллигентов», порочивших звание учителя. Поэтому и учителя, и гости с одобрением восприняли резкую реакцию нового министра на увиденное. Вернувшись в Министерство, он издал специальный приказ по этому поводу.

Так началась карьера М. Махмутова, ставшего впоследствии директором научно-педагогического института, академиком.

В 1958 г. произошли некоторые изменения в структуре обкома партии. В июле был создан самостоятельный отдел школ, заведующим которого утвердили кандидата исторических наук Шамси Хамматова. А в октябре отделился отдел культуры во главе с талантливым литературоведом Булатом Гизатуллиним. Табеев остался заведующим отделом науки и вузов.

В октябре был созван пленум обкома по вопросу о состоянии массово-политической работы на селе, на котором я выступил с докладом. Анализ специфических задач пропаганды и агитации, их роли в повышении политической и трудовой активности тружеников села проводился в тесной связи с расширением сферы функционирования татарского языка, усилением внимания к национальной школе. Большие требования предъявлялись, прежде всего, к партийным, советским, комсомольским работникам, хозяйственным руководителям, интеллигенции. Каждая личность свободна отдавать предпочтение любому языку. Но плохо, когда человек отрекается от родного языка. Тем самым он лишает себя культурных ценностей своего народа, обедняет свою духовную жизнь. Это его трагедия. Но еще трагичнее, когда человек, «именем народа посаженный на ответственный пост», призванный руководить тысячами людей, организовать их труд, создать для них нормальные социально-культурные условия, заботиться о повышении их политического сознания и нравственности, не в состоянии изъясняться с народом на его

родном языке. Разве мало у нас таких «деятелей», которые общение с подчиненными сводят к «давай, давай», знают лишь несколько слов, чтобы попросить «холодного катыка» или отругать нерадивого! Не случайно среди пропагандистов, лекторов, агитаторов редко встретишь чиновников-аппаратчиков. Слишком заняты они более важными делами.

Одним из событий, вызвавших большой резонанс в республике, стал первый съезд работников культуры, созванный в октябре. И в моем докладе, и в выступлениях делегатов, кроме констатации бесспорных достижений, главное внимание было сосредоточено на мерах по устранению недостатков и упущений в развитии культуры, науки, техники, литературы и искусства, в работе культурно-просветительских учреждений. Отмечалось, что в городах и селах явно не хватает очагов культуры, имеющиеся не достойны названия, низок духовный уровень их работников. Во многих Домах культуры не проводят серьезных, полезных, веселых мероприятий, кроме танцев в густой пыли да демонстрации (изредка) кинофильмов.

Говорят, что в республике 7,5 тыс. коллективов художественной самодеятельности, охватывающих 167 тыс. чел.. Есть основания сомневаться в реальности этих данных, потому что не заметна их конкретная деятельность. Они еще далеки от подлинного искусства, не в состоянии воспитать у молодежи эстетические чувства, противостоять халтуре. Очень редко и на низком художественном уровне ставятся театральные спектакли. Пора вплотную заняться самодеятельными коллективами, повысить их роль и значение, усилить помощь со стороны писателей, музыкантов, художников и профессиональных театров. Особое внимание следует уделять школьной самодеятельности, развивать у учащихся любовь к искусству, способствовать воспитанию новых талантов.

Съезд прошел в деловой обстановке, в критическом и конструктивном духе. Выступили гости из соседних республик и областей, которые делились своим опытом, вносили предложения и рекомендации по дальнейшему укреплению и расширению сотрудничества...

Несмотря на различные точки зрения, наша инициатива нашла одобрение. Я очень рад тому, что и сегодня руководство Татарстана ведет политику, которой стараются следовать республики, области и края Российской Федерации.

В ходе сессии Верховного Совета РСФСР я встретился и обменялся мнениями с министром высшего и среднего специального образования СССР Елютиным и министром здравоохранения РСФСР Курашовым. Они одобрили наше предложение о приеме вступительных экзаменов в вузы на татарском языке и включении в учебные планы татарского языка и литературы (последнее так и осталось нереализованным).

В декабре 1959 г. прошел съезд учителей республики. В апреле 1960 г. состоялось большое совещание партийных и советских работников, заведующих ОНО, на котором были подведены первые итоги проведенной работы по выполнению постановления пленума обкома. Выяснилось, что хотя и медленно, но целеустремленно идет процесс повышения роли и значения родного языка, восстановления престижа национальной школы.

Да, святое дело не проходит бесследно. Пошумели не напрасно. Кажется, мы преуспели во многом. Люди поняли огромную значимость поднятых проблем, стали без стеснения обсуждать их. Изменилось отношение к национальным школам, росло чувство уважения к татарскому языку, все больше татар старались говорить на нем чисто. Увеличилось количество часов татарского языка в школах, в том числе русских. Появились новые, более совершенные учебники, а в городах и районных центрах стало больше вывесок на татарском языке. Люди, особенно занимавшие руководящие посты, ученые, лекторы и пропагандисты почувствовали стыд и раскаяние за неумение разговаривать и, тем более, писать на родном языке. Словом, была заложена своего рода неплохая закладка для подъема национального самосознания.

СТОП! ПРИЕХАЛИ

Наблюдая, как процесс пошел в нужном направлении, мы продолжали усиленно работать над решением намеченных пленумом обкома партии задач. Вдруг, через полтора года, из ЦК партии поступила записка З.И. Муратова, в которой был раскритикован мой доклад на пленуме обкома, опубликованный в журнале «Коммунист Татарии». Обвинение серьезное – национализм. Я противопоставляю татарский язык и культуру русскому языку и культуре, проповедую их несовместимость, отступаю от интернационалистских позиций. Автор обвинил и обком партии, позволивший мне выступить с «крамольным» докладом. В сопроводительном письме было предложено пересмотреть постановление пленума. Ничего не поделаешь, собралось бюро.

– Ну, что скажете? – обратился к нам Игнатъев.

Выступив первым, я отверг все обвинения, содержащиеся в записке Муратова, сказал, что мы поступили правильно, приняв конструктивное решение, против чего все время возражал бывший первый секретарь. Я лично не могу отказаться от положений доклада и решения пленума.

Батыев и Абдраязков сочли нужным присоединиться к некоторым тезисам записки, заявили, что в моем докладе и в опубликованных статьях допущены «излишнее выпячивание национальной проблемы, стремление сохранить татарские школы чуть ли не насильственным путем, запрещение обучать детей на русском языке». Другие члены бюро, в том числе Табе-

ев, промолчали. Не выдержал Анатолий Скочилов, секретарь по сельскому хозяйству (ставший затем первым секретарем Ульяновского обкома).

– Вы что, товарищи, склонны отступить? Фасеева ни в чем нельзя обвинить. Доклад его мы обсудили и одобрили сообща, там никаким национализмом и не пахнет. Я русский, но хочу, чтобы дети татар обучались на родном языке, что не мешает им овладеть русским языком. Я редко встречал татар, в том числе молодых, не умеющих говорить по-русски.

– Вопрос очень серьезный, – заключил Игнатъев. – Еще не хватало обвинить нас в националистическом уклоне. Мы ведь все вопросы согласовали в отделе ЦК и Министерстве просвещения РСФСР. Но, по-видимому, поспешили, где-то ошиблись. ЦК ждет ответа. Вы же знаете, как там осторожно относятся к национальным проблемам. Думаю, придется отменить решение пленума.

И в январе 1960 г. пленум обкома (без прений) проголосовал за предложение первого секретаря.

Записка Муратова и положительная реакция на нее ЦК отнюдь не случайны. Это отражение национальной политики, унаследованной от Сталина. Отрицательное отношение к национальным школам наблюдалось не только у нас. Например, в том же году был снят с работы первый секретарь ЦК компартии Киргизии И. Раззаков за указание ввести преподавание киргизского языка в школах, где обучаются киргизские дети. Не приходится удивляться тому, что дрогнул даже такой смелый человек, как Игнатъев. Пройдя огонь и воду, будучи снятым с высоких постов, он научился осторожности, умел вовремя отступить, маневрировать и даже отказаться от решения, принятого с благородными намерениями. Во время чаепития после одного совещания он рассказал нам, как его сняли с должности Председателя КГБ и как он, ожидая ареста, спал с револьвером под подушкой, готовый покончить с собой.

«Кого медведь драл, тот и пенька боится», – гласит русская пословица. Ясно, что, опасаясь еще раз попасть в опасный переплет, поддержав «татарских националистов» (слова Муратова), Игнатъев так легко поставил крест на вопросе по восстановлению и укреплению татарских школ. Другие наши руководящие товарищи сдались молча, игнорируя активизировавшееся общественное мнение.

В октябре 1960 г., вернувшись из ЦК, Игнатъев созвал бюро обкома для рассмотрения организационного вопроса. Оказывается, ЦК решил освободить его от занимаемой должности и направить в качестве посла в одну из европейских стран. Он отказался, сославшись на всевозможные болезни (в 55 лет!) и добился разрешения выйти на пенсию. Значит, нам предстоит избрать нового секретаря обкома. Мы все посмотрели на Батыева, потому

что Игнатъев многократно заявлял, что его сменит именно он. Нет, рекомендуется Табеев, на пост второго секретаря – Сочиллов, секретаря по идеологии – заведующий отделом пропаганды Тутаев. А как же Батыев?

– Его придется избрать председателем Президиума Верховного Совета. Ты, Камиль, не переживай, претензий к тебе нет, хорошо поработал. Ты еще молод, будешь министром культуры. Лучшей кандидатуры не сыскать.

Тут интересный вопрос задал С.Л. Князев:

– Позвольте, ведь Батыев башкир! Годится ли?

– Нет, он уже татарин, паспорт сменил, – ответил Игнатъев. Все дружно засмеялись...

28 октября 1960 г. собрался пленум обкома, на котором присутствовал и выступил секретарь ЦК КПСС, академик Петр Николаевич Поспелов. Первым секретарем обкома избрали Табеева. На следующий день сессия Верховного Совета без всякого обсуждения освободила меня «в связи с переходом на другую работу» и избрала председателем Президиума Батыева.

Мне предлагали разные должности. Сочиллов хотел видеть меня на посту ректора сельхозинститута, ректор университета Нужин приглашал на кафедру философии, то же предлагал ректор медицинского института Р. Вяселев. Руководители Казанского филиала Академии наук СССР А.Е. Арбузов, Л.М. Миропольский и Р.Г. Суркин попросили Табеева назначить меня директором Института языка, литературы и истории. Я дал согласие, считая, что на этой должности смогу продолжить научную работу, не отрываясь от проблем культуры и просвещения.

Отмена постановления пленума обкома о татарских школах, принятого после долгих усилий, раздумий и обсуждений, ударила по всем направлениям национальной культуры. Процесс сокращения татарских школ продолжался, вновь снизилось внимание к вопросам обучения детей на родном языке, а также совершенствования орфографии, терминологии и лексики татарского языка. Возглавляемая мной комиссия по этим проблемам была распущена. Ценные предложения, внесенные видными филологами (Л. Залаяй, Х. Курбатов, Л. Махмутова, Д. Тумашева, Ф. Фасеев, М. Закиев, К. Сабилов и др.), остались не внедренными в практику. Газеты и журналы продолжали публиковать статьи и материалы, написанные небрежно, без соблюдения чистоты татарского языка, многие, в том числе ответственные работники, пренебрегая им, говорили на смешанном жаргоне.

Круто изменилось отношение руководства обкома партии к национальному языку, школе, культуре в целом. Ф. Табеев, вначале положительно реагировавший на попытки кардинально поправить дела в данной сфере, став секретарем по идеологии, а затем первым, отвергал все

предложения продолжать начатую работу, несмотря на отмену постановления пленума. Нет слов, он внес большой вклад в подъем экономической, особенно индустриальной мощи республики, проявил себя как компетентный и требовательный руководитель. Однако прибегал к административно-командным методам, не считался с демократическими и нравственными нормами.

Большой ошибкой Табеева было нежелание понять национальные особенности республики, неумение отличить заботу о национальных особенностях от националистических притязаний. Что касается татарского языка, то он открыто и убежденно пророчествовал о его исчезновении через 15–20 лет. В докладе «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», с которым выступил на пленуме обкома (октябрь 1960 г.), он заявил: «Сейчас, в период развернутого строительства коммунистического общества, многое из того, что считалось присущим той или иной нации, подчеркивало ее экономические и культурные особенности, — изживает себя. Раз так, зачем впустую тратить усилия, стараясь остановить этот якобы «прогрессивный» процесс?! Не имеет смысла выпячивать роль и значение татарского языка, а кто это делает — того следует осуждать!»...

Посоветовавшись с учеными ИЯЛИ КФАН СССР, книжным издательством, в 1962 г. я поднял перед Табеевым и Тутаевым вопрос о создании Татарской энциклопедии. Куда там! Только махнули рукой. Дескать, еще союзные республики не имеют своих энциклопедий. И вообще, зачем нужны татарская, чувашская, башкирская, якутская и прочие энциклопедии? Не встретил одобрения подготовленный проект решения об установлении почетных званий «Народный поэт» и «Народный писатель». Отступать так, отступать! В октябре 1960 г. по предложению Абдраязова, ссылаясь на нехватку средств, бюро обкома приняло постановление о прекращении присуждения премий имени Тукая...

К сожалению, нам не удалось тогда покончить с негативным отношением к национальному языку и школе. Нельзя с полной уверенностью сказать, что и сегодня мы окончательно избавились от этой болезни. А ведь не так трудно понять объективную необходимость. Для этого нужен трезвый взгляд на жизнь. Истина заключается в том, что если нет национальной школы, если родной язык перестал служить средством мышления и общения, исчезнет перспектива дальнейшего существования нации.

[Текст взят из книги: Фасеев К. Вспоминая прошлое. Казань: Изд-во КГУ, 1999]

К печати подготовлен И. Гарифуллин.

*Дамир Исхаков***МОДЕЛЬ ТАТАРСТАНА И НАЦИОНАЛИЗМ ТАТАР¹*****Общие сведения***

Республика Татарстан (другое официальное название – Татарстан) была создана как Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика 27 мая 1920 г. декретом ВЦИК и СНК РСФСР. На основе «Декларации о государственном суверенитете Татарской ССР», принятой 30 августа 1990 г., начался процесс изменения статуса бывшей Татарской АССР.

В итоге проведенного 21 марта 1992 г. референдума о государственном статусе, результаты которого были закреплены в Конституции Татарстана, принятой парламентом республики 6 ноября 1992 г., Татарстан был признан «суверенным демократическим государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения». Такой договор был подписан между Российской Федерацией и Республикой Татарстан 15 февраля 1994 г. В настоящее время Республика Татарстан входит в Российскую Федерацию на основе «ассоциирования» или «объединения» с ней.

Территория Татарстана составляет 67800 км². Население республики насчитывает 3,7 млн чел.. Столица Татарстана – Казань, город с населением в 1,1 млн чел.. Этнический состав населения республики представлен в таблице 1.

*Таблица 1.****Этносы («национальности») в Татарстане в 1959–1989 гг.***

Национальности	1959	1970	1979	1989
Татары, %	47,2	49,1	47,8	48,5
Русские, %	43,9	42,4	44,1	43,2
Другие, %	8,9	8,5	8,1	8,3
Всего (в тыс. чел.)	2850,4	3131,2	3435,6	3641,7

¹ Рукопись на русском языке была завершена в 2000 г. Статья ранее печаталась на английском (2008), немецком (2008) и русском (2010) языках. Из-за того, что тиражи книг, где она была напечатана, оказались малочисленными, её содержание стало известно только узкому кругу специалистов, поэтому она публикуется повторно. В данный текст внесены некоторые технические исправления.

Конфессиональный состав в основном соответствует этническому составу населения республики: русские являются православными, татары в большинстве – мусульмане (около 4% татар – христиане, так называемые кряшены).

Татары расселены весьма рассеянно. На территории Российской Федерации более 80% татар проживает в Волго-Уральском регионе. В Татарстане из 39 районов, на которые делилась республика до 1989 г., татарское население составляло более 90% в четырех, от 80 до 90% – в трех, от 70 до 80% – в семи, от 60 до 70% – в четырех, от 50 до 60% – в восьми, от 40 до 50% – в шести, от 30 до 40% – в четырех, от 20 до 30% – в трех районах. Во всех городах республики, за исключением центров сельских районов, татары составляют менее половины жителей (в столице по переписи 1989 г. – 40,5%).

Социальная структура татарского населения республики отличается от структуры русской части. Эти различия обусловлены, главным образом, большей долей сельских жителей среди татар (36,6% всех татар, тогда как у русских доля сельчан лишь 14,3%). Русских больше среди рабочих, особенно на крупных предприятиях (машиностроение, химическая отрасль и др.), которые большей частью являются предприятиями военно-промышленного комплекса. Городское татарское население отстает от русских и по уровню квалификации (русских больше, чем татар, среди инженерно-технических работников и руководителей промышленных предприятий). В то же время доля татар выше в отраслях, связанных с легкой промышленностью, торговлей и сферой обслуживания, а также на сельскохозяйственных предприятиях. Доля татар среди студентов вузов различного профиля также неравномерна: в университетах и технических вузах их доля составляет одну треть (иногда до 40%), тогда как в педагогических и сельскохозяйственных вузах эти цифры достигают 60–70%. Такое соотношение влияет на профессорско-преподавательский состав, а также состав ученых: если в гуманитарных сферах татар более половины, то в естественно-технических институтах их доля редко превышает треть.

В политической элите республики преобладают татары, составляющие 77–78%. В Государственном Совете (парламенте) татар также большинство (73,3% татарских и 25,1% русских депутатов). Татарская элита в основном имеет сельское происхождение (около 75%), около половины ее получила сельскохозяйственное образование. По разным подсчетам, от 60 до 68% современной правящей элиты республики составляют представители бывшей партийно-советской номенклатуры.

Современный национализм татар

Особый путь Татарстана во второй половине 1980-х – сер. 1990-х гг., получивший в ряде публикаций название «модель Татарстана» (Об осо-

бенностях «модели Татарстана» см.: [Исхаков: 1995-а]), сложился под влиянием современного татарского национализма (О двух «ипостасях» этого национализма – «государственной» и «этнической» – можно прочесть в интересной статье французского политолога Ж.-Р. Равио: [Равио: 1992]), который сформировался не на пустом месте. Первый этап национального движения татар, довольно хорошо изученный [Исхаки: 1933; Давлетшин: 1974; Бенигсен: 1983; Korlich: 1987], приходится на период с 1905 по 1928 гг. Второй этап этнокультурного возрождения татар, остающийся практически не исследованным, достаточно отчетливо проявился во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., оказав влияние на татарское общество и в 1970-е гг. [Исхаков: 1993; Исхаков: 1994 б]. Поэтому всплеск национализма второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. можно рассматривать как третий этап татарского национального движения XX в. Сохраняя определенную преемственность с предшествующими периодами, последний подъем национализма имеет и многие специфические особенности, изучение которых только началось (О татарском национальном движении 1980–1990-х гг. см.: [Современные национальные процессы в ТССР: 1991; Современные межнациональные процессы в Республики Татарстан: 1992; Современные национальные процессы в Республике Татарстан: 1994; ТОЦ: 1990; Исхаков: 1993; 1994; Vozdag: 1994; Суверенитет и этническое самосознание: 1995; Габидуллин: 1995; Абдуллин: 1996]. Пока этот феномен не поддается широким обобщениям, скорее можно рассмотреть лишь предварительные гипотезы относительно причин быстрого подъема национального движения в 1988–1990 гг. и последующего его неожиданного спада – сначала медленного (1991–1992), а затем очень резкого (1993–1996).

Факторы подъема национального движения в 1980–1990-х гг.

Несмотря на то что в татарском обществе уже в 1950–1960-х гг. наметились тенденции возрождения национального движения, в постсталинский период в Татарстане не произошло его оформления со своей программой общенационального характера. Причин такого положения несколько. Во-первых, серьезно пострадавшая в ходе сталинского террора в 1920–1940-х гг. интеллигенция не сразу смогла восстановить свой потенциал. Во-вторых, тоталитарная система и ее репрессивные органы еще действовали, хотя и более цивилизованными методами, нежели раньше. При этом контроль со стороны органов КПСС и КГБ над татарским обществом был очень жестким. (Отдельные примеры на этот счет см.: [Каримуллин: 1996]). Но в этих условиях интеллигенция еще не решалась на активные действия. В-третьих, следует также учесть, что в рассматриваемое время большая часть татарского населения проживала на

селе, тогда как национальные проблемы наиболее остро воспринимались в городах. Наконец, нельзя не принять во внимание и постепенное улучшение благосостояния народа в указанный период.

В 1970-х – начале 1980-х гг. в связи с усилением в Татарстане и за его пределами урбанизации татар, обострилась проблема этнокультурной ассимиляции, различия в социально-профессиональном продвижении татар и русских стали проявляться более явственно, особенно в молодых городах [Современные межнациональные процессы в ТССР: 1991. С. 12–38]. К тому же рамки автономной республики не предоставляли адекватных возможностей решения проблем развития национальной культуры [Там же. С. 39–77]. Исходя из такого положения дел в процессе разработки Конституции СССР 1977 г. в республике были подготовлены предложения по преобразованию Татарстана в союзную республику и даже написан соответствующий проект конституции республики (Устная информация, полученная от кандидата юридических наук Р.Т. Биктагирова).

Начиная с 1960-х гг. в Татарстане активно формировалась национальная партийно-советская номенклатура. Этому процессу явно способствовало длительное пребывание на должности Первого секретаря татарского обкома КПСС Ф.А. Табеева (1960–1979). Начиная с Ф.А. Табеева, руководство обкома КПСС в Татарстане перешло в руки татар. Хотя Табеев не был родом из республики, но учился в Казанском университете, а первые лица Татарстана после него уже были местными уроженцами. Это свидетельствует о процессе «коренизации» номенклатуры. К концу 1980-х гг. удельный вес татар среди руководителей предприятий и организаций в республике составлял 64,1%, а среди номенклатуры обкома КПСС – 56,7% [Исхаков: 1993. С. 31].

Подводя итог, надо сказать, что за 1950–1970-е гг. постепенно кристаллизовалась та парадигма национальных требований, которая в полную силу проявилась с началом горбачевской эпохи перестройки. Основу этих требований, безусловно, составляла проблема статуса Татарстана, однако не менее важными компонентами являлись и вопросы развития татарского языка, культуры, формирования полноценного национального самосознания на основе написания новой истории народа.

Отражение некоторых глубинных явлений, происходивших в татарском обществе накануне начала горбачевской перестройки в стенах Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова – единственного академического учреждения гуманитарного профиля – были заметны уже в первой половине 1980-х гг. Так, в ноябре 1982 г. на Ученом совете института обсуждался вопрос об изучении этнической истории татарского народа. В 1984 г. был подготовлен и обсужден план-проспект

монографии «Татарский народ: происхождение и развитие». В рамках итоговой конференции института в феврале следующего года работала комплексная секция «Проблемы этнической истории татар». Таким образом, стремление подготовить новую историю народа (труды по истории татар, как известно, были и раньше), следует, видимо, оценивать как попытку переосмыслить прошлое нации.

С 1988 г. в партийные органы пошли письма от татар из разных регионов СССР, где говорилось о тяжелом положении татарского языка и культуры, невозможности поддержания нормальных контактов с Татарстаном (В моем личном архиве имеются два таких письма: от писателя Ибрагима Салахова из Казахстана, адресованное Первому секретарю ЦК КП Казахстана Г.В. Колбину и Первому секретарю Татарского обкома КПСС Г.И. Усманову (от 20.9.1988); от имени группы татарской интеллигенции из Ташкента Первому секретарю ЦК КП Узбекистана Р.Н. Нишанову (от 20.11.1988)). 22 июня 1988 г., обсуждая послание Казанского филиала АН СССР в адрес XIX конференции КПСС, ученые-татары включили туда пункты, отражающие национальные требования, в частности, пункт о преобразовании некоторых автономных республик (имея в виду Татарстан) в союзные. В это время в республиканской прессе шли дискуссии по ряду тем (по этнической истории и этнониму народа; по топонимике и символам; по роли ислама; по проблемам культуры и языка и т.д.), которые обострили внимание общественности к этим проблемам. Так, споры вокруг этнической истории и этнонима татарского народа, начавшись с проблемы «булгары или татары» (1987–1989), к 1990 г. привели к возникновению двух идейных течений: «булгаристов» и «татаристов», между сторонниками которых в дальнейшем развернулась ожесточенная борьба. В ходе дискуссии были опубликованы некоторые фундаментальные исторические труды, ранее запрещенные (прежде всего работа М. Худякова «Казанское ханство»).

Элементом этой дискуссии стала топонимическая дискуссия, содержащая как мотивы воздействия «булгаристов» на общественное сознание (например, переименование г. Куйбышева в Татарстане в Булгар, введение в топонимику Казани некоторых наименований периода Волжской Булгарии и т.д.), так и совершенно иной аспект, связанный с межэтническим противоборством. Споры, связанные с топонимикой, содержали также проблему символов. Дело в том, что попытки вернуть некоторые старые топонимы (типа «Булгар») или закрепить их в топонимике Казани и других населенных пунктов, имели целью воплотить определенные символы, уже существующие в общественном сознании, в некие зримые структуры. Это подтверждается на примере дискуссии по поводу башни Сююмбеки. Башня Сююмбеки занимает во всех отношениях не просто центральное, но

прямо-таки господствующее положение в городе, возвышаясь над остальными сооружениями Казанского кремля. Дебаты о ней начались фактически 6 июня 1987 г. и продолжились в 1988–1989 гг. Уже 10 августа 1989 г. прозвучало предложение о водружении на башню полумесяца, осуществленное через год. Понятно, что стремление маркировать башню мусульманским символом – полумесяцем (используя научные доказательства ее татарской принадлежности) свидетельствует о стремлении «закрепить» башню Сююмбеки как особую реликвию, символ татарского народа.

Можно полагать, что возвращение и закрепление национальной топонимики, символов и символических сооружений служили созданию новой пространственной структуры, которая входила в противоречие со старой структурой, колониальной по своей природе. Поэтому дискуссия, связанная с топонимикой и символами, имела характер межэтнического противоборства. Надо также заметить, что как следствие сложных сдвигов в общественном сознании, в том числе и в ходе обсуждения вопросов о башне Сююмбеки, к осени 1990 г. общественность уже была готова вступить в обсуждение проблемы государственных символов (герб, флаг) Татарстана.

Очень медленно происходило осознание роли ислама для татар. В 1987 г. эта тема еще была запретной. Первые осторожные требования уважительного отношения к исламу прозвучали в прессе республики лишь в марте 1988 г. Поворотным моментом стала Всесоюзная конференция в Казани, проведенная Институтом языка, литературы и истории 24–25 мая 1988 г., где обсуждался вопрос о роли ислама в истории общественной мысли татар. Но более глубокое осознание значения исламских ценностей для татар произошло только в 1989 г. при подготовке к проведению 1100-летия принятия ислама волжскими булгарами и 200-летия ДУМЕС (Духовное управление мусульман Европейской части и Сибири). Заслуги муфтия Т. Тажетдина по организации этих торжеств были отмечены присвоением ему общественного звания «Татарин-89».

Однако в 1990 г. никаких заметных сдвигов в области возврата мусульманских ценностей не произошло, если не считать открытого празднования Рамазана в апреле. Во-первых, возвращение ислама происходило в рамках лишь одной парадигмы общественной мысли (через «булгарство»), во-вторых, отсутствовала готовность общественности воспринимать исламские ценности в той форме, в которой они предлагались официальными кругами мусульманского духовенства. В то же время среди сторонников исламских ценностей еще не сформировались разные течения (как в начале XX в.), что сузило возможности внутреннего развития для приверженцев этих ценностей. Борьба оказалась направленной только против остатков тоталитарных ограничений.

В 1987 г. культурно-языковая сфера в прессе затрагивалась крайне редко. Несколько лучше обстояло дело лишь с фольклором, музыкой и театром. Благодаря двум конференциям, проведенным в Казани в феврале и марте, в апреле того же года началась дискуссия по состоянию театра и музыки, продолжившаяся и осенью. Однако это обсуждение не получило должного размаха. В 1988–1990 гг. в области культуры все свелось к организации фольклорных фестивалей, конференций и некоторых конкурсов.

Достаточно сильной оказалась борьба за возвращение культурного наследия ряда видных фигур татарской культуры (Ш. Марджани, Г. Исхаки, Х. Атласи, Т. Давлетшин и др.) и некоторых политических деятелей 1920-х гг. (М. Султан-Галиев и т. д.). Однако это возвращение шло без глубокого осмысления роли и места прежде гонимых творений и создававших их личностей в истории татарского народа.

В декабре 1987 г. был поставлен вопрос о расширении сферы функционирования татарского языка, который вскоре попытались свести к проблеме орфографии. Но попытка не удалась – 26 октября 1988 г. появилась первая развернутая статья с обоснованием необходимости государственного статуса татарского языка, а через месяц – о целесообразности перехода к латинской графике. В 1989–1990 гг. вопросы орфографии и статуса татарского языка обсуждались довольно основательно, но главное требование свелось к предоставлению государственного статуса татарскому языку.

Многие ключевые аспекты социолингвистики (уровень владения татарским языком среди населения, установление реальных сфер функционирования татарского языка и многие другие) не получили освещения в публикациях. Единственным исключением было напоминание писателя Н. Фаттаха об угрозе отюречения татарского языка.

Борьба в языковой сфере породила появление сторонников кириллицы и латиницы, но она осталась малозаметной. Здесь можно говорить о крайне слабой готовности общественности к осознанию сложных проблем социолингвистического плана, что, в свою очередь, в значительной мере было обусловлено готовностью национальной интеллигенции, в первую очередь ученых-лингвистов, к их постановке.

Одной из важных составных частей национального возрождения было «обретение» татарами своей диаспоры. Этот процесс был довольно интенсивным в 1988–1990 гг. В 1988 г. появились статьи о литовских татарах (в том числе и живущих в Польше), о татарах Финляндии, США, крымских татарах, татарах Киргизии, Западной Сибири, Башкортостана, Ульяновской области. В последующие два года к ним прибавились публикации о татарах Урала, Оренбурга, Санкт-Петербурга, астраханских, сибирских татарах и татарах Японии. В основном это были чисто

познавательные материалы без глубокого анализа состояния диаспоры. Пожалуй, исключением является обсуждение вопросов, связанных с татарским населением Башкортостана – тут проблема была поставлена достаточно остро, был разработан ряд решений.

Вскоре большинство культурных и языковых проблем, широко обсуждавшихся на страницах прессы, вылилось в дебаты о политическом статусе республики (См., например, наиболее ранний вариант программы Татарского общественного центра: [Слово агитатора: 1988. С. 34–44]). В 1989 г. этот вопрос приобрел ключевое значение в общественном сознании (Об этом свидетельствуют резолюция XI съезда писателей Татарстана [Казан утлары: 1990. Б. 127–168] и данные опроса населения города Набережные Челны в январе 1990 г., во время которого статус Татарстана как союзной республики поддержали 73,2% татар и 23,6% русских [архив автора]).

Под воздействием общей демократизации в СССР и происходивших изменений многих сторон жизни в Татарстане в 1988–1990 гг. среди татар начали складываться разнообразные неформальные группы и объединения (Подробнее см.: [Исхаков: 1992-б]), ставшие катализаторами общественного сознания. В этот период татарское национальное движение начало складываться из отдельных сегментов. Уже 27 июня 1988 г. возникло ядро Татарского общественного центра (ТОЦ), который через семь месяцев на съезде оформился в крупную организацию с программой общенационального характера. Возникшие в Казани Культурное общество им. Ш. Марджани и Клуб любителей болгарской истории «Булгар аль-Джадид» вошли в состав ТОЦ на правах секций. В 1990 г. образовались Этнографическое культурно-просветительское объединение кряшен, Татарская партия национальной независимости «Иттифак», Союз молодежи «Азатлык», Комитет «Суверенитет», Молодежный центр исламской культуры «Иман».

В тот период большинство татарских организаций еще было так или иначе близки к ТОЦ, наиболее влиятельной тогда общественной организации центристского характера. Но уже весной 1990 г. в условиях острого кризиса власти, когда в Казани происходили митинги с требованием отставки некоторых одиозных фигур обкома КПСС и даже с лозунгами отставки всего состава обкома (в то время реального центра власти в Татарстане), внутри национального движения, прежде всего ТОЦ, усилились разногласия относительно программы и методов работы. Следствием стало выделение из ТОЦ его радикального крыла, оформившегося в организацию иного типа – партию «Иттифак». Тем не менее во многих случаях национальные организации старались координировать свои действия, к примеру, на выборах депутатов в Верховный Совет СССР в 1989 г. и в Верховный Совет Татарстана в 1990 г.

В 1989–1990 гг. национальное движение в республике стало достаточно влиятельным: по данным социологического опроса, проведенного в декабре 1990 г., свое доверие к национальным организациям выразили 12% опрошенных, тогда как КПСС, несмотря на ее организационные возможности, доверяли только 9,4% [Исхаков: 1993. С. 31]. По данным ещё одного опроса, проведенного в том же году, сторонниками ТОЦ себя назвали 20,6% опрошенных, партии «Иттифак» – 15,6%. [Исхаков: 1993. С. 31]. По данным другого опроса, проведенного в том же году, сторонниками ТОЦ себя назвали 20,6% опрошенных, партии «Иттифак» – 15,6%.

Эти организации сыграли важную роль во время кризиса власти в Татарстане в феврале-марте 1990 г. и особенно в период подготовки и принятия Декларации о суверенитете. Но уже к концу этого года при продолжающемся ухудшении общей экономической ситуации наиболее острыми проблемами в республике стали отсутствие необходимых товаров, рост цен и преступность, напряженность в национальных отношениях отступила на 10-е место (из 14 позиций по опросу декабря 1990 г.). Одновременно номенклатура, оправившись от первого натиска демократических сил весной 1990 г. и закрепив свои позиции в Верховном Совете Татарстана, после принятия Декларации о суверенитете взяла инициативу в свои руки и начала активно эксплуатировать идею политического суверенитета республики.

Кризис национального движения и его причины

В 1991–1992 гг. процесс возникновения новых национальных организаций продолжался [Исхаков: 1992-а; Исхаков: 1992-б; Борьба за лидерство: 1992]. 31 марта 1991 г. была учреждена Исламская демократическая партия Татарстана; в ноябре того же года начал складываться союз нескольких национальных организаций, которые через три месяца на съезде создали новое объединение – «Милли Меджлис»; 9–10 января 1992 г. в Казани под эгидой ТОЦ прошел съезд работников народного образования, на котором возникла Всетатарская ассоциация «Магариф»; на аналогичном съезде работников культуры 16 июня оформилась «Всетатарская ассоциация деятелей культуры и искусства»; наконец, 19–21 июня 1992 г. на Всемирном конгрессе татар, проведенном при активном участии официальных структур, был избран Исполком ВКТ. Возник и ряд других, более мелких организаций.

Национальное движение активно участвовало в нескольких крупных политических акциях. В 1991 г. оно содействовало проведению выборов президента Татарстана и организовало бойкот выборов президента России на территории республики. Особая позиция номенклатуры Татарстана по вопросу о выборах российского президента в Татарстане крайне обостри-

ла политическую ситуацию в республике в мае 1991 г., когда национальное движение смогло собрать на митинг более 50 тыс. чел., что стало самой крупной манифестацией национальных сил. Во время референдума 21 марта 1992 г. по вопросу о статусе Татарстана национальные организации внесли заметный вклад в победу сторонников суверенитета республики.

Тем не менее к началу 1991 г. национальное движение начало ослабевать. Эта тенденция стала особенно заметной после августовского 1991 г. путча. Временный подъем национального движения, связанный с референдумом 1992 г., оказался непродолжительным. Отрицательную роль сыграло образование в нем двойного центра как следствие создания Милли Меджлиса, что вызвало усиление борьбы за лидерство между разными фракциями национального движения.

Невозможно отрицать роль ухудшающегося социально-экономического положения в этом процессе, однако причины спада в национальном движении гораздо более сложные. Я думаю, что одна из главных причин заключается в общей слабости возрожденческого потенциала татарского общества рубежа 1980–1990-х гг. Так, национальной интеллигенции не удалось предложить сколько-нибудь целостную модель этнокультурного развития татар в современных условиях. Также, отсутствует концепция написания обновленной истории татар. Недавно в республиканской печати началась широкая дискуссия по проблемам развития исторической науки и написанию истории татар в новом духе (см.: [Закиев: 1996-а; Закиев: 1999-б; Исхаков: 1996; Измайлов: 1996; Открытое письмо: 1996]); оказались непроработанными фундаментальные аспекты дальнейшего развития таких сфер, как национальный фольклор, музыка, театр, кино и т.д.; не появилась общая оценка историко-культурного наследия; социолингвистические проблемы трактуются крайне упрощенно; не удастся приспособить ислам к новым реалиям. Правда, авангардная часть интеллигенции подготовила «Концепцию развития татарского просвещения» и «Концепцию развития татарской культуры» [Панорама: 1991. № 8. С. 15–30; Шәһри Казан: 1992. 17 окт. (на тат. яз.)]. Начинается работа и по составлению аналогичного документа по исторической науке (Начало дискуссии см.: [Как писать татарскую историю: 1996]). Но приходится признать, что татарской интеллигенции не удалось сформулировать общенациональную идею. Во многом в ее роли выступила идея суверенитета Татарстана: вначале в виде обретения статуса союзной республики (до 1991 г.), потом – идея достижения к полной независимости. Однако в реальной жизни лозунг независимости оказался трудно достижимой целью и стал в определенной мере абстракцией, что вызвало у сторонников полного суверенитета Татарстана чувство глубокой неудовлетворенно-

сти. На фоне общей тенденции усиления в обществе состояния апатии и безразличия к любым проявлениям социальной активности, это чувство стало составной частью фрустрационного состояния, распространившегося на все более широкие слои татар.

Среди причин спада национального движения необходимо особо выделить отсутствие в нем лидеров общенационального масштаба. Этот феномен требует особого внимания. С одной стороны, качественные параметры, в том числе величина фигуры лидера, зависят от глубины самого общественного движения. Однако, с другой стороны, лидер общенационального уровня во многом может стать катализатором общественных процессов. В Татарстане появление такого лидера было затруднено тремя группами факторов. Во-первых, продолжительное пребывание в статусе «автономии», четко ограничивавшее горизонты политической деятельности, существенно уменьшило возможности роста политиков, тем более что этот процесс жестко контролировался Москвой (вплоть до перемещений нежелательных кадров). Во-вторых, до недавнего времени выражение национальных интересов татар политическими лидерами Татарстана было невозможно вообще. В-третьих, из-за этнического состава населения республики лидер национального движения не мог стать общереспубликанским (общенациональным – по западной терминологии) лидером из-за существенных разногласий между татарской и русской частями населения республики по вопросу о путях дальнейшего развития Татарстана.

В роли общереспубликанского лидера в 1990-х гг. выступает Президент Татарстана М.Ш. Шаймиев, доверие ему выразили среди опрошенных в июле 1993 г. – 43%, в декабре 1994 г. – 46,4%, в октябре 1995 г. – 49,7% [Толчинский, Комелев: 1995; Толчинский, Комелев: 1996]. Первые лица республики – президент, премьер-министр, некоторое время и председатель Верховного Совета (до выборов русского В.Н. Лихачева председателем Государственного совета) – татары, они воспринимаются в массовом сознании в первую очередь как этнические лидеры. Поэтому возникает вопрос о роли и месте татарской номенклатурной элиты в современных общественных процессах. Объективно этот социальный слой может стать выразителем этнических интересов, однако, он в Татарстане практически не был реформирован и продолжает оставаться достаточно закрытой стратой. Поэтому члены национальных организаций озабочены состоянием политической элиты республики.

В условиях кризиса и спада в татарском национальном движении – как в связи с существующей социальной стратификацией современного татарского общества, так и из-за пребывания национального движения в оппозиции к власти [Исхаков: 1995-б.] – можно предвидеть усиление в

Татарстане государственного (официального) национализма. Есть основания полагать, что в ближайшей перспективе функции организатора национальной жизни и даже частично национального движения перейдут в руки государственных и полугосударственных структур. Именно поэтому феномен государственного национализма в республике заслуживает отдельного рассмотрения.

Возникновение и эволюция государственного национализма в Татарстане (1988 – середина 1990-х гг.)

Государственный (официальный) национализм в Татарстане в открытой форме начал формироваться в 1988–1989 гг. Первый период его становления может быть определен как «экономический национализм». Он был связан с попыткой реализации проекта так называемого «регионального хозрасчета». Этот проект был подготовлен по распоряжению Совета Министров СССР от 31.8.1988 и окончательно «легализован» законами СССР и РСФСР «О государственном плане экономического и социального развития на 1989 г.». (См. детали: [Нужен ли Татарии такой хозрасчет: 1990]).

Проект появился в 1989 г. в двух вариантах – официальном и неофициальном. Первый из них имел такие названия: «Основные положения концепции перехода ТАССР на региональный хозрасчет, самофинансирование и самоуправление» [Советская Татария: 1989. 19 сент.]; «Об отработке в Татарской АССР механизма хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования» (был представлен в декабре 1989 г. на рассмотрение сессии Верховного Совета Татарской АССР – см.: [Материалы: 1989]); «О проведении в Татарской АССР экспериментальной отработки механизма хозяйствования на основе самоуправления и самофинансирования» (заголовок утвержденного весной 1990 г. Советами Министров СССР и РСФСР документа). Второй вариант, разработанной группой ученых-экономистов, назывался «Основные положения концепции перестройки управления социально-экономическим развитием Татарской АССР на основе самоуправления и самофинансирования» (см.: [Вечерняя Казань: 1989. 26 июня]). Имеется отдельное издание (см.: [Основные положения: 1989]). Этот документ с несколько измененным названием «Основные принципы перестройки управления социально-экономическим развитием Татарской АССР на основе самоуправления и самофинансирования», был вложен в качестве второго варианта в пакет документов, вынесенных в декабре 1989 г. на обсуждение Верховного Совета республики (см.: [Материалы: 1989]). В сентябре 1989 г. в республиканской прессе был опубликован официальный вариант проекта «Основные положения концепции перехода Татарской АССР на региональный хозрасчет, самофинансирование и са-

моуправление». Согласно этому документу, Совет Министров Татарской АССР получал право «формировать республиканское (местное) хозяйство из предприятий, организаций, учреждений, продукция и услуги которых предназначены в значительной степени для удовлетворения потребностей населения». Здесь речь шла о «государственной собственности Татарской АССР», которую и планировалось «расширить» за счет «объектов, находящихся (...) в вышестоящем подчинении». Документ также предусматривал, что Татарская АССР «самостоятельно разрабатывает с учетом национальных особенностей (интересов) и утверждает Государственный бюджет республики». Совету Министров республики разрешалось самостоятельно определять состав и структуру органов управления республиканским хозяйством, численность их работников и расходы на их содержание. Показательно также, что в указанном документе говорится о необходимости составления «сводного финансового плана (баланса) республики». Кроме того, там содержится и понятие «национального дохода Татарской АССР». Наконец, в проекте присутствует положение о создании «единого республиканского органа Государственного банка СССР с развитой сетью собственных коммерческих и кооперативных банков (в проекте, вынесенном в декабре 1989 г. на сессию Верховного Совета республики, он назван «Татарским республиканским Банком Госбанка СССР»). Внимательное рассмотрение отмеченного выше проекта показывает, что в 1989 г. руководство Татарстана делало основной упор на «экономический суверенитет», всячески избегая вопроса о политическом аспекте проблемы суверенитета. Правда в разделе «Политический статус и экономическая самостоятельность Татарской АССР» документа есть формула – «статус Татарии как суверенной республики в рамках СССР и РСФСР», который определяется как «широкая политическая самостоятельность республики в рамках Российской Федерации и союзного государства». Предложенная формула, конечно, весьма противоречива и неясна. Положение не спасает и то обстоятельство, что разработчики проекта высказались за то, чтобы политический статус республики определялся «свободным волеизъявлением народа». Тем не менее в документе утверждается, что «политический статус республики (...) является гарантом ее экономического суверенитета».

Подобные колебания сторонников официального курса объяснялись тем, что по вопросу о статусе Татарстана среди политической элиты республики полного единства не было. Об этом свидетельствует существование альтернативного варианта проекта «регионального хозрасчета», предложенного в декабре 1989 г. вниманию депутатов Верховного Совета ([Материалы: 1989. Основные идеи этого варианта см. также: [Проблемы: 1990]). Альтернативный проект был достаточно радикальным и

явно выходил за рамки экономического национализма. Так, во введении к этому документу содержатся положения о том, что «перестройка управления социально-экономическим развитием республики основана на реализации ее политического статуса как экономически самостоятельного социалистического государства», и что «экономическая самостоятельность и самоуправление республики основывается на принципах национального суверенитета и свободного самоопределения наций, провозглашенных Декларацией прав народов России при образовании РСФСР». Первый раздел рассматриваемого документа назывался «Политический статус и экономическая самостоятельность республики». Здесь опять повторяется положение о том, что республика является «самостоятельным советским социалистическим государством» и подчеркивается, что «экономический суверенитет выражается в самостоятельной разработке и утверждении планов и программ социально-экономического развития, экологической политики, финансов и налогов, самостоятельном формировании бюджета, контроля ценообразования и оплаты труда». Далее говорится, что в число «непременных» условий экономической самостоятельности республики входит и «признание ее исключительного права на владение, пользование и распоряжение землей, ее недрами, лесными, водными и другими ресурсами».

Как видим, экономическая самостоятельность в данном проекте тесно увязывается с политическим суверенитетом Татарстана. Наиболее полно этот аспект проблемы отражен в том варианте альтернативного проекта, который был опубликован в прессе [Вечерняя Казань: 1989. 26 июня]. В частности, там говорится, что «конституционные положения, устанавливающие статус Татарии как автономной республики в составе РСФСР, носят в значительной мере формальный, декларативный характер». Подчеркивается необходимость перехода к «реальной политической самостоятельности», которая понимается как «статус Татарии как суверенной республики в рамках Союза СССР» [Там же]. (Ср.: [Курчаков, Хакимов: 1989. С. 22], где защищается именно эта формула и осуждается «автономизация» Татарстана). Такой статус, как полагали авторы проекта, можно утвердить путем принятия соответствующего законодательного акта на сессии Верховного Совета Татарской АССР. Преобразование Татарстана в «суверенную республику», по их мнению, основывается на «праве наций на самоопределение».

Приведенные данные говорят о том, что уже в 1989 г. в правящей элите имелась группа, которая стремилась пойти дальше экономического национализма, обостряя проблему политического статуса республики («суверенная республика в составе СССР»). Несомненно, появление этой

группы было связано с воздействием национального движения на элиту Татарстана. Однако в 1989 г. коммунисты-консерваторы все еще занимали доминирующее положение в Татарстане, поэтому переход республики в 1990 г. на «региональный хозрасчет» произошел по весьма урезанной модели, в основном не выходящей за рамки экономического национализма. Позиция консервативной части республиканской политической элиты по выработке модели «регионального хозрасчета» в Татарстане была жестко раскритикована радикально настроенными учеными-экономистами в ноябре 1989 г. (См.: [Путь к экономической самостоятельности: 1989]. Из этой публикации отчетливо видно, что основной водораздел между радикалами и консерваторами проходил по линии политического статуса Татарстана. При этом радикалы к необходимости изменения статуса республики приходили исходя из ее экономических проблем, считая: «субъектом республиканской собственности» должна быть признана «конкретная национально-территориальная общность», которая и стала бы «хозяином территории» [Там же]. Особенно отчетливо роль консерваторов в принятии урезанного варианта проекта «регионального хозрасчета» Татарстана была показана в более поздней публикации радикальных экономистов. (см.: [Нужен ли Татарии такой хозрасчет?: 1990]).

Следует подчеркнуть, что во взглядах представителей обеих фракций элиты имелась одна общая черта – стремление привлечь «народ» республики в целом к определению будущего статуса республики (Ср.: «Государственное устройство ТАССР как суверенной республики мыслится таким образом, что она должна стать не только формой самоопределения коренной нации, но и инструментом защиты и реализации интересов всего населения» [Курчаков, Хакимов: 1989. С. 16]). При этом нетрудно заметить определенное противоречие между идеей утверждения статуса Татарстана его парламентом в соответствии с предложением сторонников радикальной части элиты и их пониманием «права наций на самоопределение» как самоопределение татар – а в 1989 г. именно такое понимание было у идеологов этой группы. Такое же противоречие содержалось и в программных материалах национального движения [Платформа: 1989].

Усиление национального движения в республике в 1989–начале 1990 гг. и политический кризис в Татарстане весной 1990 г. привели к сдвигам в составе правящей элиты и к изменениям в ее взглядах на статус Татарской АССР. В итоге ближе к лету 1990 г. процесс формирования государственного национализма в республике вступил во второй этап, который следует обозначить как «политический национализм». Переход стал очевидным во время подготовки и обсуждения Декларации о суверенитете (Официальный проект декларации опубликован: [Советская Татария:

1990. 15 авг.]). Проект предусматривал провозглашение «государственного суверенитета Татарии», преобразовав ее в «Татарскую Советскую Социалистическую Республику, исходя из “реализации неотъемлемого орава татарской нации, всего народа республики на самоопределение”». Татарская ССР, как «суверенное государство», должна была стать «субъектом обновленных федераций – РСФСР и Союза СССР». Указывалось, что «народ Татарии осуществляет исключительное право на владение, пользование и распоряжение землей, ее недрами, водными и другими природными ресурсами, всем национальным богатством». О языковой политике говорилось следующее: «Татарская ССР (...) обеспечивает сохранение и функционирование татарского языка и языков других национальностей, населяющих республику».

Как видим, в рассматриваемом документе речь идет именно об изменении политического статуса Татарстана, причем в ряде случаев прослеживается явная уступка позициям радикальной части элиты. Однако есть и исключение: консерваторы настаивали на вхождении Татарстана как в РСФСР, так и в СССР, против чего выступали радикалы, отстаивающие обозначенную выше формулу «суверенная республика в составе СССР» [Валева: 1990]. Заключив ряд сложных компромиссов, Верховный Совет республики принял 30 августа 1990 г. «Декларацию о государственном суверенитете Татарской ССР» [Советская Татария: 1990. 31 авг.].

В этой декларации пункт о двухсубъектности Татарстана отсутствует – республика должна была войти непосредственно в состав СССР через «участие (...) в заключении Союзного договора». Очевидно, что принятие данной формулировки есть результат объединения национального движения и радикальной части политической элиты. Однако, в последнем документе появилось новое положение о языковой политике в Татарстане, согласно которому «гарантируется равноправное функционирование татарского и русского языков в качестве государственных». Оно говорит о том, что на государственном уровне в Татарстане в августе 1990 г. на передний план вышел политический национализм, причем в форме так называемого «паритетного национализма».

Анализ текста Декларации показывает, что этот процесс в то время находился в самом начале: в тексте сохранился пункт о «реализации неотъемлемого права татарской нации, всего народа республики на самоопределение». Эта внутренне противоречивая формулировка была явной уступкой национальному движению, так как в проекте Декларации, предложенном от его имени, Татарстан объявлялся «национальным государством», существующим «на основе осуществления татарской нацией (...) права на самоопределение [Советская Татария: 1990. 8 августа].

Тем не менее в законе «О языках народов Республики Татарстан», принятом парламентом и подписанном президентом Татарстана 8 июля 1992 г., равноправие татарского и русского языков было закреплено в статье 3: «В Республике Татарстан функционируют два равноправных государственных языка: татарский и русский» (Закон о языках был опубликован: [Известия Татарстана: 1992. 23 июля]). Это же положение, но в несколько другой редакции (В статье 4 Конституции Республики Татарстан говорится: «Государственными в Республике Татарстан являются равноправные татарский и русский языки»), было зафиксировано и в Конституции Республики, принятой 6 ноября и введенной в действие 30 ноября 1992 г. Таким образом, паритетный национализм как официальный политический курс элиты в Татарстане утвердился между августом 1990 и ноябрем 1992 г.

Отчасти такой выбор объяснялся коммунистическим прошлым руководства республики, сохранившим приверженность «интернационализму». Однако основным фактором стала острейшая необходимость опоры на большинство граждан Татарстана при отстаивании нового политического статуса республики перед Москвой. Потребность в поддержке татарстанцев особенно обострилась после крушения надежды Казани на подписание союзного договора в результате провала августовского путча 1991 г. и последовавшего затем распада СССР, когда новая политическая ситуация потребовала проведения 21 марта 1992 г. референдума по вопросу о статусе Татарстана. Получив поддержку 61,4% граждан республики, принявших участие в референдуме, элита Татарстана смогла закрепить итоги голосования в Конституции республики, где появилось следующее ключевое положение: «Республика Татарстан – суверенное государство, субъект международного права, ассоциированное с Российской Федерацией – Россией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения» (ст. 6). Одновременно в статье 1 Конституции было зафиксировано, что Татарстан как государство «выражает волю и интересы многонационального народа республики», т. е. источником суверенитета государства объявляется «многонациональный народ». В итоге в отличие от Декларации о суверенитете в Конституции понятие «татарская нация» оказалось «растворенным» в отмеченном выше определении «многонационального народа».

Изменение формулировок, судя по книге государственного советника при президенте Республики Татарстан по политическим вопросам Р.С. Хакимова «Сумерки империи», не было случайностью, ибо он пишет: «Нация – это граждане, объединившиеся в государственную общность независимо от этнического происхождения» [Хакимов: 1993. С. 49]. Ясно, что тут

мы имеем дело с теоретическим обоснованием политического курса правящей элиты по формированию государственной общности «татарстанцев». Именно так оценил происходящее в Татарстане французский политолог Жан-Робер Равио, отметив, что правящая элита Татарстана выбрала путь конструирования «нации», базирующейся на общности экономических и социальных интересов [Равио: 1992. С. 42–59].

Этот курс, однако, критиковался с обеих сторон. Идеологи радикального крыла национального движения заявили, что надо стремиться не только превратить Татарстан в государство, «служащее интересам только татарского народа», но и создать в Евразии «экстерриториальное национальное управление татарской нации» в лице Национального Собрания (Милли Меджлиса) [Татарский Канон: 1995]. Идеологи умеренного крыла национального движения обвинили правящую элиту в том, что она в своей внутриреспубликанской политике не принимает во внимание фактор культуры, который не может не включать этническое измерение [Исхаков: 1995 а. С. 53–58]. Критика не осталась неуслышанной – в 1996 г. Президент Татарстана Шаймиев подчеркнул поликультурный характер татарстанского сообщества. Он заявил: «Мы строим полиэтничное, поликультурное сообщество, в котором приоритетным является гражданство, а не этническая принадлежность» [Послание Президента: 1996. С. 3].

Не исключено, что после подписания Договора между Татарстаном и Российской Федерацией в 1994 г. внутренний аспект «нациестроительства» в республике начал выходить на первое место. При этом внешний аспект (взаимоотношения Казани и Москвы) полностью не исчез. Именно поэтому Президент Шаймиев в своем выступлении по случаю шестой годовщины со дня принятия Декларации, отметил: «Время от времени в Москве слышатся голоса о приведенном Конституции Татарстана в соответствие с Конституцией РФ» [Шаймиев: 1996]. Ключевым элементом для Татарстана является нахождение баланса между интересами русских и татар.

В условиях, когда татарская интеллигенция, в том числе и близкая к официальным кругам, постоянно выражает свою озабоченность состоянием татарского языка и культуры^{1**}, идеологи государственного национализма в поисках «среднего» пути, способного устроить как татар, так и

1 Проблема статуса татарского языка 22 мая 1997 г. была вынесена на обсуждение Государственного Совета Татарстана в связи с рассмотрением вопроса о выполнении «Закона о языках» и «Государственной программы РТ по сохранению, изучению и развитию языков народов РТ». Обсуждение вопроса было достаточно острым [Ватаным Татарстан: 1997. 24 мая]. Отчет правительства показал, что в настоящее время в школах на родном языке обучается лишь 45% детей татар. В детских же садах около 60% детей татарской национальности воспитываются на своем родном языке [Шәһри Казан: 1997. 28 мая].

русских, в последнее время обратились к идее формирования в Татарстане «национального капитала» [Бахтияров, Курчаков: 1997]. В основе ее лежит тезис о возможности дальнейшего развития республики по «восточному» образцу (Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур, Малайзия, Тайвань, Турция), который предполагает активное участие государства в экономической жизни. При этом подчеркивается, что национальный капитал, не имея этнического «лица», все же «объединен приоритетностью задач по развитию своего народа (нации), поддержанию и развитию материального и духовного благосостояния своего народа». Хотя авторы этой идеи используют понятие «национальная культура», они не вкладывают в нее этнического смысла, тем самым как бы обеспечивая равенство разных этнических групп в сфере экономики. Похоже, что в лице теории «национального капитала» мы имеем дело с дальнейшей модификацией идеологии государственного национализма в Татарстане, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Идеологи прогнозировали, что в ближайшее время, особенно в связи с намеченным на август 1997 г. Всемирным конгрессом татар в Казани может обостриться проблема татарской диаспоры, многочисленность которой делает ее влиятельной силой. Одним из признаков этого является публикация о положении татар в Башкортостане (см.: [Хафизов: 1993]). Недовольны и сибирские татары (см.: [Алишина: 1995]). Показательно также, что именно татары разработали проекты законодательного акта по обеспечению в Российской Федерации и в Татарстане прав национальных меньшинств на основе культурно-национальной автономии (см.: [Тузмухамедов: 1993; Бурганов: 1995-а; Бурганов: 1995-б;]). Ход Конгресса отчасти показал верность этих предположений, хотя прогноз оказался явно завышенным.

В перспективе государственный национализм в Татарстане при сохранении своего базового принципа паритетности может отклониться в сторону увеличения внимания к проблемам татар для установления и сохранения отсутствующего в настоящий момент, баланса.

Литература

1. Абдуллин Я. Г. Что случилось с национальным движением? // Ватаным Татарстан. 1996, 21 июня (на тат. яз.).
2. Алишина Х. Все народы имеют право на выживание // Татар иле. 1995, № 14.
3. Бахтияров А., Курчаков Р. Татарстан имеет шанс показать России «третий путь» стратегического развития // Время и деньги. 1997, 25 марта.

4. Бенигсен А. Мусульмане в СССР. Париж, 1983.
5. Борьба за лидерство: Борьба за лидерство // Советская Татария. 1992, 4 авг.
6. Бурганов А. Обеспечение пользования правами национальных меньшинств // Татар иле. 1995-а, № 14.
7. Бурганов А. Будущее татарской диаспоры в России (культурно-национальная автономия как решение национальных проблем диаспоры) // Панорама-Форум. 1995-б, № 3. С. 17–24.
8. Вали М. Борьба за «Идел» // Идел. 1996. № 2. С. 22–30, 44–49 (на тат. яз.).
9. Валеева З. Суверенитет: где поставить точки над «и»? // Советская Татария. 1990, 15 авг.
10. Габидуллин Р. М. Татарское национальное движение в решении проблемы государственного возрождения Татарстана (1988–1992 гг.). Казань, 1995.
11. Давлетшин Т. Советский Татарстан: теория и практика ленинской национальной политики. Лондон, 1974.
12. Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика / Институт этнологии и антропологии РАН. Дробижева Л. М., Гузенкова Т. С. (ред.) М., 1995.
13. Закиев М. Пишется ли наша история и кем? // Ватаным Татарстан. 1996-а, 21, 22, 24, 25 мая (на тат. яз.).
14. Закиев М. Кем пишется татарская история и как? // Молодежь Татарстана. 1996-б, № 30.
15. Измайлов И. Будет ли преодолен кризис? // Молодежь Татарстана. 1996, № 24.
16. Исхаки А. Идель-Урал. Париж, 1933.
17. Исхаков Д. М. Актуальные проблемы татарского национального движения // Известия ТОЦ. 1992-а, № 5.
18. Исхаков Д. М. Неформальные объединения в современном татарском обществе (история формирования, структура, программные положения) // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. 1992 б. № 1. С. 5–52.
19. Исхаков Д. М. Устремление в синее небо. Некоторые мысли о национальном развитии и национальном движении // Татарстан хэбэрлэре. 1992 в, 17, 23 июня (на тат. яз.).
20. Исхаков Д. М. Современное татарское национальное движение: подъем и кризис // Татарстан. 1993. № 3. С. 25–31.
21. Исхаков Д. М. Общественные формирования и проблема ислама в Татарстане в современных условиях // Ислам и проблемы межцивилизованных взаимодействий. М., 1994-а. С. 125–134.

22. Исхаков Д.М. Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань. 1994-б. Вып. II. С. 15–17.
23. Исхаков Д.М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. 1995-а, № 1. С. 46–58; № 2. С. 48–69.
24. Исхаков Д.М. Политическое развитие Татарстана после принятия Конституции (1992–1994 гг.) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. М., 1995-б. С. 55–81.
25. Исхаков Д. Почему в Татарстане не пишется история нашего народа // Ватаным Татарстан. 1996, 5, 7 июня (на тат. яз.).
26. Казан утлары. 1990. № 11. С. 127–168.
27. Как писать татарскую историю? О концептуальных проблемах подготовки истории татарского народа // Идел. 1996. № 3. С. 30–33, 73 (на тат. яз.).
28. Каримуллин А. Правда и ложь // Идел. 1996. № 5. С. 44–58 (на тат. яз.).
29. Курчаков Р., Хакимов Р. Проблемы экономической самостоятельности автономной республики // Вопросы экономики. 1989. № 12. С. 22.
30. Материалы к вопросу об основных положениях концепции перехода Татарской АССР на самофинансирование и самоуправление. Казань, 1989.
31. Нужен ли Татарии такой хозрасчет? // Вечерняя Казань. 1990, 2 марта.
32. Основные положения концепции перестройки управления социально-экономическим развитием Татарской АССР на основе самоуправления и самофинансирования. Казань, 1989.
33. Открытое письмо деятелей науки и культуры Татарстан Президенту РТ М. Шаймиеву // Крис. 1996, 17 мая.
34. Платформа Татарского общественного центра // Платформа, Устав. Казань, 1989. С. 1–32.
35. Послание Президента РТ М.Ш. Шаймиева Государственному Совету. Казань, 1996.
36. Проблемы перестройки управления социально-экономическим развитием автономных республик на основе самоуправления и самофинансирования. Материалы республиканской научно-практической конференции (15–17.11.1989). Казань, 1990. Ч. 1–2.
37. Программа Татарского общественного центра // Слово агитатора. 1988. № 23–24. С. 34–44.
38. Путь к экономической самостоятельности // Вечерняя Казань, 1989. 16 ноября.

39. Равио Ж.-Р. Типы национализма, общество и политика в Татарстане // Полис. 1992. № 5–6. С. 42–59.
40. Современные межнациональные процессы в ТССР. Программа исследования и инструментарий. Казань, 1991.
41. Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1992. Вып. 1.
42. Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. Вып. 2.
43. Татарский Канон (Татар кануны. Кануннамэ). Проект (без выходных данных). 1995.
44. Толчинский Л., Комлев Ю. Кто сегодня доверяет Президенту // Известия Татарстана. 1995. 27 дек.
45. Толчинский Л., Комлев Ю. Социальная база реформ в Республике Татарстан // Информационно-методический бюллетень. 1996. № 5. С. 23–24.
46. ТОЦ: программа и действия // Коммунист Татарии. 1990. № 7. С. 38–44.
47. Тузмухамедов Р. Национальное меньшинство: варианты законодательного (правового) определения // Панорама-Форум. 1993. № 3. С. 7–17.
48. Хакимов Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве. Казань, 1993.
49. Хафизов С. Старая политика в новых условиях // Шәһри Казан. 1993. 15 марта (на тат. яз.).
50. Шаймиев М. Шесть лет по пути укрепления государственности Республики Татарстан // Республика Татарстан. 1996, 30 авг.
51. Bozdog A «Tatarstan» auf dem Weg zur Unabhängigkeit? // Orient. 1994. № 1. S. 31–59.
52. Rorlich A.-A. The Volga tatars. A Profile in National Resilience. Stanford, 1987.

[Источник: Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. Т. 3. Национализм в национально-территориальных образованиях [Под общ. редакцией Э. Яна]. М. РОССПЭН, 2010. С. 100–121].

НЕ УПУСТИТЬ СВОЕ БУДУЩЕЕ...

Татарская нация прошла сложный путь консолидации и обнаружения самой себя как политического субъекта. Эта субъектность, на самом деле, неотделима от статуса Татарстана. Они словно питают, взаимодополняют и конституируют друг друга.

В конце 1980-х гг. прошлого века мир вошел в новое состояние, когда лагерь соцстран во главе с СССР стал распадаться и терять в мире свои идеологические, геополитические, экономические и культурные позиции. Вместе с этим процессом начался подъем национального самосознания у тех народов, которые были заключены в общие идеолого-политические рамки соцблока. Национальному и религиозному в построениях коммунистов места не было. Аморфное и абстрактное коммунистическое общество будущего должно было уступить место «архаическим» системам. Но история рассудила иначе.

Татары тоже оказались в водовороте этих глобальных событий и ринулись отстаивать свои национальные и политические права. Эпоха перемен всегда выдвигает на передний край класс романтиков и гениев политической интуиции. На первых революционных парах именно им суждено направлять энергию народных толщ. Татарская нация имела в своих рядах устойчивую массу таких людей. На тот момент— на конец XX в., их романтические устремления совпали с интересами формирующихся правящих кругов ТАССР. Эта спайка дала жизнь политическому проекту, получившему определение «Суверенного Татарстана», а сам суверенитет республики был официально провозглашен 30 августа 1990 г.

С того момента начинается выстраивание «большой» татарской нации, чьи границы географического расселения многократно превосходят административные контуры Татарстана. Для этих целей в 1992 г. был создан Всемирный конгресс татар, в чью сферу ответственности и входило прежде всего налаживание связей с татарами мира. По сути говоря, ВКТ выполнял роль татарского МИДа (кое-где имеются и министерства по делам диаспор...).

Все 90-е гг. XX в. ушли на собирание татар в единую сеть, их структуризацию, связывание в общее культурное и политическое целое. Да, не обошлось и без «сабантуйной дипломатии», но в то время она была необходима, ибо концептуальные основания татарской политической нации только вызревали, пробивая себе путь через толстенный слой историче-

ского грунта. Увы, этот незавершенный процесс «всхода» аукнулся нам чуть позже, в хмурые 2000-е.

Отсчет новой эры в жизни Татарстана и татарского народа напрямую связан с установлением новой конфигурации власти в Российской Федерации с приходом на президентский пост Владимира Путина в 1999–2000-х гг., когда начался системный пересмотр парадигмы отношений между федеральным центром и российскими регионами. Московский Кремль принялся выстраивать так называемую «вертикаль власти» (термин и новая политическая реальность, введенные политологом Глебом Павловским). Данная доктрина вознесла на недостижимую высоту сакральность федеральной элиты. Отныне о равенстве субъектов и Центра предлагалось забыть. Сверхцентрализация стала новым политическим уставом в стране.

Наряду с политическим установлением вертикали власти была введена и идеологическая унификация, а также клерикализация всех сторон жизни Российского государства и общества. Начиная с 2000-х гг. национальные республики, которые до этого выступали сократовским собеседником Платона в диалоге с Москвой, вынужденно встраиваются в особый порядок взаимодействия и общения. В итоге они ощутимо потеряли прежнее влияние. Но удар пришелся не только по республикам, как субъектам общегосударственной политики, но и по титульным этническим группам и их институциям.

Как уже выше было отмечено, клерикализация просочилась во все сферы жизни нового «путинского социума», который он сознательно выстраивал под свою модель власти.

В первую очередь потерю понесли национальные системы образования. Сначала был отменен ЕГЭ на родном языке, что поставило под большой вопрос возможность воссоздания системы высшего образования на нерусском языке, затем из программы общего образования изъяли национально-региональный компонент, а завершила триаду запретительных мер в этой сфере замена в 2017 г. на добровольный статус обязательного преподавания родных языков в субъектах РФ. Одновременно Москва официально отказала Казани в пролонгации Федеративного договора о разграничении полномочий и предметов ведения между РТ и РФ, тем самым закрыв страницу чаяний и надежд даже на смягченный (символическо-куцый), компромиссный вариант документа.

Идеологическая вертикаль проникала в сферу культуры, науки, искусства и даже литературы. Тиражировались антитатарские кинопроекты, учебники, организовывались такие же выставки. Политическая экспансия сторонников сверхцентрализации поддерживалась новым идеологи-

ческим вектором великодержавия с фактическим реанимированием старой уваровской триады «Православие, самодержавие, народность».

Из политического лексикона исчезли такие понятия, как «федерализм», «регионализм», «федеративные отношения», «национальное образование» и многие другие. Политико-символическая сфера наполнилась выражениями и паттернами державного, консервативного, унитаристского характера. Вопросы о правах народов РФ сознательно вытеснялись на обочину общественного и научного бытия, в маргиналитет, а сейчас и того жестче – часть тематического блока путем принятия соответствующих законодательных мер практически криминализована.

Очевидным образом произошел откат к советским, а местами и к до-советским формам взаимоотношений между Москвой и регионами. Отчетливо проводимая в стране политика уваровской триады тому прямое свидетельство. В последней части названной триады под «народностью» понималась только титульная русская нация, на что указывают и нововведения в действующую Конституцию РФ в виде строк об особой – «государствообразующей» роли одного единственного русского народа. Об этом писал, напомним, еще Сталин.

В таких непростых условиях возможности развития татарской этнической среды сузилась, татары перешли с внешнего – экспансионистского формата, в состояние внутренней эмиграции, что существенно затрудняет конкурентоспособность нации в глобальном мире. Татары, весь татарский мир, вновь вошли в ограниченный политический коридор, в котором нация находилась до Первой русской революции 1905–1907 гг.

Россия – это политическое образование, уходящее постоянно в состояние парадоксального заикливания собственной исторической судьбы: конец – и вновь начало. Но кризис – это еще и возможность пересмотра критическим взглядом текущее положение вещей, чтобы затем сделать необходимые для татар выводы, провести работу над собственными ошибками и сформулировать образ своего будущего.

Так было в конце 1980-х гг., когда мир перестраивался на другой технологический и идеологический уклад. Сейчас мы темпорально встроены в аналогичную ситуацию. Не упустить бы шанс вновь войти в историю!

Альфия Галлямова,
Эльвира Харрасова

КОЛЬЦО ИЗ ЧЕРНОГО ЗОЛОТА

Предзакатный солнечный свет золотит зеленеющие склоны, неторопливо скользит по террасам, засаженым молодыми соснами, словно нежно любящая мать ласковой ладонью приглаживает непослушные вихры непоседливого сынишки. В плавных очертаниях гор, протянувшихся грядой от Булгар до самого Нового Каширова, чудятся добродушные огромные существа, спящие мирным сном. В давние времена эти места прозвали Нарат Тау («Сосновая гора»).

Возможно, то был Туйка бабай, который по преданию поселился с детьми у подножия горы, с которой сбегало бессчетное число родников. Повзрослевшие дети Туйка бабая расселились по окрестностям. Со временем глухие леса, в которых прятались бунтари против царской власти, сошли на нет и поселение перебралось на свое нынешнее место. Такова предыстория основания с. Новое Каширово по рассказам прабабушки Л. Гиниятуллиной, отпраздновавшей в 1977 г. свое столетие.

В истории села, изложенной А. Аглиявиевой-Меннибаевой, говорится, что его основали несколько человек из с. Старое Каширово (ныне Сармановского р-на РТ). Новое место оказалось просторным и удобным для выпаса скота и земледелия. Но из-за множества змей, которые жалили детей и скот, переселенцы вынуждены были искать другое место. Они сместились вглубь леса примерно на 2 версты – людей привлекла большая поляна, удобная для жизни и содержания скота, а также удаленность от значительных дорог, а стало быть и от властей. По этой причине долгое время в деревню не было притока поселенцев извне и она оставалась маленькой.

И само собой разумеется, одним из главных условий для выбора места послужило наличие воды. По селу протекает р. Урсала, которая, соединяясь с речушкой Ялпычак, изобиловавшей рыбой, делит его пополам. А еще сохранились сведения, что в древние времена из подножия лесистых холмов Нарат Тау, в тени деревьев били бесчисленные родники с хрустально чистой водой и лечебные ключи. Около них из-за удобного обзора с высоты любили останавливаться пастухи, выгонявшие стадо. В старину на горе росли большие старые сосны, которые, придавали здешним местам обворожительную красоту. А из огромных сосновых бревен люди ставили прочные дома.

Однажды злой ураганный ветер снес с холмов все деревья и вода пропала. Проходивший в это время по селу странствующий старец посоветовал

засадить соснами оголившиеся холмы. «С появлением хвойной рощи родник вернется к вам», – обнадежил путник. Послушались люди мудрого совета, и, действительно, как только молодые саженцы начали набирать рост, вновь здесь зазвенела вода. Из года в год, из десятилетия в десятилетие сюда на вечерние гуляния собиралась молодежь. Казалось, так будет всегда.

Но в середине XX в. гора Нарат Тау, как и вся территория юго-востока Татарстана, оказалась в эпицентре добычи черного золота. Объемы нефти, добывавшейся в Татарской АССР, росли гораздо более высокими темпами по сравнению с другими регионами страны. Так, если по Советскому Союзу в первой половине 1950-х гг. они выросли чуть более чем в 2 раза, то в Татарстане – почти в 21 раз. Н. Байбаков, долгое время возглавлявший Госплан СССР, а потому хорошо знавший экономические реалии СССР, с трибуны торжественного собрания, посвященного юбилею «Татнефти», заявил: «Я сегодня пенсионер и поэтому не боюсь открыть вам одну тайну. В течение 35 лет экономика Советского Союза держалась на татарской нефти» [Байбаков: 1984. С. 199]. Татарстан занимал лидирующие позиции не только по объемам добывавшейся нефти, но и в применении новых технологических решений, которые позволяли добывать самую дешевую в стране нефть и экономить многие миллиарды рублей государственных средств. Как отметил начальник управления нефтяной промышленности Татарского совнархоза Р.Ш. Мингареев на заседании Татарского обкома КПСС в 1961 г., «нефтяники Татарии давали государству нефть в 40 раз дешевле простой газированной воды» [Галлямова: 2015. С. 59].

Настоящая цена той «дешевой» нефти стала проявляться позднее, когда реки покрылись радужной пленкой нефтепродуктов, леса и поля оказались залиты многочисленными подтеками из-за порывов трубопроводов, а вода в родниках и колодцах стала соленой. Имеется немало свидетельств о том, что в нефтяном регионе реки были настолько загрязнены, что водоплавающие птицы, купавшиеся в них, не могли взлететь, их крылья замазучивались, слипались. В этих реках невозможно было ни полоскать белье, ни купаться. Известный журналист Р. Гурьянова, выросшая на берегах р. Зай, вспоминает: «Рыба, которую, несмотря ни на что, ловили деревенские мальчишки, всегда отдавала керосином. Иногда я думаю: не потому ли теперь приходится лечиться то от того, то от другого, что выросла я на этой водиче» [История нефтепромысла: 2000. С. 183].

Как отмечал заведующий отделом нефтяной промышленности Татарского Обкома КПСС С.Л. Князев, «напряженность темпов добычи нефти, планируемая диктатом Центра, выходила за пределы здравого смысла и достигалась часто любыми средствами» [Нефть и газ: 1993. С. 12]. Заложниками большой нефти стали и жители села Новое Каширово, в ко-

тором доселе всегда вода была в изобилии. Никто не мог даже предположить, что в середине 1960-х гг. один за другим полноводные источники в черте села перестанут быть пригодными для питья, а вода после себя будет оставлять белые разводы соли.

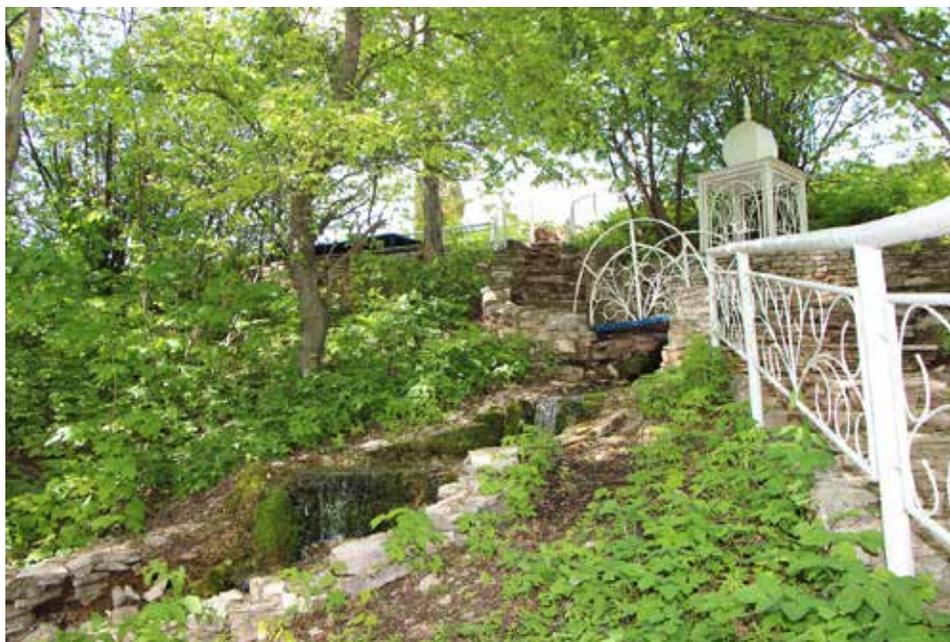
Такая судьба постигла весь нефтяной регион. В реке Кама содержание нефти превышало предельно допустимые нормы в 20 раз. Большое количество нефтяных скважин не имело необходимой цементной изоляции от водоносных горизонтов, что приводило к загрязнению питьевой воды родников и питьевых артезианских скважин, к засолонению открытых водоемов. Остроту проблемы и ее возможные последствия как в экологическом, так и в социальном плане руководители района и нефтянки понимали, но стране нужна была дешевая нефть, причем любой ценой. Даже в ущерб окружающей среде. По словам М.К. Гиниатуллина, долгое время работавшего заместителем генерального директора объединения «Татнефть», «всемерное ускорение разработки нефтяных месторождений в Татарской АССР – эта черная традиция сохранилась вплоть до 1980-х гг.» [Гиниатуллин: 2006. С. 15]. К этому времени нещадная эксплуатация природных богатств Юго-Востока привела регион на грань экологической катастрофы.

В Новом Каширове настоящая драма развернулась с детским садом, работа которого была парализована отсутствием снабжения питьевой воды. Чтобы решить эту проблему, вначале водопровод провели от родника Каран. Санэпидемстанция оценила воду как непригодную для питья, поэтому практически сразу после открытия садик вновь закрыли. Зажатое в тиски производственного плана НГДУ «Сулеевнефть», чьи скважины по периметру окольцевали село и располагались на задах практически всех огородов, поначалу не реагировало на сложившуюся ситуацию. Но к концу 1980-х гг. «Татнефть» обрела возможность реализовывать социально значимые проекты, в том числе экологическую программу с комплексом природоохранных мер. В духе тех перемен НГДУ «Сулеевнефть» своими силами проложила трубу от Нарат Тау до детского сада. Повезло и домам, находившимся на этом отрезке: в них тоже появилась вода. Решающую роль в водоснабжении села сыграла ремонтно-тракторная станция (РТС), которая провела воду для своих нужд с Нарат Тау. Исследования показали высокие питьевые качества воды.

Окончательное решение вопроса водоснабжения с. Нов. Каширово связано с непосредственным участием тогдашнего гендиректора ОАО «Татнефть» Р.Г. Галеева и его помощника, уроженца с. Новое Каширово, Р.Ф. Абубакирова. В августе 1995 г. на торжественном открытии мечети в с. Нов. Каширово Р.Г., Галеев публично пообещал: «Мы обеспечим вас водой». Той же зимой началась работа над проектом. Живейшее участие в ней принял

бугульминский институт «ТатНИПИнефть» и экологический отдел НГДУ «Сулеевнефть» во главе с И.И. Кораблевым, самолично измерившем дебит всех родников, сопоставив с потребностью села. Десяток наиболее полноводных родников на Нарат Тау были собраны в 3 каптажа, каждый величиной с добротный дом: возле РТС, в середине села и возле Бакый чишмәсе. В 1997г. в торжественной обстановке в селе была открыта система водоснабжения. Теперь живая вода идет самотеком в каждый дом и ее так много, что с лихвой хватает на разрастающееся с каждым годом село.

Комплекс родников «Нарат Тау» питает не только население с. Нов. Каширово, но и пополняет запасы Куйбышевского водохранилища. Стремительно спускаясь вниз с крутых холмов, родниковые воды вливаются в р. Урсала, затем в районе п. Нижняя Мактама встречаются с проходящей по всему Альметьевскому району р. Степной Зай, неся свои воды в судорожную Каму – всего 120 км.

История родника Нарат Тау, вобравшего в себя множество других, безмянных, и ставшего поистине источником жизни для жителей с. Нов. Каширово, весьма поучительна. Неслучайно, на огромном камне перед спуском к роднику в день открытия благоустроенного комплекса была прикреплена металлическая пластина со словами: «Уважаемый путник и гость! Утоли здесь жажду, отдохни под сенью деревьев, обрети душевный покой и гармонию с окружающей тебя природой... И сохрани, сбереги этот райский уголок, ибо здесь осталась часть нашей души». В

качестве подписи идут 27 фамилий. Каждый из этих людей, очевидно, дорожит своей сопричастностью к проекту.

Сегодня природоохранные мероприятия «Татнефти» не ограничиваются возрождением водных источников. В нефтяном регионе уделяется большое внимание и восстановлению лесов. К своей первозданной красоте с величественными соснами возвращается и Нарат Тау. Большая заслуга в этом принадлежит Председателю Совета директоров ОАО «СМП-Нефтегаз» Ф.Ф. Комарову, который за счет собственных средств засадил ее крутые склоны хвойными деревьями.

Под стать чарующей красоте тянувшихся к солнцу сосен и сам родник Нарат Тау, замечательно обустроенный ООО «Татнефть-АльметьевскРемСервис». Он представляет собой многоуровневый архитектурный комплекс, куда входят фонтаны, каскады, беседки, печка, смотровая площадка с шикарным видом на Новое Каширово. Казалось бы, с чего такой почет и уважение к затерянному в холмах роднику, к которому добраться-то пешком далеко и на машине тоже? Очевидно, это своего рода искупление за безудержную эксплуатацию родной земли.

Как бы там ни было, Нарат Тау и многочисленные родники, известные сегодня под этим именем, не просто радуют глаз, а буквально питают жизнь. И это здорово, что сегодня в нефтяном регионе ценят не только блеск черного золота, но и серебристо-хрустальное богатство чистой воды.

Литература

1. Архив НГДУ «Азнакаевнефть».
2. Архив НГДУ «Джалильнефть».
3. Байбаков Н.К. Дело жизни: записки нефтяника. М.: Советская Россия, 1984.
4. Воспоминания Л.М. Гиниятуллиной, Р.Р. Хабибуллиной, А. Аглявиевой-Меннибаевой.
5. Галлямова А.Г. Татарская АССР в период постсталинизма. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015.
6. Гиниятуллин М.К. Два миллиарда тонн: выдающееся достижение или грубое насилие. Казань: «Центр-Пресс», 2006.
7. История нефтепромысла «Миннибаево». Казань: Матбугат йорты, 2000.
8. Материалы Н-Кашировского сельского поселения.
9. Нефть и газ Республики Татарстан. Сб. док-тов, цифр и мат-лов. / отв. ред. С.Л. Князев. М.: Недра, 1993.
10. <https://kazved.ru/>
11. Яңа Кәшер турында тарихи истәлекләр. Казан, 2009.

ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Предки татар, живущих на территории современного Башкортостана (в дальнейшем назовем их термином «уфимские татары»), появились здесь еще с глубокой старины. Они относятся к группе волго-уральских татар, исторические корни которых восходят к двум средневековым этническим общностям: татарам Золотой Орды и волжским булгарам, которые окончательно сформировались в единую общность в XIV–XV вв. И западная часть современного Башкортостана еще задолго до возникновения Золотой Орды (уже как минимум с XII в.) входила в состав Волжской Булгарии, на что указывают как ряд археологических данных, так и письменные источники.

К примеру, Лаврентьевская летопись рассказывает о битве отряда волжских булгар с монгольскими войсками на реке Яик в XIII в., а это, уже южная часть современного Башкортостана. *«Того же лета 1229 г. Саксины и Половцы възбегоша из низу к Булгарам перед Татари и Сторожеве Болгарскыи прибегоша бьени от Татар, близ реки, ей же имя Яик»* [ПСРЛ: 1997. Т. I. С. 453]. Как известно, сторожевые отряды располагались вблизи приграничных засечных линий. И зная военную систему Волжской Булгарии, можно сказать, что этот факт указывает на прохождение границ этого государства где-то вблизи этой территории. В свою очередь, это позволяет утверждать, что уже к началу XIII в. больше половины территории нынешнего Башкортостана являлась неотъемлемой частью Волжской Булгарии. Этот момент, а также наличие сторожевого войска (выражаясь современным языком, пограничников), которое базировалось в военных крепостях, говорят о том, что булгары еще задолго до возникновения Золотой Орды освоили данные земли и держали их под своим контролем.

Территория Волжской Булгарии была включена в состав Золотой Орды под наименованием Булгарского вилайета, а Булгар, в свою очередь, стал первой столицей Золотой Орды. Политически доминирующие монголо-татары растворили внутри себя близких к ним по языку, культуре, а также позже скрепленных общей религией (исламом), булгар. Разноплановость культурного наследия современного татарского народа как раз обусловлена этим симбиозом кочевой цивилизации татар и городской цивилизации волжских булгар.

Имеется весьма интересный факт, подтверждающий связь между территорией современной Башкирии и Булгар. К примеру, знаменитые

мавзолей, находящиеся в нынешнем Чишминском районе Башкортостана, сделаны мастерами из Булгара, а материалы, использовавшиеся при их строительстве, взяты из каменоломен вблизи этого города. «Генетическое сходство белокаменных мавзолеев Башкортостана и группы усыпальниц Болгарского городища (Татарстан) не может вызывать сомнений. Петрографический анализ вулканического туфа из купола Тура-хана показал, что он привезен с Волги, из каменоломни у Болгара» [История татар Западного Приуралья: 2016. С. 180].

После распада Золотой Орды территория нынешнего Башкортостана была разделена между тремя татарскими государствами: Казанским и Сибирским ханствами, Ногайской Ордой.

Учитывая, что Казанское ханство возникло на территории бывшего Булгарского вилайета Золотой Орды, можно думать, что вся западная и частично центральная часть нынешнего Башкортостана вошла в состав этого государства. О том, что Казанское ханство расположилось на землях бывшего Булгарского вилайета, сообщается в «Казанской истории». Напомню, что этот источник представляет собой записки русского военнопленного, много лет проживавшего в Казанском ханстве незадолго до его падения в 1552 г. Там сообщается: *«То бо бѣ прежде земля болгаровъ малыхъ за Камою, промежъ великия рѣки Волги и Бѣлыя рѣки Воложки до великия Орды Нагайския»*. В другом источнике – Московском летописном своде конца XV в., говорится об оборонительном походе хана Ибрагима против военных сил Московского княжества в 1469 г. и сообщается следующее: *«Собрался на нихъ царь Казанской Обреимъ со всею землею своею, с Камскою и с Сыплиньскою и с Костяцькою и з Беловоложскою и Вотятьцькою и з Башкирьскою»*. Итак, «Белая Воложка» – это река Агидель. По представлениям средневековых источников река Агидель («Белая Воложка») ограничивалась территорией от ее устья до места впадения в нее реки Караидель (т.е. место нынешнего города Уфа). Поэтому выходит, что «Беловолжская земля» Казанского ханства – это западная и северо-западная часть нынешнего Башкортостана, т.е. нынешняя территория сплошного компактного проживания татарского населения. Помимо этого, из других русских летописных источников, повествующих о 1505 г., также известно о существовании некоего Казанского князя Кара-Килимбета, сидевшего в крепости, где позже возникла Уфа.

Помимо этого на территории Башкортостана осталось огромное число местных топонимов, свидетельствующих о татарском присутствии на этой территории еще со времен средневековья. К примеру, в Чекмагушевском районе имеется гора под названием «Кала-тау» (с тат. «город-гора»). Подобные топонимы имеются также во многих других местах исконного

проживания татар. По мнению современных ученых-историков, занимающихся средневековой историей, эти топонимы восходят к ногайским татарам и обозначают места их летних ставок. Об этом, ссылаясь уже на свои исторические данные (которые до нас просто не дошли), утверждает и немецкий исследователь (а также доктор медицины, профессор естественной истории, член российской императорской Академии наук) Петр Паллас, проехавший по свежим следам Пугачевского восстания в конце XVIII в. В своих записях он уделяет отдельное внимание татарам, проживавшим на территории Уфимской провинции Оренбургской губернии.

«На западной, южной и северо-западной сторонах Уфы жительствоуют так нарицаемые Уфимские Татара, свойственники Казанских, но давно уже в сих странах поселившиеся. Они составляют особливо в околотках между реками Белою и Иком, многочисленные жилища. Сии Татара из всех Уфимских селенников бесспорно самые прилежнейшие земледельцы, и по большей части люди небогие... Кроме сей малой разности в платье, другой ни в языке, ни в обыкновениях, между Уфимскими и Казанскими Татарами, которых в Уфимской провинции великое множество живут перемешавшись, приметить не можно» [История татар Западного Приуралья: 2016. Т. 1. С. 434]. Петр Паллас, как видим, говоря о татарах, особо выделяет, что живут они здесь уже долгие столетия. Также он сообщает нам об остатках военных крепостей и каменных мечетей (что могло быть только в городских поселениях), явно намекая на их татарское происхождение. *«Да и в самом деле находятся в окружности Уфы многие монументы, доказывающие жительство здесь некоего от башкирцев со всем особливого народа. Ибо две по ту сторону реки Диомы при отстоящих в 40 почти верстах от города Уфы Татарских деревнях Тирме и Калмаше находящиеся из кирпичу строенные мечети, и многия при них надгробные камни от части с Арабскими, а от части с коптическими надписями не Башкирского суть происхождения. Также и находящиеся между Уфою и Бирским по обеим сторонам реки Белой укрепленные места доказывают, что они строены не Башкирцами»* [Там же. С. 436].

Итак, все источники разных эпох говорят о раннем появлении предков современных татар на территории Башкортостана, задолго до включения этих территорий в состав Московского/Российского государства, т.е. установления современных государственных границ в XVI в. Освоение территории современного Башкортостана началось предками современных татар не только до включения этих территорий в состав Великого княжества Московского в XVI в., но и до возникновения Золотой Орды.

После завоевания Московским государством Казанского ханства, во второй половине XVI–XVII вв. начинается насильственная христианизация

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

ция, сопровождавшаяся ко всему прочему депортацией нехристианского населения с территории вблизи судоходных рек и крупных дорог. Особенно эта политика усилилась в период правления императора Петра I. Спасаясь от этих притеснений, татарское население Заказанья, а также правобережья Волги, начало освоение этих территорий. В связи с этим многие башкирские идеологи ошибочно называют татар пришлым населением, якобы переселившимся на земли башкирского народа. Но исторические реалии, как мы видим, не имеют ничего общего с этим утверждением. Во-первых, как отмечено выше, земли компактного проживания татар на территории нынешнего Башкортостана всегда входили в состав татарских средневековых государств. И потом под теми, кого башкирские идеологи сегодня называют «башкирскими племенами», не стоит воспринимать буквально предков нынешних башкир. По сути говоря, массовое переселение татар на эту территорию можно назвать внутренней миграцией в рамках территории бывших татарских государств.

Татарское население в тот исторический период в переписных документах как правило учитывалось в составе нескольких сословных групп – служилые и ясачные татары, ясачные чуваша, башкирцы («башкиры»), мещеряки («мишаре»), тептяри. Так, казанский губернатор Артемий Вольтер в своей «Записке о положении башкирского вопроса...» от 1730 г., писал, что число башкир *«время от времени непрерывно умножается и растет так, что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35000 или по крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000, а именно: казанские, сибирские, темниковские и прочие тамошних уездов ясашные татары, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и прочие иноверцы, мордва, чуваша, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда же перешли, а ныне уже и русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло...»*) [История Татарии: 1937. С. 402]. Мы видим, что российский чиновник прямо указывает на то, что в состав башкирского сословия массово переходили татары и другие народы Урало-Поволжского региона. Поэтому абсолютно несостоятельным выглядит тезис современных башкирских историков о том, что башкирское сословие являлось этакой закрытой кастой для этнических башкир, куда был полностью закрыт вход другим народам Поволжья.

Начиная с пятой ревизии (1795 г.), сословная группа ясачных татар целыми селами массово переходят в башкирское сословие и учитывается теперь уже как «башкирцы». Именно поэтому мы наблюдаем взрывной рост численности этой категории в конце XVIII в., который продолжился и в XIX в. К примеру, если в 1726 г. на территории нынешнего западного Башкортостана было зафиксировано 89 тыс. башкир, то к 1849 г. их

численность уже составила 216 тыс., а к 1897 г. – 832 тыс. чел. [Горенбург: 2006. С. 111]. То есть за 170 лет башкиры выросли в численности почти в 10 раз, что никак невозможно даже с учетом положительной демографической динамики. В этой связи можно со стопроцентной уверенностью утверждать, что этнические татары входили в состав сразу нескольких сословных групп, в том числе и башкирцев. И поэтому на основании только лишь ревизских сказок (особенно начиная с V ревизии) невозможно делать однозначные выводы о национальном составе тех или иных населенных пунктов Приуралья.

Уфимский край, находившийся в начале в составе Казанский, а затем и Оренбургской губернии, был своеобразной «фронтирной зоной», то есть территорией активного освоения малонаселенных приграничных земель. Это предопределило и особенности взаимоотношений местного населения с имперскими властями, их поведенческий тип и коллективную психологию (менталитет). В условиях обезземеливания и насильственной христианизации в Уфимский край выталкивалась наиболее пассионарная часть татарского народа. Во многом это предопределило то, что эта территория и татары – выходцы из этих территорий, в последующем сыграли большую роль в истории татарского народа.

Восстание 1755–1756 гг., организованное татарским муллой Габдуллой Галиевым (Батырша), происходившем из с. Карышево (ныне Балтачевский район Республики Башкортостан) стало поворотным моментом, существенно изменившим религиозную политику во всем Волго-Уральском регионе. После его подавления насильственная христианизация серьезно сбавила свои обороты, татары-мусульмане смогли добиться права на восстановление ряда ранее сожженных мечетей. Также впервые было разрешено строительство каменных мечетей (правда, с существенными ограничениями). В 1788 г. в Уфе был создан муфтият – Оренбургское магометанское Духовное Собрание. Первым муфтием ее также был татарин Мухаммеджан Хусаинов, происходивший родом из с. Султанай (нынешний Аскинский район Республики Башкортостан). Несмотря на то, что институт муфтията был полностью под контролем имперских чиновников, он значительно перерос ту роль, которая отводилась имперским центром при его возникновении. Духовное управление стало фактически первым национальным институтом, создавшим условия кристаллизации татар из абстрактных мусульман в буржуазную «исламскую» нацию. Поэтому позитивную роль Оренбургского Духовного Собрания трудно переоценить. Эти моменты также способствовали усилению роли Уфы и Уфимского края (губернии) как татаро-мусульманского центра и одного из центров татарского мира в период становления татарской нации в XIX–начале XX вв.

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

В 1912 г. в Уфе возник татарский театр «Нур», основанный Сахибжамал Гиззатуллиной-Волжской [URL:teatrnur.ru/дореволюционная-история] – первой театральной актрисой среди всех мусульманских народов. Забегая вперед, отметим, что этот театр окончательно прекратил свое существование в 1922 г. с присоединением к БАССР Уфимской губернии. Его актеры стали основой для первой труппы Башкирского драматургического театра.

Уфимские татары вообще сыграли значительную роль в формировании современного облика татарской нации. Так, известный татарский писатель и политический деятель Галимджан Ибрагимов, выходец из их состава, еще до революции использовал этноним «татары». Именно его труды – «Татарская грамматика» (1911 г.), «Теория литературы» (1916 г.), «Методика преподавания родного языка» (1918 г.) – стали первыми учебниками по современному татарскому языку, в них на научном уровне была заложена вся грамматическая и филологическая база нынешнего татарского языка.

Сразу после Февральской революции 1917 г. в разных уголках бывшей Российской империи то тут, то там стихийно стали возникать движения за национальное самоопределение различных народов. И татары на правах самой развитой части мусульманского сообщества страны активно включились в этот процесс. Поэтому в мае 1917 г. в Москве прошел I Съезд мусульманских народов. На этом съезде был избран Милли Шуро (Национальный Совет). В него вошли представители мусульман всех регионов России пропорционально их численности. Милли Шуро должен был стать органом, представляющим всех российских мусульман и делегирующим своих представителей в правительство. Второй мусульманский съезд, проходивший в Казани в июле того же года, был уже целиком татаро-башкирским, т.е. без участия остальных мусульманских народов бывшей Российской империи. Здесь было принято решение для реализации программ созвать позднее в Уфе Милли Меджлис (Национальный парламент). В составе делегатов этого съезда были две группы. Первая группа – «тюркисты» (по-татарски «төрөкчеләр») или «унитаристы», собралась вокруг бывшего депутата Госдумы, кадета Садри Максуди, и выступала за проект экстерриториальной национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири. Главный идеологом «туфракчылар» и их неформальным лидером в Национальном Парламенте стал лидер партии татаро-башкирских левых эсеров Галимджан Ибрагимов, который предложил создать пять штатов: Казахстан, Кавказ, Туркестан, Идель-Урал, Крым. Эта идея затем была воплощена в резолюции II Всероссийского мусульманского военного съезда (Казань, 8 января–18 февраля 1918 г.).

Стремление к национальному самоопределению выражала не только передовая часть общества – интеллектуальная элита. К примеру, вот что пишет газета «Утро России» (номер за 9 августа 1917 г.): «Некоторые татарские деревни в Уфимской губернии выносили в начале августа постановления об образовании национальных волостей» [Как создавался Татарстан: www.idelreal.org/a/30639531.html]. В августе 1917 г. комиссия по созыву Национального Парламента переехала в Уфу. 20 ноября Парламент, базировавшийся в Уфе, начал свою работу. Несмотря на то, что основной задачей созданного представительного органа была организация национально-культурной автономии, именно Национальный Парламент принял 29 ноября 1917 г. исторически важное решение о провозглашении штата «Идель-Урал».

Заседание Национального парламента открылось 20 ноября 1917 г. в Уфе и продлилось до 11 января 1918 г. На нем был принят проект конституции Национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири и положения об управлении духовно-религиозными и культурно-национальными делами. На той же сессии было избрано Национальное правительство (Милли Идарэ), управление в составе трёх министерств (Просвещения, по делам религии и Финансов). Главой Парламента и Правительства был избран Садри Максуди. Министерство по делам религии (Диния нэзарэте) в декабре 1917 г. возглавил Галимджан Галеев (Баруди) – известный религиозный деятель [www.idelreal.org/a/29306275.html].

Несмотря на то, что Национальный Парламент был вскоре разогнан, а проект штата Идель-Урал так и не был реализован, указанные события показывают, что Уфа и уфимские татары сыграли большую роль в происходящем в татарском мире того времени. В дальнейшем идея о штате Идель-Урал плавно перетекла в проект Татаро-Башкирской, а затем и Татарской Республики. И самое главное – ключевые лица, принявшие основное участие в создании Татарстана, были выходцами именно из среды уфимских татар. В числе их помимо обозначенного выше Галимджана Ибрагимова также были Сахиб Саид-Галеев и Мирсаид Султан-Галиев.

Башкирская Республика была провозглашена 28 ноября 1917 г., но реальную основу она обрела лишь в марте 1919 г., после того, как была признана Советской властью. Эта республика занимала северо-восток и юго-восток нынешнего Башкортостана, а также частично территории нынешней Челябинской, Курганской и Оренбургской областей. Центральная и западная часть Приуралья оставалась в составе Уфимской губернии. Отцы-основатели Татарстана долго боролись за то, чтобы оставшаяся часть Уфимской губернии была включена в состав Автономной

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

Татарской Советской Социалистической Республики (АТССР). Но в конечном счете в итоговый текст Декрета об образовании АТССР под определенными условиями включились лишь Белебеевский и Бирский уезды Уфимской губернии, а Уфа с прилегающей к ней территорией одноименного уезда оставались вне границ Татарстана. По этому Декрету предполагалось, что Белебеевский и Бирский уезды войдут в состав Татарстана после соответствующего референдума. Но референдума в конечном итоге проведено не было, и эта территория директивным методом была в 1922 г. включена в состав Башкортостана, что стало одним из главных причин возникновения тут «татарского вопроса», на сегодняшний день являющийся основной политической проблемой, подвергающей сомнению будущее Башкортостана в нынешних границах как национальной республики.

После присоединения Уфимской губернии основой национальной политики в БАССР стал языковой вопрос, который отражал в целом тенденции, характерные тогда в данной сфере. Впервые еще 6 июля 1921 г. ЦИК БАССР принял постановление № 31 «О признании башкирского языка государственным наравне с русским» [Образование Башкирской: 1959. С. 912]. Это касалось территории так называемой «Малой Башкирии». Но после присоединения Уфимской губернии к Башкортостану в мае 1922 г., когда этническая ситуация в республике резко изменилась, действие прежнего постановления распространилось и на эту территорию в целом.

К концу 1920-х гг. властями республики было проведено районирование по национальному признаку. Оказалось, что из 1970 сельсоветов башкирскими были 461, татарскими – 539, русскими – 863, смешанными – 107. Из 114 волостей башкирскими оказались 30, татарскими – 36, марийскими и других национальных меньшинств – 4, остальные либо русскими, либо смешанными [Исхаков: 1997. С. 48]. Итогом подобного районирования стало то, что делопроизводство и судопроизводство в сельсоветах и волостях, а также обучение в школах 1-й ступени автоматически переводилось на язык преобладающей национальности. Поэтому татарские районы Башкортостана перешли на полноценное использование татарского языка во всех сферах жизни. По сути говоря, татарский язык, еще не обладая де-юре статусом официального языка, стал уже к концу 1920-х гг. по факту таковым на значительной части территории Башкортостана.

Тем не менее политическая элита БАССР попыталась упрочить положение башкирского языка, введя его обязательное изучение в школах II-ступени и учреждениях профессионального образования. Но в отноше-

нии татарских районов республики эта операция не удалась – неслучайно в постановлении 2-й сессии Башкирского ЦИК VIII созыва (1932 г.), рассмотревшего вопрос реализации башкирского языка и нового – латинского алфавита, имеются строки о «татарской великодержавнической тенденции к башкирам» и содержится поручение Башнаркомпросу «принять решительные меры к изжитию подмены преподавания башкирского языка татарским языком» [Там же]. Как думается, вызвано это было тем, что попытки введения башкирского языка в качестве родного в школах западной части республики, где преобладало татарское население, потерпели полный крах.

Напрямую с этим связано и то, что при принятии в 1937 г. Конституции БАССР, три языка – башкирский, татарский и русский получили негласный статус официальных/государственных. В частности, статья 24 Конституции БАССР 1937 г., гласила, что «законы, принятые Верховным Советом Башкирской АССР, публикуются на башкирском, русском и татарском языках» [Конституционные акты: 2003. С. 52], а в статье 78 указывалось, что «судопроизводство в Башкирской АССР ведется в сельских районах, районах городов и в поселках с большинством башкирского, русского, татарского, марийского или чувашского населения соответственно на башкирском, русском, татарском, марийском, чувашском языках, а в центральных судебных учреждениях – на башкирском, русском, татарском языках с обеспечением для лиц, не владеющих этими языками, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке» [Там же]. Эти пункты полностью подходят под определение понятия как «государственного», так и «официального языка», данного организацией ЮНЕСКО в 1953 г.

Таким образом, языковой вопрос в БАССР был закрыт на несколько десятилетий. Вместе тем, учитывая, что языковой вопрос в реальности есть вопрос политический, признание татарского языка в качестве государственного показывает, что татары смогли обрести свою политическую субъектность в рамках Башкортостана, что говорит как о высоком национальном самосознании местных татар, так и целенаправленном отстаивании ими своих коллективных интересов.

Теперь перейдем к проблеме переписей в Башкортостане

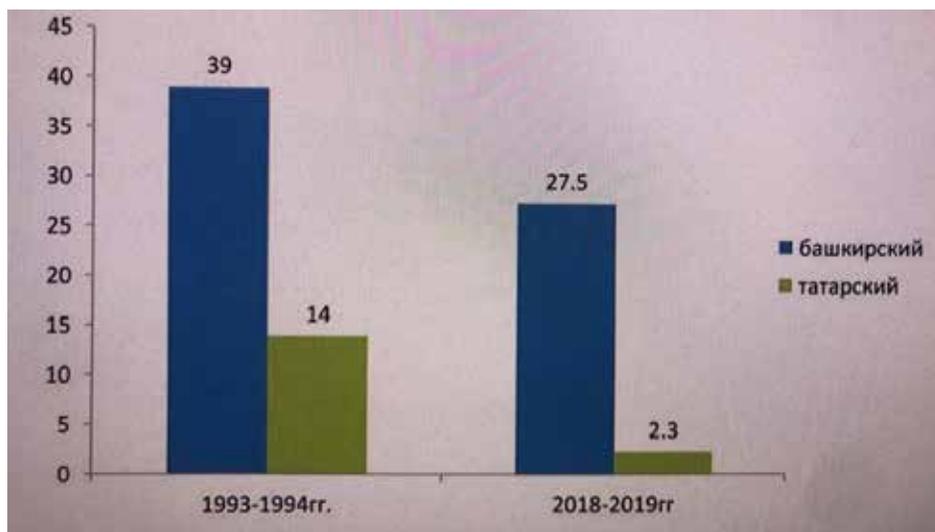
Учитывая, что в языковом вопросе попытки решения «татарского вопроса» потерпели неудачу, наступление на национальные права татарского населения БАССР после войны продолжилось уже через использования вопроса о национальной идентификации в период проведения советских переписных кампаний. Первый тревожный звонок прозвучал во время переписи 1959 г., итоги которой были явно сфальсифицированы

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

в пользу увеличения численности башкирского населения. Но именно в конце 1970-х гг. началась комплексная и целенаправленная политика башкиризации татар, которая включала в себя: 1) Ликвидацию государственного статуса татарского языка в результате принятия новой редакции Конституции БАССР в декабре 1978 г.; 2) Фальсификации результатов Всесоюзной переписи населения 1979 г. для увеличения доли титульного (башкирского) этноса; 3) Организацию кампании по закрытию татарских школ в БАССР, во многих из которых учащимся в качестве родного языка был введен башкирский. В итоге, численность обучавшихся на татарском языке уменьшилась в республике с 111 тыс. в 1978 г. до 21 тыс. к 1987 г. [Gorenburg: 1999. P. 23.], то есть, в 5,5 раз.

Этот период – с 1978 по 1987 гг., можно назвать «первым этапом башкиризации». Главной причиной проведения такой политики был страх правящей партийной элиты Башкирского обкома КПСС потери статуса автономной республики из-за снижения численности республикообразующего этноса (башкир) в общей массе населения республики. М.З. Шакиров и его окружение полагая, что только за счет естественного прироста нельзя существенно увеличить за короткий срок демографический потенциал титульного этноса, попытались изменить этническую идентичность части населения БАССР. Объективно осознавая, что в силу ряда причин для этого нельзя использовать представителей русского или иных неблизких к башкирам этносов в качестве «материала» для увеличения численности башкир, было решено «растворить» в первую очередь именно татарское население региона, так как в силу языковой и этнокультурной близости их к башкирам оно лучше остальных подходило для этого «эксперимента».

Помимо этого, были и субъективные предпосылки для развития таких процессов. В застойные годы среди башкирской партийной и интеллектуальной элиты начинаются процессы самоутверждения и усиливается стремление к выходу на главенствующие позиции в республике, для чего было необходимо не просто лоббировать свои интересы на всем политическом пространстве, но и в целях долгосрочного укрепления своих позиций склонить на свою сторону большую часть населения республики. Учитывая, что этнические башкиры составляли менее 1/4 населения республики, появилось мнение о необходимости искусственного увеличения этнического потенциала башкирского народа за счет татароязычного населения Башкирии. Таким образом, интересы каждой из групп национальной элиты, – партийной и этнокультурной, на определенном историческом этапе совпали и во многом оказали влияние на происходящие в республике политические процессы.

Доля учащихся соответствующей национальности в РБ, получающих образование на родных языках, %

Татары Башкортостана протестовали против данной политики М. Шакирова и в ЦК КПСС шел целый поток соответствующих писем. Но долгое время им не уделяли должного внимания. Лишь демократизация общественной жизни, вызванная горбачевской перестройкой, дала ход этим письмам. В конечном счете это стало одним из важнейших причин отставки М. Шакирова с поста Первого секретаря Башкирского обкома в мае 1987 г.

Ущемление национальных прав стало главным фактором ускорения этнической мобилизации татар Башкортостана, первые национальные объединения которых появились уже 8 марта 1988 г. (Городской клуб любителей татарской литературы и культуры им. Г. Ибрагимова). Данный клуб вместе с аналогичным марийским клубом стал первой национальной организацией на территории БАССР.

Активную роль в создании этой организации сыграли представители татарской литературной интеллигенции Уфы – писатели и журналисты Юсуф Гарей, Айдар Халим, поэт Фарит Габдрахимов, Рим Идиятуллин, Н. Бадретдинов, М. Фатхелисламов, преподаватель БГПИ А. Рахимов, преподаватель БГУ Р. Мухаметзянов и др. Был избран Совет клуба в составе 17 чел.. В результате самоотвода А. Халимом своей кандидатуры, председателем правления был выбран Н. Бадретдинов. Позднее, 14 января 1989 г., был создан Татарский общественный центр БАССР, который являлся и первой национальной организацией общественно-политического характера на территории Башкирии. Председателем его был избран

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

профессор-математик Марат Рамазанов. Ответственным секретарем на общественных началах стал Карим Яушев – младший научный сотрудник Отдела физики и математики Башкирского филиала АН СССР. Помимо проблем в сферах культуры и образования, самой главной задачей для этой организации стало решение языкового вопроса. «Важнейшей задачей общественности и официальных органов по перестройке межнациональных отношений Уфимское отделение ТОЦ считает разработку государственной программы возрождения татарского и других национальных языков БАССР. В этих целях считалось необходимым восстановить Конституционный статус татарского языка, как государственного, наряду с башкирским и русским языками. А также ведение на этой основе делопроизводства на татарском языке» [Резолюция, 14 января 1989], говорилось в резолюции учредительного съезда ТОЦ БАССР.

Наряду с языковым вопросом возник и территориальный вопрос. А именно, о несостоявшемся в 1920–1922 гг. референдуме относительно передачи территории Белебеевского и Бирского уездов Уфимской губ. Татарстану. Вопрос о создании Татаро-Башкирской республики подняли активисты Челнинского отделения Татарского общественного центра, которые выпустили листовку с таким требованием [Если бы я был президентом // Idel.Реалии]. Об этих событиях вскользь упоминает и Айдар Халим – один из основателей татарского национального движения Башкортостана.

Территориальный вопрос также был упомянут в Программе (платформа) Всесоюзного Татарского общественного центра, очевидно, с подачи уфимских делегатов: «ТОЦ признает незаконным декрет ВЦИК «О расширении границ Автономной Башкирской ССР» от 14 июля 1922 г., в соответствии с которым территория Уфимской губернии была присоединена к Башкирской АССР без учета волеизъявления населения этой территории и в нарушение Декрета об образовании Татарской Советской Социалистической Республики от 27 мая 1920 г., предусматривавшего проведение референдума в Бирском и Белебеевском уездах Уфимской губернии» [Суверенный Татарстан: 1998. Т.3. С.145]. Эти факты ясно показывают, что «татарский вопрос» в Башкортостане в первую очередь поднимался местными татарами, а не Казанью, как пытаются представить башкирские идеологи и сторонники политики башкиризации татар.

В противовес татарскому национальному движению, в РБ было создано башкирское национальное движение в лице первых организаций – Клуб «Ак тирма» (май 1989 г.) и Башкирский национальный центр «Урал» (ноябрь 1989 г.). На административное влияние указывают как более поздний характер их возникновения, так и их идеологические уста-

новки, направленные против интересов татарского населения, об этом же свидетельствуют и признания одного из основателей БНЦ «Урал» Марата Кульшарипова, который отмечает содействие Второго секретаря Башкирского обкома КПСС Ахнафа Дильмухаметова [Кульшарипов: 2011. С. 19].

В последующем татарское национальное движение Башкортостана участвовало во всех важнейших политических событиях того времени – принятии Декларации о суверенитете Башкортостана в 1990 г., расколе внутри мусульманской уммы в 1992 г., президентских выборах 1993 г. и т.д. Во многих уголках республики с татарским населением были вновь открыты татарские школы. Также открылись два татарских профессиональных театра – в г. Туймазы и Уфе (театр «Нур»). Была успешно проведена перепись 1989 г., которая показала, что несмотря на отчаянные попытки прежнего руководства Башкирского обкома КПСС по изменению этнической идентичности татарского населения БАССР и увеличению за его счет численности башкирского, татары республики сумели сохранить свое национальное самосознание и в республике уверенно вышли на второе место по численности после русских. Это говорит и о том, что у татарских национальных объединений тогда существовал большой потенциал для роста, и, самое главное, у татар Башкортостана, вопреки политике башкиризации, сохранялось сильное национальное самосознание.

Основная часть требований, выдвигаемых ТОЦ, была претворена в жизнь, за исключением самого главного из них – вопроса о статусе татарского языка. В 1992 г. усилиями Татарского общественного центра вопрос о статусе татарского языка подняли городские, районные и сельские Советы западной части республики. Одними из первых на эту проблему откликнулись депутаты Нижнекарышского сельсовета Балтачевского района, заявив о целесообразности признания татарского языка в качестве государственного. Затем аналогичные решения выносят уже вышестоящие Советы. Так, 2 июня 1992 г. такое решение принял Янаульский горсовет: «Считать целесообразным предоставление статуса государственного языка в Башкортостане башкирскому, русскому, татарскому языкам». Аналогичные решения с таким же требованием были приняты сессиями Дюртюлинского, Кушнаренковского, Чекмагушевского и др. горрайсоветов западных и северо-западных регионов [Сафин: 2002. С. 53], где, как известно, абсолютное большинство составляет татароязычное население.

Принятие в начале 1990-х гг. Советами решений о предоставлении татарскому языку статуса государственного свидетельствует о том, что языковой вопрос, вопреки установившемуся мнению, в 1980 – начале

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

1990-х гг. волновал не только национальную интеллигенцию, но и обычных граждан. Решения Советов фактически легитимизировали требование татарских национальных организаций о необходимости предоставления в республике языку татарского народа государственного статуса.

Позднее требование возвращения татарскому языку государственного статуса было продублировано на I съезде татар Башкортостана в 1997 г.

Тем не менее, в принятой в 1990 г. «Декларации о государственном суверенитете Башкортостана» и в Конституции республики 1993 г. правовой статус языков (в том числе и башкирского) не был определен. Все попытки лидеров и активистов татарских национальных организаций, движений одновременно решить «языковую проблему» в республике, не принесли желаемых результатов [Там же. С. 49]. Главная причина такого положения заключалась в том, что ни у противников, ни у сторонников предоставления государственного статуса татарскому языку, на тот момент не было достаточных сил для претворения в жизнь своих требований. Однако, ситуация стремительно изменилась после 1993 г. в связи с разгоном последних органов советской власти – Верховного Совета БАССР, и нижестоящих горрайсоветов республики. В итоге, этот вопрос постепенно сдвинулся с мертвой точки и в 1999 г. был принят закон «О языках народов Республики Башкортостан».

Длительное время татарские общественные объединения, боровшиеся за восстановление в РБ статуса государственного за татарским языком, питали надежду на осуществление своих требований при принятии Закона «О языках народов Республики Башкортостан», где были бы прописаны государственные статусы основных языков республики, так как даже в принятой 24 декабря 1993 г. Конституции Республики Башкортостан данный пункт отсутствовал. В конечном счете, Закон «О языках народов Республики Башкортостан» был принят в декабре 1999 г., но в нем были прописаны только два государственных языка на территории республики: башкирский и русский. Таким образом, власти региона, реально контролировавшие парламент республики, никак не отреагировали на решения I Съезда татар Башкортостана (1997 г.), требовавшего государственного статуса для татарского языка. И во время прохождения процедуры принятия данного законодательного акта на Госсобрании, татарские общественные объединения вновь обратились к депутатам, напомнив им об этом положении. Но придав статус государственного только двум языкам, власти республики не просто проигнорировали интересы татароязычного населения, а фактически отстаивали интересы лишь башкирских организаций, прямо выступавших против требований татарского населения республики.

Так, в Обращении, принятом РОО «Съезд татар Башкортостана» к депутатам Госсобрания РБ, указывалось, что законопроект «игнорирует полностью правовой статус татарского языка, в т. ч. 225 тыс. башкир, говорящих на татарском языке» [Горбачев: 2011. С. 181]. Рассматриваемый проект признавался юридически необоснованным и недемократическим, так как он провозглашался согласно Постановлению II всебашкирского Съезда Советов от 1 июля 1921 г. о признании башкирского и русского языков государственными языками в рамках лишь «Малой Башкирии» [Там же], этноязыковая ситуация в которой существенно отличалась от современного Башкортостана. Поэтому, в Обращении от 11 февраля 1999 г. Исполкома «Съезда татар Башкортостана» говорилось о «поспешности» принятия «Закона о языках» РБ, осуществленном в обстановке «информационной блокады». В нём указывалось на нарушение принципа, применяемого в мировой практике – учета реальной демографической и языковой ситуации в государстве при принятии такого рода закона [Мухтасарова, Сафин: 2012. С. 186].

С избранием председателя Верховного Совета БССР М.Г.Рахимова на пост Президента Республики Башкортостан в декабре 1993 г. фактически заканчивается первый период развития татарского национального движения Башкортостана, так как данное событие в дальнейшем серьезным образом повлияло на этнополитическую ситуацию в республике. Именно М.Г.Рахимов и его окружение начали проводить целенаправленную политику по приоритетному развитию башкирского этноса, игнорируя при этом интересы татароязычного населения республики. Это выразилось в том, что за все время нахождения у власти М.Г.Рахимова ни одна из программ национально-культурного развития татар так и не была принята. В то же время в отношении аналогичных программ для титульного этноса наблюдалась диаметрально противоположная картина. На втором этапе развития татарского национального движения, после утверждения в должности Президента М.Г.Рахимова, начинается новая волна наступления на этнокультурные права татар Башкортостана, названная нами вторым этапом башкиризации. Этот процесс начавшийся, примерно с середины 1990-х гг., отличался еще более агрессивным и наступательным характером, нежели аналогичное явление советского периода. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод о том, что во многом он был нацелен не просто на фальсификацию итогов переписей 2002 и 2010 гг., но и на реальную смену этноязыковой идентичности татароязычного населения Башкортостана, проживающего преимущественно в западной части Республики Башкортостан. Татары были ущемлены не только в национально-культурных правах, также игнорировались и их

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

экономико-политические интересы. В частности, несмотря на большую роль западной части республики в общей экономике региона, основные финансовые вливания в социальную инфраструктуру осуществлялись в отношении башкирского юго-востока республики. Эти проблемы актуальны и на сегодняшний день.

Все эти политические процессы свидетельствуют о том, что татары Башкортостана стремятся превратиться в один из титульных этносов республики, то есть занять в республике наряду с башкирами и русскими место, соответствующее их этническому и культурному потенциалу. Татары Башкортостана показали высокую степень консолидированности, что способствовало успеху оппозиционных кандидатов на президентских выборах 2003 г. Этнический вопрос на этих выборах впервые занял первостепенное место, расколов республиканское сообщество по национальному признаку, что явно показывало провал национальной политики официальных властей, основывавшейся на идеологии «одна республика – один народ – один язык». Вместе с тем, прошедшие события продемонстрировали, что в отличие от башкир и русских, татары Башкортостана не обладают своим сильным лобби ни за пределами республики, ни, тем более, внутри нее. Слабые попытки властной элиты Татарстана по оказанию моральной поддержки своим соотечественникам в Башкирии в виде высказываний всяческих «пожеланий», не подкрепленных реальными действиями, только усиливали разочарования татарского населения, усилившееся в республике к концу второго срока президентства М.Г. Рахимова.

В условиях жестко управляемого политического режима в республике, татарские общественные деятели Башкортостана долгое время не имели возможности донести до народа свою позицию по проводившейся в республике национальной политике. Тем не менее, несмотря на ослабление татарских объединений (как впрочем и других национальных организаций республики), политика по игнорированию национальных интересов татароязычного населения способствовала тому, что татарский вопрос в республике не только не утратил своей актуальности, а наоборот, чрезвычайно политизировался. По этой причине на выборах Президента РБ в 2003 г. татарский фактор сыграл ключевую роль. В результате, несмотря на широкое использование административного ресурса, кандидатура действующего президента не набрала должного количества голосов, получив лишь поддержку башкирской части республиканского электората. Татароязычное же население оказало поддержку двум другим кандидатам – Р. Сафину и С. Веремеенко, в разной мере затронувшим в своих предвыборных программах проблемы татар.

Перед вторым туром голосования действующий Президент М.Г.Рахимов публично дал обещание о своей готовности повысить статус татарского языка до государственного. Но после своего избрания он свое обещание не выполнил. Поэтому, после выборов 2003 г., татарские национальные объединения перешли в жесткую и непримиримую оппозицию к властям республики. При этом, из-под влияния башкортостанского Белого Дома вышел и лояльный ему в прошлом «Конгресс татар Башкортостана». Это было обусловлено разочарованием умеренно настроенной части татарской национальной интеллигенции, общественных деятелей в перспективах дальнейшего сотрудничества с властями региона после отказа М.Г.Рахимова выполнить свое предвыборное обещание о возвращении татарскому языку статуса государственного. Не последнюю роль сыграло и то, что власти республики не выполнили даже взятые на себя обязательства в рамках Указа президента РБ от 4 июня 2003 г., где предусматривалось решение некоторых этнокультурных проблем татар республики.

Противостояние татарских общественных организаций, консолидировавших вокруг себя другие оппозиционные политические силы, и властей Башкортостана, в конечном итоге ослабили режим М.Рахимова и привели к его отставке в 2010 г. Именно татарский фактор способствовал тому, что первый Президент Башкортостана не смог оставить после себя своего преемника на посту главы республики. В целом в настоящее время в РБ татарский фактор в дальнейших политических процессах будет играть важную роль, что требует постоянного внимания к нему всего татарского мира.

Литература и источники:

1. Горбачев А.А. Языковая политика в Башкортостане в сфере школьного образования (1970–2010 гг.). дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Казань, 2012. – 250 с.
2. Горенбург Дм. Татары – башкиры – снова татары: изменения этнической идентичности в Башкортостане // Обретая себя. Серия «Башкортостан в зарубежных исследованиях». Казань 2006. С. 103–126.
3. «Если бы я стал президентом, я бы вернул татарский язык за пять лет». Активист о политической голодовке 30 лет назад // Информационное издание «Idel.Реалии». <https://www.idelreal.org/a/30774461.html> (дата обращения 02.10.2020).
4. История Татарии в материалах и документах. Под ред. Рубинштейн Н.Л. М., 1937. – 532 с.
5. История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Коллектив-

И.З. Гарифуллин. ТАТАРСКИЙ ВОПРОС В БАШКОРТОСТАНЕ:
ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

- ная монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. – 464 с.
6. Исхаков Д.М. Проблемы становления и трансформации татарской нации. Казань, 1997. – 248 с.
 7. Конституционные акты Башкортостана. Уфа, 2003. – 272 с.
 8. Кульшарипов М.М., Газизов Р.Р. Новейшее башкирское национальное движение и проблемы российского федерализма. Уфа, 2011. – 396 с.
 9. Мухтасарова Э.А., Сафин Ф.Г. Роль национально-культурных объединений в этнополитическом развитии Башкортостана (1989–2005 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2012. – 214 с.
 10. Нерешительность и медлительность: почему не удалось построить Идель-Уральскую республику. Информационное издание «Idel.Reалии» // <https://www.idelreal.org/a/29306275.html> (дата обращения 02.10.2020).
 11. Образование Башкирской автономной Советской социалистической республики. Сборник документальных материалов. Уфа, 1959. – 990 с.
 12. ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 1997. – 496 с.
 13. Резолюция собрания представителей татарской общественности Уфы по обсуждению тезисов платформы татарского общественного центра (ТОЦ). 14 января, 1989 г. // Из личного архива Р. Яруллина.
 14. Решение Нижнекарышского сельсовета, Балтачевского района, от 13 марта 1992 // Из личного архива К. Яушева.
 15. Решение Янаульского горсовета, от 2 июня 1992 // Из личного архива Карима Яушева.
 16. Сайт театра «Нур» [Электронный ресурс]. URL: teatrnr.ru/ дореволюционная-история (дата обращения 02.10.2020).
 17. Сафин Ф.Г. Язык в технологии кадровой политики. М.: ЦИМО, 2002. – 98 с.
 18. Суверенный Татарстан. Документы. Материалы. Хроника. Том. 3. Модель Татарстана. М.: ЦИМО, 1998. – 308 с.
 19. Gorenburg Dm. Identity change in Bashkortostan: Tatars into Bashkirs and back // *Ethnic and Racial Studies*, 1999, Vol. 22. No. 3. P. 554–580.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ МЕЖДУ БАШКОРТОСТАНОМ И ТАТАРСТАНОМ¹

***Аннотация:** в статье рассмотрены существующие Стратегии социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа, муниципальных образований Республики Башкортостан в части проектов решения проблем территориального развития, сформулированы предложения по повышению их эффективности.*

***Ключевые слова:** стратегия, развитие муниципальных образований, регион, Приволжский федеральный округ, Республика Башкортостан.*

Существующая в стране территориальная организация социально-экономического развития была сформирована в условиях плановой экономики и сегодня она вступила в противоречие с рыночными принципами хозяйствования. Это касается не только развития инфраструктуры, но и отраслей специализации. Адаптация территориальной организации социально-экономического развития к новым условиям прежде всего происходит через механизм реализации Стратегий регионов и их структурных составляющих (городов и сельских районов).

Стратегирование – это прежде всего процесс разработки стратегического плана путем формулирования целей и критериев принятия решений, анализа проблем, определения стратегических идей и конкурентных преимуществ, выбора сценариев и проектов развития, а также прогнозирование социально-экономического развития [Стратегическое управление: 2005]. Оно же представляет собой универсальный инструмент, который обеспечивает целеполагание, постановку и реализацию крупных государственных задач с использованием механизма государственно-частного партнерства, а также предполагает учет многообразия факторов внутреннего и внешнего характера, что в конечном счете направлено на повышение эффективности и качества государственного управления в условиях усиления рисков для развития [Баннов: 2016. С. 85–91].

Существующие Стратегии социально-экономического развития в части решения внутрирегиональных задач нацелены на оценку полноты реализации функций местного самоуправления, включая:

¹ Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01211-20-01 на 2020 г.

1) повышение эффективности пространственной организации производительных сил, что обеспечивается за счет укрупнения материально-технической базы действующих предприятий и организаций, их вспомогательных производств, объектов производственной, социальной и рыночной инфраструктуры. При этом города, являясь ядром для создания единого транспортного каркаса, систем материально-технического снабжения, информационно-вычислительных центров, объектов природопользования и других объектов инфраструктуры, выступают в качестве основы для интеграции городских поселений и прилегающих сельских районов;

2) усиление производственно-экономических, транспортных, снабженческо-сбытовых, миграционных и других связей между городами и сельскими районами, направленное на создание благоприятных предпосылок для функционирования локальных агропромышленных образований, что должно способствовать повышению хозяйственной активности сельскохозяйственных предприятий и сельского населения;

3) создание условий для формирования общей инфраструктуры, обеспечивающей совместную реализацию производственных, социальных, культурных и управленческих, информационных функций городов и сельских районов [Стратегическое управление: 2016; Лапыгин, Балахина, Тулинова: 2017; Лапыгин, Тулинова: 2018. С. 92–104; Ануфриева, Найда: 2018. С. 130–149; Баннов: 2016. С. 85–91; Горелова: 2017].

Правовую основу стратегических документов составляют Федеральный закон от 28.06.2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [В Башкортостане: 2019] и от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон: 2019].

Наш анализ действующих Стратегий социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа показал, что центр тяжести в решении территориальных проблем находится в поиске методов ускорения их развития за счет научно-технического и экономического прогресса. Среди регионов Приволжского федерального округа только Стратегии, принятые в Республике Татарстан и Нижегородской области, в формулировке стратегической цели развития содержат решение проблем внутрорегионального характера. Так, в Стратегии развития Республики Татарстан цель сформулирована как достижение такого статуса как «глобальный, конкурентоспособный устойчивый регион, драйвер (основной источник роста), полюс роста «Волга-Кама». Татарстан лидер по качеству взаимосвязанного развития человеческого капитала, институтов, инфраструктуры, экономики, внешней интеграции (осевой евразийский регион России) и внутреннего пространства; регион с опережающими темпами

развития, высокой включенностью в международное разделение труда». В данном случае проблемы территориального развития рассматриваются как центральные. Стратегическая цель развития Нижегородской области сформулирована как стремление «стать новым глобальным центром развития, притяжения качественного человеческого капитала и реализации творческого, духовного и интеллектуального потенциала людей, одним из лидеров России по вкладу в национальное богатство и научно-техническое развитие». Как видно, в данном случае речь не идет о методах нивелирования внутрирегиональной дифференциации муниципальных образований.

Такое же целеполагание было осуществлено в Республике Башкортостан, где оно определено как: «Башкортостан в 2030 г. – конкурентоспособный регион с устойчивой экономикой и развитой социальной инфраструктурой, входящей в десятку ведущих регионов Российской Федерации». При этом данная Стратегия предусматривает реализацию проектов по следующим направлениям: сбалансированное развитие территорий, включая направления «Снижение дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований», «Моногорода», «Агломерация территорий» и т.д. В то же время в Стратегии социально-экономического развития на период до 2030 г. целый раздел посвящен проблемам пространственного развития. Цель пространственного развития Республики Башкортостан определен как «сокращение дисбаланса в социально-экономическом развитии территорий с учетом присущих и возможных специализаций».

Однако, как мы считаем, в данном документе совершенно неправильно подобраны целевые показатели – сокращение разрывов по объему отгруженной продукции в расчете на 1 жителя, по величине доходов местного бюджета на 1 человека, среднемесячной начисленной заработной плате, уровню зарегистрированной безработицы, естественного прироста населения и миграционного прироста или убыли. Разрывы, вычисляемые в виде разницы между максимальными и минимальными значениями – показатели не вполне корректные при определении уровня существующих различий в социально-экономическом развитии муниципальных образований. Их величина зависит от показателей крайних по значениям муниципальных образований, а не всей их совокупности. Эти показатели могут быть легко выполнены за счет «подтягивания» уровня развития «замыкающих» муниципальных образований или ухудшения показателей у лидеров среди них.

В Стратегии Самарской области в части территориального развития центральное место отводится Самарской агломерации, формированию там кластеров. При этом целостная концепция территориального раз-

вития как таковая, отсутствует. «Стратегия социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2035 г.» в качестве индикаторов пространственного развития предусматривает уровень дифференциации населения по уровню доходов бюджета на 1 жителя, а также такой же показатель по объему инвестиций в основной капитал. Следует отметить, что в данном случае как бы за горизонтом остаются показатели уровня жизни населения. В Стратегии Республики Татарстан одним из флагманских проектов является «Концепция пространственного развития», в которой впервые реализован функциональный подход к территории. Другой особенностью данной Стратегии является детальная разработка структуры агломераций.

Особое значение для решения территориальных проблем имеет отсутствие противоречий между региональными и муниципальными стратегиями.

Анализ существующих стратегий развития муниципальных образований Республике Башкортостан показал отсутствие обоснованных расчетов, в частности, прогнозных данных по численности занятых, инвестициям, уровню заработной платы, по производству продукции в промышленности и сельском хозяйстве, вводу жилья. Оказалось, что они по республике в целом и в разрезе МО никак не коррелируются. Например, на период в 2017–2030 гг. рост заработной платы в расчете на 1 человека в республике планируется на уровне 221%, а в разрезе МО этот показатель разнится от 25% (Мелеузовский район) до 310% (Баймакский район). При этом в городах республики этот показатель не превышает 270%.

Рост численности занятых в РБ в 2017–2030 гг. прогнозируется на 160,4%, разброс в разрезе МО составляет от 453,8% (Кушнаренковский район) до 30,7% (Альшеевский район). По Уфе прогноз данного показателя составляет 165,6%, в Стерлитамаке – 290,9%. В большинстве сельских районов это показатель прогнозируется также в пределах 100–400%.

Инвестиции на душу населения в РБ на период 2017–2030 гг. прогнозируются на уровне 305,2%, тогда как в Уфе – в 212,7%, Стерлитамаке – 191,4%, в г. Салават – 181,9%. В сельских районах этот показатель различается в пределах от 49,4% (Аскинский район) и до 492,2% (Шаранский район). При этом доля сельских районов в инвестициях – мизерная. В данном случае нельзя не видеть диспропорций в предлагаемых показателях.

Мы считаем, что Стратегии развития в регионах не должны содержать внутренние противоречия. Существующий разноречивый набор показателей стратегического развития РБ и ее МО не позволяет их признать в качестве действенного инструмента управления развитием республики.

Литература

1. Стратегическое управление: регион, город, предприятие. Под ред. Гранберга А.Г., Егоршина А.П., Львова Д.С. Изд-во: Экономика, 2005. 603 с.
2. Баннов И.П. Роль стратегии экономического и социального развития региона в достижении показателей экономического роста // Управленческое консультирование. 2016. № 1. С. 85–91.
3. Стратегическое управление потенциалом развития территориальных социально-экономических систем: методологические подходы и инструментальное обеспечение. Уфа: Институт социально-экономических исследований УНЦ РАН, 2016. – 244 с.
4. Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Балахина А.А., Тулинова Д.В. Стратегическое планирование в регионе: монография. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. – 265 с.
5. Лапыгин Ю.Н., Тулинова Д.В. Методы разработки стратегий муниципальных образований // Управленческое консультирование. 2018. № 1 (109). С. 92–104. DOI 10.22394/1726-1139-2018-1-92-104.
6. Ануфриева А.А., Найда Н.С. Формирование документов стратегического планирования Иркутской области: обзор практики и необходимость стандартизации // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 6. С. 130–149.
7. Горелова И.В. Есть ли будущее у стратегий социально-экономического развития регионов [Электронный ресурс] Современные проблемы территориального развития: электрон. журнал. 2017. № 2. – <https://terjournal.ru/2017/id13>.
8. В Башкортостане приступают к разработке муниципальных стратегий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://mechetlinskayalife.rbsmi.ru/articles/ofitsialno/v-bashkortostane-pristupayut-k-razrabotke-munitsipalnykh-strategiy> (дата обращения: 06.08.2019).
9. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 06.08.2019).

II бүлек. Татар дөньясы

Часть II. Татарский мир

Понятие «Татарский мир»/«Татар дөньясы» все еще используется политиками и учеными Татарстана не очень активно. Хотя у него есть исторический предшественник – «Tartaria Magna», который в грамотном переводе будет звучать как «Бөек Татар иле». А этот термин, безусловно, содержателен, не зря он нашел широкое применение в средневековой (да и более поздней) европейской картографии и в трудах европейских авторов.

В данном случае наша редакция решила использовать указанный термин для презентации читателям многоликого татарского мира, через публикации по отдельным этническим группам татарского народа, в ходе исторического процесса прошедших каждый собственный неповторимый путь развития, в итоге превратившись в одних случаях (крымские татары) в полноценную нацию или в этнические группы (литовские и буджакские татары), а в других консолидировавшись в рамках «большой» татарской нации, сохраняя при этом ряд элементов своей этнокультурной специфики, из-за чего даже претендуя иногда на самостоятельный этнический статус.

Итак, приглашаем вас посетить раздел журнала, посвященный, как иногда говорят в шутку, «многонациональному татарскому народу». В этом шуточном выражении, тем не менее, содержится фиксация уникальности татарской этнической общности, являющейся продуктом очень продолжительной истории.

СХЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТАТАРСКИХ ГРУПП¹

¹ В эту схему не включены некоторые достаточно многочисленные группы с татарским самосознанием (живущие в Иране, Афганистане и Пакистане), место которых в татарской этнической общности из-за плохой изученности их истории и культуры пока не поддается точному определению.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП ТАТАР В XVIII–НАЧАЛЕ XX в.

Год, численность (тыс. чел.) .% горожан											
	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857	1897	1912		
Волго-уральские%	261,1 0,7	327,1 1,6	396,8 1,7	509,3 1,7	617,3 1,8	1019,5 2,3	1416,1 2,0	2249,5 4,9	2936 4,9		
Крымские%	... *	150–160 *	... *	120,2 *	166,5 *	237,5 12,0	211,1 14,0	185,4 21,0	181,4 20,0		
Сибирские%	23,0 *	... *	29,0 1,2	32,3 1,4	35,0 *	41,8 1,1	45,2 2,2	69,4 4,5	75,6 4,7		
Астраханские%	6–8 19–25	5,4 37,0	9,2 21,7	10,9 16,5	13,0 25,4	22,9 21,4	25,7 19,5	38,8 39,7	48,4 37,8		
Литовские%	... *	3,0 *	... *	... *	3,3 *	6,00 *	7,3 *	8,9 *	12,5 *		

* нет данных о горожанах

ЛИТОВСКИЕ ТАТАРЫ НА ГРАНИ ВЕКОВ

Аннотация: 10 октября 2019 г. Сейм Литовской Республики принял постановление 2021 г. объявить Годом истории и культуры литовских татар. Татары, связавшие свою жизнь с Литвой, стали неотъемлемой частью ее истории и культуры. Главным основанием для утверждения этой даты было стремление напомнить широкой общественности об общей борьбе литовцев и татар против крестоносцев, о значительном следе татар в истории страны, их участии во всех войнах и восстаниях в борьбе за свободу и независимость Литвы, а также за восстановление литовской государственности. В сентябре 2020 г. Сеймом Литовской Республики был подтверждён и план мероприятий Года истории и культуры литовских татар.

На протяжении столетий татары смогли сохранить не только свое вероисповедание – ислам, но и свои традиции, обряды, материальное и нематериальное культурное наследие. После восстановления независимости в Литве в 1991 г. возобновил свою работу Муфтият, стали регистрироваться татарские организации, открылись мечети, а при них и воскресные школы. Возросшая культурная и религиозная активность татарских общин приоткрыла и новые возможности не только для возрождения старых традиций и обычаев, но и позволило вернуться к таким общетюркским праздникам календарного цикла, как Сабантуй и Навруз, которые с каждым годом становятся все более красочными.

Ключевые слова: литовские татары, история, современность, организации, календарные праздники, обряды.

Введение

С конца XIV в. поселившиеся на территории Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) татары являются самой древней мусульманской общиной в Европе. Несмотря на то, что к началу XVII в. предки литовских татар утратили свой родной язык, принадлежавший к кыпчакской языковой группе, благодаря своей религии – исламу, сохранились как этноконфессиональная группа, которая и сегодня достойно представляет культуру татар в Европе. Очевидно, что интеграции переселенцев в единую этноконфессиональную группу способствовали общая религия – ислам, общий язык – старобелорусский, а также общие права и обязанности.

Причисление себя к определенной группе людей Л. Гумилёв называл нашим обоюдным стремлением друг к другу. Если нас тянет друг к другу,

мы хотим общаться между собой, то мы можем себя называть и считать татарами даже тогда, когда более 400 лет не говорим на родном языке, недостаточно глубоко знаем татарскую культуру и слабо придерживаемся религиозных законов. Это верно потому, что мы все имеем сходное этническое сознание, которое формировалось в течение столетий проживания на одной территории, поддерживалось общностью культуры, религии и принятыми языками общения: белорусским, литовским, польским и русским.

На протяжении всей своей истории, с момента поселения на территории ВКЛ и до сегодняшнего дня, литовские татары прошли вместе с остальными проживающими здесь этническими группами через периоды застоя и взлёта этнического самосознания. В годы взлётов, как это было в начале XVII или XX вв., возрастал интерес к своим историческим корням, культуре, крепло стремление к единению. Во времена застоя включались центробежные процессы, когда каждая татарская семья замыкалась в себе, стремясь ничем не отличаться от соседей.

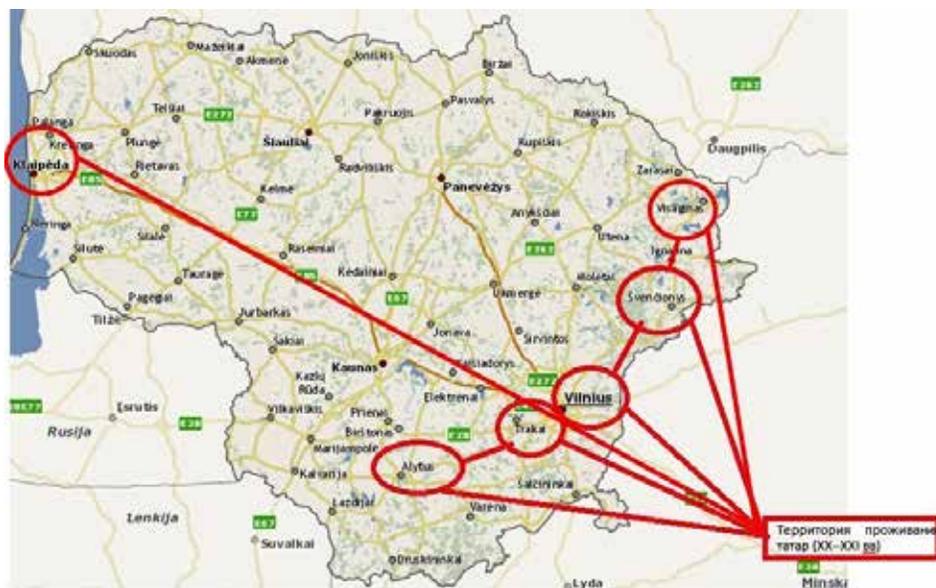
В 2017 г. литовские татары с большой гордостью отметили уже 620-ю годовщину их поселения на этих территориях. За более чем 600-летнюю историю проживания, община литовских татар берегла свои традиции, обряды, религию, культуру, сохранила свое материальное и нематериальное культурное наследие.

В данный момент бывшие татары ВКЛ проживают на территории трех государств: Беларуси, Литвы и Польши. На сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь указано, что по последней переписи населения (2009 г.) численность татар в Беларуси составляла 7316 чел. (0,1%). По переписи населения в Литве (2011 г.) численность татар в Литве составляла 2793 чел. (0,09%). Последняя перепись населения в Польше проводилась также в 2011 г. Согласно данным Национального статистического комитета, в Польше 1828 чел. декларировали себя как татары.

Согласно данным департамента статистики за 2011 г., из общего числа татар, проживающих в Литве, география их расселения и численность распределились следующим образом: 1517 татар проживает в Вильнюсе и Вильнюсском округе, 408 – в Алитусском округе, 249 – в Каунасском округе, 233 – в Утенском округе (из них 170 – в г. Висагинас), 215 – в Клайпедском округе, 171 – в других местах (см. Приложение № 1).

И хотя прошло не столь уж много времени со дня восстановления независимости Литвы, можно отметить серьёзные изменения в самосознании литовских татар. На волне национального возрождения и демократизации общества татарская община пережила значительные трансформации. В начале XX в. Ф. Добрянский в своей статье «О литовских

татарах» писал, что разнородные в этническом и культурном отношении литовские татары, которые не сохранили своей этнической и языковой самостоятельности к XIX в., перестают считать себя татарами: «Мы не татары, но шляхта мусульмане, – говорят они, – и татарами нас называют только крестьяне» [Добрянский: 1906. С. 17]. Нечто подобное наблюдается и у татар Поволжья и Урала при определении своей этнической принадлежности: «Даже в дорусский период татарской истории, когда ислам занимал главенствующие идеологические позиции, он не играл такой значительной роли в духовной жизни народа, как в период гонений и притеснений второй половины XVI – середины XVIII вв. Ислам начал играть громадную роль в развитии не только культуры, но даже и этнической идентичности. По-видимому, не случайно, что в XVIII–XIX вв. многие из татар Поволжья и Урала, определяя свою этническую принадлежность, предпочитали именовать себя мусульманами» [Уразманова: эл. ресурс].

Приложение № 1. По данным департамента статистики за 2011 г.:
 Общая численность населения Литвы 3043429 (2016 г. – 2888558).
 Численность татар в Литве – 2793

В конце XIX в. крымско-татарский интеллектуал, просветитель, издатель и политик Исмаил Гаспринский писал о необыкновенной племенной устойчивости литовских мусульман, которые «рассыпанные чуть не в десяти губерниях Юго-Западного и Привислянского края в числе восьми–девяти тысяч душ ... сохранили исламу, как религию, тип и традиции – как татары» [Гаспринский: 1881. С. 101]. При этом мимоходом замечая, что «литовские мусульмане – лучшие татары России и сто-

ят вообще во главе мусульманства по культуре и образованности. Было бы весьма желательным привлечение их к деятельности среди остальных мусульман России. По службе им можно бы дать некоторые льготы для того, чтобы облегчить это, ибо, я думаю, их культурная жизнь послужила бы хорошим примером многим другим мусульманам» [Там же. С. 101].

И хотя литовских татар отдельные исследователи предлагали считать уже в XVI в. самостоятельной народностью [Грыцкевич: 1981. С. 81–89], согласимся с мнением Д.М. Исхакова, что «их все-таки следует отнести к этнической группе. При этом нужно обратить внимание на то, что формирование городского слоя литовских татар во второй половине XIX в. привело к усилению у них собственно «татарского» самосознания (взамен прежних «мусульманского», «шляхетского» или земляческого типов этнонима «липка»), что говорит о некоторой тенденции к отождествлению ими себя с более широкой татарской общностью» [Исхаков: 2001. С. 13–14].

Однако, в начале XXI в. всё чаще можно услышать мнения похожие на приведенное выше высказывание Ф. Добрянского, правда, в несколько иной форме: «Мы белорусы, литовцы, поляки татарского происхождения». Смысл обоих высказываний достаточно близок, отличает их несколько иной акцент. Это как нельзя лучше показывает происходящее внутриобщинные изменения в условиях почти полной интеграции литовских татар в доминирующее большинство. Выжить и сохранить свою идентичность в данной ситуации могут помочь только сплочённость, заинтересованность друг в друге, интерес к общей истории и культуре. Работа воссозданных на территории Литвы татарских национальных общин (ассоциаций, центров, фондов) должна развиваться именно в этом направлении. И только время покажет, насколько данная деятельность будет успешной, сможет ли маленькая этническая группа сохранить своё лицо на протяжении ещё ряда столетий. Было бы жаль, если бы самая древняя в Европе славяноязычная группа мусульман исчезла без следа.

Литовские татары в XX в. Время перемен

Расцвет культурно-религиозной жизни у литовских татар принято связывать с 1-й половиной XX в., а именно с периодом 1918–1939 гг. Данный период оговорен как в многочисленных статьях, так и монографических работах [Miśkiewicz: 1990; Przegląd...: 1932–1935; Rocznik Tatarski: 1935. S. 462–465]. 15 марта 1923 г. в Париже конференция послов Великобритании, Италии и Японии под председательством члена правительства Франции закрепила Вильнюс и прилегающую часть Литвы за Польшей.

Таким образом, ранее единая община литовских татар оказалась по разные стороны границ. Только три прихода, а именно Каунасский, Райжайский (Алитусского округа, Бутримониской епархии) и Винкшнупайский

(Вилкавишкского округа, Бартнинской епархии) остались на территории независимой Литвы (1918–1940). В то же время на территории Польской Республики (1918–1939) оставалось 19 татарских приходов: в Виленском воеводстве – в Вильно, Немежисе, Сорока татарях, Довбутишках, Видзах, Докшицах и Мядели, в Новогрудском воеводстве – в Новогрудке, Ловчицах, Слониме, Ляховичах, Муравщизне, Некрашунцах, Клецке, Осмолове и Мире, в Белостокском воеводстве – в Бохониках и Крушинянах, а также приход в Варшаве [Borawski, Dubiński: 1986. S. 153–154]. На всей территории находилось 17 действующих мечетей, а в 1928 г. Варшавской мусульманской общиной было принято решение о возведении мечети в Варшаве. В 1935 г. был объявлен конкурс на лучший проект Варшавской мечети и начат сбор пожертвований на строительство. Однако мечеть не была построена. На территории Литовской Республики находились 3 действующие мечети в Райжай, Винкшнупяй и Каунасе. В 1930 г. было принято решение на месте старой деревянной мечети в Каунасе построить новую каменную мечеть. Двери новой мечети открылись 15 июля 1933 г.

1920–1930-е гг. были самыми благоприятными десятилетиями в истории литовских татар в плане свободного развития их культурно-национальной и религиозной жизни. Так как к 1923 г. основной потенциал литовских татар – интеллектуалы, военные и административные работники бывшей Российской империи и сам основной ареал проживания литовских татар оказались на территории Польши, то и процесс возрождения культурной и религиозной жизни начинается именно здесь. В 1926 г. было создано Культурно-просветительское объединение татар Польши, председателем которого в 1929 г. был избран Ольгерд Кричинский, в 1925 г. учрежден муфтиат и избран муфтий-востоковед, доктор Берлинского университета Якуб Шинкевич, возродились национальные воинские формирования, проводились съезды. Стараниями татарских интеллектуалов Леона и Ольгерда Кричинских в Вильно начали выходить «Татарские ежегодники» (*Rocznik Tatarski*), не утратившие своей значимости и в наши дни. Первый том увидел свет в 1932 г., второй вышел в 1935 г. в Замосци, третий – в 1938 г. в Варшаве. Тематика ежегодника (Т. I–II) рассмотрена в статье С. Мильчарека «Татарские ежегодники» [Milczarek: 1995. S. 205–215]. В 3-м номере ежегодника была опубликована монография С. Кричинского «Литовские татары» [Kruczyński: 1938]. Был собран и подготовлен материал к изданию 4-го тома ежегодника «*Rocznik Tatarski*», который был отдан в печать в Варшаве. Однако, началась вторая мировая война и немецкие власти в ноябре 1939 г. этот том уничтожили. В перипетиях военного времени не сохранились и собранные к этому и последующему тому материалы, которые исчезли бесследно. К

основным периодическим изданиям 2-й четверти XX в. относятся также ежемесячники «Татарская жизнь» (*Życie Tatarskie*, т. I–VI, 1934–1939) и «Исламский обзор» (*Przegląd Islamski*, 1930–1937).

В те же годы были основаны татарский музей, татарский архив и татарская библиотека [*Rocznik Tatarski*: 1932. S. 331–332]. Учредителем первого татарского народного музея в Вильно было Культурно-просветительское объединение татар Польши [*Ateneum Wileńskie*: 1930. S. 409]. Цель создания музея состояла в освещении истории польских татар и других народов Востока, а также истории ислама [*Nauka Polska*: 1930. S. 134–135]. Инициатором создания музея и его первым попечителем с момента учреждения музея 3 мая 1929 г. стал Леон Кричинский, историк, юрист и общественный деятель, который в музейное собрание передал рукописные памятники литовских татар и другие экспонаты из своей личной коллекции. Следует отметить, что еще в 1926 г. Леон Кричинский при Культурно-просветительском объединении татар Польши в Вильно основал библиотеку. Из-за отсутствия отдельного здания музейная экспозиция была размещена в помещении Муфтиата по адресу ул. Св. Николая, дом №5. В первый же год существования музея (1929) был издан и «Музейный каталог» (*Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego w Wilnie*) [1929]. Согласно каталогу, музейное собрание составило 104 экспоната. В числе экспонатов было много фотографий, гравюр и эстампов, в основном, времен Первой мировой войны. В коллекции находились четыре Корана, датируемые XVIII–XIX вв., и одна рукопись (1423 г.) на турецком языке о религиозных обязанностях, а также документы XVI в. на (старо) белорусском языке и 6 арабских монет, датируемых XIII в.

В межвоенный период возрастает интерес и к своему письменному наследию – арабографичным славяноязычным рукописям. Традиционно устоявшиеся жанры религиозной литературы литовских татар разнообразны и богаты. Рукописные сборники XVII–XX вв. различного содержания – китабы, полукитабы, хамаилы, теджвиды, тефсиры – являются основными произведениями литературного творчества литовских татар¹. Литературное творчество литовских татар, будучи герметичным по своему характеру, предназначенным для удовлетворения внутренних потреб-

1 В китабы входят предания о жизни и деятельности пророка Мухаммеда, описания обрядов и ритуалов, а также основных религиозных и семейно-бытовых обязанностей мусульман, нередко также библейские легенды, нравоучительные рассказы, иногда даже восточные авантюрные повести; хамаилы являются сборниками молитв на арабском и тюркских языках, включающими в себя также материалы по мусульманской хронологии, советы по лечению болезней при помощи молитв, толкования снов; теджвиды излагают правила чтения арабского текста Корана; тефсиры представляют собой Коран на арабском языке с подстрочным переводом (пересказом или комментарием) на белорусский или польский языки.

ностей небольшой общины, на протяжении XVI–XX вв. поддерживало этническую самобытность и религиозное самосознание литовских татар и не позволило им полностью раствориться в христианском окружении.

Богатое и разнообразное содержание рукописей (в особенности китабов) позволяет характеризовать их как своеобразное руководство к действию, используемое литовскими мусульманами. Собранные в рукописях тексты содержат ценнейшие указания, которыми руководствовалась местная татарская община как при исполнении религиозного долга, так и в быту, в повседневной жизни.

Вслед за разрешением исповедовать свою религию, литовским татарам разрешалось строить и свои культовые храмы – мечети. Видимо, мечети появлялись вслед за первыми татарскими поселенцами уже в самом начале XV в. в местах, где их поселил князь Витовт: в Троках, Вильно, в дер. Сорок Татар, возле реки Воке. Опираясь на источники, можно предположить, что в XVII в. на территории ВКЛ существовало 17, а в Королевстве Польском – 6 мусульманских храмов, а «к моменту окончательного раздела Речи Посполитой (1795) на территории Белоруссии и Литвы находилось 23 мечети и 65 молитвенных домов» [Лакотка: 1994. С. 46–47]. В XVII–XIX вв. в результате войн, передела территории государства и миграций литовских татар появляются новые места проживания татар и новые мечети, а некоторые старые исчезают¹. В 1914 г. на бывшей территории ВКЛ насчитывалось 25 мусульманских мечетей (без Волынских и Подольских земель, по которым нет данных), из них 5 было уничтожено во время Первой мировой войны.

Вторая мировая война и годы советской власти нанесли серьезный ущерб независимому функционированию татарских общин. В 1944 г. муфтият в Вильно закрывают, а существовавший при нем Татарский музей расформируют. В том же году муфтий Я. Шинкевич покидает родину и выезжает в Германию, потом в Египет и, наконец, в Америку, где в 1966 г. умирает. Успел ли он что-то вывезти и сколько документов, в том числе и музейных экспонатов, трудно сказать, так как о периоде его пребывания за границей вплоть до самой смерти не было ни одной статьи или книги [Jankowski: 2011. S. 63].

В течение долгих лет государственного атеизма домашние и семейные обряды оставались практически неизменными, адаптируясь и приспособляясь к новым обстоятельствам, но при этом сохраняя элементы исламской традиции и символики. По-прежнему отмечались традиционные религиозные праздники – Рамадан байрам, Курбан байрам, Ашуре

¹ Согласно первой переписи мечетей в 1795 г., на территории Речи Посполитой находилось 23 мечети и 5 за ее пределами.

байрам (день памяти мученической смерти Хусейна – внука пророка Мухаммеда), Мевлюд (рождение пророка Мухаммеда), проводились обряд наречение именем, свадебный и погребальные обряды в соответствии с общетюркскими и общемусульманскими традициями. Все религиозные праздники и обряды совершались и проводились в домашней обстановке, предварительно пригласив на торжество священнослужителя-имама. Особое место в религиозной культуре литовских мусульман было отведено так называемым съездам, или «мусульманским фестивалям», своеобразным дням поминовения усопших. Так, на территории Восточной Литвы и прилегающих районов Беларуси такие дни поминовений проходили в летний период, начинались днем поминовения на Видзовском мизаре (мусульманском кладбище) 31 мая и заканчивались в конце августа на Швенченском (на территории современной Литвы) мизаре. В эти дни татары-мусульмане имели возможность не только помянуть своих близких и прочитать над их могилами заупокойные молитвы, но и пообщаться друг с другом. Такие собрания имели и широкое социальное значение. После молитв и раздачи садаки (подаяния) на мизарах татары собирались в домах или клубах, где могли не только пообщаться, решать наболевшие проблемы общины, но и ближе познакомиться друг с другом, заложить основу для образования новых татарских семей. Подобного рода мероприятия скрепляли общину изнутри и способствовали сохранению групповой идентичности, уменьшали риск ассимиляционных процессов и создания смешанных семей. Общими усилиями и средствами поддерживали в хорошем состоянии имеющиеся мизары. Традиция таких «съездов», появившаяся после того, как в середине XX в. была разрушена мечеть в Видзах (населенный пункт на территории современной Беларуси), долгое время помогала сохранить приход в пределах старых трех уездов¹, в которых проживали татары, принадлежащие к Видзовскому джамиату.

Нельзя не согласиться с мнением Р. Уразмановой, отметившей, что существовал «значительный слой общества, представители которого не признавали себя верующими мусульманами и в то же время неукоснительно совершали важнейшие мусульманские обряды и участвовали в их проведении» [Уразманова: 2001. С. 220]. В этом исследовательница видит особый феномен советской, да отчасти и постсоветской действительности, заслуживающей специального внимания и анализа со стороны социальных психологов, этнографов, историков и исламоведов. По сути дела, мы столкнулись со своеобразным явлением длительного существования и функционирования бытовой и обрядовой культуры, мусульманской по

¹ Видзовская мечеть имела статус кафедральной, т. к. была единственной на территории Новоалександровского, Швенченского и Двинского уездов.

форме, но утратившей свое религиозное содержание. Этот вариант мусульманской обрядности отнюдь не свидетельствует о духовном вакууме в народной культуре. Под «крышей», казалось бы, формальных процедур находили спасение и укрытие остатки мусульманской духовности, веры, нравственности, религиозности в татарском обществе. Безусловно, это в значительной степени облегчило и ускорило этнокультурное возрождение общины литовских татар после восстановления независимости Литовской Республики.

Религиозная и культурная жизнь татар в независимой Литве (1990–2020)

После восстановления независимой Литовской Республики в течении 30 лет (1990–2020) религиозная и общественная жизнь литовских татар оживилась. На волне национального возрождения и демократизации общества татарская община пережила значительные трансформации. В 1998 г. в Литве был восстановлен Духовный центр литовских мусульман-суннитов – муфтият (*Lietuvos musulmonų sunitų dvasinis centras-muftiatas*). Первым муфтием был избран Рамазан Криницкий, с марта 2009 г. обязанности муфтия стал исполнять Ромас Якубаускас. В 2018 г. был создан Совет мусульманских религиозных общин Литвы – муфтият (*Lietuvos musulmonų religinių bendruomenių Taryba – Muftiatas*). Его возглавил литовский татарин Александрас Беганскас. В настоящее время в Литве сохранились четыре действующие мечети – три деревянные в Немежисе, Райжай и дер. Сорок татар (лит. *Keturiasdešimt Totorių*) и одна каменная в Каунасе, а также несколько молельных домов в Клайпеде, Висагинасе, Алитусе, Швенченисе¹. При мечетях созданы и действуют воскресные школы, в которых татарские дети имеют возможность познакомиться не только с основами религии, но также с татарской историей, культурой и языком. Каждое лето для детей организуются летние религиозные лагеря.

В 1989 г. при Фонде культуры Литвы было учреждено Литовское общество татарской культуры (первым его председателем был Менсайд Байрашевский, 1989–1992). В 1994 г. Литовское общество татарской культуры было реорганизовано в две самостоятельные организации:

1 Не сохранились Лукишская мечеть в Вильнюсе (разрушена в 1968 г.), мечеть в Тракаях (разрушена в 1609 г.), мечеть в Винкшнупай в Вилкавишском районе (разрушена в 1944 г.) и др. В Польше действуют две деревянные мечети в Бохониках (1717 г.) и Крушинянах (2-я половина XVIII в.), а в 1989 г. была построена каменная мечеть в Гданьске. На территории Беларуси для джамиата (прихожан) открыты пять мечетей: в Минске (восстановлена и открыта в 2016 г.), Ивье, Новогрудке, Смиловичах, Ловчицах. Кроме перечисленных в современной Беларуси действующие мечети, появившиеся после 90-х гг. XX в., есть еще в трех городах: в Слониме, Молодечно и в Ошмянах.

Союз общин литовских татар (в Союз вошли Каунасская и Алитусская татарские общины, а также Литовская мусульманская молодежная община) и Татарская община Вильнюсского края с подразделениями в Вильнюсе, Немежисе, Григишкесе, деревне Сорок татар, Швенченисе. В течение первого десятилетия после восстановления независимости в разных уголках Литвы было учреждено 12 татарских общин. К 2006 г. их уже было 19, а в 2014 г. была зарегистрирована 21 община, в 2019 г. список общин пополнили еще 2 татарские организации. Среди них 9 общин зарегистрированы и как религиозные общины. Наиболее многочисленными и активными являются Татарская община Вильнюсского округа, Немежанская татарская община, Татарская община деревни Сорок татар, Татарская община Каунасского округа и Татарская община Алитусского округа.

Татарские национальные общины Литвы основное направление своей деятельности видят в том, чтобы литовские татары сохранили этническую идентичность, знали культуру, традиции своего народа. Без заинтересованности самой общины в своем сохранении не может быть достигнуто каких-либо значительных изменений в области сохранения их культуры. Поэтому большое значение имеет просветительская работа. В 1997 г. на государственном уровне было отмечено 600-летие поселения татар и караимов в ВКЛ. В том числе 26–27 июня 1997 г. была организована Международная научная конференция «Татары и караимы в Литве: прошлое и настоящее». Конференции стали традиционными, совместно с Вильнюсским университетом их организует и проводит Татарская община Вильнюсского округа. Проведено 6 международных научных конференций (2007, 2013, 2015, 2017, 2018, 2019 гг.), посвященных поселению татар в ВКЛ, их религии, культуре, в том числе исследователю письменности литовских татар профессору Вильнюсского университета А.К. Антоновичу и взаимоотношениям с тюркским миром. Партнером конференции «Татары-мусульмане Великого княжества Литовского: прошлое, настоящее, будущее» (2017 г.) был Центр кибабистических исследований Торуньского университета им. Николая Коперника, а конференции «Развитие литовско-турецких отношений» (2019 г.), с несколькими секциями, посвященными татарской проблематике, – Турецкий институт фольклористических исследований. В 2016 г. для докторантов Тюбингенского университета был организован международный семинар «Exploring Tatar Manuscripts in Central-Eastern Europe Comparative Perspectives on Devotional Manuscripts in Medieval and Early Modern Times». По материалам международных конференций были подготовлены и опубликованы сборники научных статей (2008, 2014, 2018, 2020 гг.) [Ориент: 2008;

История и культура тюрков в Литве: 2014; Tatarskie dziedzictwo kulturowe: 2018. Т. 1–2; Tatarzy i Słowiańszczyzna: 2020]. Постоянно читаются открытые лекции, проводятся ознакомительные экскурсии по местам компактного проживания татар. Культурную жизнь оживили построенные усилиями Татарской общины дер. Сорок татар под председательством Фатимы Буйновской и Немежанской татарской общины, возглавляемой Таирасом Кузнецовасом центры татарской культуры (Общинные дома). Дома татарских общин деревни Сорок татар и Немежиса построены согласно инициированной группой местной деятельности Вильнюсского района программе по улучшению качества жизни в сельских местностях, спонсируемой ЕС. Финансовую помощь предоставило и самоуправление Вильнюсского района, а также финансово поддержало посольство Турецкой Республики в Литве. Центр татарской культуры в д. Сорок татар был открыт в 2014 г., а в Немежисе – в 2015 г.

По-прежнему можно сказать, что культура татар мало представлена в средствах массовой информации, в музейных экспозициях и т.д. Вместе с Немежанской татарской общиной и татарской общиной д. Сорок татар в 2007 г. было принято решение, во-первых, составить и издать брошюру о татарах и мечетях в Немежесе и в д. Сорок татар на польском, русском, литовском и английском языках. Брошюра о Немежисе вышла на литовском, английском и арабском, а о д. Сорок татар на литовском, русском, английском языках. Эти небольшие издания послужили необходимой информацией для туристов, а также рекламным буклетом, репрезентирующим сами общины и их деятельность. В 2014 г. была подготовлена и издана небольшая книга о мечетях в Литве [Buinovska: 2014]. В дальнейшем планируются подобные информационные брошюры издать и о других общинах. Постоянно ведутся переговоры с местными краеведческими музеями, чтобы в тех местах, где компактно проживали татары, обязательно появились информационные стенды и о них. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2008 г. Так, данные о татарах, проживающих в восточной части Литвы (Игналина, Швенченис, Пабраде, Турмантас), представлены в краеведческом музее Гайжутского регионального / областного парка (Салакас, Зарасайский район).

В 2007 г. был открыт частный татарский музей в д. Субартонис (Варенский район). Основательница музея и автор экспозиции татарка Люся Гайдукавичене еще в юности заинтересовалась поиском самоидентичности и особенностями культуры и быта своих предков. В поисках своих этнических корней Л. Гайдукавичене после окончания средней школы в 1967 г. отправилась в Набережные Челны не только изучать архитектуру, но и ближе познакомиться с татарской культурой, традициями, языком.

Вернувшись в Литву, при первой возможности, она активно включилась в общественную деятельность литовских татар и в 2005 г. основала Варенское татарское общество, которое объединяет татар г. Варены, Варенского района и Меркине. Стремясь как можно лучше узнать свои корни, в 2006 г. Л. Гайдукиявичене отправилась в Крым, где в Симферополе она изучала татарский орнамент и технику вышивки у местных крымских татар. Накопив значительный объем знаний и опыта, она взялась за создание Татарского музея. Среди музейных экспонатов почетное место занимают рукописный Коран XVIII в., несколько хамаилов (молитвенников), довоенный учебник арабского языка и другие документы, важные для исследований истории, культуры и религии литовских татар. Стены музея украшены мухирами (шамаилами) и фотографиями, рассказывающими о праздниках и буднях татар. Национальный татарский костюм и другие изделия, вышитые самой хозяйкой музея, отражают характерные черты этого свободолюбивого народа. Каждый элемент рассказывает о той или иной культурной особенности татар, взгляд привлекает роскошная ткань, расшитая золотой нитью и украшенная разноцветными бусинами. Бытовая утварь, гончарные и керамические изделия напоминают о ремеслах, которыми занимались татары. Данный музей можно считать своеобразным преемником и продолжателем традиций довоенного татарского музея в Вильно.

Татарское прошлое и настоящие будни освещены в издаваемом Союзом общин литовских татар с 1995 г. ежемесячнике «Lietuvos totoriai» (Литовские татары). С 2004 г. газета стала выходить на трех языках – литовском, польском и русском. Позже она превратилась в ежегодник и интернет-издание [<http://www.tbn.lt/enews>]. На страницах газеты широко было представлено важное для всех татар Литвы событие – возведение и открытие в Райжай в 2010 г. памятника, увековечившего совместное участие татар с Великим князем литовским Витаутасом в битве под Грюнвальдом (1410 г.).

Литовские татары трепетно относятся к своему материальному, так и нематериальному наследию. К межвоенному периоду относится начало интенсивных исследований в области материальной культуры литовских татар. Элементом сохранившейся культуры литовских татар посвящают свои работы востоковед по образованию имам Али Воронович, востоковед Джамиль Александрович, об этом пишут Стефан Туган-Барановский, Станислав Кричинский и другие исследователи татаристики. Кроме того, материальной культуре татар был посвящен 6-й раздел монографии С. Кричинского «Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej», вышедшей в 1938 г. в 3-м номере годовика «Rocznik Tatarski» (143–150). О материальной культуре литовских татар красноречиво свидетельствуют и сохранившиеся легенды. Среди культурного

наследия литовских татар – культовой архитектуры, славяноязычной арабографичной письменности, фольклора, самобытных традиций и обычаев – особое место занимает традиционная татарская кухня. Ей присущи самобытность, разнообразие и тюркские названия. О татарах и кулинарном наследии тюрков первые упоминания можно найти в литературе XVI в. Об этом писал Миколас Лиетувис в своем трактате «*Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Dešimt įvairaus istorinio turinio fragmentų*» (1615), а также Петр Чижевский в трактате «*Alfurkan tatarski prawdziwy na czterdzieści części rozdzielony*» (1617 г.). Некоторые сведения о кухне литовских татар можем найти в славяноязычных арабографичных рукописях, однако, это не были систематически отобранные рецепты, а тем более собранные в отдельную книгу и в виде некоего альбома изданные Поваренные книги. Кулинарные навыки передавались из поколения в поколение [Miškinienė: 2019. P. 131–140].

Уже более десяти лет традиционную татарскую кухню популяризует и представляет инициативная группа Немежанской татарской общины, одной из самых многочисленных общин татар в Литве. С блюдами, приготовленными по сохранившейся рецептуре, эта группа представляют кулинарное наследие литовских татар на различных ярмарках и фестивалях. Эта группа стала участницей таких проектов, как «Вместе мы Литва», выставок «Литэкспо», «Адвентур», «Год региональных общин», ярмарок «Ярмарка народов», «Ярмарка Казюкаса» и др. В 2019 г. группа зарегистрировалась как ассоциация «*Totoriškas skonis*» (Татар зэвыгы). Это единственная татарская ассоциация, которая имеет сертификат на производство 10 блюд национальной кухни.

В 2011 г. по инициативе трех литовских татарок из Литвы Розы Макулавичюте-Александрович, Люси Гайдукиявичене и Фатимы Шабанович-Буйновской вышла небольшая брошюрка «*Šimtalapis ir ne tik ... Lietuvos totorių kulinarinio paveldo paslaptys*» с описанием наиболее популярных блюд литовских татар [Gaidukevičienė: 2011]. В 2012 г. данное издание пополнилось новыми рецептами и увидело свет под новым названием «*Totorių virtuvės kulinariniai receptai*» [Gaidukevičienė: 2012]. В этом же году Фатимой Буйновской и Славомиром Моцкуном была подготовлена и издана брошюра о татарской кухне на польском языке «*Kuchnia Tatarska. Historia w strawie zawarta*» [Buinovska, Moćkun: 2012]. В 2020 г. по инициативе Л. Гайдукиявичене появилось еще одно издание со старинной татарской рецептурой «*15 metų totorių koldūnai garsina Subartonių kraštą...*» [Gaidukevičienė: 2012].

В 1990-х гг., после долгого изгнания, когда крымские татары стали возвращаться на родину, в Крым, благодаря возобновившимся контактам

между соотечественниками, кухня литовских татар пополнилась новыми (забытыми) татарскими рецептами. Несомненно, на кухню литовских татар повлияли и примеры, взятые из кухни казанских татар, которые прибыли на крупные объекты строительства в Литве (например, Висагинаса и Клайпеды) в 70-х гг. XX в.. Так, на стол литовских татар вернулись такие кулинарные изделия, как *бешпармак* (пирожки треугольной формы с мясом), арбузник (тыквенный пирог с фаршем) и другие. Готовят литовские татары и традиционное татарское лакомство чак-чак, которое в 2020 г. было внесено в список нематериального культурного наследия Литвы с вручением соответствующего сертификата.

Проживая в инородном окружении, татары приноровились и к местной, европейской кухне, по-своему трансформировав ее. Так называемые «европейские» блюда татары обильно перчили, добавляли приправы из различных трав, а также жир. Татары чаще чем все остальные жители в пищу употребляли мясо и мясные продукты. Одним из вкладов татар Литвы в литовскую кулинарию является способ приготовления мяса. Традиционный литовский скиландис должен быть приготовлен не из молотого мяса, а из рубленного. Такой способ приготовления мяса принесли с собой и до сих пор сохранили татары.

У литовских татар обрядовость, как и традиционные праздники религиозного и календарного характера, на протяжении веков претерпевают изменения. Особенно, начиная со второй половины XX в. в процессе развития политического государства и идеологических установок формируется появление сакрального и светского аспектов в праздничные дни [Шакнис: 2016. С. 13]. Как утверждает Ж. Шакнис, в процессе секуляризации обрядовости и праздников уменьшается дистанция между государственным и этническим календарем. Аналогичные тенденции просматриваются в обрядовости и в праздничном календаре литовских татар.

Благодаря исламу суннитского толка в обрядовости литовских татар сохранились элементы обычаев и традиций тюркских народов. К наиболее распространенным и хорошо сохранившимся обрядам литовских татар следует отнести обряд наречение именем, свадебный и погребальный обряды [Мишкинене: 2015. С. 127–140; Мишкинене: 2019. С. 232–236; Мишкинене: 2020. С. 28–47]. Они же остались и наиболее консервативными в традиции литовских татар. После восстановления независимости в Литве традиционные религиозные праздники, такие, как Рамадан байрам, Курбан байрам, Ашуре байрам, Раджаб байрам и Мавлюд, ранее отмечаемые в домашней обстановке, легализировались и празднуются татарами в особо торжественной обстановке. Традиционно татары, проживающие на территории Восточной

Литвы, собираются каждый год на Швенченском и Милькунском мизарах на описанные выше съезды – дни поминовения усопших.

К праздникам календарного цикла относятся Навруз и Сабантуй. Можем предполагать, что праздник Сабантуй (праздник плуга) был известен и праздновался литовскими татарами с незапамятных времен. Конечно, в течение столетий он мог претерпеть и претерпел изменения. Так известно, что до 1938 г. после окончания жатвы татары устраивали праздник Урожая (пол. *Dożynki*). Праздник описан в ежегоднике «Rocznik Tatarski». Он проводился трижды (1936, 1937 и 1938) в августе в Иваново (Беларусь). На эти праздники собирались татары из Мира, Орды, Новогрудка, Клецка, Осмолово, представители Вильнюса и Вильнюсского уезда. Праздник начинался с молитвы, праздничных речей, обильных татарских застолий, а заканчивался танцами до рассвета. Этот праздник исчез после начала Второй мировой войны. В советское время своеобразным аналогом праздника Сабантуй можно считать ежегодные съезды, «мусульманские фесты» и балы [Miškinienė: 2019. P. 14–21].

В середине XX в. прибывшие в Литву из Казани татары, в основном осевшие в Висагинасе и Клайпедде, первыми стали отмечать окончание весенних полевых работ – Сабантуй¹. Именно татары из Висагинаса впервые в 1996 г. в д. Тилже (Зарасайский район) отметили древнейший земледельческий праздник в соответствии с казанскими традициями. Литовские татары, долгое время участвуя в празднике в качестве приглашенных гостей, в 2010 г. организовали свой первый Сабантуй в Тракай. Сабантуй отмечался в Тракае три года подряд. Позже в 2014 г. прошел в д. Сорок татар, в 2015 г. – Немежисе, а в 2016 г. в Немежисе и д. Сорок татар. В 2017 г. европейского масштаба Сабантуй был организован в Вильнюсе в парке Вингис. Приехали татарские команды из Казани, Альметьевска, которые и показали, как правильно готовить традиционный сабантуй. По инициативе Висагинской татарской общины праздник Сабантуй в 2019 г. был внесен в список нематериального культурного наследия Литвы с вручением соответствующего сертификата.

Таким образом видим, как традиционная культура, выражая по своей сути ценности образа жизни, присущие аграрной культуре, сегодня утратила материальную основу. Как правильно подметил Ж. Шакнис: «... необходимо обратить внимание на «путешествие праздника во времени»: это возможность отмечать праздник несколько раз в году или возможность в удобное для всех время отметить актуальный лишь для

¹ Сабантуй известен и крымским татарам, но не является столь популярным. Большой популярностью пользуется весенний праздник Хедерлез, который отмечается в первую пятницу мая. По своему содержанию Хедерлез очень похож на праздник Сабантуй.

небольшого сообщества праздник» [Шакнис: 2016. С. 16]. К примеру, Сабантуй татарами Вильнюсского округа был отмечен в декабре 2018 г.

Аналогично празднику Сабантуй у татар Литвы стал возрождаться популярный у многих тюркских народов праздник новолетия, весеннего равноденствия – Навруз. Праздник возродился на сцене в марте 2012 г. в концертном зале Дома офицеров в Вильнюсе. Программу праздника подготовили татары Татарского культурного центра, возглавляемого Альмирой Пармаксизоглу. Под началом этого центра празднование Навруза отмечается каждый год. Красочный концерт завершается совместной трапезой, во время которой на столе участники могут познакомиться не только с традиционными блюдами, характерными для стола Навруза, но и национальной кухней соседствующих народов. К празднованию привлекаются и представители других тюркских народов Литвы – азербайджанцев, казахов, узбеков, якутов. Официально праздник поддерживают дипломатические представительства трех государств: Турции, Азербайджана и Казахстана. С годами данный праздник становится средством этнической социализации детей разных национальностей, знакомства их с традициями соседних народов, воспитания их в межэтнической толерантности. Навруз, как и Сабантуй, уйдя от традиционной формы с различными элементами народного творчества, превратился в зрелище и развлечение. Однако это не уменьшает их значения как одного из символов возрождения этнического самосознания татар на рубеже веков.

Большое внимание татары Литвы уделяют и своему музыкальному наследию и национальному костюму. К празднованию 600-летия поселения татар на землях Великого княжества Литовского был создан татарский ансамбль «Алие». Создателем и руководителем ансамбля является талантливый музыкант литовский татарин Алик Мелех, чей предок был трубачом Сигизмунда Августа (1520–1572). Фольклорный ансамбль литовских татар «Алие» через национальную одежду, песню и танец стремится к возрождению этнических и культурных традиций литовских татар. Ансамбль приглашают на различные мероприятия, цель которых – ознакомление с культурой и напоминание о содержательной истории литовских татар. В 2018 г. был создан документальный фильм «Энтузиаст народной песни» (авторы сценария Галина Мишкинене и Сергей Хаурыленка), посвященный музыкальному наследию литовских татар и хранителю этого исключительного наследия Алику Мелеху. В 2012 г. одна из солисток «Алие» Альмира Пармаксизоглу создала свой фольклорный ансамбль «Илсу».

Татарский фольклорный ансамбль «Мирас» («Наследие») создан в 1997 г. в Висагинасе. В репертуаре – традиционные народные танцы,

инструментальная музыка, которая исполняется на национальных инструментах – мандолине, кубызе, курае. Коллектив бережно сохраняет татарскую народную культуру. Многолетний руководитель ансамбля Лилия Мусина. Наряду с другими ансамбль Клайпедской татарской общины «Ляйсан» и отпочковавшийся в 2017 г. от ансамбля «Илсу» ансамбль «Эфсане» стремятся сохранить свою родную татарскую культуру. С 2014 г. Татарский культурный центр (руководитель Альмира Пармакси-зоглу) организуют летние творческие лагеря для татарской молодежи.

Следует отметить еще несколько важных работ, посвященных истории и культуре литовских татар – это вышедший в 2005 г. документальный фильм «Предки татарских мурз на литовской земле» (автор идеи и режиссер Леонид Глушаев) и в 2015 г. видеосюжет о славяноязычных арабографичных рукописях литовских татар «Рукописи литовских татар – национальное достояние» (автор сценария Галина Мишкинене).

В нашем кратком обзоре религиозного и культурного наследия литовских татар на переломе веков мы не затронули ряда вопросов, касающихся, впрочем, не только татарских общин, но и других общин в целом. Столкновение старой и новой традиций, в том числе образования и ориентированности имамов на турецкую или арабскую традиции, создание организаций с громкоговорящими названиями, зонтичные организации, конкурирующие общины и раздел сфер влияния, развитие и поддержка контактов с другими немусульманскими/мусульманскими организациями, вопросы территориального происхождения, процессы секуляризации – вот тот небольшой круг вопросов, требующий специального рассмотрения в отдельной работе. Не смогли представить и полного библиографического материала, всех работ и источников, в которых за последнее тридцатилетие так или иначе была заявлена татарская тематика. Систематические исследования в этой области помогли бы зафиксировать и сохранить богатое, но постепенно исчезающее культурное наследие литовских татар.

Выводы

В меняющейся Европе под влиянием внешних и внутренних факторов меняется и состояние татарских общин. Литовские татары уже не единственные представители ислама в Литве. В данной ситуации очень важно отличать новоприбывших мусульман и неофитов от старых. О ситуации в мусульманских общинах Литвы писали в своей статье Вайда Норвилайте и Эгдунас Рачюс, которые на основе анкет проанализировали процессы секуляризации, затронувшие все без исключения татарские общины Литвы [Norvilaitė, Račius: 2011. P. 49–66]. Как правильно подмечают авторы статьи, с точки зрения секуляризации литовские мусульмане

(не только литовские татары) разделены на два противоположных лагеря. В первую группу входят литовские татары и иммигранты советской эпохи, а во вторую – большинство новообращенных, которые открыто выражают недовольство процессом секуляризации. Можно согласиться с мнением авторов, что в принципе разрыв между местными мусульманами – литовскими татарами и новообращенными, и иммигрантами из других мусульманских стран – будет становиться все более заметным. Общины литовских татар изменяются внутри, становятся более открытыми для других людей, более восприимчивыми к «новым» догмам исламского мира. Однако, по мере смены поколений все труднее будет говорить о продолжении ислама, с которым татары когда-то пришли на земли Великого княжества Литовского.

Литовские татары наряду с представителями других культур прекрасно интегрировались в культурную, политическую, социальную и экономическую жизнь страны. Учитывая все эти факты, государство не должно забывать, что новые иммигранты из других мусульманских стран не испытывают сантиментов, а иногда и лояльности к новому государству. С другой стороны, с пониманием того, что происходит в местной «исторической» мусульманской общине, посредством исследований и презентации ее культуры и традиций широким общественным кругам, могут стать и менее болезненными процессы интеграции вновь прибывших иммигрантов. Литовские татары – одна из старейших мусульманских общин в Европе, которая за время своего существования стала прекрасным примером толерантности и культурного синкретизма.

Литература

1. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли. Заметки. Наблюдения. Бахчисарай, 1881. С. 91–116.
2. Добрянский Ф. О литовских татарах. Вильна, 1906.
3. История и культура тюрок в Литве. Lietuvos istorijos studijos 11. Сост. Т. Vairišauskaitė, G. Miškinienė. Vilnius: Vilniaus universitetas 2014. – 400 p.
4. Исхаков Д.М. Татарская этническая общность // Татары. Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. Москва: Наука, 2001. С. 11–25.
5. Лакотка А.І. Бераг вандраванняў, ці адкуль у Беларусі мячэці. Мінск: Навука і тэхніка, 1994.
6. Мишкинене Г.А. Особенности традиционной обрядности литовских татар во второй половине XX в. – *Tatarica*, № 5. 2015. С. 127–140.
7. Мишкинене Г.А. Традиционная обрядность литовских татар в свете ногайской культуры, in Ногайцы: XXI в. История. Язык. Культура. От

- истоков – к грядущему. Материалы III международной научно-практической конференции. Черкесск, 2–3 октября 2019 г. С. 232–236.
8. Мишкинене Г.А. Особенности традиционной обрядности литовских татар в первой половине XX в.: свадебный обряд (на материале арабографических рукописей литовских татар). – *Tatarica*, № 14. 2020. С. 28–47.
 9. Ориент в общественной традиции Великого княжества Литовского: татары и караимы. *Lietuvos istorijos studijos* 6. Сост. Т. Bairašauskaitė, Н. Kobeckaitė, G. Miškinienė. Vilnius: Vilniaus universitetas 2008. – 369 p.
 10. Уразманова Р.К. Об истории этноса и этнонима // Татары [Электронный ресурс: http://1997-2011.tatarstan.ru/index.php@node_id=205.html Дата обращения: 2020-10-05. 00:30]
 11. Уразманова Р.К. Ислам в семейно-бытовой обрядности татар: традиции и современность. Ислам в Евразии. Москва, 2001. С. 218–224.
 12. Шакнис Ж. Проблемы функционирования традиционных праздников в современном многонациональном городе / Ж. Шакнис // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. Самара: СГСПУ, 2016. С. 12–17.
 13. Borawski Piotr, Dubiński Aleksandr. *Tatarzy Polscy. Dzieje, obrzędy, legendy, tradycje*. Warszawa, 1986.
 14. Buinovska, Fatima & Moćkun Sławomir, 2012. *Kuchnia Tatarska. Historia w strawie zawarta*. Grunwald: Muzeum Bitwy pod Grunwaldem w Stębarku.
 15. Buinovska Fatima. *Mečetės ir kapinės. Įžanginis straipsnis Galina Miškinienė*. Vilnius, 2014.
 16. Czyżewski, Piotr. *Al Furkan tatarski prawdziwy na czterdzieści części rozdzielony*. Wilno, 1617. Wydanie źródła: Artur Konopacki. Białystok: MKJdruk, 2013.
 17. Gaidukevičienė Lusia. *Šimtalapis ir ne tik... Įžanginis straipsnis Galina Miškinienė*. Leidykla «Lututė», 2011.
 18. Gaidukevičienė Lusia. *Totorių virtuvės kulinariniai receptai. Įžanginis straipsnis Galina Miškinienė*. Leidykla «Lututė», 2011.
 19. Gaidukevičienė Lusia. *15 metų totorių koldūnai garsina Subartonių kraštą... Įžanginis straipsnis Galina Miškinienė*. Leidykla «Lututė», 2020.
 20. Jankowski Henryk. *Jakub Szynekiewicz, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Türkoloji Dergisi* 18, 2 (2011). S. 61–68.
 21. *Katalog Tatarskiego Muzeum Narodowego w Wilnie*. (Rok istnienia muzeum – pierwszy). Wilno: Wydanie Rady centralnej Związku kulturalno-oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskiej, 1929.
 22. *Kronika, Rocznik Tatarski* I. Wilno 1932. S. 331–332.
 23. *Kronika, Ateneum Wileńskie*, r. VII, z. 1–2. 1930/ S. 409.

24. Kryeziński Stanisław. Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa, 1938.
25. Lietuvis Mykolas. Apie totorių, lietuvių ir maskvėnų papročius. Dešimt įvairaus istorinio turinio fragmentų. Vertė Ignas Jonynas. Vilnius, 1966.
26. Milczarek Sylwester. Roczniki Tatarskie, Rocznik Tatarów Polskich. Gdańsk – Toruń 1995, s 205–215.
27. Miśkiewicz Ali. Tatarzy polscy 1918–1939: życie społeczno-kulturalne i religijne. Warszawa 1990, 206 s.
28. Miškinienė Galina. The Question of Preservation of National Traditions: Culinary Heritage of Lithuanian Tatars. – Yearbook of Balkan and Baltic Studies. Vol.2. Edited by Ekaterina Anastasova, Mare Koiva, Žilvytis Šaknys. ELM scholarly press Vilnius-Tartu-Sofia, 2019. P. 131–140.
29. Miškinienė Galina. Senas vynas naujame vynmaišyje, arba apie atgimusių sabantujaus šventę. Interviu su G. Miškiniene paruošė Lina Leparskienė. Žurnalas «Liaudies kultūra». Būdas Nr. 3. 2019. P. 14–21.
30. Przegląd treści periodyków Tatarskich w Polsce (N.) (1932–1935).
31. Rocznik Tatarski, T.2. Zamość 1935, s. 462–465.
32. Tatarskie dziedzictwo kulturowe. Rękopiśmienne księgi religijne. 50 lat kitabistyki. T.1–2. Redakcja naukowa Joanna Kulwicka-Kamińska, Czesław Łapicz, Galina Miškinienė. Toruń, 2018.
33. Tatarzy i Słowiańszczyzna. Litteraria Copernicana 1 (33), pod redakcją Joanny Kulwickiej-Kamińskiej, Czesława Łapicza i Galiny Miškinienė. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu 2020. – 231 s.
34. Vaida Norvilaitė, Egdūnas Račius. Musulmonų bendruomenių reakcija į sekularizacijos procesą Lietuvoje. Kultūra ir visuomenė. Socialinių tyrimų žurnalas. 2011 2(3), p.49–66. [Электронный ресурс: http://culturesociety.vdu.lt/wp-content/uploads/2012/01/6.-V_Norvilaite_E_Racius_Musulmonu-bendruomeniu-reakcija.pdf Дата обращения: 2020-10-10. 03:14].

DOBRUCA TATARLARININ GÜNCEL KİMLİK SORUNLARI

Tatarların Romanya topraklarındaki varlığı yaklaşık bin yıl öncesine dayalı olup, önce Kıpçaklar (Kuman) olan ataları, sonra kendi Tatar adlarıyla kayıtlara geçmiştir. Kıpçakların farklı halklarla karışımı sonucunda teşekkül etmiş Tatarlar, büyük bir devlet olan ve «Kıpçak Hanlığı» adıyla da bilinen Altın Ordu'nun temel etnik unsurunu oluşturmuşlardır.

Tuna ile Karadeniz arasında bulunan bölge, çok eskilerden beri Dobruca adını taşımaktadır. Yakın 500 yıl süren Osmanlı idaresi döneminde, Dobruca'nın en önemli etnik unsurunu Tatarlar oluşturmuşlardır. Temmuz 1878'de imzalanan Berlin muahedесinin bir kararıyla, Dobruca'nın kuzey kısmı (2/3) Romanya'ya verilmiştir, güneyde kalan bir bölümü ise Bulgaristan'a bağışlanmıştır. Kuzey Dobruca'yı Romanya Kasım 1878'de resmen devr almıştır. Aynı yıl, kuzey Dobruca'da yapılan ilk Romen nüfus sayımına (gizli) göre, bölgenin toplam nüfusu 225.753 kişi olup, bunların 71.146'sı Tatar, 48.784 Türk, 46.504 Romen, 30.237 Bulgar, geri kalan kısmı Rum, Yahudi, Çerkez, Ermeni, Rus, Alman ve Çingene idi [Kemal: 2003]. Türkiye'ye yapılan geniş kapsamlı ve tekrarlanan göçler, Dobruca'nın Türk-Tatar unsurunu çok azaltmıştır. 2011'de yapılan resmi nüfus sayımına göre, Romanya'daki Tatarların sayısı 20.282 rakam çıkmıştır; Türk olduklarını beyan edenlerin sayısı ise 27.698'dir [Lascu: 2013]. Aslında, Tatarların sayısı daha yüksek olmalıdır, çünkü içlerinden bir kısmı kendilerini halen Türk olarak beyan ederler. Bu durum, yüzyıllar boyunca anavatan Kırım'da Çarlık ve Sovyet baskısının Tatarlar üzerinde yarattığı korkunun uzantısıdır. Türk kimliğiyle kendilerine güvenlik sağlamak isteyenlerin sayısı halen az değildir (bence% 25–30 oranında).Günümüzde de, Kırım (ve Dobruca) Tatarları Türkiye'yi «Ata Yurt (Ata Curt)» ve «Aktoprak» saymaktadırlar. Ve Türkiye, Kırım Tatarlarını resmen «Kırım Türkleri» olarak kabul etmektedir. Türkiye, yerleri neresi olursa olsun, bütün Tatarların manevi, kültürel, dini, siyasi-diplomatik ve mümkün olduğu kadar ekonomik koruyucusu rolünü üstlenmiştir. Fakat, Kırım Tatarları (Romanya'dakiler dahil) öz ulusal devletinin yokluğu kompleksinden kurtulamamışlardır.

Romanya'daki Tatarlar, modernleşme ve Romen toplumuna entegrasyon çabalarında Romen devleti tarafından desteklenmişlerdir. Düşünürüm ki, artık Tatar toplumu tam anlamıyla Romanya'ya entegre olmuş durumdadır; ancak, bu durum ulusal ve toplumsal özelliklerden vazgeçildiği anlamına gelmez. Romanya'daki Tatarların kırsal tipi kültürlerle has muhafazakarlıkları ile modern yaşamın zorunlulukları arasında uyumlu bir karışım oluşturulması arzu

ediliyor. Maalesef, Tatar toplumunun son birkaç onyılda gelişimi bu yönde hiç sevindirici değildir. Günümüzdeki bu toplum, dış etkenlerin saldırısına dayanmak için gerekli öz güç kaynaklarına sahip değildir. Halihazırda, Dobruca Tatarlarının özverili ve durumu kavrayabilecek liderlerden de mahrum olması, sorunu daha ciddi hale getirmektedir.

* * *

Şu an kaçınılmaz olan ve gittikçe hız kazanan küreselleşme sürecinde olduğumuz herkesçe bilinmektedir. Devletlerin, milletlerin ve toplumların durumu devamlı değişmektedir. Ülke yöneticileri ve milli, yerel veya mesleki toplumların sorumluluk sahibi liderleri, sürekli değişen iç ve uluslararası koşullara uymayı öncelik belirlemişlerdir. Yarının dünyası bugünkü dünyadan farklı olacak. *Romanya'daki Tatarlar bu köklü değişikliklerle baş etmeye hazır mıdır?* Dünyanın genel gelişimine uyumlu bir ritmi de korumak hayati önem taşımaktadır. *Romanya'daki Tatarlar bu ritmi yakalayabilecekler mi?*

Ülkemizin AB'ye entegrasyonu ile birlikte, herkesin devamlı uyum sağlamasını gerektiren yaşam ve faaliyet koşulları oluşmaya başladığını herkes görmektedir. *Romanya'daki Tatarlar ülkenin yeni uluslararası statüsünden daha çok faydalanmak için ne yapmalıdırlar?*

Globalleşmenin ana sonuçlarından biri, siyasi ve milli sınırların silinme ihtimalidir. Söylendiği gibi, Avrupa federasyona doğru ilerliyor. Şimdiki ulusal devletler muhtemelen büyük Avrupa devletinin unsurları olacaklardır. Şimdiki milletlerin geleceği ne olacak? Etnik azınlıkların kaderi ne olacak?

Yönettikleri milletleri ve toplumları şeref ve sorumluluk duygusu ile düşünen yöneticiler bu soruları her gün kendi kendilerine sorarlar. Milli kimliklerin kaybolma ihtimalinden endişe duyanlar arasında ben de yer alıyorum. Yüzyıllardır ulusal devlet kalkanından yoksun olan ve bütün dünyaya dağılmış olan Tatarlar, globalleşmenin olumsuz etkilerine en hassas milletler arasındadır. AB'ye entegrasyonun bazı olumsuz etkilerini de hissetmeye başlayan Romanya'daki Tatar toplumunun durumu daha da ciddidir. Ve şu soruyu da sormak istiyorum: *Romanya'daki Tatarların şimdiki liderleri bu hayati sorunları düşünüyorlar mı, acaba?* Korkarım, düşünmüyorlar! Ancak, farkında olsalar da, olmasalar da, Romanya'daki Tatar toplumunun şimdiki yöneticileri bu toplumun geleceğinden sorumlular. Romanya'daki Tatarları dünyada meydana gelen değişikliklere hazırlayabilecek, kayıpların faydalardan büyük olmamasını sağlayacak tedbirlerin geçikmeksizin alınması şarttır.

Yanlış anlaşılmasını istemem! Bundan dolayı açık söylüyorum: bence de, küreselleşme bütün insanlık alemine gelişme getirecek nitelikte objektif tarihi süreçtir ve ülkemizin NATO ve AB'ye dahil olması iki tarihi başarıdır. Bu iki şans kaybedilseydi, Romanya ve onu oluşturan herşey ile birlikte (Tatar toplumu da dahil) dünyanın ve tarihin kenarına doğru ittirilecekti. Amma, bu iki

sürecin, özellikle ulusal kimliklerin boyutları konusunda olumsuz yan etkilerinin de olduğu gerçektir.

Büyük İngiliz tarihçisi Arnold J. Toynbee (1889–1975) milletlerin, daha doğrusu liderlerinin, geleceğe hazırlıklı olmak gibi çok önemli bir vazifeleri olduğunu yazmıştır. Bu meyanda, A.Toynbee milletleri üç kategoriye ayırmıştır: 1 – kalkınma stratejileri olan ve onları hayata geçirenler; 2 – stratejileri olan ancak uygulamayanlar; 3 – stratejileri olmayanlar. İlk kategoride bulunanlar yapacaklarını biliyorlar ve dolayısıyla çıkarlarını korur ve geliştirir; ikinci kategoridekiler sorun yaşarlar; düşünmeyen ve kalkınma stratejileri olmayanlar ise yok olmaya mahkumdurlar. Dobruca Tatarlarının, daha doğrusu şimdiki yönetimlerinin, son kategoride yer aldıklarından endişeliyim.

Tarihin tecrübesi A.Toynbee'nin bu tezini teyid etmektedir. Batı milletleri tarihi değişikliklere zamanında ayak uydurmayı bildikleri için geliştiler, Doğudakiler ise, çaba sarfetmedikleri veya hassas dönemlerde zorunlu olan değişiklikleri yapmadıkları için geride kaldılar. Tarihin akışını anlamadıkları için ve dünyanın genel gelişimine ayak uydurmadıkları için, zaman içerisinde birçok millet ve etnik toplum yok olmuştur. 1500 yılı civarında dünyada 14.500'den fazla millet ve etnik toplum var iken, günümüzde sayıları yarısından azdır (yaklaşık 7000); en büyük kayıplar Asya (% 33) ve Afrika (% 30)'da kaydedilmiştir. Eğilim halen büyük ve oldukça hızlı düşüş yönündedir. Tarihi gelişmeleri anlayarak, kimlik değerlerini korumak için bilinçli seferber olmak her millete veya topluma bağlıdır.

Genel anlamda, Tatarlar için ve özellikle Romanya'daki Tatarlar için durum daha zordur, çünkü tarihi ve milli koordinatları henüz belirlenmiş değildir. Görüşüme göre, Tatarların ve öncelikle Kırım asıllı olanların, herşeyden önce gerçek, başkalarının sahte girdilerinden ve kendi abartılarından arındırılmış milli tarihlerini bilmelerine ihtiyaçları var. Diğer birçok milletin ulusal devletlerini kurma ve güçlendirme döneminde tarihlerini güzelleştirdikleri gibi, Tatarların da bu işi yapmak için vakitleri kalmamıştır.

Tatarlar, özellikle Kırım'dakiler – yani Kırım kökenleri dolayısıyla Romanya'dakiler dahil – sadece devletlerini değil (1783 yılında Rusya tarafından ilhak edilen), önce Çarlık sonra da Sovyet makamlarınca metodik şekilde kovuldukları anavatanlarını da kaybettiler. Yüz yıldan az bir süre içerisinde (1783–1878), yaklaşık 1.800.000 Tatar Kırım'daki evlerini ve topraklarını terketmek zorunda kalarak, Osmanlı İmparatorluğu'nun sınırları içerisine sığınmışlardır, Dobruca dahil olmak üzere. Çarlık ve Sovyet Rus iktidarı, Tatarların sadece anavatanlarına değil, tarihlerine de, kültürlerine de, hatta yerleşim yerleri ve yemek isimlerine kadar medeniyetlerini de müsadere etmişlerdir; Tatar anıtları, özellikle mezarlık ve ibadet yerleri, tarihi evrak ve elyazmalar, Tatar mitolojisi de dahil olmak üzere, 200 yıldan uzun bir zaman boyunca sistematik olarak yok edilmiştir (bakınız, daha yeni: [Williams: 2015. P.19–116]).

SSCB'nin 1991 yılında yıkılmasından sonra, Kırım Tatarları yine adletsiz ve gönül bozucu bir olgu ile karşı karşıya kaldılar ve kalmaya devam ediyorlar. Kendi bağımsız ulusal devletlerini kurmayı başaran Orta Asya'daki Tatarların kuzenleri: Kazaklar, Kırgızlar, Türkmenler ve özellikle Özbekler, Kırım Tatarların siyasi zaaflarından yararlanarak, bunları tarihi miraslarından mahrum kılmak istiyorlar. Altın Orda (daha doğrusu *Altın Devlet /Aurea Curia*), 1242–1502 döneminde Avrasya'da varlığını sürdüren büyük bir Tatar devletidir; sadece gelişen bir ekonomiye ve muazzam bir siyasi-askeri güce değil, aynı zamanda imparatorluk ilhamlı parlak bir şehir kültürüne de sahib olduğu ancak günümüzde keşfedilmeye başlayan bir dev devlettir Altın Orda. Bu devlet Tatarlar tarafından kurulmuş ve yönetilmiştir. Altın Orda'nın engin sınırları içinde ve etnik yığılmasında Tatar dili (Kıpçak) gerçek bir evrensel dil (*lingua franca*) olmuştur. Günümüzde bile Tatarlar, eski Altın Orda'nın kalıntıları üzerinde oluşan bütün Türkî millet ve toplumların konuştuğu tüm dil ve lehçeleri anlayabilmektedirler. Altın Orda'nın 1502 yılında tarihe karışmasından sonra, Kırım Tatar Hanlığı onun tek ve hakiki varisi olmuştur. Buna rağmen, Tatarların yukarıda zikredilen akrabaları sadece Altın Orda'nın (aslında, Altın Orda bugün Özbekistan'ın ulusal kahramanı olan Timur Lenk tarafından yıkılmıştır) tarihine değil, yüzyıllarda oluşan parlak kültürüne de el koymuşlardır. Tatarlar tarafından ve eski Tatar dilinde yaratılmış olan eserler Özbek, Türkmen, Kazak ve Kırgız ulusal mirasına dahil edilmiştir ve edilmektedir (bakınız: [Favereau, Raymond: 2014]).

Bütün bunlar yetmiyormuş gibi, Rus orduları Kırım ve oradaki Tatarların üzerine yeniden saldırdılar. Çar Vladimir Putin'in, St. Petersburg ve Kremlin'deki seleflerinin başaramadıklarını, yani Kırım'daki Tatarların tarihi-kültürel etnik bir halk olarak ve hatta fiziki olarak ta yok edilmelerini bitirmeyi planladığından korkuyorum. Rusya bütün Karadeniz havzası ve öncelikle Boğazlar üzerindeki hakimiyetini geliştirme amacındaki eski emperyalist planından vazgeçmemiştir. Kırım Türkiye'ye karşı saldırmak için en önemli bir taarruz üssüdür ve bu nedenle, oradaki Tatarlar Rusya'nın bu istilâ projelerinin gerçekleştirilmesi için tehlike yaratabilecek bir unsur gibi görülmüştür ve görülmektedir. Ancak, Çarlardan ve Stalin'den farklı olarak, V. Putin'in Tatarları Kırım'dan yok etmek için hain bir plan uygulamaktadır. Tatarları anavatanlarından birer birer veya küçük gruplar halinde uzaklaştırmayı düşünüyor Kremlin. Bu kapsamda, Rus hükümeti, eskiden bilinen korku ve bölücü yöntemini kullanıyor ve aynı zamanda Kırım dışında, Rusya'nın geniş bölgelerinde cezbedici vaatler de yaymaktadır. Demokrat, liberal ve güçlü Batı'nın yardımını ümit eden Kırım Tatarları, giderek daha acı olan hayal kırıklıkları yaşıyorlar.

Bu jeopolitik koşullar Romanya'daki Tatarların durumlarını da ağırlaştırıyor. Bunların milli kimlikleri üzerinde büyük bir soru işareti peyda olmuş-

tur. Bu soru işareti Romen makamlarından değil, Kırım sorununu ve özellikle oradaki Tatarların kaderini kararlaştıran uluslararası çerçeveden kaynaklanmaktadır. Romanya'daki Tatarların, 1989 devriminden sonra, hiçbir zaman yararlanmadıkları hak ve özgürlüklere sahip olduklarını belirtmek isterim. Romanya'nın mevcut yasaları, Tatarlar dahil olmak üzere, bütün etnik azınlıkların hiçbir kısıtlama olmadan milli kimliklerini tanıtmaya çok açıktır. Dahası, bu kapsamda Romen Devleti, koruması altında bulunan her etnik azınlığa önemli maddi sübvansiyonlar vermektedir. Yani, buradaki Tatarlar ve bugünkü yöneticileri, toplumun kurtuluş veya yok olma yolunu seçmesinde kendileri sorumludurlar. Ben defalarca, özellikle 2007 yılından itibaren, yazılı ve sözlü olarak bu büyük tehlikeye dikkat çektim. Maalesef, Romanya'daki Tatarların şimdiki yöneticileri bu ciddi soruna yabancı gibi davranıyorlar. Sanırım ki, durumu anlamıyorlar ve ne yapmaları gerektiğini bilmiyorlar (bilmek istemiyorlar!) ve, dolayısıyla, görmezlikten geliyorlar!

Büyük tehlike, yani Tatar dilinin kaybolması, 1960 yıllarından ve özellikle 1970 yıllarından itibaren, şehirlerdeki ve köylerdeki yarı-kapalı toplumsal hayattan vazgeçilmeye başlandığından beri ortaya çıkmıştır. O yıllarda kurulan Tatar ailelerinden giderek daha çoğu, Tatar mahalleleri dışında bulunan apartman dairelerine taşınmayı tercih ettiler. O yıllarda ve daha sonra da doğan Tatar çocukların çoğu, birçok diğer çocuk gibi, ev anahtarını boyunlarına takıp (yani, öz başına) büyüdüler, sadece Romen okullarına gittiler (1958 yılında Tatarca ve Türkçe eğitim veren bütün okullar kapatılmıştı), aynı zamanda Romence basın, televizyon ve radyonun saldırısına maruz kaldılar. Dolayısıyla, o yıllardan itibaren genç Tatar ailelerinde giderek daha çok Romence konuşuldu ve bu olay günümüzde genelleşmiştir (bakınız: [Marcu: 1965; 1967]).

1990 yılından sonra, Dobruca'daki Tatar ağzının Kırım'daki Tatar dilbilimcilerin yardımıyla yeniden canlandırma teşebbüsleri de olmuştur. Ancak, bazı yerel kibirler (dilci hesabedilen birisi, saçma bir inat ile, Dobruca'daki Tatar ağzının ayrı bir alfabesi olmasını savunmuştur) bu projenin somut hale gelmesini engellemiştir. Tatar dilini öğrenmek için kurulan birkaç sınıf ve gönüllü gruplar da sorunu çözmemiştir. Somut olarak, günümüzde, genç (40–45 yaşın altında) Tatar ailelerinin neredeyse hepsinde sadece Romence konuşuluyor. Dahası, bu velilerin çoğu çocuklarını (program dışında verilen) Tatarca derslerine göndermek istemiyorlar, İngilizce, Almanca veya Fransızca'yı tercih ediyorlar. Bu velilerden şikayetçi olmaya hakkımız pek yoktur, çünkü Romanya Müslüman Tatar Türkleri Demokrat Birliği'nin (RMTTDB) toplantılarında bile Romence konuşulmaktadır. Özellikle 2012 yılında, bu teşkilatın başkanlık koltuğuna «Partidul Romania Mare (Büyük Romanya Partisi)» partisinin önde gelen üyelerinden ve aynı partiden seçilmiş eski milletvekili

olan birinin oturmasından sonra bu toplantılarda yalnız ve yalnız Romence konuşulmaktadır¹.

Artık çok ciddi sonuçlar doğurmadan bir an evvel, Romanya Tatarların ihmal edilemeyen sorulara derhal cevap bulmaları gerekiyor: *Ben kimim? Biz kimiz? Kim bizim gibidir? Kaybolmadan veya izole olmadan hangi yolu seçelim?*

Şimdilik, acil olduğunu düşündüğüm sadece son soruya kısaca cevap vermek istiyorum. Benim görüşüme göre, Dobruca Tatarları üç seçenekle karşı karşıyadır:

- 1-Romenleşmek;
- 2-Türkleşmek;
- 3-Batılılaşmak.

1. Romenleşme olayının, Müslüman inançları nedeniyle Tatarların arasında yaygınlaşma ihtimali çok düşüktür. Bir Tatarın dinini değiştirmeden Romenleşmesinin mümkün olmadığını düşünüyorum. Karma evliliklerin çoğalmasına rağmen, hıristiyan dinine geçme olayları Romanya'daki Tatarlar arasında yok denilecek kadar azdır. Ancak bu karma ailelerin çocuklarının bir kısmının zaman içerisinde hıristiyan ve Romen olma ihtimali büyüktür.

2. Türkleşmenin de çok büyük şansı yok, çünkü Romanya'daki Tatarlar Türk ortamında yaşamıyorlar. Türkler ve Tatarlar arasında eski ve güçlü bir bağ var. Zaten 1990 yılına kadar, Romenler vatandaşları olan Tatarları Türk olarak biliyorlardı. Resmi olarak, Türkiye Romanya'daki Türkler ve Tatarlar arasında hiçbir ayırım yapmıyor. Birçok Tatar anne ve baba çocuklarını Tatarca derslerinden çok Türkçe derslerine göndermeyi tercih ediyorlar. Uzun yıllardır beş

1 RMTTDB'in şimdiki başkanı Gelil Eserghep (2014 yılında, kesin karar ile mahkum olmuştur) politikacı olarak, aşırı Romen milliyetçiliği yayan România Mare (Büyük Romanya) Partisi (PRM) bünyesinde yetişmiştir. Bu parti, Rusya'daki Vladimir Jirinovski'nin partisiyle aynendir. Zaten, aralarında işbirliği anlaşması da vardır. 2010'dan sonra, G. Eserghep Romen partilerinde siyasi geleceği olmadığını anlayınca, birdenbire Tatar olduğunu hatırlamıştır. PRM'nin kurucusu ve başkanı Corneliu Vadim Tudor (2015'te ölümüne kadar) G. Eserghep'in üstadı olmuştur. Bunun siyasi düşüncesini ve yönetim yöntemlerini tatbik ederek, G. Eserghep RMTTDB'de diktatörlük rejimi kurmuştur. Korkutma, şantaj ve rüşvet yoluyla, G. Eserghep yakın adamlarını Tatar teşkilatının bütün yönetim yapısına yerleştirmiştir. Anladığım kadarıyla, bu G. Eserghep'in Tatar tarihi ve kültürü ile hiç bir alakası yoktur. Bu ve yanındakiler buradaki Tatar toplumun kaderiyle de ilgilenmiyorlar. Dahası, şahsen korkarım ki, G. Eserghep ve ortakları, kasıtlı veya değil, Romanya'daki Tatar toplumunun yok olma seyrini hızlandırmaktadırlar. Son yıllar zarfında, bu liderlerin iradesiyle, Dobruca Tatar toplumunun Türkiye ve oradaki Tatarlar ile, eskiden süregelen sıkı bağlantıları bozulmaya yüz tutmuştur. Aynı zamanda, G. Eserghep ve yanındakiler Romen Devletinden aldıkları paraları kültür etkinlikleri yerine, taraftar kazanmak için rüşvet gibi kullanmaktadırlar (sık sık yurtiçi ve yurtdışı geziler, yüzlerce ve hatta binlerce insana restoranlarda sofralar düzenlemek). Böylece, Dobruca Tatarların milli onur ve şuru göz öünde zedelenmektedir

milyondan fazla Tatarın yaşadığı Türkiye’de bile, bunların Türkleşme süreci henüz tamamlanmış değildir. Türkiye Tatarların çoğu Tatarca konuşmuyor, ancak Tatar menşelerini unutmadılar ve gururla bundan söz ediyorlar, Türk devletinde yüksek makamlarda bulunanlar (bakan, general, büyükelçi, vs.) veya tanınmış bilim ve kültür adamları, meşhur sanatçı veya sporcu, büyük işadamı olanlar da dahil. Ancak Romanya’daki Tatarların bir kısmının, özellikle kendilerini Türk beyan edenlerin Türkleşmesi mümkündür; ancak bu Tatarların ailelerinde sadece Türkçe konuşmaları şart olmak üzere. Fakat, çok az Tatar ailesinde Türkçe konuşuluyor. Zaten, Türk ailelerinde de yalnız Romence konuşuluyor.

3. Bence, Batılılaşma Tatarlar için, sadece Dobruca’dakiler değil, dünyadaki bütün Tatarlar için tek geçerli opsiyondur. Yahudilerin Batıya entegrasyon modeli sanırım Tatarlar için de çok uygundur. Zaten, önce Kazan’daki Tatarlar, XVIII–XIX yüzyıllarda, sonra da Kırım’daki Tatarlar, XIX yüzyılın sonunda, dinin, eğitimin, maneviyatın Batı modeline göre değiştirilmesi projeleri hazırladılar. Tatarlar, Lutheran modeline göre reform tasarlamış, ulusal İslam’ı uygulamak isteyen ilk ve bildiğim kadarıyla, tek millet olmuşlardır. O dönemde, Kazan’da önemli sayıda Alman Protestan toplumu vardı; bu Almanlar o zamanlarda ve daha sonra da Tatar aydın elitini etkilediğini düşünüyorum. Kazan’da, Kuran Tatarca’ya çevrilmiş, dua-vaaz Tatarca yapılmış, kadın-erkek eşitliği ilan edilmiş vs. Ancak Tatar reformu Çarlık makamları tarafınca bloke edilmiştir. Aynı Rus iktidarının Kırım Tatarları tarafından başlatılan reformu da engellemesine rağmen, büyük Kırım Tatar ıslahatçısı İsmail Gasprinski (1851–1914) tarafından eğitim sisteminde Batı modeline (Komensky, Pestalozzi) göre başlatılan yenilik (cedidcilik), Rus İmparatorluğu’ndaki Türk-Müslüman aleminde uzun süreli olumlu etkiler yaratmıştır. 1991 yılından sonra bu eski reformcu fikirler Kazan’daki yeni Tatar aydın elitlerce «Euroislam» konsepti şeklinde güncelleştirilmiştir (bakınız: [Gemil: 2010; 2015]).

Tatarların asimilasyona çok dayanıklı ve aynı zamanda ilerici fikirlere, öncelikle Batı kökenli olanlara en açık oldukları Türk dünyasında bilinen bir gerçektir¹. Aslında, uzun zamandır kendilerine ait bir devletin korunmasından mahrum olan Tatarlar hayatta kalma becerileri geliştirmek zorunda kaldılar ve bu husus onları Yahudilere ve Filistinlilere yaklaştırır. Dobruca Tatarlarının birkaç onyıl içerisinde anadillerini kaybetme ihtimali gerçek bir tehlikedir. Zorunlu olan kurtarma tedbirlerinin zamanında alınması şartıyla, Tatar olarak yok olmalarını ümit ediyorum. Belki de durumları Litvanya, Polonya,

1 Yaklaşık bir milyon Tatarın yaşadığı Orta Asya’daki eski Sovyet cumhuriyetlerde: «Bir erkek kariyer sahibi olmayı ve çocukların da hayatta başarılı olmalarını isterse, bir Tatar hanımla evlenmelidir» deyiimi çok yaygındır. Tatar hanımlar bölgede ve çevrede en özgür müslüman kadınlar olarak biliniyorlar. Bu meyanda bir çok misal verilebilir; bunların arasında meşhur Kırgız yazarı Cengiz Aytmatov’un annesi de Tatar olduğu gibi.

Estonya, Letonya, Beyaz Rusya’da 600 yıldan uzun zamandır yaşayan Lipka Tatarların durumuna benzeyecektir. Onlar uzun zamandır dillerini kaybettiler, ancak Tatar adlarını, tarihi-kültürel geleneklerini ve İslam dinlerini (modernleştirilmiş) kaybetmediler, demek ki milli kimliklerini kaybetmediler.

* * *

Tatarların Batılılaşmaları, daha doğrusu Tatarların Batı değerlerine entegre olmaları, onların millet olarak ve tarihi-kültürel varlık olarak kurtulmaları için tek çare gibi görüyorum. Dobruca Tatarları için bu hedefe ulaşmak Romanya’nın NATO ve AB gibi büyük Batı yapılarına dahil olmasıyla daha kolaylaşmıştır. Dobruca Tatarları, en azından resmi olarak, şimdiden «Avrupalı toplum» olmuşlardır. Ancak gerçekten Avrupalı toplum olmaları için kültürel (milli ve dini dahil) kimliklerini kaybetmeden, AB’nin gerçeklerine bağlı olmalıdırlar. Bu çerçevede ilk şart, öncelikle gençlerin, Batılıların «long life learning» (devamlı eğitim) olarak adlandırdıkları etkin çalışma modelini kararlı bir şekilde benimsemeleridir. Aynı zamanda, geleneksel Tatar düşünme şeklinin acilen değişmesi, şimdiki koşullara uyması gereklidir. Bu husus ulusal kimliğin kaybolması anlamına gelmez. Aksine, geleneksel kültürün değerli ve önemli unsurlarını muhafaza ederek, zamanı geçmiş, hatta toplumun gelişmesini engelleyen veya yanlış yöne götüren uygulama ve adetlerden vazgeçilmelidir. Toplumiçi ve dışarıdaki davranışın da gözden geçirilmesi de yine çok önemlidir. Batı, doğru ve sorumlu davranışa, anlayış ve hoşgörüye, karşılıklı saygıya ve düşünce özgürlüğüne büyük önem verir.

Anadil ve dini inançın yanısıra, kendi tarih ve kültürün tanınması, etnik kimliği destekleyen sütunlardır. Daha önce de ifade ettiğim gibi, Tatar dilinin, en azından Dobruca ağzının birkaç on yıl içerisinde kaybolmasından korkuyorum. Dobruca Tatarlarının ulusal kimliklerinin geriye kalan diğer üç sütuna dayanması kalıyor: Müslüman dini, Tatar tarihi ve kültürü. Dobruca Tatarları İslam dinine çok bağlıdır, ancak yobaz değiller, aşırı İslamcı hiç değiller. Ancak, maa-lesef, onlar milli tarih ve kültürlerini tanımıyorlar. Kısa bir süre öncesine kadar, Tatarların tarihi özellikle Tatar olmayan tarihçiler tarafından yazıldı; Tatarların geçmişi çeşitli ülkelerdeki tarihbilimcilerin açısından ele alındı. Özellikle Kato-lik kilise ve sonra da Rus tarihbilimi tarafından desteklenen yoğun Tatar karşıtı propagandası Tatarların tarihini kasıtlı şekilde çarpıttı ve Tatarlar birçok milletin tarihi gelişmelerindeki başarısızlıklardan sorumlu tutuldu. Devlet yapıları olmadı-ğı için, Tatarlar bu sistematik ve yüzyıllar boyunca ısrarlı şekilde tekrarlanan saldırılara karşı kendilerini koruyamadılar, kendi tarihlerini de tanıtamadılar. Ancak son on yıllarda Tatar tarihçiler, özellikle (Rusya Federasyonu bünyesindeki) Tataristan Cumhuriyeti'ndekiler Tatar tarihini ayrıntılı şekilde incelemeye ve önemli çalışmalar yayınlamaya başladılar. Sözkonusu çalışmalar arasında yedi kalın cilt ve toplam 6.860 sayfadan oluşan Tatar tarih araştırması yer almaktadır [Istorija: 2002–2014]. İlk defadır Tatarların geçmişi konusunda bu kadar kapsamlı bir bilimsel çalışma çıkarılıyor. Hiç olmazsa, bundan sonra, Tatarların tarih ve kültürünün şimdiye kadar birçok ülkede yapıldığı gibi, bariz şekilde sahteliğe uğramayacaklarını ümit ediyorum.

Eski Tatar kültürü Çarlık ve Sovyet iktidarı tarafından sistematik olarak darbe görmüş, ihmal edilmiş, ancak şimdi – yukarıda belirttiğim gibi – haris akrabalar tarafından da müsadere edilmektedir. Batı ve Doğu'daki ülkelerde son yıllarda çıkan çalışmalar Tatarların bugüne kadar bilinin tarihinden farklı bir tarih, zamanın büyük kültür merkezleriyle bağlantılı olarak devamlı gelişen Ortaçağ Tatar kültürü göstermektedir. Bütün bu gerçekler Dobrucalı Tatarlara da, özellikle gençlere bildirilmelidir. Ancak kültür sadece folklordan ibaret değildir. Halk geleneklerini yaşatmak önemli, ancak hiçbir şekilde folklor ulusal kültürün ve onu tanınmasının yerine geçmemelidir.

2012 yılından itibaren, Bükreş'te yaşayan bir grup genç Tatara ve ayrıca Cluj-Napoca şehrinde bulunan «Babeş-Bolyai» Üniversitesi bünyesindeki Türkoloji Enstitüsü'nde «Tatar tarih ve kültürü» konusunda dersler vermeye başladım. 2014 yılında Köstence şehrindeki «Ovidius» Üniversitesi'nde de aynı konuda dersler başladı. Bu tür faaliyetleri, köylerde yaşayanlar dahil, bütün Tatar çocuk ve gençleri kapsayacak şekilde genişleterek, onları Tatar tarih ve kültür derslerine çekmek, Romanya'daki Tatarların şimdiki liderlerinin öncelikli görevi olması gerektiğini düşünüyorum. Romen yasaları bu konuda da hoşgörülüdür. Ancak bu konu, sözkonusu konferans veya dersleri

verecek olanların hazırlanması açısından da ele alınmalıdır. Tatarların gerçek tarihi ile ilgili, Romence ve oldukça erişilebilir düzeyde yayınlanmış olan malzemeler eksik değildir (bakınız: [Gemil: 1997 (ed.); 2003; Gemil, Pienaru: 2010–2012 (ed.); Gemil: 2014, no. 6–7; Bistreanu: 2014, no. 8–9]). Tatar kültürü ile ilgili çalışmaların yurtdışında ve tabii ki yabancı dillerde, özellikle Rusça, olmaları nedeniyle bu konuda dokümantasyon yapmak daha zordur. Tatar tarihi ve kültürü ile ilgili temel çalışmaların acilen Romence'ye tercüme edilerek yayınlanması çok faydalı olacağı kanaatindeyim. Aynı zamanda, yurtdışından uzman dahi getirilerek, bu öğretmenlerin hazırlanma kurslarına katılmaları şarttır. Derslerin düzenlenmesi ve yapılmasına yönelik en cazip yöntemlerin (power-point, belgesel filmler, geziler, kamplar, tarih konulu toplantılar, vs.) de bulunması gereklidir. Tatar kimliğinin korunması ve tanıtılması için şart olan *Tatar Tarih ve Medeniyet Müzesi*'nin kurulması çok gecikti. Böyle bir amaç, 24 Mart 1990 tarihli Konferans'ta onaylanmış olan RMTDB Programında yer almıştır. Bu meyanda, Tarih ve medeniyet «Tatar Ulusal Müzesi»nin 21 Ekim/3 Kasım 1917 tarihinde, Bağçesaray'da kurulduğunu hatırlatmak yararlıdır. Bu Müze, ilk Tatar Parlamentosu (Kurultay) (26 Kasım /9 Aralık 1917)'nin açılmasından bir aydan daha çok bir süre önce ve bütün İslam dünyasındaki ilk cumhuriyet olan Kırım Tatar Halk Cumhuriyeti'nin ilan edilmesinden (13/26 Aralık 1917) önce de gerçekleşmiştir. Kırım'daki Tatar demokrat Hükümetin Başkanı olan ve Tatar milli kahramanı Numan Çelebi Cihan (23 Şubat 1918 tarihinde, bolşevikler tarafından öldürülmüştür) müzeye verilen önceliği «*dirileri yaşatan ölülerdir*» sözleriyle açıklamıştır, yani hayatta olanlar tarihi mirasın devam etmesini sağlayacak ve ataların bıraktığı görevi yerine getirmelidirler (bakınız: [Seydahmet Kırimer: 1993. S. 226–229]).

Bence, Romanya'daki Tatar teşkilatın (RMTTDB) yöneticileri, öncelikli ve çok acil olan bütün bu faaliyetleri başlatmak, koordine etmek ve (özellikle maddi açıdan) desteklemek mecburiyetindedirler. Bu liderlerin esas görevlerinin Dobruca Tatarlarının varolmalarını ve kalkınmalarını sağlamak olduğunu – hiç olmazsa, bu son anda – anlayacaklarını ümit ediyorum!

Литература

1. Kemal H. Karpat, «Urbanismul otoman: emigrația din Crimeea spre Dobrogea și întemeierea orașului Medgidia (1856-1878)» (Osmanlı şehirciliği: Kırım'dan Dobruca'ya doğru göçler ve Mecidiye şehrinin kurulması), *Tătarii în istorie și în lume* (Tarihte ve Dünyada Tatarlar), ed. Tahsin Gemil, Editura Kriterion, Bükreş, 2003. S. 228).
2. Stoica Lascu, «Aspects of Spiritual Life of the Turkish-Tatar Community in Dobrudja (1913–5) (With Two Appendices: The Turks and Tatars in Romania According to Censuses from 1899 to 2011)», *Contemporary*

- Research in Turkology and Eurasian Studies. A Festschrift in Honor of Professor Tasin Gemil on the Occasion of His 70th Birthday, eds. Stoica Lascu, Melek Fetisleam, Presa Universitară Clujeană, 2013. S. 809.
3. Brian Glyn Williams, *The Crimean Tatars. From Soviet Genocide to Putin's Conquest*, Hurst & Company, London, 2015.
 4. Marie Favereau, Jacques Raymond, *La Horde d'Or. Les Héritiers de Gengiz Khan*, Editions de La Flandronniere, Lascalles, 2014.
 5. L.P. Marcu. «Some Aspects of Laicization of Moslem Family in Dobrudja (End of the 19th Century – First Decades of the 20th Century)», *Revue des Etudes Sud-Est Eurpéennes – Bucarest*, T. III (1965), nr. 1–2. S. 198–228.
 6. L.P. Marcu. *The Tartar Patriarchal Community in the Dobrudja and Its Disintegration (First Half of 20th Century)*, *Revue des Etudes Sud-Est Eurpéennes – Bucarest*, Tome V (1967), nr. 3–4. S. 501–542.
 7. Tasin Gemil, «O nouă inițiativă tătărească de reformă – Euroislamul (Yeni bir Tatar reform girişimi – Euroislam)», *Moștenirea istorică a tătarilor (Tatarların Tarihi Mirası)*, vol. I, ed. T. Gemil ve N. Pienaru, Bükreş, 2010. S. 71–78.
 8. Tasin Gemil, «Euroislamul – Cum vor Tătarii să se integreze valorilor occidentale (Euroislam – Tatarlar Batı değerlerine nasıl entegre olmak istiyorlar)», *Sinteza*, nr. 16 / Mayıs, 2015, Cluj-Napoca. S. 141–147.
 9. *Istoriya Tatar s drevneișikh vremen v semi tomakh*, cilt I–VII, Institut Istории im. Ş. Mardzani, Akademija Nauk Respubliki Tatarstan, Kazan, 2002–2014.
 10. Tahsin Gemil, (ed.), *Originea Tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă (Tatarların kökeni. Romanya'daki ve Türk dünyasındaki yerleri)*, Ed. Kriterion, Bükreş, 1997.
 11. Tahsin Gemil, *Tătarii în istorie și în lume (Tarihte ve dünyada Tatarlar)*, Ed. Kriterion, Bükreş, 2003.
 12. Tasin Gemil ve Nagy Pienaru (ed.), *Moștenirea Istorică a Tătarilor (Tatarların Tarihi Mirası)*, cilt I–II, Ed. Academiei, 2010–2012.
 13. Tasin Gemil, «Hanatul Tătar din Crimeea (Kırım Tatar Hanlığı)», *Magazin Istoric*, no. 5 / Mayıs 2014, s. 10–14; no. 6 / Haziran 2014, s. 33–37; № 7 / Temmuz 2014. S. 66–70.
 14. Ion Bistreanu, «Crimeea, o perlă însângerată (Kırım, kanlı bir inci)», *Magazin Istoric*, no. 8 / Ağustos 2014, s. 37–40; no. 9 / Eylül 2014. S. 39–43.
 15. Cafer Seydahmet Kırimer, *Bazı Hatıralar*, Emel Türk Kültürünü Araştırma ve Tanıtma Vakfı, İstanbul, 1993. S. 226–229.

«ГЛАВНЕЙШИЙ НАРОД СИБИРИ»: СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ¹

«Я родом отсюда сибирский татарин...»

Булат Сулейманов

На территории Западной Сибири проживает свыше 200 тысяч сибирских татар. Это потомки тех, кто еще задолго до прихода Ермака, на крутых берегах Иртыша и Туры возводил города-столицы, кто дал имя Сибири. Не случайно Г.Ф. Миллер называл сибирских татар «главнейшим народом» этого огромного региона, ставшего с конца XVI российской территорией.

В этногенезе сибирских татар, начальный этап которого исследователи относят к I–III тыс. н. э., принимали участие угорские, самодийские, тюркские и, отчасти, монгольские этнические компоненты, вошедшие в той или иной пропорции в состав отдельных групп сибирско-татарской этнической общности. Переплетение различных культур в исторической судьбе сибирских татар отразилось в традиционном хозяйстве, верованиях, одежде и антропологическом облике народа. Как считает известный российский этнограф Н.А. Томилов, проникновение тюрок на территорию Западно-Сибирской равнины происходило двумя основными путями – с востока, из Минусинской котловины и с юга, из Средней Азии и Алтая. Первоначально территорию заселения сибирских татар занимали очевидно древние тюрки Тюркских каганатов. Автохтонными тюркскими племенами в составе сибирских татар считаются аялы, курдаки, туралы, тукузы, саргаты и др. На первом этапе этногенеза народа именно древнетюркские племена составили основной этнический компонент. Из среды кимаков позже вышли кыпчакские племена, появившиеся на территории Западной Сибири в XI–XII вв. В составе сибирских татар зафиксированы племена и роды хатанов, кара-кыпчаков, нугаев. Позднее в их состав вливались жёлтые уйгуры (сары уйгур), бухарцы, телеуты (в тарскую, барабинскую и томскую группы), поволжские татары, включая мишарей, башкиры и казахи. Особую роль на поздних этапах этногенеза сибирских татар сыграли среднеазиатские переселенцы – бухарцы, основную часть которых составляли узбеки и таджики, но встречались уйгуры, казахи, туркмены, каракалпаки, а также, конечно, волго-уральские татары.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (№ 18-013-00942) «Сибирские татары: комплексный анализ механизмов социальной и демографической адаптации в условиях трансформаций середины XX–начала XXI вв.»

Уже в XVIII в. историки Г. Миллер и И. Фишер по отношению к тюркоязычному населению Сибири применяли общее название «сибирские татары». Другой исследователь XVIII в. – И. Георги, обобщающего определения не давал и называл отдельные группы татар – тобольские, томские, чулымские и др.

Известные современные этнографы Ф.Т. Валиев и Д.М. Исаков считают, что сибирско-татарская этническая общность сложилась уже в средневековье – в период существования Сибирского ханства. Как определяет Ф.Т. Валиев, «именно в рамках Сибирского ханства возникли основные предпосылки для объединения тюркоязычного населения в единую народность». О феодальной народности периода Сибирского ханства говорит и Д.М. Исаков: «...единообразность этнонима, подчеркивание исповедания всеми сибирскими татарами ислама... свидетельствует о достаточной консолидированности сибирско-татарского этноса в XVI в.». Таким образом, определяющим этапом в формировании сибирско-татарского этноса данными исследователями называется период средневековья.

Возникновение первых государств у сибирских татар относится к XIV в. В это время на р. Ишим появляется так называемое «Ишимское ханство» с центром в Кызыл-туре, а в начале XV в. на р. Туре создается Тюменское ханство со столицей в Чимги-Туре (Тюмени). С 1428/29 по 1446 гг. Тура (Чимги-Тура) был столицей Шейбанидского (Узбекского) государства во главе с ханом Абулхайром. Тюменское ханство являлось одним из политических наследников Золотой Орды. Именно сюда после ряда военных поражений в конце XIV в. кажется бежал хан Тохтамыш. В XV в. за эти территории боролись представители местной знати – Тайбугиды и потомки Чингис-хана – Шейбаниды. Наконец, Шейбанид Ибак (Ибрагим), кочевавший по Ишиму, захватил Тюменское ханство, свергнув власть местной татарской знати. Ибак заметно расширил территорию ханства и династия Шейбанидов правила Тюменским ханством до конца XV в. Земли на севере, по соседству с Тюменью (Нижний Тобол и Средний Иртыш) оставались во власти Тайбугидов. В борьбе за укрепление и расширение Тюменского ханства Ибак и погиб. В 1495 г. власть захватил представитель местной знати Тайбугид Мамет бек, который объединил татарские улусы в государственное образование на Тоболе и Среднем Иртыше. Он перенес свою ставку на р. Иртыш в г. Сибирь (он же Искер или Кашлык). По названию столицы это политическое образование стали называть Сибирским государством. В его состав позднее, в 1510-е гг., вошло и Тюменское ханство. Сибирское ханство представляло феодальную полиэтничную конфедерацию, состоявшую из ряда татар-

ских улусов и угорских княжеств (Кодского, Пелымского). Его границы простирались на запад до Уральских гор, возможно, выходя и в Приуралье, на севере граничили с р. Тавдой, на юге – с Ишимскими степями, а на востоке доходили до Барабинской степи. Столицей государства был город Искер (Сибирь, Кашлык), обозначенный на средневековых западно-европейских картах XV–XVI вв. Во времена Сибирского ханства Искер представлял собой небольшую крепость с надежными защитными укреплениями. Для своего времени он был одним из самых хорошо укрепленных городов Сибири.

В настоящее время место расположения древнего Искерского городища в значительной мере утрачено вследствие обрушения почвы. Однако находки, собранные на Искере исследователями, дают достаточно полное представление о традиционной культуре татар периода Сибирского ханства. На городище археологами выявлен мощный двухметровый культурный слой. Обнаружено много земледельческих орудий: железных сошников, серпов, кос-горбуш и каменных ручных жерновов. О существовании развитого ремесла в Сибирском ханстве – гончарного, ювелирного производства, ткачества, производства железа – свидетельствуют многочисленные находки железных орудий (наконечников стрел и копий, топоров, игл, удила и пр.), литейных форм, тиглей, обломков керамической, медной и чугунной посуды, перстней, бус, блях, напярсел и пр. На Искере были найдены остатки импортных предметов (в том числе китайского фарфора, стеклянных сосудов) и серебряные монеты с арабскими надписями. Сибирское ханство вело активную торговлю с восточными странами и Русским государством, а через Искер проходил древний караванный путь. Вывозились из Сибири меха, кожа, рыба, мамонтовая кость, шерсть и др. Из Средней Азии в Сибирь ввозились хлеб, чай, бумага, сушеные фрукты, украшения, железные изделия, сундуки, посуда, зеркала и т. д.

Кроме столичных центров – Искера (Сибири), Чимги-Туры, выявлен и ряд городов, феодальных укрепленных городков, существовавших во времена Сибирского ханства. Все они упоминаются в Сибирских летописях. Это Сузгун-Тура, Бицик-Тура, Явлу-Тура, Кызыл-Тура, Кысым-Тура, Тунус, Чуваш, Карачин, Ташаткан, Абалак, «город Кучумова брата», Зубар-Тура, «город опасный» есаула Алышная, город мурзы Чангулы, Тархан-кала, Цытырлы, Ялым, Акцибар-кала, старинный город Чубар-Тура на р. Нице и др. Упоминаются в документах «городки» мурзы Аттика, Атый мурзы, «Княжев городок», «заставный город на холме Ятман», Махметкулов городок, Киныр-городок в верховьях р. Туры, Иленский, Чернойарский, Катаргулов, Малый город, «крепкий татарский городок» на р. Аримзянке, Обухов городок, Черный городок и др.

Завоевание в 1552 г. Казанского ханства и присоединение к Московскому государству башкирских земель вплоть до Урала, серьезно повлияло на политику правителей Сибирского ханства¹. Стремясь заручиться дружественными отношениями с Россией, правившие в Сибирском ханстве братья Едигер и Бекбулат, принадлежавшие к местной династии Тайбугидов, посылают в январе 1555 г. посольство в Москву к Ивану IV с предложением договора, условия которого ставили Сибирское ханство в вассальную зависимость от Москвы. Сибирские правители должны были поставлять в Москву дань, размер которой был определен 1000 соболей в год. Со стороны Сибирского ханства эти отношения стали в значительной степени вынужденными, так как в это время Сибирское ханство сильно страдало от постоянных набегов с юга со стороны ногайских, казахских и узбекских правителей. В 1563 г. на престол в Сибирском юрте сел Шейбанид хан Кучум. Период правления хана Кучума можно определить временем расцвета Сибирского ханства. Во второй половине XVI в. территория ханства простиралась от низовьев Оби до казахских степей. Государство состояло из улусов, населенных преимущественно «черными» улусными людьми, которыми правила татарская знать. Позднее московские власти воспользовались этой системой для сбора ясака, превратив татарские административные единицы в волости.

Этнополитическая общность государства состояла из двух этнословных страт – «татарской» феодальной верхушки и «черных» ясачных людей. По сообщению послов сибирского правителя Тайбугида Едигера, прибывших в 1555 г. в Москву, количество «черных людей» в ханстве составляло 30700 чел.. В грамоте Ивана Грозного об обложении их ясаком приводится цифра 40000 чел..

Сложившийся в Сибирском ханстве слой сибирско-татарской знати носил различные титулы: беев и беков, ясаулов, мурз и огланов. Основное ядро знати составляли родовые князьки небольших татарских племен. Сюда же входили тарханы и члены семьи самого хана. Видную группу сибирских феодалов составляла служилая знать, находившаяся на содержании самого хана. Из русских летописей известно о существовании при ханском дворе «думчего царева» – карачи. Упомянуты аталыки, сборщики податей – «даруги» и другие служилые люди среднего и нижнего звена. Все они и представляли собственно «татарский» слой сибирско-татарской этнополитической общности. Во главе Сибирского государства стоял хан. Система государственной организации, суще-

¹ Тут следует отметить, что Тайбугиды могли быть к этому времени, как это доказывает В.В. Трепавлов, вассалами Казанского ханства, что объясняет их политику после 1552 г. (Ред.).

ствовавшая в Сибирском юрте, в основных чертах была схожа с политическими структурами других постзолотоордынских государств – Казанского, Крымского ханств, Государства Шейбанидов, Ногайской Орды. Как в Тюменском ханстве, так и Сибирском власть принадлежала Чингисидам. В Сибирском ханстве существовала система карача-беков, которая была характерна для административно-политической структуры всех татарских ханств. В составе ведущих феодальных кланов Сибирского ханства выявлены Мангыты, Салджигуты, Джалаиры, Буркуты, не исключается также существование клана Аргын. Несмотря на определенные отличия в составе правящих кланов, правящая страта в Сибирском ханстве, как и в Крымском, Казанском, Касимовском ханствах, генетически восходила к военно-феодальному «татарскому» сословию периода Золотой Орды.

Последний правитель Сибирского ханства хан Кучум (1563–1601) был потомком Чингис-хана в тринадцатом колене. Большинство историков, рассматривая происхождение хана Кучума, опираются на родословную Абуль-Гази Бахадир хана, совпадающую с другими тюркскими и арабскими хрониками. По версии историка М. Сафаргалиева, родословная Кучума выглядит следующим образом: Кучум ← Муртаза ← Ибак ← Кутлубуда ← Махмудек ← Хаджи-Мухаммед ← Али-оглан ← Беккунде ← Менгу-Тимур ← Бадакул ← Джучи-Бука ← Бахадур ← Шайбан ← Джучи ← Чингис-хан. Сибирским престолом хан Кучум владел более 20 лет. При нем значительно расширилась территория государства, происходило укрепление власти в Сибирском юрте. Видный тюркский историк хивинский хан Абуль-Гази оценивает хана Кучума как выдающегося государственного деятеля своей эпохи.

Сибирскому хану платили ясак все «низовые» народы, включая кодских и обдорских князей. На севере были подчинены мелкие татарские улусы нижнего Иртыша, а также мансийские и хантыйские княжества в нижнем Прииртышье, частично – в Нижнем Приобье и лесном Зауралье. Все они были обложены ясаком.

Хану Кучуму принадлежит заслуга широкого распространения ислама среди сибирских народов. Хотя первые шаги в Западной Сибири исламская религия сделала задолго до Кучума (по одной из версий более 600 лет назад, по другой – около 900), но именно при хане Кучуме ислам становится государственной религией Сибирского ханства. При укреплении новой религии Кучум пользовался поддержкой бухарского хана Абдуллы. В 1567 г. из Бухары и Ургенча прибыла в Сибирь первая мусульманская миссия, за ней последовали вторая и третья. Планомерная политика Кучума определила окончательное закрепление позиций исла-

ма на новой территории. В настоящее время сибирские татары исповедуют ислам суннитского толка.

На территории обитания сибирских татар находятся многочисленные (около 80) некрополи мусульманских шейхов – астана, которые ими почитаются. Обряд поминовения мусульманских святых – қатым, астана аш обычно проводит *астана карауцы* (их называют *шықлар*).

Крутой поворот в истории Сибири происходит в конце XVI в. Он был связан с походом Ермака, который начался в сентябре 1581 г. (по другой версии – 1582 г.). После ряда сражений с воинами Кучума казачья дружина вышла к Иртышу. На правом берегу реки, у Чувацкого мыса, на территории современного Тобольска, 23 октября 1582 г. состоялась решающая битва, а 26 октября казаки заняли город Искер.

После завоевания Сибирского ханства Московским государством, что потребовало значительных усилий, в конце XVI в. значительная часть татарской феодальной знати, как и в других татарских ханствах, переходит на службу новому правительству в качестве служилого сословия. Основная часть населения, «черные люди», по-прежнему должны были платить ясақ, но теперь уже Московскому государству.

После потери государственной самостоятельности, феодальное сословие перестало быть объединяющей политической силой. Ясачное население стало подчиняться непосредственно Русскому государству. Структура сибирско-татарской этнической общности вместо вертикальной, основанной на этносословных стратах, стала горизонтальной, базирующейся на территориальных этнокультурных подразделениях. Разрушение вертикальной социальной структуры сибирско-татарского этноса положило начало процессу стирания граней между этими стратами. Постепенная утрата служилыми татарами привилегированного положения, которым они первоначально обладали, привела к тому, что реальные социальные различия между служилыми и ясачными татарами оказались несущественными. Данное обстоятельство способствовало дальнейшей внутриэтнической консолидации сибирско-татарской общности.

В целом схема развития сибирско-татарской этнической общности в общих чертах схожа с аналогичными процессами, происходившими в этнических общностях других постзолотоордынских тюркских государств. Причем не только в «ханский» период, но и в период российской колонизации. Московское государство явилось своеобразным катализатором этнических процессов. Как и в Поволжье, оно, в определенном смысле, стало для сибирско-татарской общности «формирующим» началом.

В течение XVIII–XIX вв. наблюдается довольно высокая степень взаимосвязанности различных групп сибирских татар друг с другом, когда

создавались условия для развития консолидации этих групп. Однако значительная территориальная разобщенность сибирских татар не дала возможности для завершения данного процесса. Осложнялась этническая консолидация и активной интеграцией в сибирско-татарскую общность на различных этапах значительного потока бухарского и поволжско-татарского компонентов.

Основную массу татарского населения Западной Сибири в течение XVII–XIX вв., вплоть до реформ М.М. Сперанского, составляли ясачные татары – рядовые общинники. В 1822 г. по «Уставу об инородцах» почти все сибирские татары и сибирские бухарцы были переведены в категорию «оседлых инородцев» и приравнены к русским крестьянам во всех правах и обязанностях, кроме рекрутской повинности.

Помимо ясачных среди сибирских татар сохранялись, как уже говорилось, группы татар служилых и захребетных (в первой половине XVIII в. переведенных в разряд ясачных), оброчных чувальщиков (плативших подать с чувала-печи – обычно это были пришлые татары из Поволжья), а также незначительные по численности категории дворян, купцов, мусульманских духовных лиц и др. Категория служилых татар сохранялась вплоть до третьей четверти XIX в. Представители этой группы в Тобольской губернии составляли особый Тобольский казачий полк, просуществовавший до 1868 г. После расформирования полка татары-казаки также перешли в разряд «оседлых инородцев».

В конце XVII в., по сведениям Н.А. Томилова, все тюркские группы, относившиеся к сибирским татарам, насчитывали около 16 тыс. чел.. В конце XVIII в. их уже было свыше 29 тыс., в конце XIX в. больше 47 тыс. чел.. Численность сибирских бухарцев составляла в начале XVII в. 1,2 тыс., в конце XIX в. – 11,5 тыс. чел.. По подсчетам Ф.Т. Валеева, в начале XIX в. (1816 г.) численность сибирских татар в четырех (Тобольском, Тарском, Тюменском, Ялуторовском) округах Тобольской губернии составляла 18369 чел.

По итогам Всеобщей переписи населения 1897 г. татар в Тобольской губернии насчитывалось 56,9 тыс. чел.. Но в общее число сибирских татар в 1897 г. были включены до 7,5 тыс. «пришлых» из разных районов страны татар, а также 11,3 тыс. бухарцев. Распределение татарского населения по округам Тобольской губернии по переписи 1897 г.: в Тобольском округе – 22,6 тыс. чел., в Тюменском – 12,3 тыс. чел., в Ялуторовском – 5,4 тыс. чел., в Ишимском – 1,6 тыс. чел.. В остальных округах губернии численность татар составила 800 чел.. По уточненным подсчетам С.К. Патканова, число тоболо-иртышских татар составляло 37,6 тыс. чел. Численность волго-уральских татар-переселенцев в Сибирь

вплоть до 1860-х гг. росла медленно. По данным Н.А. Томилова, в 1858 г. их на территории Западно-Сибирской равнины было всего 700 чел.. По переписи 1926 г. сибирских татар насчитывалось до 90 тыс., а всех татар, то есть включая волго-уральских – 118,3 тыс. чел.. Миграция за пределы Волго-Уральского региона активизировалась в пореформенный период, что было связано с узостью рынка рабочей силы в этом регионе. По данным Н.А. Томилова, доля пришлых татар в конце XIX в. в Сибири составляла уже около 17% от общей численности татар региона. В результате столыпинских реформ число татар, переселившихся в Сибирь, значительно увеличилось. По данным С.К. Патканова, их численность к 1912 г. составляла около 13,6 тыс. чел. Особую роль волго-уральские татары сыграли в формировании городской прослойки татар Западной Сибири. К концу XIX в. численность татар-горожан в городах Западной Сибири заметно возросла. Наиболее крупные группы татар к этому времени жили в Томске (1,6 тыс. чел.), Таре (0,6 тыс. чел.), Тюмени (0,4 тыс. чел.), Тобольске (0,4 тыс. чел.). В этих городах на протяжении нескольких столетий татары жили в особых татарских слободах. Здесь же оседали и многие волго-уральские татары. Процесс переселения волго-уральских татар в Сибирь продолжался в течение всего XX в. Следующий этап миграции волго-уральских татар относится к началу 1920-х гг., когда тысячи семей переселялись в Сибирь спасаясь от голода. Под влиянием поволжских татар в традиционной культуре местного татарского населения в этот период произошли определенные изменения.

В первой четверти XX столетия более четверти тюркского населения Западной Сибири составили бухарцы – переселенцы из Средней Азии, в состав которых входили представители различных национальностей (узбеки, каракалпаки, уйгуры, таджики и др.). В указанный период они определяли себя как бухарцы, но постепенно ассимилируясь с местным населением, в течение столетия стали осознавать себя сибирскими татарами.

До середины XX в. основное татарское население региона проживало в сельских населенных пунктах. Селения сибирских татар разбросаны среди русских деревень. Это обусловлено, по мнению Н.А. Балюк и Н.А. Томилова, тем, что русские переселенцы старались селиться на уже обжитых местах, по соседству с татарскими селениями. Татарские селения назывались аулами или юртами. Для них характерны приречные и приозёрные типы поселений. С сооружением дорог появились и притрактные селения. В конце XIX – начале XX вв. для большинства поселений характерной являлась правильная прямолинейная планировка улиц. Старинные селения татар отличают такие черты, как узкие кривые

улицы, некоторая разбросанность жилищ и др. Селения их были обычно небольшими. Дома ставили по обе стороны улицы, в прибрежных селениях иногда встречалась односторонняя застройка. Почти в каждой татарской деревне была мечеть, обычно деревянная, иногда кирпичная (в селах Тоболтуры, Ембаево и др.). В некоторых больших селениях (Тукуз, Ембаево и др.) было по две-три мечети.

В качестве жилищ еще в XVII в. бытовали землянки и полуземлянки. Издавна сибирским татарам были известны наземные срубные постройки, а также глинобитные, дерновые и кирпичные жилища. Срубные дома в XVII–XVIII вв. были низкими, имели небольшие двери (пролезали в них на корточках), без окон, дневной свет проникал через отверстие в плоской земляной крыше.

Позднее строили дома по образцу русских, некоторые имели двухэтажные срубные дома, а в городах (Тюмени, Тобольске) зажиточные купцы и промышленники – каменные дома. В интерьере домов каждой группы были свои особенности, но центральное место в обстановке большинства жилищ занимали нары «урын», покрытые коврами, войлоком, уставленные по краям сундуками и постельными принадлежностями. Нары заменяли всю необходимую мебель. На нары ставили столики на низких ножках, на стенах висели полки для посуды. В домах богатых татар встречалась мебель, европейского типа – шкафы, стулья и т. п.

Основу традиционного хозяйства сибирских татар, населяющих лесостепную и подтаежную зоны, составляли охота, рыбная ловля, скотоводство и земледелие. Хозяйство сибирских татар было комплексным. Вариации хозяйственного комплекса зависели, прежде всего, от среды обитания, ландшафта, климатических факторов и были традиционными в той или иной местности. Традиционными занятиями большинства татарского населения являются земледелие (у некоторых групп оно существовало до прихода в Сибирь русских) и скотоводство. У северных групп тоболо-иртышских и барабинских татар большую роль играло речное рыболовство и охота. Разводили крупный рогатый скот и лошадей. В южной части региона выращивали пшеницу, рожь, овёс, просо.

Важную роль в экономике играла торговля, что было исторически обусловлено – по территории бывшего Сибирского ханства проходил древний караванный путь, связывающий Россию и Запад с восточными странами. Тесные торговые и культурные связи между Сибирью и регионами Средней Азии были установлены еще в глубокой древности. С.В.Бахрушин считал, что данный факт определялся существованием большой торговой дороги из Мавераннахра и Хорезма в Восточную Европу, проходившей вдоль Иртыша.

Сибирский юрт в период средневековья был одним из важнейших центров на большом караванном пути. Само его географическое положение обусловило установление ранних оживленных связей Сибирского юрта с торговыми городами Средней Азии-Бухарой, Амударьей, Мервом, Ургенчем, Серахсом, Нисой, Дехистаном и др. Они не прерывались и после присоединения Сибири к Русскому государству. Средняя Азия в лице его правителей принимала деятельное участие в борьбе за политическое господство на Иртыше, что было определено важностью задачи утверждения на торговых путях в Восточную Европу. Особенно ярко это проявилось в середине XVI в., когда бухарские правители активно поддерживали в борьбе за Сибирский престол своего ставленника хана Кучума.

После русской колонизации Сибири сохранились прежние центры торговли со Средней Азией – Тобольск (Искер), Тюмень (Чимги-Тура), Тара (Ялым) и др. Государственная политика Москвы в этот период была ориентирована на поддержку экономических связей со Средней Азией. Торговые привилегии способствовали появлению значительных бухарских поселений на территории Сибири в конце XVI–XVIII вв. Наиболее крупные из них возникли в Тобольске, Таре, Тюмени. Бухарцы оказали сильное влияние на развитие многих видов ремесленного производства у сибирских татар. В татарских аулах жило немало ремесленников – кузнецов, жестянщиков, ювелиров, сапожников, плотников. Традиционными ремеслами сибирских татар были кожевенное дело и производство войлочных безворсовых ковров. Из ремёсел также были развиты изготовление верёвок из липового лыка (тюменские и ясколбинские татары), вязание сетей, плетение коробов из ивовых прутьев, изготовление берестяной и деревянной посуды, телег, лодок, саней, лыж. Сибирские татары занимались отхожими промыслами (работы по найму в сельском хозяйстве, на казённых лесных дачах, лесопильных и других заводах), извозом.

Среди сибирских татар было широко распространено производство войлочных ковров (*киш*). Ими застилали нары, а сверху стелили безворсовые шерстяные ковры – «урмак». Термин «урмак» в Средней Азии означал примитивный ткацкий станок. У сибирских татар он сохранился в качестве названия ковра. Все войлочные ковры покрывались орнаментом.

Одним из старинных видов ремесла татарского населения является кожевенное дело «*кун эшләү*», начало которому в Сибири положено бухарцами. Мастера-кожевенники передавали свое ремесло из поколения в поколение и занимались этим ремеслом в свободное от сельскохозяйственных работ, время. Отдельные мастера, проживавшие в сельских

местностях Тобольской губернии, работали на заказ. Среди сибирских татар встречались мастера по изготовлению женских полусапожек на мягкой подошве. Шилась такая обувь преимущественно из красного или зеленого сафьяна, поверхность их покрывалась сплошными узорами. Такие сапожки, сшитые мастерами-обувщиками из сибирских татар, по словам информаторов, конкурировали даже с подобными сапожками, поступавшими в Сибирь из Казани.

Почти в каждом доме сибирских татар нары «урын» поверх циновок застилались безворсовыми шерстяными коврами-паласами «аламыши». Ткали аламыши на горизонтальных деревянных станках, близких по конструкции русским «кроснам». Женщины ткали узкие паласы «турап», которые затем сшивали в 5–7 рядов. Орнамент состоял из лент разного цвета. Ширина лент и их цвета ритмично чередовались. Важную роль играло ткачество. Ткали из конопли и льна. Производство пряжи и холста обеспечивало в основном собственные нужды. Зажиточные татары предпочитали одежду из дорогих восточных тканей – парчи, атласа, шелка, а также привозные ювелирные украшения работы казанских и среднеазиатских мастеров.

Как мужчины, так и женщины поверх рубах и штанов надевали длинные распашные кафтаны с рукавами – *бешиметы*, безрукавные или с короткими рукавами, облегающие распашные кафтаны – *камзолы*, халаты (*чапан*) из домотканой материи или среднеазиатских шёлковых тканей, а зимой пальто и шубы (*тон, тун*). В XIX–начале XX вв. среди части татар распространились русские дохи, тулупы, полушубки, армяки, мужские рубахи-косоворотки, брюки, а у женщин – платья. Из женских головных уборов специфически сибирско-татарской была налобная повязка (*сараци*) с твёрдой, обшитой тканью вокруг картона и украшенной позументами и бисерными вышивками передней частью. Также праздничными женскими головными уборами были *калфаки* (*колтак*), которые были заимствованы у поволжских татар и получили распространение в Сибири с середины XIX в. Кроме того, женщины носили летние и зимние шапки цилиндрической формы, сверху накидывали платки и шали. Мужчины носили тюбетейки, войлочные шапки, зимние шапки разных видов. Широко были распространены мягкие кожаные сапоги–ичиги, кожаные башмаки, зимние валенки (пимы), а также короткие чирки, унты, охотничьи сапоги и др. Разнообразием характеризуются многочисленные женские украшения – браслеты, кольца, перстни, серьги, бусы, бисер, шнурки, ленты. Девушки носили накосные украшения из монет.

Среди сибирских татар широко были распространены плетение и вязание кружев, а также вышивка. Кружева вязались крючками из тол-

стых хлопчатобумажных ниток. Вышивке и другим ремеслам учились с детства. Некоторые женщины головные уборы, платья изготавливали на продажу. Наиболее тщательно и богато украшалась свадебная и праздничная одежда. Такие изделия стоили очень дорого.

В пище преобладали мясомолочные продукты. Молочные продукты – сливки (*каймак*), масло (*май*), разновидности творога (*эремчек*), сыр (*корт*), простокваша (*катык*), напиток, представлявший разведенный водой катык – айран и др. В пищу употреблялись такие виды мяса как баранина, говядина, конина, домашняя птица; свинину не употребляли; из диких животных – зайчатина, лосятина; из лесных птиц – *суер* (глухарь), *осан* (куропатка). Мясо употребляли в вареном, жареном, вяленом виде, готовили супы на основе мясного бульона (*иурпа*), а также изготавливали колбасы из конины – *казы*. Как и у других групп татар, у сибирских татар был распространен пирог – *пәлиц/бәләш*, который готовили круглой формы с начинкой из мяса и крупы (некоторые применяли картошку), а также *мушник* – пирог из овощей. Значительное место в рационе татар, живших по Иртышу, Тоболу, их притокам, по берегам крупных озер, занимала рыба (караси (*табан*), язи (*опты*), щука (*цорагай*, *цуртан*, *шөлге*), чебак (*цавак*), нельма (*ак палык*), муксун (*моксун*), стерлядь (*кәреш*) и др.), которую употребляли в вареном, жареном, печеном виде. Одним из традиционных блюд всех групп сибирских татар был рыбный пирог – *эртник* и приготовленный на уличной печи карась – *шеш балык*. Готовили также различные супы – *тарык урә*, *корец урә* и др., каши, *талкан* – блюдо из молотых зёрен ячменя и овса, разведённых в воде или молоке, из мучных блюд ели лепёшки (*пәтер*), пшеничный и ржаной хлеб, *сансу*, *урама* («хворост») – жаренные в масле длинные ленты теста, пироги с разными начинками (*пәрәмәц*, *сумса*), оладьи (*коймак*), халву (*алюва*) и др. Ритуальным и праздничным блюдом были *баурсаки* – жаренные в масле кусочки из сдобного теста, которые у тоболо-иртышских татар были крупного размера в форме шапочек. Из напитков употреблялись чай, айран, частично кумыс, некоторые виды шербета и др.

Важная роль охоты в хозяйственной жизни сибирских татар сказывалась на рационе, в котором присутствовало мясо лося (*аң*), глухарей (*суер*), диких уток (*тәс уртәк*).

Значительное место в жизни сибирских татар, жителей тайги, играло собирательство. С первых месяцев лета и появлением первых ягод, начинался сезон сбора дикоросов. Собирали землянику (*иләк*), малину (*астыган*), смородину (*карагат*), чернику (*кара ция*), голубику (*күк ция*), бруснику (*кысыл ция*). Затем начинался сбор кедровых орехов (*косык*). После него вплоть до заморозков собирали на болотах клюкву (*тырна-*

гус). Особое место сбор клюквы занимает у жителей Заболотья, являясь им большим подспорьем. Если раньше сибирские татары не собирали грибы (*мәшкә, мишгәләк*), то в последнее время ведется активный сбор этого вида дикоросов, особенно жителями Ярковского, Ялуторовского районов. Собранные ягоды и грибы сдают предпринимателям. Одну из таких фирм по сбору дикоросов «Ягода плюс» в последние годы организовал житель Вагайского района Эльмар Ибуков.

Себер тайгасында мук жыләген жыю сезоны

Основной формой семьи у сибирских татар в XVIII – начале XX вв. была малая семья (в среднем по 5–6 чел.). В последние десятилетия семья обычно состоит из двух (реже из трёх) поколений и насчитывает 3–5 чел. В традициях сибирско-татарской семьи – послушание главе семьи – отцу. В прошлом семьи объединялись в родственные группы – тугумы. Роль тугума, прежде всего, заключалась в организации труда и различных семейно-бытовых дел.

Из народных праздников сибирские татары ежегодно отмечают сабантуй, который исследователи считают заимствованным у поволжских татар, у некоторых групп сибирских татар отмечается весенний праздник «амал» (в день весеннего равноденствия). К старинным праздникам относится *Карга нутка* (*Карга туй*), который проводился перед началом посевных работ во время прилета грачей. Жители села собирали крупу и другие продукты по дворам, затем в большом котле варили кашу, остатки трапезы оставляли в поле. В засушливое летнее время проводили обряд

вызывания дождя «*шоқрана*», «*күк корманнык*». Жители села во главе с муллой обращались к Всевышнему с просьбой о дожде. В жертву приносили животное, из мяса которого готовили угощение для участников мероприятия, мулла читал молитву.

Главными религиозными праздниками татар Сибири, как и всех верующих мусульман, являются Ураза байрам (Рамазан) и Курбан байрам. Все основные обряды жизненного цикла татарского населения проводились с участием муллы: обряд имянаречения – *пала ататыу*, *бәби туй*, обрезание – *сәннәт*, бракосочетание – *никах (негә)*, похороны – *күмеу*, поминальный обряд – *катым* и др.

К духовному наследию сибирских татар относится разнообразный в жанровом отношении фольклор. Известны дастаны «Идегей», «Ильдан и Гольдан» и др., песни (*йыр*), байты, сказки (*йомак*, *әкият*), частушки (*такмак*) и др. Из традиционных музыкальных инструментов известны курай, кубыз, тумра.

Как считают лингвисты, по большинству фонетико-грамматических показателей сибирско-татарские говоры относятся к кыпчакской группе западнохуннской ветви тюркских языков (к кыпчакско-ногайской подгруппе). Для языка сибирских татар характерно «цоканье» и «йоканье» во всех позициях слова. Родной язык широко используется в коммуникативной сфере.

До 1920-х гг. сибирские татары, как и все мусульманские народы, пользовались письменностью, основанной на арабской графике, которая в 1928 г. была заменена латиницей, а в 1939 г. – кириллицей. Письменным языком в настоящее время является татарский литературный язык, основанный на грамматических особенностях языка поволжских татар.

До революции 1917 г. татарские дети получали начальное образование в мектебе, существовавшие почти в каждом селе, продолжение образования происходило в средних учебных заведениях, роль которых выполняли медресе. «В редких татарских селениях нет мечети и муллы при ней и в этом отношении дети татар поставлены в лучшие условия, чем дети [русских] крестьян», – отмечали исследователи дореволюционного образования. К середине XIX в. в Тобольской губернии насчитывалось 148 мечетей, в Томской – 36.

По результатам переписи 1897 г. уровень грамотности татар Тобольской губернии оказался в процентном соотношении выше, чем у русского населения. Так, среди татар-мужчин грамотными были 25,4% (русских – 17,45%), среди женщин – 16,8% (русских – 4,5%). (Сведения даны по грамотности на родном языке). При этом образовательная функция полностью принадлежала мусульманскому духовенству. Как отмечал

Н.С.Юрцовский, образовательная деятельность энергично велась мусульманским духовенством, которое вполне отчетливо осознавало значение школы для упрочения своего влияния: «Результаты этого... выражаются как в реальном повышении грамотности среди инородческого населения, так и в успешном противодействии его русификаторским тенденциям власти».

Начало XX в. в России было связано с бурным развитием социально-политической активности и определяется историками как период революций. Действительно, на первую четверть XX столетия в России пришлось три великие революции. Не остались в стороне от этих событий и жители Западной Сибири. Татарское население региона участвовало в общественном движении через мусульманские организации, активно включаясь в общий поток общероссийского тюрко-мусульманского движения. В процесс формирования в России в начале XX в. «миллият-и исламия» («исламской нации») были вовлечены казанско-татарская, сибирско-татарская, а также крымско-татарская интеллигенция, в частности, такие видные их фигуры, как Габдерашит Ибрагимов и Исмаил Гаспринский. Как считает Д.М.Исхаков, вплоть до большевистского переворота октября 1917 г. в России шел процесс выстраивания такой «исламской нации», чьи параметры никак не совпадали с границами тех этнополитических образований, которые позже были узаконены в рамках СССР и послужили границами, оформившимися впоследствии советские нации.

Политическая активность татар резко возрасла после Февральской революции 1917 г.

В «Кануни асаси» (Основном Законе 1917 г.) и разработанном на его основе проекте первой татарской Конституции (январь 1918 г.), нацеленных на реализацию в России национально-культурной автономии, основной политической субъект, который должен был получить такую автономию, определен как «мусульмане тюрко-татары внутренней России и Сибири». Сибирские татары, через своих делегатов в Национальном Собрании, поддержали этот проект, так как «исламская нация» подразумевала под собой тюрко-мусульманское население Поволжья, Приуралья и Сибири.

В период событий 1917 г. и после Октябрьской революции увеличилось количество газет, издававшихся на национальных языках. Особенно популярной среди татар и башкир Уральского региона была газета «Коммунист», позже, в 1925 г., переименованная в «Сабан һәм чүкеч» («Плуг и молот»), а в 1930 г. – в «Социализм юлы» («Путь социализма»).

В 1919–1921 гг., как органы мусульманской секции при губернских и городских комитетах РКП, издавались газеты на татарском языке: в Ир-

кутске «*Кызыл шаарык*» (Красный Восток), Томске – «*Себер юксыллары*» («Пролетарии Сибири»), в Омске «*Азат Себер*» («Свободная Сибирь»). В Тюмени в 1922–1923 гг. мусульманской секцией губернского комитета партии на татарском языке выпускалась газета «*Юксыллар чаткысы*» («Искры пролетариата»).

Несмотря на то, что многие татары Сибири приветствовали Октябрьскую революцию и приняли активное участие в установлении здесь советской власти, часть татарской элиты (в т. ч. священнослужители) выступила под лозунгом единства нации и религии, не признавая эту власть.

В связи с этим нужно сказать о судьбе бухарцев, долгие годы бывших самой исламизированной частью населения Тюменского региона. Социальное расслоение населения сильно отразилось, в первую очередь, на их жизни. Если раньше безземельные бухарцы обрели возможность иметь земельные угодья и в числе первых в сибирском регионе создали коллективные хозяйства, то тяжелее стало положение других бухарцев: купцов, предпринимателей, зажиточных ремесленников и землевладельцев, в которых советская власть видела своих противников. В результате, уже в первые годы советской власти перестали существовать две бухарские деревни под Тюменью – Ново-Шабанинские и Мадьяровские, так как некоторые из купцов-бухарцев, чтобы сохранить себя и свою религию, вернулись на родину предков – в Среднюю Азию, а другие оказались в Китае, Турции, Японии.

Как и в других регионах России, с 1917 г. в Тобольской губернии начали функционировать татарские школы (мусульманские училища) на средства уездных земств. Так, например, с 1 сентября 1917 г. в Тюменском уезде были открыты 69 татарских школ, в которых работали 87 учителей. В с. Ембаево медресе было преобразовано в учительскую семинарию. Правда, из-за отсутствия подходящих помещений и малого количества учащихся в 1918 г. число школ было сокращено до 43 и учителей – до 56. В Тобольске было открыто медресе, в деревнях округа – школы. До 1920 г. эти татарские школы работали по учебным планам и программам конфессиональных мектебе и медресе. В этих учебных заведениях учителями работали выпускники конфессиональных медресе (Ембаевского, Турбинского, Саусканского, Кызылбаевского и др.). С 1920 г. на основе Постановления советского правительства «О единой трудовой общеобразовательной школе» (1919 г.) все существовавшие татарские школы были включены в государственную сеть, вместо конфессиональных школ – мектебе, медресе для детей татар была создана единая трудовая светская школа, заново разработаны учебные планы, программы и учебные пособия, организуется подготовка национальных педагогических кадров.

З.А. Тычинских. «ГЛАВНЕЙШИЙ НАРОД СИБИРИ»: СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

В послереволюционный период представители мусульманского духовенства, которые до этого занимались обучением грамоте и имели большой опыт, были отстранены от учительской работы. Для подготовки учителей татарских школ в 1930 г. в Тюмени было создано татарское педучилище, которое в 1934 г. было переведено в Тобольск. За годы своего существования (до середины 1950-х гг.) на базе училища были подготовлены более 1500 учителей. Тобольское татарское педучилище долгие годы являлось центром пропаганды и распространения татарской национальной культуры в Тюменском регионе.

В связи с расширением сети семилетних и средних татарских школ возникла необходимость в подготовке учителей с высшим образованием. Для этой цели в 1950–1953 гг. при Тюменском пединституте работал факультет по подготовке учителей русского и татарского языков и литературы с двухгодичным сроком обучения, который в 1953 г. был переведен в Тобольский пединститут и функционировал до начала 1960-х гг.

В 1990-х – начале 2000-х гг. в Тюменской области подготовку учителей для школ с преподаванием татарского языка осуществляли 2 вуза – Тюменский государственный университет и Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева.

В последней четверти XX в. происходило формирование и обоснование теории самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса, отличного от поволжско-татарского. Данная концепция была изложена в трудах Ф.Т. Валеева и Н.А. Томилова (Ф.Т. Валеев «Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX вв.», 1980 г.; Н.А. Томилов «Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX вв.», 1981 г.), которые продвигали идею самостоятельности сибирско-татарской идентичности. Эта позиция наглядно предстает в тезисе, сформулированном Ф.Т. Валеевым: «Современные коренные [сибирские] татары представляют собой самостоятельный этнос с присущими такой исторической общности устойчивыми признаками, как язык, этническая территория, этническое самосознание, конфессиональная общность, эндогамия, а в прошлом – социально-политическая общность, связанная с существованием Сибирского ханства».

В 80-е гг. XX в. наблюдался рост национального самосознания сибирских татар, проявлявшийся в живом интересе к своему происхождению, истории развития культуры и родного языка. В эти годы общественность, возглавляемая национальными лидерами – Б.В. Сулеймановым, А.Г. Гаитовым и др., основываясь на концепции самостоятельного происхождения сибирско-татарского этноса и его этнокультурной самобытности, отстаивала идею необходимости создания национально-территориальной

автономии сибирских татар. Это движение исторически совпало с широким всплеском национального самосознания народов СССР, связанном с происходившими в стране демократическими реформами. Стремление к возрождению своей национальной культуры, языка и государственности постепенно приобрело характер национального движения. В него включились представители различных социальных слоев коренных сибирских татар – ученые, преподаватели высших учебных заведений, учителя, работники государственных учреждений и культуры, рабочие, колхозники и т.п. При этом особенно активно обсуждался вопрос о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири.

Одним из главных результатов данного этапа движения стало создание в конце 80-х гг. XX в. в Тобольске Центра сибирско-татарской культуры (первоначальное название «Досуг»). Он стал одним из первых татарских центров не только в регионе, но и в стране. В 1990-е гг., став муниципальным учреждением, Центр развернул свою деятельность в различных направлениях, имея в своей структуре отделы образования, культуры, научно-исследовательскую лабораторию, историко-этнографический музей и др., имея более 100 штатных сотрудников. Позже Центры татарской культуры возникли и в других населенных пунктах области.

В 1988 г. был создан Комитет по возрождению сибирских татар во главе с Булатом Сулеймановым, в 1989 г. в Тобольске, а затем и в Тюмени прошли «круглые столы», на которых обсуждались вопросы о предоставлении сибирским татарам статуса коренного народа Сибири и территориальной автономии в рамках Российской Федерации.

В июне 1990 г. в Тобольске прошла научно-практическая конференция, в заглавие которой впервые было поставлено название «Сибирские татары: история и современность». Участниками конференции являлись историки, филологи (Ф.Т. Валиев, С.М. Исхакова, А.В. Головнев, Х.Ч. Алишина, З.А. Гафурова (З.А. Тычинских) и др.), общественные лидеры (Б.В. Сулейманов, А.Г. Гаитов, Р.Н. Яхина), представители общности, интеллигенция города. По определению одного из организаторов конференции – А.В. Головнева, ныне член-корр. РАН, «пожалуй, впервые сибирские татары провели самостоятельный форум, на котором их собственные проблемы излагались с их собственных позиций...» («Когда-нибудь, вероятно, они покажутся упрощенными или ошибочными, но иначе вряд ли получились бы первые шаги к самопознанию народа, на долгие годы лишенного национальных прав»).

29 сентября 1990 г. в Тюмени была созвана учредительная конференция татар Тюменской области, на которой присутствовало более 120 делегатов. На конференции было решено создать Ассоциацию татар Тюмен-

ской области, которая должна была стать организацией, объединяющей все татарские общественные организации области.

14–15 декабря 1990 г. в Тюмени состоялся первый учредительный съезд Ассоциации татар Тюменской области. Организаторами его были Б.В. Сулейманов и А.Г. Гаитов. Администрация Тюменской области в лице Ю. Конева и А. Каюмова поддержали татарскую общественность. Хотя сегодня некоторые активисты национального движения, анализируя прошедшие события, приходят к мнению, что Ассоциация была создана для того, чтобы ликвидировать Комитет Возрождения, занимавший активную и самостоятельную позицию, данный съезд и программные документы, принятые на нем, стали этапными явлениями в современной истории татарского населения Сибири. На съезде делегатами были приняты Устав и Программа, а президентом Ассоциации был избран И.К. Рафиков, который до этого работал заведующим лабораторией народов Севера при Администрации Тюменской области. Съезд открывали Р.М. Насибуллин и А.Г. Гаитов. В программе Ассоциации одной из важнейших ставилась задача законодательного признания на государственном уровне статуса коренного народа для сибирских татар. В программе также предусматривалось: добиваться «признания юга Тюменской области зоной преимущественного развития традиционных промыслов сибирских татар». В резолюции I съезда сибирских татар было определено: «Этническая общность татар, формирование которой произошло на данной территории... отличается от крымских и казанских татар по происхождению, способу хозяйствования, культуре и языку. Это дает основание поставить вопрос перед Верховными Советами РСФСР и СССР о признании самостоятельного этноса – «Сибирские татары» (сыбыры)».

В начале 1990-х гг. в городах и районах Тюменской и Омской области создавались татарские организации. К примеру, активную роль в национальном движении играл Комитет Возрождения сибирских татар Усть-Ишимского района Омской области, который являлся филиалом Комитета Возрождения Тюменской области. Деятельное участие в создании и функционировании Усть-Ишимского Комитета принимала Р.Н. Яхина. В 1991 г. Комитет был зарегистрирован в органах юстиции Омской области.

В апреле 1991 г. Роза Яхина, Ривхат Насибуллин и Анас Гаитов поехали в Москву в Институт этнологии и антропологии АН СССР с целью добиться для сибирских татар статуса самостоятельного этноса, имеющего право на территориальную автономию. Директор Института этнологии и антропологии д.и.н. В.А. Тишков на запрос Президента Ассоциации «Сыбыр» И.К. Рафикова, сообщил: «То обстоятельство, что сибирские

татары в лице своей интеллигенции сейчас активно выступают за свои национальные права – фактор самосознания, с которым необходимо считаться. Очевидно, что сибирские татары должны быть обеспечены гарантированными правами развития их национальной культуры, для чего им необходимо предоставить статус самостоятельного народа и включить в список народов СССР. Это расширит их возможности для решения многих проблем политического, экономического и культурного развития». Далее, В.А. Тишков в апреле 1991 г. от имени Института этнологии и антропологии АН СССР направил рекомендацию в ЦСУ СССР о включении сибирских татар, «представляющих по мнению большинства специалистов-этнографов, самостоятельный этнос», в список народов СССР.

В августе 1991 г. на обращение Ассоциации татар Тюменской области к Президенту РСФСР и Председателю Верховного Совета РСФСР о включении сибирских татар отдельной строкой в список народов Сибири, был получен ответ из Госкомстата Российской Федерации, в котором говорилось, что при проведении последующих переписей и обследования населения данная просьба будет учтена.

На волне национального движения конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. в 1990–1991 учебном году при филологическом факультете ТГПИ им. Д.И. Менделеева было восстановлено русско-татарское отделение, а также открыты татарские группы в Тобольском педучилище. Это было обусловлено объективными потребностями региона в подготовке национальных педагогических кадров, и произошло благодаря усилиям татарской общественности области и поддержке администрации Тобольского государственного педагогического института им. Д.И. Менделеева. В апреле 1994 г. там была организована кафедра татарского языка, литературы и методики преподавания. В Тюменском государственном университете с 1993 г. стало функционировать Отделение татарского языка и литературы, которое являлось структурным подразделением Кафедры общего языкознания филологического факультета. Студенты, обучавшиеся на отделении, получали специальность филолога-преподавателя (татарский язык и литература). Это были значимые результаты национального движения.

С начала 1990-х гг. в регионе начинают издаваться на татарском языке газеты «Яңарыш» («Обновление»), «Искер», журнал «Ак калфак», транслируются областные и местные радио- и телепрограммы на татарском языке «Очрашулар», «Себер иле», «Себер дәрҗәсы» и др. Осенью 2020 г. свое 30-летие отметила газета «Яңарыш», ставшая рупором жизни татар Тюменской области.

Большую роль в развитии татарской журналистики сыграли выходцы из Татарстана – Наиль Алан (Хисамиев), Нурия Беломоина, Бибинур Са-

биров и др. Одной из первых радиопередач, выходявших в 90-е гг. XX в., была «*Дусларга сукмак*», которую вел талантливый журналист Наиль Хисамиев, а на телевидении выходила передача «*Очрашулар*», которую вела Гульсина Ниязова.

На волне национального возрождения в конце 1980-х – начале 1990-х гг появились талантливые самодеятельные татарские певцы и танцоры, ансамбли и коллективы: «Сибирская соловушка» Закина Арангулова и семейный ансамбль Арангуловых «*Ләйлә*», Начия Хакимова, Октябрист Мачитов, Асаф Хаматгалиев, образцовый коллектив «*Тәмән нурлары*» (руководитель – Ф. Хакимов), ансамбль народной песни «*Дуслык*» (руководители – Х. и А. Мирхайдаровы) и многие другие. Со временем начали появляться и другие коллективы: «*Ахтямушки*» (рук. Ахтям Насыров, Тюмень), оркестр из поселка Борового под руководством Абузара Миннибаева, фольклорно-инструментальный ансамбль «*Умай*», этно-фольклорный ансамбль «*Әмәл*», фольклорно-этнографический ансамбль «*Тамаша*» (рук. Ильяс Бакиев, Ялуторовский район), хореографический ансамбль «*Пышны*» (рук. Чагвар Касимов, с. Муллаши Тюменский район), сибирскотатарский фольклорный детский ансамбль «*Шатыр-Шотыр*» (рук. Гаяз Габдуллин, с. Чикча Тюменский район) и др.

В 1998 г. в Тобольске состоялся крупный научный форум – I-й Сибирский симпозиум «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», на котором собравшиеся из разных концов страны ведущие ученые – археологи, этнографы, историки, лингвисты, обсуждали проблемы этногенеза, этнической истории, культурного наследия сибирских татар. С конца 90-х гг. XX в. стали проводиться ежегодные научно-практические конференции «Сулеймановские чтения».

В 1996 г. вышел Федеральный Закон РФ «О национально-культурной автономии». В областях, городах и сельских населенных пунктах многонациональной России стали организовываться НКА. Структура НКА татар была выстроена и в Тюменской области. В 1998 г. была создана Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области (председатель – А.Х. Каюмов), учредителями которой выступили местные национально-культурные автономии. Национально-культурные автономии должны были создавать правовые условия взаимодействия государства и общества для защиты национальных интересов граждан Российской Федерации в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития, определять правовые основы этих отношений в форме национально-культурной автономии на следующих принципах: свободного волеизъявления граждан при этнической самоидентификации, самоорганизации и само-

управления, многообразия форм внутренней организации национально-культурной автономии, сочетания общественной инициативы с государственной поддержкой, уважения национально-культурных интересов различных этнических общностей, законности. Однако, организованные «сверху» и подконтрольные государственным структурам, многие НКА постепенно перестали быть самостоятельными общественными организациями, выполняя во многом формальную роль. Эти процессы происходили на фоне общего спада национального движения в стране. Позже был учрежден Конгресс татар Тюменской области (апрель, 2007 г.)

В настоящее время в области созданы и функционируют десятки городских и районных татарских национально-культурных автономий, которые совместно с организациями социально-культурной сферы осуществляют деятельность по возрождению, сохранению и развитию татарской культуры. Координирует эту работу областная Национально-культурная автономия сибирских татар и татар, проживающих на территории Тюменской области при финансовой поддержке Комитета по делам национальностей Администрации Тюменской области. Основные мероприятия, осуществляемые совместно с Дворцом национальных культур «Строитель»: Дни татарской культуры, детский смотр-конкурс «Утренняя звезда», областной праздник «Сабантуй», который ежегодно проходит в разных районах компактного проживания татарского населения. На праздник «Сабантуй» обязательно приезжает большая творческая делегация из Татарстана.

Традиционное проведение Дней татарской культуры охватывает коллективы учреждений культуры всех районов компактного проживания татарского населения.

В последние несколько лет в Тюмени и Тобольске проводится День сибирско-татарского языка, в ходе которого обсуждаются проблемы сохранения и развития народно-разговорного сибирско-татарского языка.

Целая плеяда татарских поэтов и писателей, вслед за лауреатом премии РТ им. Г. Тукая писателем Я.К. Занкиевым и поэтом Б.В. Сулеймановым, появилась в 1990–2000-е гг. В редакции газеты «Яңарыш» с 2002 г. начала работать литературное объединение «Әдәби Төмән» («Тюмень литературная»), объединяющая начинающих писателей, поэтов, журналистов, публицистов, критиков и т. д., что играло немалую роль в создании Союза сибирско-татарских писателей Тюменской области, объединивших писателей и поэтов, пишущих на сибирско-татарском языке.

Талантливые татарские художники Э. Тушаков, И. Хабисов, И. Мухаметьянов, А. и Д. Муратовы, М. Боцман-Сафаралеева, М. Тимиргазеев и многие другие известны не только в Сибири, но и далеко за ее пределами.

З.А. Тычинских. «ГЛАВНЕЙШИЙ НАРОД СИБИРИ»: СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

В течение ряда лет Конгресс татар Тюменской области проводил ежегодные конкурсы «*Себер йолдызы*» («Звезда Сибири») и «*Tatar egete*» («Джигит»). При активном содействии Конгресса была создана молодежная организация «Союз татарской молодежи Тюменской области». Ребята ведут деятельность по приобщению молодежи к родной культуре, традициям, обычаям, праздникам и обрядам. Ежегодно активисты союза принимают участие в Днях татарской молодежи в Казани, в международном форуме татарской молодежи (в Татарстане).

Наиболее значимыми событиями культурной жизни являются участие тюменских творческих ансамблей и исполнителей во Всероссийском татарском фольклорном фестивале «Түгәрәк уен», который с успехом прошел в Тюменской области в 2009 г.. Творческие коллективы Тюменской области успешно выступили на III фестивале «Түгәрәк уен» в 2010 г. Ежегодно Конгресс татар области осуществляет подготовку и делегирование тюменских коллективов на данный фестиваль.

Активисты Конгресса татар Тюменской области принимают участие в крупных акциях и событиях Комитета по делам национальностей Тюменской области: в областных фестивалях национальных культур «В семье единой, дружной», «Мост дружбы». Конгресс татар активно сотрудничает с Центром татарской культуры Тюмени по организации и проведению социально-значимых мероприятий.

Работа по сохранению историко-культурного наследия проводится региональной татарской общественной организацией «Наследие» («Мирас») по Тюменской области. Ежегодно для популяризации исторического объекта Искера – столицы Сибирского ханства, проводится Международный фестиваль «Искер-джиен», который собирает жителей не только Сибири и России, но и Ближнего Зарубежья.

В настоящее время сибирско-татарская общность переживает сложные этнические процессы, на которые влияют как объективные, так и субъективные факторы. Результаты деятельности татарских общественных организаций, СМИ и в целом национального движения за прошедшие четверть века значительно повысили этническое самосознание татарского народа. К тому же, во второй половине XX в. произошел значительный отток сельского населения в города, усилившийся в последние десятилетия. Жители сельских населенных пунктов переселяются обычно в близлежащие города. На сегодняшний день сибирские татары из преимущественно сельских жителей превратились в горожан, в основном, первого и второго поколений. Урбанизация сопровождается отрывом от ценностей традиционной культуры, разрывом в культурном плане между поколениями, что сказывается и на усилении тенденций к утрате

родного языка. На эти процессы в значительной мере влияют явления общемирового характера (глобализация) и экономические процессы, происходящие внутри страны, региона.

Татары проживают практически во всех городских поселениях Тюменской области. Традиционно они живут в городах Тюмень, Тобольск, Ялуторовск, Ишим. В настоящее время былая компактность их расселения в городах в рамках татарских слобод исчезла. Со второй половины XX столетия татары стали составлять значительную часть населения северных городов региона – Нефтеюганска, Надыма, Ханты-Мансийска, Сургута, Салехарда и др. Формирование данной группы населения происходит в связи с активными миграционными процессами, связанными, в первую очередь, с освоением нефтяных и газовых месторождений.

Довольно большое число татар сохраняется среди сельского населения ряда районов Тюменской области: Тобольского, Вагайского, Тюменского, Нижнетавдинского, Ялуторовского, Ярковского и др. В некоторых районах (Тобольском, Вагайском) имеются территории компактного расселения татарского населения.

В последние годы среди сибирских татар юга Тюменской области вновь поднимается вопрос о признании их коренным малочисленным этносом. Данный вопрос особенно актуализировался после оглашения результатов проведенной в 2010 г. Всероссийской переписи. Еще до начала переписи представители сибирско-татарской общественности юга Тюменской области неоднократно поднимали вопрос о том, чтобы при проведении переписи их записывали сибирскими татарами. В итоге, по результатам этой переписи в РФ сибирскими татарами записались 6779 чел.. К сравнению, по итогам предыдущей переписи 2002 г. сибирскими татарами определяли себя 9611 чел., из которых около 7800 чел. – жители Тюменской области, на территории которой, включая Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО, проживают (по данным переписи 2010 г.) 239995 татар, это 7,5% от общей численности населения региона (по данным переписи 2002 г. их насчитывалось 242325 чел.).

Нами уже ранее отмечалось, что эти цифры далеко не отражают реальную численность коренных сибирских татар. На начало XX в. коренных татар Сибири, без переселившихся из Поволжья и Приуралья татар, насчитывалось свыше 90000 чел.. В дальнейшем наблюдается тенденция постоянного роста численности коренного татарского населения региона, которая уже в начале XX в. в несколько раз превышала цифру, указанную в 2002 и 2010 гг. как численность сибирских татар. По всей видимости, приведенные данные о современной численности сибирских татар обусловлены различными причинами, включая и такие субъективные,

как уровень подготовленности переписчиков (что наглядно показали проведенные в 2002 и 2010 гг. Всероссийские переписи), агитационная деятельность Татарстана перед переписью 2002 г. записываться общим этнонимом «татары» (хотя при переписи 2010 г. агитация Татарстана отсутствовала) и др. Но все же, на наш взгляд, эти цифры отражают, в первую очередь, многоуровневый характер самоидентификации, самосознания современного татарского населения региона, уже отмечавшийся исследователями. Скорее всего, в ходе Всероссийской переписи для подавляющего большинства татарского населения на первый план вышло осознание себя прежде всего представителями татарской нации.

Результаты последней переписи активизировали сибирско-татарскую общественность, прежде всего, научную интеллигенцию, на новый виток движения за статус коренного малочисленного народа, что наблюдается сегодня на общественно-политической арене области. Наряду с НКА татар и сибирских татар Тюменской области, во второй половине 2010-х гг. появились отдельные местные и областная НКА собственно сибирских татар, отстаивающие интересы сибирских татар как отдельного народа. В сфере деятельности НКА сибирских татар – подготовка книг по краеведению, учебных пособий и словарей сибирско-татарского языка.

Известно, что лозунги о признании сибирских татар коренным малочисленным этносом уже выдвигались в 80-е гг. XX столетия. Вместе с тем, вопрос о статусе так и не был решен. Сегодняшняя ситуация показывает, что остались нерешенными и другие острые проблемы, стоящие перед сибирскими татарами.

Возвращаясь к вопросу о статусе коренного малочисленного народа, нужно сказать, что он далеко не однозначен в современных реалиях. За прошедшие десятилетия многое изменилось. Но вместе с тем остались нерешенными существующие прежние проблемы: экономические (прежде всего, ситуация в Заболотье), духовные – сохранение духовности на основе родного языка, формирование сферы «высокой» культуры, создание исторических и этнографических музеев, научно-исследовательских центров, занимающихся сбором и изучением историко-культурного наследия сибирских татар, сохранение татарского языка в системе общего образования, нормирование и внедрение в систему образования в том числе и народно-разговорного языка сибирских татар.

На неоднозначную ситуацию с положением сибирских татар как коренных жителей этой земли, но в отличие от других, не имеющих никаких льгот и привилегий, еще в начале XX столетия обратил внимание один из сотрудников Тобольского Губернского музея – Г.М. Дмитриев-Садовников, долгие годы работавший учителем в Ларьякской школе: «Как только речь

идет об инородческих племенах, населяющих Тобольскую губернию, только и слышно об остяках, вогулах, этих аборигенах края. Абориген, абориген – и до того это слово связано с остяками, самоедами и вогулами, что при звуке его уже не помышляешь о каких-либо других племенах, как, напр., о татарах, тоже как будто «аборигенах» края.

Говорится о вымирании остяков, о их эксплуатации, о привитии к ним культуры, о поддержании их продуктами, наполняются для них хлебозапасные магазины, а пресловутые аборигены, хорошо зарабатывая, при первой возможности пьют напропалую и ни о чем не заботятся и при первой возможности выставляют на вид: ой, ой, худо живу!

«Ой, ой, бачка, хорошо живу!» – говорит находящийся в более худших условиях татарин, работая «до упаду» целые дни и зарабатывая лишь на то, чтобы быть мало-мальски сытым.

Гордый, красивый народ! И если он не сгиб до сих пор, то только благодаря своим жизненным способностям, для поддержания которых едва ли что делалось и делается...»

В этих словах имеется глубокое содержание, актуальное и сейчас.

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ: ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ. ДЛЯ ЧЕГО Я ЭТО ПИШУ?

Крымские татары, кто они? Татары и крымские татары. Те же самые, что и татары вообще? Отличаются ли они от татар Среднего Поволжья, сибирских, астраханских татар? Если да, то насколько? Как они жили в последние сто лет, скажем шире – XX в. Что они представляют собой в начале XXI в.?

Может быть, эти мысли приходят в голову не каждому татарину, живущему в Татарстане или где-либо еще, но, по моим впечатлениям, они довольно-таки распространены среди татарской общественности и вообще людей, интересующихся историей и культурой татар. Несмотря на то, что с конца 1980-х гг. непосредственное общение между татарами и крымскими татарами заметно активизировалось и происходит теперь уже не в форме случайных контактов, а на различных уровнях с участием политиков, деятелей культуры, ученых, студентов, бизнесменов относительно регулярно, все же за десятилетия, прошедшие с момента тотальной депортации крымских татар из своей родины в 1944 г., накопилось столько взаимного незнания, непонимания, предрассудков и мифов, насаждавшихся в сознании обоих народов, а многовековая совместная и общая история забыты так основательно, что это требует регулярной специальной работы по восстановлению взаимного знания, понимания и сотрудничества.

Настоящий очерк является одной из первых попыток начать такую работу. Попросил меня написать его мой давний друг Д. Исхаков, с которым мы не только знакомы как ученые-исследователи, но и сотрудничали в эпоху возрождения татарского национального движения в конце 1980–90-х гг., который лично сделал немало полезного для крымских татар и с которым нас до сих пор связывают добрые отношения.

Крымские татары как этнос: общее и отличное с «другими» татарами

В этнической истории или этногенезе крымских татар есть мощный общетатарский пласт, уходящий корнями в несколько исторических эпох. Во-первых, это формирование первоначальной пратюркской общности, из которой вышли все нынешние тюркские народы. Во-вторых, формирование тех древнетюркских племен, которые и были обозначены как «татары» и потомки которых, смешавшись с другими, очень разными

племенами и народами, и дали старт формированию нынешней татарской нации, в-третьих, это эпоха скифов-сарматов-асов-алан, которых большинство современных российских историков всеми силами старается записать тоько в индоиранскую или протоиранскую общность, что, к сожалению, поддерживается и некоторыми историками из татар. Не думаю, что это очень продуманная позиция, скорее она следствие того, что Татарстан расположен как бы вдали от исторического скифо-сармато-аланского ареала и татарским историкам комфортнее не вдаваться в эту тему, нежели всерьез ею заняться. Здесь, просто чтобы обратить внимание на этот вопрос, напомним, что имя «алан» достаточно широко распространено среди тюркских народов, уходя в доисламскую эпоху. В-четвертых, это гуннская общность племен и, в частности, выделившиеся из них после распада Гуннского каганата, Болгарское (или Булгарское) ханство со столицей в Фанагории на Таманском полуострове, в которое входили степной и предгорный Крым. Это же еще время до появления известной всем Волжской Булгарии, которая, собственно, и возникла как один из результатов ухода части болгар в Верхнее Поволжье после проигрыша войны хазарам. В-пятых, это и собственно Хазарский каганат, поскольку Волжская Булгария находилась в определенной зависимости от него, а территории Хазарского каганата до X в. распространялись после этого на Северное Причерноморье и степной Крым. В-шестых, это период Дешт-и-Кыпчака, то есть появления и расселения в Восточной Европе с XI в. половцев (кыпчаков, куманов), которые жили как в Крыму, так и в Поволжье. В-седьмых, это появление на этих территориях, условно говоря, «новых» татар, которые были преимущественно теми же половцами восточных улусов, уже покорённых монголами и реформатированных ими в тумены армии Бату хана, осевших на землях Поволжья и Крыма, смешавшихся с местными тюрками и не-тюрками, ставших затем этнополитической основой улуса Джучи в рамках Монгольской империи, очень быстро превратившейся в Золотую Орду.

Века Золотой Орды следует проговорить отдельно, поскольку именно она объединила и слила воедино различные тюркские этносы, расселившиеся в разных регионах Восточной Европы на протяжении полутора тысяч лет, в один татарский суперэтнос, этнополитическую общность, я бы сказал, средневековую нацию.

Я абсолютно не являюсь сторонником марксистской интерпретации нации как феномена, являющегося на исторической арене только и в связи с появлением капитализма, не говоря уже о самом термине «нация», уходящем еще в античность. Оглянитесь вокруг, в мире полно наций в странах, которые не являются по своей экономике капиталистическими.

Да и в ООН, в таком случае, принимали бы лишь страны, находящиеся, как минимум, на стадии «сертифицированного» капитализма. Здесь не место и не время проводить длинный и подробный анализ. Но, коротко говоря, нация – это народ (в том числе формирующийся народ), способный и готовый создать свое собственное государство или создавший его и живущий в нем, либо создавший его, но лишенный этого государства в силу, чаще всего, внешних обстоятельств, однако по-прежнему способный заново сформировать его. Все, что привязано к пониманию нации марксизмом – национальный рынок и пр., достаточно искусственно отнесено к ней во имя теоретического «обоснования» скорейшей «пролетарской революции». Все это не подтвердилось в исторической практике развития наций, но почему-то все еще держится в постсоветской и, вроде бы, постмарксистской, этнологии и политологии.

Так вот, именно Золотая Орда, которую, кстати, в разных источниках часто называли «Кыпчакским ханством», несмотря на то, что она вроде бы, имело начало в монгольском завоевании, стала базой, естественным образом сплавлявшей в себе тюркские (а среди них, преобладавшие в ней кыпчакские, элементы) и не тюркские этносы (иногда полностью, иногда частично) в формирующуюся татарскую нацию Средневековой Евразии.

Преемственность ее с условно «древними», не-европейскими татарами, заключалась в том, что они малой толикой^{1*} (те, кто остался жив в результате многочисленных войн, в том числе в ходе монгольского завоевания) также влились в эту нацию, и в том, что еще до этого момента слово «татары» стало использоваться самими участниками и свидетелями этих событий как обозначение многонационального, но преимущественно тюрко-кыпчакского войска, ведомого монголами и их назначенцами, среди которых были и те самые «древние» татары, и тем, что формирующаяся «золотордынская» нация вполне добровольно в массе своей приняла этот этноним (есть факты или доказательства против? Восстания? Волнения? Требования?).

И для того имелись причины. Быть «татаринном» в Золотой Орде было престижно и почетно, это была правящая тюркская нация, в которой стирались прежние родоплеменные и даже политико-государственные противостояния и противоречия. С моей точки зрения, важно подчеркнуть два фактора:

1) Несмотря на формирование общего языка (который в современной литературе обозначают как «тюркí», «средневековый татарский» или «чагагайский»), значительные различия в региональных и местных го-

¹ По другим данным их было достаточно много, но для установления этого факта надо изучать историю восточных кыпчаков, именовавшихся кимаками (ред.).

ворах сохранялись. В золотой Орде, как и многих других тюркских государствах, не было сознательной целенаправленной государственной политики культурно-языковой или религиозной ассимиляции, что отмечали многие современники, а сегодня – объективные исследователи. Более того, иногда они даже усиливались по мере вовлечения в татарскую сущность других, местных этносов (для Поволжья это, например, огромный пласт финно-угорских племен, для Крыма – потомки эллинов и византийцев, готы, черкесы и т.д.). Это смешение или ассимиляция нетюркских этнических групп в составе татар одновременно создавали предпосылки для новых внутриэтнических, а впоследствии и внутринациональных границ, не совпадавших уже с дозолотоордынскими родоплеменными и даже национальными границами. То есть, в составе современных разных тюркских наций и народов, с одной стороны, присутствуют потомки, а иногда и целые родоплеменные подразделения, совпадающие с народами «дотатарской» эпохи. Те же кыпчаки есть и у казахов, у кыргызов, у ногайцев, у каракалпаков, у башкир, у узбеков и в еще недавнем прошлом были также у крымских татар, при этом продолжая существовать как внутренние деления самостоятельных тюркских наций. С другой стороны, многие нации и народы, имеющие в своем прошлом этап существования в составе Золотой Орды в качестве татар, в настоящее время отличаются друг от друга антропологически, культурно и по языку, а иногда и религии;

2) Само слово «татар» на всем пространстве Золотой Орды означало «тюрк», оно, собственно, именно в ту эпоху и стало обозначением тюркской общности (потому что первоначально, как хорошо известно историкам, этноним «тюрк» было племенным названием наряду с другими, в нынешнем понимании, тюркскими племенами и народами, но для своего времени, обладавшими иными названиями. Тогда «тюрки», «тюркюты», «кок-тюрки», могли соседствовать с «ашина», «хунну», «гузами», теми же «татарами» и т.д. Причем эта «тюркскость» татар основывалась как раз на их базовой половецко-кыпчакской общности, прежде всего, в сфере языка. Не случайно в составленном в 1303 г. (то есть уже в начале Золотой Орды, когда все еще помнили завоевание Дешт-и-Кыпчака монголами) францисканскими миссионерами (совершенно объективными наблюдателями) в словаре и грамматике местного языка в Крыму (Кафа) на латыни он называется куманским (половецким), а на самом языке золотоордынских тюрк – татарским (татар тиль). Более того, в этом словаре есть слово «татар», которое передается как «тюрк», «тюркский».

Почему я употребил слово «передается», а не «переводится»? Это важно! Потому что слева в словаре стоит понятие «татар», а напротив

Надир Бекиров. КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ: ПОСЛЕДНИЕ СТО ЛЕТ ДЛЯ ЧЕГО Я ЭТО ПИШУ?

него, в правом столбце – «тюрк», «тюркский». То есть никак иначе эти два слова нельзя объяснить, чем только указав, что это одно и то же. Иначе говоря, для потомков когда-то ранее независимых половцев в Крыму их собственный язык – «татарский», слово «татар» означает то же самое, что «тюрк», и оба эти понятия совершенно родные на своем западнокыпчакском языке.

Поскольку в литературе и пропаганде в наши дни присутствует мнение, что имя «татар» было «навязано» царской Россией булгарам, половцам, неким «крымлы», то логично спросить, а какая царская Россия в 1303 г. могла это сделать? Да и вообще, как минимум, до середины XVI в.? А в Крыму до 1783 г.?

Бессмысленно сейчас пытаться досконально реконструировать, что было бы, если Золотая Орда дожила бы до наших дней. Но одним из самых вероятных последствий было бы то, что вместо нескольких тюркских кыпчакоязычных народов на территории Восточной Европы существовала бы многомиллионная татарская нация, по численности, территории и культуре стоявшая в ряду других восточноевропейских наций и государств, вполне самодостаточная, субъект международных отношений.

Массовая исламизация Золотой Орды сыграла противоречивую роль в судьбах татар. Та их часть, которая более или менее добровольно приняла Ислам, консолидировалась на религиозной основе, переняла многие достижения исламской культуры и науки, уже накопленные к этому времени. Для Поволжья это было достаточно органично, поскольку Ислам пришел туда за четыреста лет до этого и послужил дополнительным фактором исторического примирения и консолидации между потомками мусульман-булгар и тюрками других конфессий, тэнгрианцами, язычниками, христианами, в том числе пришедшими как завоеватели в войсках Субэдая и Бату.

Для Крыма все было сложнее. Основательного исследования по доисламским верованиям крымских татар до сих пор нет, хотя их наличие заметно в народной культуре и некоторых исторических мифах и преданиях. Но к моменту правления Узбек хана Крым находился под религиозным влиянием наследия Хазарского каганата, присутствовавшего в Крыму около пяти столетий, и православной Византии, все еще сильнейшей империи региона, имевшей свои форпосты на Южном берегу Крыма и на Западном побережье Кавказа. Христиане составляли значительную часть населения полуострова, в том числе среди тюрков разного происхождения. Но не весь Крым был под властью восточно-римского христианства. Горный и береговой юго-западный Крым в начале этой эпохи был византийской территорией, позже независимым княжеством Феодоро, на

южном берегу существовали венецианские колонии, позже их сменили генуэзские. Правда, границ в современном понимании между этими государственными образованиями не существовало, население довольно-таки свободно перемещалось, торговало, соседствовало, и отдельный этнос, община, если и занимали какую-то местность, то очень небольшую – село, долину, в целом же к югу от степи существовала этнорелигиозная чересполосица. Тюрки разного происхождения жили в Крыму вперемешку со множеством этнических групп как западноевропейского (потомки эллинов, готов, венецианцев, генуэзцев, как правило к этому периоду уже в значительной степени смешавшиеся друг с другом), так и кавказского (черкесы, абхазы, чуть позже какое-то количество грузин), малоазийского и азиатского происхождения.

Надо отметить, что как христианство, так и, позже, Ислам, в Крыму распространялись абсолютно ненасильственно, приходя сюда или вместе с группами переселенцев, или в результате добровольного принятия этой религии местными народами. На практике сложился принцип абсолютно свободного выбора вероисповедания и добрососедства между религиями. Это заметно отличало ситуацию в Крыму и его религиозную историю от большинства регионов мира и даже Евразии.

Само христианство было многообразным. Это и готы, первоначально ариане, и византийцы-румеи – православные, и армяно-кыпчаки – последователи армянской апостольской церкви, небольшая община которых прибыла сюда в XI в. из Ширака (область в армянском нагорье) [Кто вы «армяно-кыпчаки»?] и жила впоследствии под Кафой (Кефе, по-крымскотатарски), и католики в лице венецианцев и генуэзцев. Да и появление францисканцев в Крыму, связанное с их намерениями обратить местных татар в католичество, было не случайным.

Можно отметить, что Ислам начал активно распространяться по всему Крыму не просто после провозглашения его официальной религией в Золотой Орде ханом Узбеком, который построил здесь и мечеть под собственным именем (в г. Крым, сегодня – Старый Крым, ставшем впоследствии первой столицей Крымского ханства), но после образования в 1441 г. Крымского ханства, чей основатель известен всем как Хаджы Гирей, являвшийся официально религией государства. Обращает на себя внимание, что он родился и вырос в Великом княжестве Литовском, в котором даже был 10 лет главой г. Лида (в нем есть даже его музей). Разумеется, он не мог получить такое имя при рождении. Он был знаком и с католичеством, и с православием. Совершенно логично, что правоверный мусульманин мог решиться взять такое имя, скорее всего, после совершения хаджа. Однако в Крыму он появляется уже именно под этим

именем, что свидетельствует о его твердой приверженности Исламу. Первая столица ханства получила при нем название Къырым (невозможно точно воспроизвести это слово, пользуясь кириллицей). До него этот город носил имя Солхат/Сорхат/Сурхат.

В отношении обоих названий есть различные версии, мне лично кажется убедительной гипотеза крымскотатарского краеведа Рефата Куртиева (уже, к сожалению, покойного) (См.: [Рефат Куртиев (1925–2012). URL: <http://gasprinskylibrary.ru/events/event/refat-kurtiev-1925-2012>]). С его слов, на одном из вариантов старомонгольского языка «Солхат» означает «свободное поселение» (сравните со старорусским «слобода», пригород, предместье при укрепленном городе). Слово же «Къырым» («ы» здесь звучит как нечто среднее между «ы», «э», горловым «а») он возводил к арабскому «харам», в смысле «запретный», «закрытый для посторонних». В кыпчакских говорах нет звука «х», в тюркских языках практически отсутствует ударение на первом слоге и почти всегда оно приходится на последний слог. Ну и попробуйте произнести несколько раз это с ударением и твердым «к», уже на четвертый-пятый раз у вас получится «Къырым». Кыпчакский язык доминировал на этой территории уже не первую сотню лет, Чингизиды давно уже говорили не по-монгольски, а на языке народов, которыми управляли. В Китае – по-китайски, в Золотой Орде – на «тюрки».

Но почему «харам»? Это была укрепленная часть г. Солхат (Кремль или детинец, по-русски), в котором проживала ханская семья и другие мусульмане, являвшиеся тогда заметным меньшинством на фоне населения другого вероисповедания, в том числе и татар. Кстати, после переноса столицы в Бахчисарай, город стал называться Старым Крымом (Эски Къырым). Логично было бы ожидать, что новая столица называлась бы Новым Крымом, или, по крайней мере, на полуострове где-то тогда должен был существовать Новый Крым. А вот его нет и не было. Что же произошло?

Есть разные версии, но я предлагаю внимательнее присмотреться к названию «Бахчи Сарай». Это тот случай, когда даже крымские татары стали произносить его именно так и переводить на русский лад «Сад Дворец».

Прежде всего, нужно сказать, что богатые фруктовые сады в Крыму к XV–XVI вв. вовсе не были чем-то удивительным и редким. Практически каждый дом, начиная от южного берега и до начала крымской степи, утопал в садах. Массовая их вырубка началась с походами Миниха и Ласси в 1736–1737 гг., когда русская армия использовала их как топливо. Нынешняя «дллятористическая» версия названия города является про-

должением той надуманной «романтики», которая несколько столетий в Крыму насаждалась в связи с именами А. Пушкина и других российских литераторов, не видевших Крым в эпоху его действительного расцвета и богатства, когда с момента разрушения дворцов, уничтожения садов, разорения городов прошло уже несколько десятилетий. Другой важной стороной (если можно так сказать) российских деятелей искусства являлось полное незнание и непонимание крымской истории и культуры, когда реальные ценности подменялись высосанными из пальца баснями, чаще всего придуманными, или иногда перевранными в духе их собственных представлений и под большим влиянием веяний западноевропейского романтизма иных, сменявшихся модных течений.

Надо понимать, что перенос столицы ханства на новое место – в предгорья Крыма, имел практический и очень актуальный характер. Еще в эпоху Золотой Орды происходили регулярные военные столкновения между татарами и генуэзцами. Генуэзцы, сменившие венецианцев на Южном берегу, после того, как венецианцы поддержали захват Константинополя крестоносцами, в конечном счете, проиграли, но пытались установить тотальный контроль над крымскими и приазовскими портами, потому что монополия в морской торговле позволяла им снимать сливки со всей западной оконечности Великого шелкового пути, проходившей через Крым или в непосредственной близости от него.

Византийский император в 1261 г. разрешил генуэзцам строить свои колонии в Крыму, в 1266 г. это было подкреплено договором с золотоордынским крымским наместником Оран-Тимуром. Татары, насколько я понимаю, достаточно охотно пошли на этот договор, поскольку, не занимаясь мореходством (практически только османлы из всех тюркских народов освоили мореплавание), нуждались в транзите товаров через Черное море.

Однако впоследствии, по мере богатения и укрепления генуэзских колоний, поведение генуэзцев становилось все более дерзким. Они по указанным выше причинам отрезают от берега феодоритов в районе Баллавы и Херсонеса, начинают торговать рабами-татарами. Это породило череду конфликтов и неоднократную осаду Кафы золотоордынскими войсками. Был даже период, когда генуэзцы полностью покинули Крым, но опять-таки золотоордынские ханы уступили, нуждаясь в торговых посредниках на морю.

Как раз в эпоху кризиса Золотой Орды генуэзцы задумали разом решить все свои проблемы в Крыму. В 1434 г. из Генуи была направлена эскадра во главе с Карло Ломеллини с 6000-м экспедиционным корпусом, вооруженным новомодными по тем временам мушкетами для

«окончательного» решения Крымского вопроса. Первым объектом нападения стали побережные селения феодоритов (то есть смешанного населения тавро-скифо-эллино-гото-тюркского происхождения, бывшего христианами и говорившего на трех языках: румейском, готском и тюркском – урумском) и Херсонес, который именно тогда и был разрушен окончательно, прекратив свое существование в качестве самостоятельного политического, культурного и экономического центра.

Следующей целью был г.Солхат – один из важных перевалочных пунктов Шелкового пути в Крыму. Корпус был доведен до 10000 воинов за счет местных рекрутов, однако в сражении 22 июня 1434г. они были наголову разбиты татарами недалеко от Судака. Генуэзский захват всего Крыма не состоялся. Буквально в течение нескольких ближайших лет Крымский юрт Золотой Орды был возглавлен Хаджы Гиреем, получившим поддержку местной татарской знати. Крымское ханство стало новой реальностью. Однако же правители нового татарского государства сделали выводы из прошлых событий. Поиск места и строительство новой столицы стал насущной необходимостью.

Район нынешнего Бахчисарая к этому времени был населен уже в течение столетий. Почему же крымские ханы остановили свой выбор на нем? Вероятно, сработало несколько факторов. Примыкающее с юга к Бахчисарая княжество Феодоро было дружественным государством (об этом смотрите ниже), населенным народом, точнее народами, близкими по культуре и языку, имевшими вместе с татарами общих врагов в лице не только существующих, но и потенциальных захватчиков со стороны моря.

Прямо по соседству со строящимся городом на ближайшем горном плато была расположена крепость-поселение караев (известных в литературе как караимы) Джуфт Кале (в переводе – «парная» крепость), тюркского народа смешанного происхождения, преимущественно вероятно хазарского, но с участием готов и алан. Религия караимизма сформировалась примерно к VIII в., когда произошло окончательное отделение караимизма от иудаизма, к тому же в верованиях и обычаях крымских караимов сохранились многочисленные традиции древних тюркских культов. Их язык был очень близок к татарскому, они были монотеистами, небольшой, но очень хорошо организованной в военном отношении, общиной, которая, с одной стороны, нуждалась в поддержке крымских ханов, с другой сама готова была стать их защитой и опорой в эти неспокойные времена. Семья Менгли Гирея, сына Хаджы Гирея, несколько лет прожила под защитой в их крепости не только своей гвардии, но и караимов, пока строился укрепленный Хан Сарай. Впоследствии на тер-

ритории Джуфт Кале располагался монетный двор ханов, а сами караймы относились к сословию тарханов, то есть освобожденных от налогов, за их службу ханам. Кстати, вся долина, в которой располагается Хан Сарай, уже к тому времени была полна садов.

С севера Бахчи Сарай был открыт, но тут уж ничего не поделаешь, эта территория была прикрыта кочевьями и селениями татар до самого Ор Капу (Ворота у рва, Перекоп) и далее. Неожиданное нападение с той стороны исключалось.

Возникает вопрос: в этой очень непростой военно-политической обстановке насколько Менгли Гирею и его государству нужен был «Сад Дворец»? Ислам, благодаря усилиям его отца и самого Менгли Гирея, за 60 лет активно распространился по всему Крыму, значительная часть татар и беи стали мусульманами (симптомом стало появление термина «мырза» или «мурза», то есть деформированное арабское «амир заде» – сын правителя, вместо традиционно-тюркского бек, бей, бий). Нужда в новом «Хараме» или «Къырыме» отпала, поэтому он и не появился, а вот «Къырым» превратился в «Эски» или Старый Крым. Иначе говоря, Бахчи Сарай и стал «Новым Крымом».

Однако, как же в действительности звучало название новой столицы?

Вынужден снова обратиться к языковой ситуации того времени. Хань в тот период говорили и писали на каком-то из вариантов половецко-кыпчакского языка, на котором говорила и значительная часть подданных. В нем нет звука «х», также нет и «ч», как он звучит в современном русском или турецком (сравните нынешний «чай» по-татарски – он ближе к «щай»), после твердого «а» в тюркских языках просто не может звучать «и». Что же получается? «Бакъшы Сарай».

Но тогда вместо восторженного «Сад Дворец» возникает «Дворец Бакъшы». «Бакъшы» – очень старое тюркское слово, оно встречается и у калмыков (западных монгол). В современных языках оно переводится как «лекарь» (кыргызы), в некоторых – как «шаман», в иных – как «музыкант», традиционный певец-исполнитель вроде ашыга или ашуга (туркмены), исполнитель народного эпоса (ногаи). Этот перевод на современный язык, по-видимому, не вполне точен в связи с тем, что понятие «бакъшы» и их деятельность трансформировались по мере изменения культуры тюрков, однако, условно его можно передать как «жрец», «священник», «кудесник», когда представители этого сословия или группы занимались и врачеванием, и обрядами, и своего рода преднаукой, а также музыкой, бывшей частью повседневного быта и жизни людей. А теперь обратим внимание на факт, что практически все Гиреи (что многократно отмечено исследователями) являлись «суфиями», то есть последователя-

ми своеобразного течения в Исламе, практиковавшего искусства, научные занятия, стихосложение и т.д. как составляющую своего служения Аллаху [URL: https://www.youtube.com/watch?v=QkP9QuPhq2A&ab_channel=M%C3%BCzikveKimlik; www.youtube.com/watch?v=mGX4kK9-m4g&ab_channel=M%C3%BCzikveKimlik; www.youtube.com/watch?v=sXUV5PZAusc&ab_channel=NakanAliToker].

Вообще, традиционный ислам крымских татар – суфийский. Однако слово «суфий» – арабское, а максимально близкое к нему традиционное слово «бакшы» – тюрко-монгольское (См.: [www.sabah.com.tr/sozluk/tarih/bahsi-ne-demek; <https://www.turkcebilgi.com/bahsi/>]).

По сей день крымские татары употребляют слово «Танъры» как эквивалент арабскому слову «Аллах», не видя в этом никакого противоречия, потому что в нашем понимании «Танъры» не альтернатива и не какой-то иной бог, а сам единый Аллах – Всевышний на родном языке.

Точно так же тюркское «бакшы» равнозначно арабскому «суфий», кем и были видимо крымские ханы, вся династия Гиреев. Из сказанного становится понятно, что выражение «Дворец Бакшы» // «Дворец Суфия», однозначно подразумевало мусульманство и стало названием новой резиденции крымских ханов в условиях, когда Ислам стал религией не только государственной верхушки, но и большинства населения.

Возможен и другой вариант объяснения. Как отмечено выше, эволюция смысла слова «бакшы» привела к тому, что в Казанском и Крымском ханствах она стала трактоваться как «секретарь», точнее «государственный секретарь», должностное лицо, отвечающее за изготовление и сохранение государственных документов. Специалистам, но не широкой публике, известно, что еще до строительства Бахчи Сарая был построен (не сохранившийся до нынешних времен) Девлет Сарай, то есть буквально – «Государственный Дворец», расположенный прямо под караимской крепостью Джуфт Кале. Именно там и жил Менгли Гирей, сын основателя династии крымских ханов, Хаджы Гирея. Позже ставка была перенесена в Хан Сарай, располагавшийся теперь уже на территории «Бакшы Сарая», возможно, первоначально планировавшегося как резиденция государственной канцелярии (секретариата, правительства), но оказавшийся более удобным местом и для самого хана.

С другой стороны, результатом пребывания Менгли Гирея в плену в Стамбуле стал договор с Османской империей, который в российской историографии пытаются представить как вассальные обязательства крымских татар по отношению к османлы. Насколько это не соответствует истине, можно увидеть из пункта договора, в соответствии с которым в случае физического пресечения рода Османов на престоле следующими

законными претендентами на него является династия Гиреев. На деле, правда, до этого не дошло, хотя ситуации дважды приближалась к такому моменту.

Известно, что к этому времени территория Крымского ханства, когда-то граничившая с Казанским ханством в Нижнем Поволжье в районе г. Уека, де-факто сократилась. Дикое поле, то есть территория от причерноморских степей до примерно Харькова и Тулы, юридически считалось частью Крымского ханства, но в результате чумы XIV в. и последовавшего за ним разгрома Золотой Орды Тимурленком, обезлюдело на долгие столетия, что и стало поводом для такого названия, хотя за 300 лет до того это был достаточно плотно заселенный печенегами и половцами, регион. По некоторым оценкам, в 1346 г. в результате чумы в Крыму погибло 85 тыс. чел., что, учитывая обстоятельства и масштабы гибели людей в Западной Европе, куда чума попала именно из Крыма в генуэзских кораблях, представляется очень заниженной цифрой.

(Продолжение следует)

Литература

1. Кто вы «армяно-кипчаки»? URL: <https://www.gumilev-center.ru/kto-vy-armyano-kipchaki/>.
2. Рефат Куртиев (1925–2012). URL: <http://gasprinskylibrary.ru/events/event/refat-kurtiev-1925-2012/>.
3. <https://www.sabah.com.tr/sozluk/tarih/bahsi-ne-demek>.
4. <https://www.turkcebilgi.com/bahsi>.
5. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mGX4kK9-m4g&ab_channel=M%C3%BCzikveKimlik.
6. https://www.youtube.com/watch?v=QkP9QuPhq2A&ab_channel=M%C3%BCzikveKimlik.
7. https://www.youtube.com/watch?v=sXUV5PZAusc&ab_channel=NakanAliToker.

АСТРАХАНСКИЕ ТАТАРЫ

Вопрос о характере этнической общности астраханских татар в донациональный период остается неисследованным. Имеющаяся информация о татарском населении Нижнего Поволжья скорее создает впечатление, что в лице астраханских татар мы имеем дело с несколькими не до конца консолидированными группами, нежели с единой общностью. Из-за того, что традиционная культура астраханских татар изучена далеко не полностью (наиболее детальное исследование принадлежит казанским этнографам, см.: [Астраханские татары: 1992]), выделение их этнографических подразделений методом атласной картографии представляется пока невозможным. В такой ситуации при анализе поставленного вопроса приходится опираться на исторические и этнокультурные данные, которые в целом позволяют татар Астраханской области подразделить на местных и пришлых. Однако такая классификация, как будет ясно из дальнейшего материала, достаточно условна.

Местные группы. К местным астраханским татарам традиционно относят *юртовских татар* и *карагашей*. По одной историографической традиции обе эти группы относятся по происхождению к ногайцам [Арсланов: 1976, 1977; Калмыков, Керейтов, Сикалиев: 1988]. Но имеется и другая линия историографии, которая увязывает юртовских татар с потомками населения периода Астраханского ханства, несводимого только к ногайцам. Главное отличие между рассматриваемыми группами заключалось в том, что юртовские татары были полуоседлыми уже во второй половине XVI в. (часть юртовцев в XVI в. более или менее постоянно проживала в Астрахани), тогда как карагаши выходили на кочевку даже в конце XIX – начале XX вв. У юртовцев в прошлом бытовали два эндоэтнонима – *юрт татарлары* (юртовские татары) и *нугай*. У карагашей этноним звучал как «*карагач-нугай*». По ряду культурно-бытовых особенностей карагаши в прошлом достаточно сильно отличались от юртовских татар [Александров: 1989; Пятницкий: 1930. Т. 32. Вып. 3/4. С. 155–169]. Проведенные в последние годы исследования показали, что в состав юртовских татар вошли ряд групп (по-видимому, с XVIII в.), этнически с ними первоначально не связанные (кундровские татары; бешаульские татары и др.), из которых сформировалась группа «алабугатских татар». Частично они являются ногайцами по происхождению, но среди них имеются и выходцы из состава казахов, туркмен.

По данным середины XIX в., юртовские татары были сосредоточены в 15 селениях в окрестностях Астрахани (Царевское, Зацаревское, Башмаковка, Каргалинское, Ексовское, Три Протока, Семиковское, Осыпно-Бугорское, Машаик, Келечи, Солянка, Биштубя, Кулаково, Бобровское

и Есаульское; у двух последних имеется и общее название – Тулугановка). В середине XVIII в. насчитывалось около 4,2 тыс. юртовцев. С XVIII в. карагаши располагались в двух селениях (Сеитовка и Ходжетаевка), позже к ним добавились другие деревни (Беркет, Аралык, Найма, Акмечеть, Харивань, Каняли, Лапас, Кечкене Керемчек, Улькум Керемчек). Совместно с другими тюркскими группами карагаши к началу XX в. жили еще в населенных пунктах Уч-тамак, Кырык-уйле и Джана-аул. Численность карагашей между 1760–1780 гг. составляла 3–3,2 тыс. чел..

Ранние мигранты и смешанные группы. В их числе прежде всего следует выделить «емешных татар». К XVIII в. представители этой группы были в личной зависимости от мурз (в 1762 г. – 300 семей). Это были потомки пленных, взятых астраханскими татарами во время войн с «крымскими и казанскими татарами». Позже, возможно, к ним прибавились и другие пленные («арапы», «литовского и немецкого полону»). Представители рассматриваемой общности (фактически этносословной группы) уже в первой трети XIX в. числились в составе юртовских татар, которыми были ассимилированы достаточно рано. Их доля среди юртовцев довольно высокая (по данным С.Г. Гмелина, в 1760-е гг. на 1006 семей юртовцев приходилось 300 семей «емеков», см.: [Гмелин: 1777. С. 173]).

К ранним мигрантам следует отнести и «татар трех дворов» – «Агрыжанского», «Гилянского» и «Бухарского» (в XVIII в. – слободы). Эти «татары» жили в Астрахани уже в 1570-е гг. В «агржанцах» надо видеть *индийцев-индуистов*, выходцев из г. Мултана (Западный Пакистан). В Астрахани они переженились на татарках (60–70-е гг. XVIII в.). Население «Гилянского двора» образовали выходцы из провинции Гилян, из этнической группы *татов* (первоначально – христиане). Но уже к 30-м гг. XIX в. они исповедовали ислам. Жители «Бухарского двора», бывшие мусульманами, сформировались на основе узбеков (возможно, сартов, которых именовали и «тезиками»). Татары «трех дворов», занятые торговлей и жившие в Астрахани, выделялись до 1860-х гг. (в 1744 г. численность этой группы составляла 1,5 тыс. чел.), но в результате этнического смешения, прежде всего с юртовскими татарами, они растворились в их составе (см. об этом: [Небольсин: 1852. С. 389]).

Историко-этнографические материалы показывают [Астраханские: 1992], что астраханские татары не позже конца XIX в. переживали процесс консолидации с волго-уральскими татарами в единую этническую общность. Проявлением этих процессов и стало усвоение всеми астраханскими татарами общенационального этнонима «татары». Содержательный аспект процесса консолидации был связан как с этническим смешением разных групп татар Астраханской губернии, так и с трансфор-

мацией культурно-языковых параметров местного и пришлого татарского населения. Итогом этих процессов стало усвоение местным татарским населением Нижнего Поволжья того слоя татарской культуры, который был связан с национальным этапом развития. При этом пришлые волго-уральские татары тут также испытали заметное воздействие местного татарского населения [Арсланов: 1976. С. 6; 1980; Астраханские: 1992. С. 5–33]. Тем не менее этническая консолидация разных групп астраханских татар к первым десятилетиям XX в. еще не была завершена, полностью не закончен даже процесс этнического сближения юртовских и волго-уральских татар.

Литература

1. Александров Н.А. Татары. М., 1889.
2. Арсланов Л.Ш. Язык юртовских татар (по материалам экспедиции 1972 г. // Учен. записки КГПИ. Казань, 1976. Вып. 166. С. 3–71
3. Арсланов Л.Ш. К вопросу о карагашском языке // Сов. тюркология. 1977. №4. С. 73–82.
4. Арсланов Л.Ш. Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края и Калмыцкой АССР): Дисс. ... д-ра филол. наук. Елабуга. 1980.
5. Астраханские татары. Казань, 1992.
6. Гмелин С.Г. Путешествие по России. СПб., 1777. Ч. II.
7. Калмыков И.К., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988.
8. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья // ЖМВД. 1852. Ч. 38. С. 203–391.
9. Пятницкий Вл. Карагачи. По материалам поездки 1927 г. // Землеведение. 1930. Т. 32. Вып. 3/4. С. 155–169.

[Источник: Татары. М.: «Наука», 2011. С. 14–15, 22–23. Материал подготовлен Д.М. Исхаковым]

ХАНКИРМӘН ТАТАРЛАРЫ, КАЙДА СЕЗ?

Кагыйдә буларак, кайсы гына төбәк турында язсам да, беренче чиратта үзем булган эфирләр турында гына сөйләп, халык белән аралашканнан соң, гына кулыма каләм ала идем. Бу юлы әлеге кагыйдәдән тайпылып, бер тапкыр да аяк басмаган Рязань өлкәсе татарлары турында язарга, биредә яшәгән милләттәшләребезнең – Касыйм татарларының рухи мирасы белән таныштырырга теләм. Рязань өлкәсе татарлары белән кызыксынуым очраклы рәвештә, галим Азат Ахунов фейсбукта бер фото элгәннән соң башланды. Фотода йорт капкасының эчке ягында бер төркөм халык, хатын-кызлар белән ир-атлар аралашып утырган яки баскан. Хатын-кызларның башларында калфак, күбесенең өсләрендә ак блузка белән кара, яки караңгы төстәге итәк, берничә хатын-кыз күлмәктән, ир-атларның өсләрендә төрле кием – алар арасында эңилән-пальто кигәннәр дә, костюм кигәннәре дә бар, арткы рәттә торган берничә ирнең өстендә хәрби гимнастеркага охшаган кием. Фотоның артындагы язучу өлешчә генә сакланган: «15 нче апрельдән 1 майга кадәр Шакулов йортында...мөгәллим вә мөгәллимәләр». Бу фотода язучы Закир Гади да бар. Ялгышмасам, бу эдипнең бердәнбер мөгълүм фотосы дадыр. Чөнки кайсы гына китаптагы сурәтен карасак та, ул шушы фотодан алынган. Әлеге фото халыкта шактый кызыксыну тудырып, елы, урыны турында төрле фикерләр булды. Фото алынган урынны галим Илһам Гомәров башта ук төгәл күрсәтә: Касыйм шәһәре, фото артында сакланып калган Шакулов фамилиясе ялгышырга урын калдырмый. Бу фамилиягә соңрак тукталырбыз. Язучы Закир Гадинең да тормышы Касыйм шәһәре белән бәйле. Фото алынган елга килсәк, бу сорауга да җавап табылды. Һәм бик очраклы рәвештә. Бу турыда да соңрак...

Россиянең Рязань өлкәсендә урнашкан Касыйм шәһәрендә һәм аның тирә-як авылларында яшәгән татарларны «Касыйм татарлары» дип атыйлар. Бу территорияләр элеккеге Касыйм ханлыгы җирләре була. Касыйм шәһәре Олуг Мөхәммәт ханның улы Касыйм хан (1452) исеме белән аталган. Аның татарча исеме Ханкирмән. Касыйм ханлыгы тарихы фәнни хезмәтләрдә яхшы яктыртылган. Шуңа күрә без тарихка кермибез.

Касыйм татарларын элек берничә төркөмгә бүлгәннәр. А.А.Мансуров язмалары буенча, бер як «Ак аймак» дип аталган. Аңа Шырын (Подлипки), Биём сала (Царицино), Татарбай (Тарбаево), Яубаш (Болотце), Тибәнәк (Тебеньково) авыллары кергән. Бу якның икенче исеме Дүртсала булган, ул исем Ак аймакның дүрт зур авыл тирәсенә берләшкәннән ки-

леп чыккан. Икенче якны «Кара аймак» дип атаганнар. Ул Карбай (Ахматово), Субак (Собакино), Меретово – Барамыкка (Барамыково) кадр урнашкан зур булмаган иллегә якын авылны эченә алган. «Кара зыбынар» дип аталган өченче төркемгә Уканың уң ягында урнашкан 8 татар авылы кергән. Ак аймак халкы яллы хезмәттән файдаланган, чагыштырмача яхшы хәллә булган. Халкы ресторанныр тоткан яки буфетчылар булганнар. Кара Аймак халкы игенчелек белән шөгыйльләнгән, Ак Аймак халкына караганда, авыррак яшәгән.

Касыйм татарлары турында беренче мәгълүмат Австрия илчесе Сигизмунд фон Герберштейнның 1549 елда язылган «Записки о Московских делах» дигән хезмәтендә урын алган. Ул анда Касыйм татарлары турында шактый бәхәсле мәгълүмат калдыра: хатын-кызларның чәчен туздырып, башларын капламыйча йөрүләрен яза. Касыйм татарларының тормышын, көнкүрешен шактый тулы яктырткан язмалар исә XX йөзгә беренче чирегенә карый. Мәсәлән, А.А.Мансуровның Рязань өлкәсендә эшләгән этнографик экспедицияләр вакытында тупланган материаллар нәтижәсендә язылган хезмәтләре. Рязань өлкәсенең татар авыллары, халыкның көнкүреше ул чорда шактый гына этнографларның, тарихчыларның игътибарын жәлеп итә. Бу очраклы да түгел, татар халкы житеш тормышта яши, һәр авылның үз шөгыйле бар. Аларның чисталыгы, белемгә омтылышы, милли традицияләре дә күпләргә үрнәк булып тора. Бу хакта А.А.Мансуров язмаларында шактый тәфсиллә күзәтүләр булу сәбәпле, кабатлап тормыйм.

Рязань өлкәсе – татар мәдәниятендә, фәндә, әдәбият өлкәсендә исемнәре калган бик күп шәхесләргә бергән төбәк. Беренче татар хатын-кыз профессиональ опера жырчысы Зөһрә Байрашева, татар хатын-кызларынан беренчеләрдән булып югары белем алган табиб Разыя Котлыярова, Касыйм шәһәрәндә беренче кызлар мәктәбен ачучы Сәгъдия Булатова, танылган этнограф¹ Мөршидә Бикжанова исемнәрен атап үтү дә биредә белемле-мәгърифәтле халык яшәгәннен исбатлап тора. Шулай да, Касыйм татарларын таныткан берничә шәхескә аерым тукталу урынлы булып. Кайсы гына өлкәне искә алсак та, иң беренче төбәктән чыккан мәгълүм шәхесләргә барлыйбыз, шулар аша халыкны танийбыз. «Жамигыт-тәварих»ның авторы – тарихчы һәм әдип Кадыйргали бәк Касыйм ханлыгында яшәгән һәм ижәт иткән, ул үз чорының укымышлы кешесе була. 1602 елда тәмамланган «Жамигыт-тәварих» хезмәтенең татар әдәбияты тарихында лаеклы урыны бар. Шунысын да искәртү кирәк – эсәргә теле татар әдәби теленә якын, һәрхәлдә, татар телен камил белгән кеше аны аңлап укый ала. Хезмәт табылганнан соң, аны И.Н.Березин, В.В.Вельяминов-Зернов, Ч.Вәлиханов, М.А.Госманов кебек олут галим-

1 Бу исемлеккә этнограф Б.Х.Кармышеваны да өстәргә була (ред).

нәр өйрәнә, аңа бәя бирә. 1895 елда Рязань өлкәсенә Әже авылында туып үскән Заһидә Бурнашеваны (1895–1977) татар әдәбияты белән таныш күпләр белә. Ул әдәбият дөнъясына Гыйффәт туташ тәхәллүсе белән керә. Аның беренче шигырьләре 1913–1914 елларда Гаяз Исхакый нәшерендә чыккан «Ил» газетасында басыла башлый, 1915 елда «Гыйффәт туташ шигырьләре» дигән беренче жыентыгы дөнъя күрә. Шагыйрә, 1916 елда аны яңартып, кабат бастырып чыгара. «Балалар күчелә» дигән китабы 1919 елда укучыга ирешә. Заһидә Бурнашева 1952 елдан гомеренә соңгы көненә кадәр Казанда яши һәм 82 яшендә вафат була. «Татар хатын-кызлар хәрәкәте тарихыннан» дигән китабын Казанда яшәгәндә әзерләгәч ул 1971 елда басылып чыга. Язучы Закир Һадиның (1863–1933) тормышы да Касыйм шәһәре белән бәйләнгән. Башлангыч белемне Башкортостанның Бәләбәй өязе Ярмәкәй дигән татар авылында әтисеннән алгач, ул укуын Касыйм шәһәрендә урнашкан яңача укуга башлаган Кастров мәдрәсендә дәвам иттерә. Касыйм шәһәреннән биш-алты чакрымдагы Татар Бае авылында жәдитчә укутучы мөгаллимнәр курсы ачылгач, анда белем ала. Мәдрәсәне тәмамлагач, күпмедер вакыт төрле өлкәләрдә мөгаллим булып хезмәт куя, 1922 елдан Касыйм шәһәренә кайта, биредә дә укутучы булып эшли. Шәһәрдән ерак булмаган Биәмсала авылында төпләнәп кала.

Касыйм татарлары турында сүз чыккач, тагын бер исемне искә төшермичә мөмкин түгел, ул – Әже авылы кызы, Октябрь революциясенә кадәр Сарбоннада югары белем алып, математика профессоры дәрәжәсенә ирешкән Сара Шәкулова (1887–1964). Профессор дипломы белән дә татар кызына эш табу җиңел булмый, 1916 елда Сара Шәкулова Казанга килә. Аның Казанны сайлавы очраклы булмый, биредә туганнан туганы Гайшә Сәит-Шәкулова яши, ул Галимҗан Барудинның хатыны була. Сара Шәкулова Фатиха Аитованың кызлар хосуси гимназиясендә һәм Ләбибә Хөсәенованың кызлар мәктәбендә геометрия укуга башлый. Революциядән соң халык мәгарифе өлкәсендә хезмәт куя. Соңрак Мәскәүдә яши, техник югары уку йортларында математика укуга.

Менә шундый шәхесләргә биргән төбәк ул Рязань өлкәсе. Әлбәттә, биредә яшәүче халыкның тормышы татар галимнәренә игътибарыннан да читтә калмый.

1959 елның июнь аенда Г.Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институтының фольклор секторы галимнәре Хәмит Ярми, Халидә Гатина һәм Эдуард Касыймов, халык авыз иҗатын өйрәнү максаты белән, Рязань өлкәсендә экспедициягә чыгалар. Бу институтның әлегә төбәккә оештырылган беренче һәм әлегә бердәнбер фольклор экспедициясе була. Экспедиция Шырын (Подлипки), Яубаш (Болотцы), Түбән авыл (Ишми-

но), Татарбай (Татарбаево), Карлар (Ахметово), Мулты (Мултово), Су-бак (Собакино), Түстек (Починка), Әже (Азеево), Биём Сала (Царицино) авылларында һәм Касыйм, Рязань шәһәрләрендә материал туплый.

Г.Ибраһимов исемдәге Тел, әдәбият һәм сәнгать институтының Язма һәм музыкаль үзәгәндә саклана торган экспедиция материаллары буенча фикер йөртсәк, Касыйм татарларының сөйләмә әдәби телгә яқын, аерым сүзләр татар теленең көнбатыш диалектына карый, «ж»лаштыру сизелә. Телнең лексик составына килгәндә, язмаларда архаик яки диалекталь сүзләр аз очрый. Әйтергә кирәк, хәтта XIX йөзнең беренче яртысына караган язма чыганақларның теле дә хәзергә әдәби телдән аерылмый.

Хәмит Ярми экспедиция вакытында үзенең кайларда булуларын, кемнәр белән аралашуларын язып бара. Сөзнә шушы эш барышында тупланган аерым үрнәкләр белән таныштырып китәргә телибез.

Экспедиция вакытында язып алынган материалның зур күпчелеге – жыр текстлары. Галимнәр озын сюжетлы жырлар да, кыска жырлар да язып алалар. Мәсәлән, Хәмит Ярми Ермиш районы Әже авылында Гайшә Бигишевадан 58 куплет жыр язып алган. Галим текстлардан соң: «Бу жырларның бер өлеше аның 1912–1915 елларда язылган дәфтәрендә иде. Гайшә апәгә 60 яшь. Жырлар арасында безгә билгеле булганнары да очрый. Ләкин безгә Казанда мәгълүм булган жырларның да монда да яшәве мөһим. Жырларның кыскалары һәм борынгы озын жырлар беррәттән язылды», – дип язып куйган. Гайшә апаның жырлары нигездә мәхәббәт турында:

Авырта башым – ис тигән,
Ис тимәгән – күз тигән.
Син дускаем искә төшсә,
Ятып жылыым йөзтүбән.

Күк күгәрчен күгелжем
Жиргә төшә жим өчен.
Күрер өчен интизармын
Бер сөйләшер сүз өчен.

Кара бөдрә сачемне
Үрдәртәсем килмидер.
Эчем – ялқын, тышым – салқын,
Белдәртәсем килмидер.

Эдуард Касыймов иллеләп сюжетлы жыр язып алган. Алар арасында «Мирской жырлары», «Кыз жылату жырлары», «Анам кабере» «Биём Сала сазы» кебек жырлар очрый. Информантлар аерым жырларның биредә генә очравын, кайберләренең казан татарлары белән уртақ булуын сөйләгәннәр.

Төрле борынгы жырлар

Бохарада гына мәсжед салдым –
Түбэләре мәржән, төби таш.
Белмисез лә, дуслар, хәлләремне –
Күкрәккәем моңлы, күзем – яшь.

Мәккә, Мәдинәнен манарасы,
Акшамсыз капкалар ябылмый.
Үткән дә үмерләр, калган хәтер
Сатып алыым, дисәң дә, табылмый.

Икедән генә үргән сачләрем
Калды гына бердән үрергә.
Көн дә күргән генә дускайларны
Калды гына төштә күрергә

*Касыйм районы Түстек авылында
Ялымова Фатыймадан (59 яшь) Хәмит Ярми язып алган.*

Хәмит Ярми экспедиция вакытында булган төрле хәлләрне дә баян итә. Мәсәлән, ул халык шәп жырлый, дип сөйләгән бер карт артыннан ике көн йөрөп, бу кешенең жырчы булмавын белгәннән соң, никадәр вакыт югалтканына ачына. Иске китаплар, кулъязмалар белән кызыксынган галимгә Рязань музеенда иске китаплар күп булуын әйтәләр, ул мондый юллар калдырган: «Закир Һадиның кулъязмаларын, бөтен бер мәкаләләр жыентыгы кулъязмасын табып, фотога төшереп алып кайттым. Касыйм татарлары этнографиясенә караган бик күп элекке фоторәсемнәр таптым һәм аларны алып кайттым.

Касыйм музеендагы иске китаплар тузанын ике көн иснәп утырдым. Кызык, менә табам, менә табам, менә килеп чыга, менә элэгә, дип һаман зур өмет белән утырасың. Касыйм музеенда иске китаплар да, кулъязмалар да күп. Аларның зур күпчелеге дини китаплар. Мин аерым фольклор дәфтәре яки әдәби әсәр таба алмадым. Тик менә бер 1845 нче елда язылган китап битенең читендә шактый гына жырлар язылган. Иске авыл шартларын чагылдырган мөхәббәт жырлары. Жырларның, бик күптән язылган булуына карамастан, теле бик халыкчан». Галим дәфтәрдән күчергән жырлар бүген дә яхшы аңлаешлы, әдәби телдә:

«Күктәге йолдыз, ахыры якты –
Нинди ерак жирдән күренә.
Яр сөя торган кызлар булса,
Күз каравыннан ук беленә.

Ике былбыл сайраган
Нинди куакларның башында?
Тәкъдирләр булып, насыйп микән,
Биеп ерлауларың каршында.

Кашыңда, жаным, нигә кара
Әллә сөрмә бармы күзендә?
Бу кадәр хәйлә кайдан чыга?
Шайтан хәйләсе бар үзендә».

Касыйм татарларының бер популяр көйләре «Мирской жырлары» дип аталган. Галимнәр бу жырның төрле информантлардан күп санлы куплетларын теркәп куйганнар. Хәмит Ярми жырның тарихына карата болай дип яза: «Бу Әже авылы болынга бик бай булган. Элекке вакытларда 6000 га болыннары булган. Революциягә хәтле бу Әже авылында 1200ләп хужалык була. Авыл кешеләренең кайберләре Урта Азиядә (Ташкент, Бохара, Төркестан), Мәскәү, Ленинградларда яшиләр. Аларның кайберләре сәүдә итә, кайберләре приказчик, управляющий булып эшли. Ә кайберләре официант булып эшли. Читтә эшләүчеләр күп акча эшләп, авылга кайтып, икешәр катлы йортлар салдыралар. Авылның күпчелеге авыл хужалыгы белән шөгыйльләнә. Ул катлау, күпме эшләмәсен, күпме тырышмасын, шул ярлылыктан чыга алмый, чабатадан, киндер күлмәк ыштаннан ары китә алмый. Авылда асты таш, өсте матур, тигез бүрәнәләрдән, яки сырлап эшләнгән матур стеналардан торган йортлар янында кечкенә генә, тәбәнәк кенә йортлар да еш очрый. Бу катлауның жир ертып эшләп тә, шул бәләкәй йорттан, ярлы хужалыктан котыла алмый яшәве күренеп тора.

Бу авылда берничә елда бер мәртәбә болынны бүлү булган.

Болыннарның бер өлеше хужалык башына бүленеп, бер өлеше бөтен авыл – мир өчен калдырылган. Бу өлешенә бөтен авыл бер вакытта чыгып, печән чапканнар. Душ башына (жан башына – ред.) карата кеше чыгып, соңыннан печәнне купна (копна), чүмәләләп бүлгәннәр. Менә шул вакытларда бөтен авыл халкы болынга барып, кунып, печән чабып ятканнар. Яшьләр гармуннар белән чыккан. Эштән туктагач, уеннар башланган. Яшьләр түгәрәк уеннар уйнаганнар һәм шул вакытта «Мирской жырлары» жырланган. Бу жырларның үзенә махсус көе дә булган».

Хәмит Ярми Ермиш районы Әже авылында Сажидә Бурнашевадан язып алган «Ай янында якты йолдыз» дигән жыр татар жырларының кабул ителгән традицион төзелешеннән шактый үзгә. Бер яктан, беренче юлның башка дүрт юл белән ярашмавы, хәтта эчтәлек тә туры килмәү, үзенчәлекле кушымталар бу жыр турында шактый сораулар тудыра. Бер

генә нәрсә әйтеп була – андый жырлар да булган. Бәлки әле кайда да булса, сакланып та калгандыр.

Ай янында якты йолдыз

Биек тау башында ни күренә?
 Ай янында – якты йолдыз,
 Аның йолдызы гына.
 Таң алдыннан ул да сүнә,
 Калам ялгызым гына.
 Самавыр башында канфурка,
 Беребез – анда, беребез – монда,
 Беребез – Бөгелмәдә.
 Бер-беребезне күрә алмыйбыз
 Йөрәк өзелгәндә дә.

Кушымта:

Беребез – анда, беребез – монда
 Әжәлләрдән жан курка.

Сандугачлар булып сайрар идем,
 Карлыганар, бөрлегәннәр
 Пешмичә өлгергәннәр.
 Бармы икән безнең кебек
 Күрешергә тилмергәннәр.

Кушымта:

Сандугач телләрен белсә иден,
 Бу фани дөньяда үлсә иден,
 Ахирәтгә бергә булса иден.

Ах, итсән, ах та була,
 Сабыр итсән, файда була.
 Сезнең өчен түккән яшем
 Тигез жирдә дәрәя була.

Кушымта:

Бу фани дөньяда үлсә иден,
 Ахирәтгә бергә булса иден.

Касыйм татарларыннан күп санлы мәкаль-әйтемнәр, табышмаклар, тапкыр сүзләр, мазәкләр, көй тарихлары, авыл тарихлары тупланган. «Сәрби бәете», «Жамали кыз бәете» һәм башка бәетләр берничә информант башкаруында теркәлгән. Әлбәттә, биредә яшәүче татарлар да «Сак-Сок» бәетенә берничә вариантын яхшы белгәннәр. Касыйм шәһәрәндә

яшәгән Фатима Ишембаевадан (1895 елгы) Хәмит Ярми язып алган вариант күләме белән иң зур, 39 строфадан тора. «Сак-Сок» бәете ул татар халкының, кайда яшәвенә карамастан, бер халык булуын исбатлаган билге булып тора.

Халидә Гатина күп санлы мәкальләр, табышмаклар, яшьләр уеннары язып ала. Яшьләрнең «Галиябану» уенын яратып уйнауларын искәртә.

Касыйм шәһәрәндә эшләгән вакытта галимнәр Касыйм шәһәре укытучысы Фәрхәнәс Бәширова белән танышалар. Ул, фольклорга караган материаллар яздырып кына калмый, институтның фольклор бүлегенә кыйммәтле бүләкләр дә тапшыра. Аларның исемлеге дә бирелгән. Бу – Касыйм татарлары тормышын яктырткан фотосурәтләр, кулъязма «Таң» журналының һәм кулъязма «Чалгы» газетасының берәр номеры. Фотосурәтләрнең берсе – язучы Закир Һадиның Касыйм укытучылары белән төшкән рәсеме. Фәрхәнәс Бәширова бу фотоның вакытын да күрсәтә – 1919/20 уку еллары. Шул рәвешле, экспедиция материаллары арасында, сүз башында искә алынган фотоның серен төшенергә ярдәм иткән мәгълүмат та килеп чыкты.

Экспедиция вакытында галимнәр өлкә музеенда татар тормышына караган материаллар белән танышалар. Берничә документтан күчәрмә дә ясыйлар. Бу хакта Хәмит Ярми болай дип язып куйган: «Бу материал 1959 елгы экспедиция вакытында Рязань шәһәрәндә Өлкә музей архивынан табылды. Мин бу материалларны табу белән күчерү чарасын күрдәм һәм материалны сатып алдык (машинкага да түләдек)».

Касыйм татарлары турындагы сезгә тәкъдим ителгән язманың авторы – Алексей Алексеевич Мансуров, 1900 елда Касыйм шәһәрәндә туган. Ул бөтен гомерен туган як тарихын өйрәнүгә багышлый, Касыйм шәһәрәндә Өлкә музей оештыручыларның берсе була. А.А. Мансуров 1922 елдан Өзнен халык мәгарифе бүлеген житәкли һәм шул ук елдан этнографлар белән бергә күп санлы экспедицияләрдә катнаша башлый. 1941 елда Бөек Ватан сугышында һәлак була. Сезнең игътибарга тәкъдим ителә торган язма шушы экспедицияләр вакытында тупланган материалларны бәян итә.

Материалы к изучению быта касимовских татар. Рязань, 1928.

«Настоящие материалы составлены, главным образом, по материалам личных наблюдений, сделанных летом 1925 г. при обследовании касимовских татар Б.А. Куфтиным, в которых я принимал участие.

Несомненно, Б.А. Куфтин имеет материал более полный, систематический и обработанный, при обладании которым настоящие заметки

оказались бы ненужными, к сожалению, Общество этим материалом не располагает.

Думая, что данные, приводимые мною, могут послужить материалом, хотя и довольно незначительным для исследователей татарского быта – я решил их передать в Общество исследователей Рязанского края, несмотря на то, что они носят очень отрывочный характер и являются лишь сырым материалом, т.к. никаких обобщений и выводов я не делаю.

Татарское население в Рязанской губернии сгруппировано в двух центрах: вокруг г. Касимова, а также в самом городе, и в Сасовском уезде в селе Азеево. Касимовская группа населяет ряд сел и деревень в непосредственной близости к городу на левом берегу р. Оки. За несколько верст, ниже по течению Оки – на правом ее берегу также есть группы селений – Ташенка, Башцево (Баишево?), Колубердиево, Сафоново, Сеитово, с татарскими жителями.

Деревенское население левобережных деревень подразделяется на два района, выделяемых самим местным населением – Кара аймак и Ак аймак. В первый входят мелкие селения по большой дороге до Барамыково. Их жители всегда занимались хлебопашеством и живут значительно беднее и срее жителей Ак аймака. Эти последние, напротив, сами земледелием почти не занимались, пользуясь наемным трудом и живя на стороне, содержали рестораны или служили буфетчиками. Этот район называется также Дьртсала (Четыре села), т.к. главными его центрами являются большие татарские села Подлипки, Тарбаево, Болотцы и Царицино. Заречных татар именуют Укаяр, что в переводе на русский язык означает Заречные. Те, в свою очередь, также называют левобережные селения.

Азеевских татар касимовские зовут «мишаре». А в этой кличке есть что-то оскорбительное и презрительное. Что означает это слово – точно никто не знает. На наш расспрос один старик в Кушникове сказал, что такое прозвище дано вследствие того, что азеевцы когда-то на войне ели от голода мышей.

Касимовских татар азеевцы называют Ханкирьмян, бывшее ханство, объединяя под этим названием как городское, так и сельское население кКасимовских татар.

Обследованию в июне месяце 1925 г. подвергались следующие селения близ г. Касимова:

Кушниково – Куснэ – 6 дворов, земледельцы.

Кучуково – Малое Кадышево – земледельцы и официанты.

Собакино – Субак – земледельцы и официанты.

Селище – несколько татарских земледельческих дворов.

Царицино – Биём сала – земледельцы и официанты.

Несмотря на многовековую жизнь в окружении русского населения и на службе в различных местах – на железных дорогах, в больших городах – Касимовские татары до самого последнего времени сохраняют свои этнические особенности. Правда, в последнее время замечается ассимиляция – так костюм становится более общим, уклад жизни менее следует национальным традициям, русский язык становится необходимым для каждого татарина. Но все же многие черты быта остаются специфическими, браки между русскими и татарами почти не наблюдаются, антропологический тип и характер остаются неизменными, весь общий облик татарского селения дает понять, что оно представляет из себя нечто отличное от соседских русских деревень.

Первое, что бросается в глаза – это лучшее благоустройство селений. Они значительно чище, дома лучше, больше, богаче. Около домов хозяйственные надворные постройки. Строения часто каменные, крыты железом, деревянные обычно выкрашены, около домов палисадники – в них иногда беседки. На воротах блестящие шары, на окнах занавески и цветы. Все это – детали в русских селениях непривычные.

Вглядываясь в костюм местного населения также можно его сразу отличить от русского. Мужчины обычно ходят в маленьких тюбетейках, рубашку заправляют в брюки, старики носят и сейчас еще халаты. Женщины ходят в очень длинных и широких платьях с покрытыми головами. На голове сохраняется иногда расшитая маленькая шапочка – калпак / «алпа». В праздники поверх платья надевают комзол.

Но самое главное – это татарский язык. Он сохранился повсюду. В татарских деревнях не услышишь русской речи. Там все жители говорят между собой на татарском языке. Проезжая, русский человек услышит непременно непонятный ему разговор.

Жилище татарина в общем гораздо более удобно, чисто и благоустроено, чем русского крестьянина и даже часто и горожанина. Не говоря, конечно, о городских жителях, которым принадлежит немало самых лучших домов, сельские татары живут в сравнительно хороших условиях. Обычно в домике, даже в небольшом, несколько комнат отдельных от кухни. Стены и пол чисто выметены, на стенах в рамках арабские надписи из Корана, портреты домохозяев, группы или снят кто-либо из домашних совместно со служивцами в каком-либо ресторане или вокзале. На окнах обычно белые шторы, на подоконниках цветы, на полу дорожки-коврики, а около двери особый половик для обтирания ног, часто венская мебель. Но особенно чисто и шикарно содержится кровать, убранная цветным или белоснежным пологом, с расшитым или белым ажурным подзором до самого пола, с грудой мягких пуховых подушек. Около нее обычно помещается комод

хозяйки – он же [для] туалета бесчисленным количеством всевозможных безделушек, на которые татарки очень падки. При постоянных связях с крупными городами и железнодорожными станциями татарки легко получают этот товар, который они или приобретают сами, или получают его в виде подарков от родственников и подруг. При каждом доме есть уборные, чего при русских деревнях нет. Устройство уборной несколько оригинально. Стульчак возвышается от пола всего вершка на 3 или 4. Отверстие в нем не круглое, а узкое-овальное. Содержится уборное чисто. Тут же стоят кумганы с водой для омовенья. В последнее время насколько мне представляется, омовенья стало совершаться не аккуратно.

Если сравнить обстановку дома русского и татарского крестьянина, то, в общем, можно сказать, что татарский дом более европеизирован. Однако и в нем сохранились чисто местные особенности. Прежде всего, во всех татарских домах, даже в городских, нет форточек. В некоторых старых избах еще до сих пор сохранились длинные наглухо прикрепленные к полу скамьи, с настланными вместо сиденья досками, положенными поперек лавки. Это так называемые «тызмиле унде». Они же служили и рундуками, сундуками, где хранились домашние продукты, вроде картофеля и мелкая утварь. Настланные поперек нее дощечки не были прибиты, и вынимая их открывали этот рундук. К этой скамье стол придвигался вплотную, и на нее садились поднимая под себя ноги по-восточному. Стулья и вместе с ними способ сидеть по-европейски, видимо, появились недавно, по крайней мере еще в 1920-х гг. я видел в Ахматовской школе оригинальные парты, представляющие из себя одни попитры вышиной от восьми до двенадцати вершков, без скамеек. Ученики сидели на полу.

Печь бывает обращена к двери. В печи вмазан печь-котел. Старики помнят еще куриные избы.

Часто бросается в глаза, что окна дома обращены во двор. С постройкой нового дома у татар связывается ряд обычаев.

Под первые венцы, потихоньку от рабочих клали серебряные пятаки или готвенники.

После установки первых венцов устраивали саломады; парень или даже мулла читает молитвы, в это время варится саломада из пшена, муки и коровьего масла. Ее мешают под чтение молитв. Затем садятся посреди избы, едят и угощают рабочих. Около стола ставится срубленная рябина.

После постройки новой избы вносят в нее хлеб-соль и ставят на специально посланный для этого столешник.

В первый раз избу топят яблоневым деревом.

Одежда – современных татар представляет собой смесь европейского платья последней моды с элементами национального костюма. До по-

следнего времени женский костюм был еще вполне национальным, но теперь и женщины очень быстро усваивают модные фасоны и рядятся так же, как и русские и даже раньше их узнают последние новинки.

Но и здесь проявляется татарская непосредственность и любовь к простоте. Новые модные одеяния их более вычурны и каждый новый фасон подчеркнут более, чем это полагается.

Мужчины также всегда не прочь блеснуть костюмом не отстают в этом отношении от женщин. Когда появились галифе, френчи, гетры – татары сделались самыми ревностными их потребителями. Так же просто-душно они обзаводились портфелями и кожаными перчатками. Думаю, что очень скоро они нарядятся в круглые очки в черепаховой оправе. Любовь к нарядам выражена в местной татарской пословице: деревья красят листья, а человека тряпки.

К сожалению, я сейчас не имею возможности дать полное описание мужского и женского костюма, и принужден ограничиться самыми поверхностными замечаниями.

Национальными особенностями мужского костюма, кроме названий тюбетейки, которая всегда должна прикрывать голову татарина, всегда чисто выбритую, следует отнести халат. Сейчас халаты носят старики. Молодежь их уже оставила. Взрослые надевают их, отправляясь в мечеть на молитву. На голову мужчины иногда надевают чалму, но это уже принадлежность культовая, хотя помимо духовенства ее могут носить и лица, не принадлежащие к служителям культа.

Женский костюм значительно сложнее и разнообразней. Головной убор составляет платок, при чем им покрывают голову, не складывая его наискось, как это делают русские, а повязывают его целиком, связывая в узел под подбородком, два конца по одному краю и свешивая назад два противоположных. Причесок раньше не делали, а носили косы, в которые вплетали косники – привески с деньгами – обычно серебряными, но у богатых были и золотые. Лицо полагалось обнажать в меньшей мере и поэтому помимо платка, повязанного сверху, повязывался другой платок снизу, закрывавший шею – азу-бейляву (изү бэйләве). Эту же роль играл тастар – узкий обычно кисейный шарф с вышитыми или затканными концами. Под платком на волосы надевался колпак – маленькая шапочка, превратившаяся в миниатюрную-кукольную, прикрепляемую особым образом на резинке, вышитый жемчугом или под жемчуг. Раньше колпаки были большие, которые можно было действительно надевать, с кистями на конце и по бокам около висков. Поверх всего этого надевалась шаль – привезенная с Востока и хорошего качества с круглыми цветами или другими узорами. Обязательной принадлежностью белья татарки являются штаны-шаровары, широкие и длинные.

Касыйм татарлары, 1929 ел

Широкое, длинное платье и сверх него камзол в талию, парчовый или шелковый, а иногда и бархатный, завершали костюм. На ногах были сафьяновые сапожки, вышитые гладью.

Вышивание и сейчас еще распространено. Ручное тканье или вывелось, или выводится. Так, например, в Кушникове уже не ткут, но прежде умели ткать, по словам их еще ткут в Бетинской волости, на правом берегу р. Оки. В Куруково тканье вывелось, т.к. дешевизна ситца заставила обратиться к его употреблению, но лен еще прядут.

Татарские вышивки, обычно гладь и тамбур. Особенного художественного интереса не имеют, но старинное тканье и бранье являются чрезвычайно любопытными. В Касимовском музее собраны сравнительно большие коллекции затканок шелковых и простых, представляющих большое разнообразие как по орнаменту, так и по расцветке. Почти исключительно преобладает геометрический рисунок, видоизменяя элементы повторно татарки создали огромное количество комбинаций. Особенно красивы вышивки на концах полотенец и подзорах.

Обряды, о которых удалось собрать сведения, относятся, как наиболее ярким моментом домашней жизни, так и по хозяйству.

Если в семье не родятся дети или если рождаются дети одного пола, молятся и дают обещание устроить Курбан и угостить родню. Угощают белым барашком, уткой, парой гусей. Также кормят и нищих. В таком случае

татары говорят: «Әгәр дә угыл туса иде, ак куй курбан суяр идем» – «если нет сына, то белого барашка принесем в чертву». Кости животных в таком случае не ломают, а бросают в реку (сооб. в Кушникове).

При выносе покойника из дома надо следить, чтобы он не дотронулся до притолки или косяка двери. В противном случае он будет «ходить домой». Дома его не видать, только стучит ночью, тогда надо вбить в его могилу дубовый кол.

Существует обычай «Хатым хужа». Каждый год для благополучия режут пару гусей, призывая муллу, молятся и едят. Кости и потроха бросать нельзя.

Чтобы не умирали дети, мальчику дается имя «Туктар». Чтобы в дальнейшем родились мальчики – дается имя девочке – Иртоу.

Обычай – Чук. При засухе резали на поле овцу или корову и там же ее ели всем селом. Кости оставляли незарытыми (Кушниково). По сведениям, полученными в Кучукове после обеда поливали поле водой.

Моление о дожде – истиска – устраивали в 1924 г. в Кушникове. Говоривший об этом татарин заявил: «Если бы не молились, факт, что была бы, как на Украине засуха. Молятся молча, выходят не здоровываясь, хотя бы пожар случился, нельзя было бы вернуться. Скотину резать – это высшая мера. Сейчас и так помогло. Русские пропустили, а татары успели.

Там же нам сообщили, что на Курман кололи скотину и кости ее, оставшиеся от еды, зарывали в укромном месте. По лопаткам можно, кто умеет, гадать.

Зарывали не только кости, но и кровь. Теперь это уже не делают.

Много рассказывают про домового – дзэрт песё (йорт иясе?). Вообще говоря, из мифологического персонажа – это самая популярная фигура. Представления о домовом у татар в основном сходно с аналогичными представлениями русских. Домовой, «хозяин» дома, заботящийся о нем, или, напротив вредящий ему, если владельцы его недостаточно почтительны. Поэтому домовому татары стараются выказывать знаки внешнего уважения.

Так, например, при переходе в новый дом просили и домового пожаловать туда же. С этой целью иногда приезжали за ним в старый дом на лошади, клали подушку на экипаж и везли в новый дом на ней неведомого седока. Домового просят: «Не оставайся в старом доме, иди в новый дом».

Обычно, домового не видим. Но, если его застать врасплох, то можно и увидеть. Старики говорили, что видели домового, он на хозяина похож. Один татарин старик нам рассказывал: «Я видел его лет в тринадцати. Овин сушил. Я пошел за лопатой и прибежал с ней бегом. Он поспешно пошел под лаз. Сзади он похож на козу. Наверно он выходил погреться и прозевал меня.

Смотреть за скотиной – привилегия домового. Он о ней заботится, или напротив, мучит ее, если она ему не понравится. Домовой заплетает лошадям гриву, а если не полюбит скотину, то пихает ее в колоду вверх ногами. Поэтому хозяин должен знать, какая масть идет к дому, т.е. нравится домовому. В противном случае добра не будет.

По поводу заплетания гривы домовым один татарин сказал нам: «Вот я газетах и книжках читал, что это ласка-птичка вьет гриву. Но ведь это очень уж хитро вьется. И, кроме того, ласка пользительна для мышей, но для скота вредна. Если через спину пройдет, может спина пропасть».

Одна казаковская женщина рассказывала, что ей ночью во сне домовый гладил голову. Она прочитала молитву и сказала: «Господи благослови». В эту ночь как раз ее сыну разбили камнем голову, но он все-таки поправился. Иногда домовый плачет, это не к добру.

Бывает случаи, когда в доме заведется черный домовый. Это нехорошо, потому что он «ломает скотину».

Поэтому так усиленно и зовут своего домового в новый дом. К нему обращаются со словами: «Кил, безнең белән тор» – «Зайди с нами и живи с нами». «Мин киләм, син дә кил» – «Мы переходим, иди и ты». Приглашая домового таким образом, держат в руках хлеб.

На наш вопрос, питается ли чем домовый и кормят ли его хозяева, нам ответили: «Кто ему даст еду? Он сам хозяин. Может быть и ест месиво с лошадьми или овес».

Домовые живут и в овинах. Это так называемые овин бабай. При бросанье дров в овин кричат, чтобы домовый посторонился: «Авин бабай, кит андан».

В бане живет нечистый дух – пирэ. Пирэ может быть и мужчиной, и женщиной. Иногда, когда баня бывает пустой, можно заметить, что в ней ходят полы и можно заметить две фигуры.

Урман иясе – леший шекотун. Водится, главным образом там, где сеют лен. Скотину не трогает.

Верят, что в некоторых местах водятся черти. Их не видно, но их глаза часто светятся, как угли. Около села Тарбаева есть овражек, в котором обитают эти черти. Они часто водят путника, в особенности зимой. Их озорство заключается в том, что они часто садятся на сани и их набирается так много, что лошадь от тяжести останавливается. Когда же они прыгивают, то лошадь сразу дергает. Чтобы избавиться от них надо читать про себя молитвы – татарам свои, а русским свои. Если же и это не поможет, то надо перевозжать лошадь – переменяя левую и правую вожжу местами.

Медведя читают зверем, который выгоняет нечистую силу. Были случаи, сравнительно недавно, когда водили медведя вокруг дома и в дом, чтобы не умिरал дети.

От падежа скота практиковалось опахивание. Так, лет тридцать тому назад, в Ахматове было произведено опахивание днем. Запрягались старухи, молодые женщины погоняли, читали молитвы.

При холеры вешают на шею скоту чеснок и кормят чесноком. Окуривание можжевельником признается за целебное, дезинфицирующее и благотворное средство.

В старину в переднем углу вешали мешок, который висел по несколько лет. При болезни детей туда клали гроши, после чего этот мешок давали нищим. Болезни объясняли так: наверно старики и покойники держат – «Лиу тата» (үле тотта?). Обычно же до этого мешка дотрагиваться нельзя: «покойник потянет» и будет страшное горе (Кучуково).

В других деревнях деньги с этого мешка употребляли ежегодно на поминку умерших, что способствовало благополучию дома. На этот мешок «Ази» вообще не надо обращать внимание, и делать вид, что его не замечаешь. Однако этот запрет в последние годы не внушал иногда страха. Нам назвали некоего татарина Атаулу Брандукова, который из Лиу таскал деньги.

У татар был на ходу «петей» (бөти), клешня краба и 2 бусинки, которые вешали через плечо.

От болезни и в особенности от горловых давали сосать агат (сердолик).

На первый день Пасхи в избу заходит один из соседних мальчиков, по уговору с хозяйкой, которая стелет ему на порог шубу. Он садится на него и кличет благополучие на скот – чипа пути, чал, ма, му, михахат, ти-ти-ти, и кормит пшеном кур. Хозяйка дает ему на следующий дом пшена. Если же это кликание благополучия его не приносит, то мальчика бранят и на следующий год уже не позовут. В принципе этот обряд совершает сама хозяйка, которая встает раньше других.

По окончании жатвы катаются по жниву и просят, чтобы жнива возвратила назад силу.

По окончании жатвы устаивают пожинки «Эльтоке». Последний сноп украшают цветами и приносят его домой. На поле оставляют несколько не сжатых колосьев в пользу птиц.

Существует поверье, что принесенный в дом серп влечет за собой перемену погоды.

В религии татары следуют магометанству, которое распространялось и поддерживалось у них муллами. Во всех татарских школах преподавалось их вероучение. Мулла имел непосредственное влияние и на население, ничуть не меньшее, чем православные священники в своих при-

ходах. Не только в праздники и в различных семейных торжествах или печалях фигурирует мулла, но и в хозяйственной деятельности.

Так, на поле первый всегда выезжал мулла и уж после него все остальные.

С народными суевериями муллы ведут борьбу, но они держатся достаточно крепко. О пережитках древних верований своего народа муллы говорить не любят.

Обычные мусульманские праздники, которые чтут и исправно сплавляют касимовские татары, это – Ураза или Рамазан, Курбан, Ашура, спустя 10 дней после Нового года и Меувлие – рождение Магомета.

Но, вместе с тем и в этой области можно проследить некоторые влияния соседнего русского населения. Так Старопосадские татары чтут Инжилъ – Илым дет, в Чернышове – Троицу «Тромца», в Каравлях, в 15 верстах от Азеева, празднуют Игрище – «Игрша», в Петровские заговенья в Молочном – Покров – «Пурау», в Ивановке Успенье – «Аспосень». В Царицине месили сого при зажженных свечах, нам также был сообщен старинный обычай – не ест соги до тех пор, пока не разведут в углу огонь, и на Пасху катают яйца.

Все эти влияния христианства происходили сами собой как бы просачиваясь в мусульманство. Но кроме того, надо сказать, что в Карамышеве в 1900 г. была учреждена православная противомагометанская миссия, которая существовала специально для обращения в православие татар. Несмотря на большое внимание, которое было уделено ей со стороны духовного ведомства, ее деятельность не была успешной. Имело место лишь единичные случаи присоединения татар к православию.

Помимо примесей некоторых элементов православия, правда, очень видоизмененных и воспринятых чисто внешне, магометанство давало свои искажения.

Так в прежнее время из Собакино ходили в Касимов [в] царские гробницы, текие, и, принимая царей за святых, там не только читали молитвы, но и приносили жертвы.

Женский вопрос в последнее время начинает разрешаться в более современных формах.

Начать с того, что браки прежде совершались по воле родителей, невесту иногда даже не видели, она всегда появлялась закрытой. Вообще женщина была, если не запрятана, то все же достаточно изолирована от жизни. Даже в религиозном отношении ее роль была самая последняя. В мечеть женщинам ходить не позволялось. На этой почве в Касимове в начале революции были протесты женщин, которые с силой ворвались в мечеть. На мечеть ходят также одни мужчины.

Вся домашняя жизнь женщины ограничивалась кухней и рукодельем. Правда, на этом поприще ими сделаны значительные успехи. Рукоделья татарок достаточно изящны. Готовят татарки все умело и вкусно.

Во время вечеринок существовал обычай не подходить ближе чем на 2 аршина к девушкам (Кушниково).

Ходячие понятия о женщине можно назвать полупрезрительными. В ходу известная пословица: «У бабы волос долог, да ум короток».

В настоящее время бытовые условия сильно видоизменились и жизнь женщины становится не такой замкнутой. До сих пор соблюдается старинное правило, запрещающее устраивать свадьбы по вторникам и пятницам.

Народные развлечения и гулянья сопровождаются пением и танцами. Мотивы татарских песен очень своеобразные и для русского слушателя однообразные. Это объясняется тем, что они все построены на пятизвучной гамме. Наиболее распространенная песня «Галиябану». Танцы немногочисленны: лезгинка и местная вариация. Танцуют под гармонь, на которой играют женщины. В последнее время развиваются вечеринки, на которые ходит молодежь обоих полов.

Частушки распространяются, так же, как и современные танцы.

Взаимоотношения с русским населением, в общем, вполне мирные. Прежняя вражда сглаживается вполне. Так, из татарской деревни Кушниково ходят в русскую деревню Поляны на вечеринки, кучуковские татары одоужают русским экипажи для свадеб. Из русской деревни».

Хәмит Ярми җитәкчелегендә экспедиция эшләгән авылларның хәзер кайберләре юкка да чыккан. Халык, акрынлап тамырларынан аерылып, үткәннәр белән бәйләнешен югалта бара. Тел, җыр-моң онытыла. Бу мәкалә, Касыйм татарларына үткәннәрен искә төшерергә, рухи кыйммәтләрен барларга бер этәргеч булыр, дип өметләнам.

1959 елгы экспедиция вакытында касыйм татарларының туй йолалары, «Кыз елату җырлары» тупланган. Алар белән киләсе саннарның берсендә танышырга мөмкин булачак.

ЕРМАК И ВОКРУГ

Полемика вокруг памятника Ермаку в Тобольске производит странное впечатление. Не очень понятно, во-первых, почему памятник ставить хотят именно Ермаку. Во-вторых, почему именно в Тобольске.

Он завоевал Сибирь? Вовсе нет. Сибирь подвели под «высокую государеву руку» совсем другие люди – воеводы, которые строили крепости, и брали на службу местных жителей, в том числе татар.

Он был воеводой, владыкой, царем для всех людей? Представителем русского царя? Нет, не был. Ни от имени царя, ни от имени России Ермак, частное лицо, наемник Строгановых, никогда не выступал.

Он разгромил хана Кучума? Скорее уж Кучум разгромил Ермака – так точнее. Кучума разгромил боярин, воевода, думный дворянин, князь Андрей Матвеевич Воейков. Произошло это у впадения речки Ирмень в Обь, 20 августа 1598 г. С удовольствием сообщаю, что тысячный отряд Воейкова состоял из татар как минимум на треть. С удовольствием – потому что мне как-то приятнее видеть присоединение Сибири покорением местных племен и государств, а не как национальную войну.

Есть тут одна не очень приятная деталь... В России, потом и в СССР историки прекрасно знали, что треть или четверть воинов Кучума были по происхождению русскими, и совсем не обязательно перешедшими в ислам. Всем известно, что татары Западной Сибири шли в казаки. Поименно известно и множество татар, служивших русским воеводам. Татарами была добрая половина казаков, вышедших в 1618 г. для основания Енисейска. Вели это войско Петр Албычев – внук Албыча-мурзы и Василий Рукин, относительно которого давно идут споры – указывает ли его кличка «Черкас» на украинское или на татарское происхождение.

Не раз возникали смешанные семьи. В том числе на татарках не раз женились представители очень известного казачьего рода Перфильевых. Частично татарин был и отец иркутского воеводы, землепроходец и атаман, строитель Мангазеи и Енисейска, Максим Перфильев или Перфирьев (кстати, женат на бурятке).

Так же известно, что в Красноярске первые пятьдесят лет сибирско-татарский язык наряду с русским был официальным языком общения и делопроизводства. Известно немало документов, написанных русскими буквами, но по-татарски.

Это, скорее, приятные детали нашей истории. Очень симпатичная сторона империй – они наднациональны. Когда начинают выяснять, кто

и какого был рода-племени, – это свидетельствует о глубоком кризисе империи, если не о развале.

Памятник Ермаку в Тобольске ставят под странным лозунгом «мы вас победили», что само по себе провокация. Ермак тоже не вел «войны с татарами», и очень возможно, сам был татаринoм полностью или частично. И отвергает его татарская общественность не потому, что Ермак «их завоевал». А потому, что этот нанятый Строгановыми разбойник вошел в историю татар Сибири как человек очень жестокий и свирепый.

И нет в этом никакой «русофобии» – мне не известно враждебное отношение татар ни к Воейкову, ни к основателю Тюмени, Василию Борисовичу Сукину. Ни к основателю Тобольска, Даниле Григорьевичу Чулкову. Все эти люди вовсе не были ангелами небесными. Сыновья жестокого 16 столетия, совершили они много такого, от чего поднимется ни одна бровь.

Воейков сразу после Ирменской битвы 1598 г. повесил большую часть пленных – считал их, по ряду причин, изменниками.

Чулков заманил к себе в гости последнего из тайбугидов, князя Сейд-Ахмеда или Сейдяка и султана кайсацкой орды Ураз-Мухаммеда или Ораз-Мухаммеда, Ур-Магмета. Заманил и взял в плен! Не великий подвиг, однако и Чулкова татары вовсе не считают разбойником.

А Ермака – считают, и не без оснований.

Вероятное татарское этническое происхождение Ермака нимало не мешает им относиться к Ермаку более чем скептически. Кстати, в чем проявляется и их душевное здоровье – не любят сибирские татары разбойников, мало разбирают, татарские они или русские.

Кстати, русские поступают точно так же. Мы чтим царевичей Сибирских, тем паче Кутузова и Карамзина. Но разве что «в порядке бреда» можно представить себе памятник Чол-хану-Щелкану в Твери. Внуку баскака, святому Пафнутию, основателю Боровского монастыря, памятник могут и поставить. Но не его дедушке-баскаку.

Возможно, для какой-то части жителей Тобольска Ермак – символ героизма и отваги, служения Отечеству и объединения народов. Но для другой части тобольчан тот же самый Ермак – просто совершенно отвратительный бандит.

Решая ставить памятник-символ почему-то учитывается мнение только одной стороны. И это мнение почему-то выдается за «патриотическое». Если про «патриотизм», то могу сказать одно – будь я шпионом и «агентом влияния» враждебной России иностранной державы, я бы активнейшим образом поддерживал постановку памятника Ермаку. И уже не из-за его личных черт и не из-за его места в истории. А потому, что

постановка этого памятника – раскол. Поставим этот памятник – оттолкнем от себя если не всех, то многих сибирских татар. На данный момент – вполне лояльных граждан нашего общего государства. Тем самым покажем татарам – вы не «наши». Вы – покоренные враги. Мы морально поддерживаем преступления Ермака.

Посеять смуту – это ли не мечта любого врага, любого подрывного центра? Так на кого работаете «патриоты»? Не выдумывайте, что я обвиняю вас в сознательной измене. Но ваше упорное стремление ставить Ермаку памятник – объективно сеет раскол, создает в России если не врагов – то по крайней мере, несогласных. Вам это действительно надо?

Хочется воздвигнуть памятник деятелям русской истории, которые присоединяли Сибирь к московскому царству? Я уже назвал Воейкова... чем вам не нравится Андрей Матвеевич, покоривший Сибирское ханство? Или основатель Тобольска, Данило Григорьевич Чулков, о котором сказал известный историк 19 столетия, Павел Иванович Небольсин: «Чулкову мы обязаны конечным прекращением главных и важных смут в Сибири и доставлением царю неотъемлемого и крепкого права назвать всю до-иртышскую страну ... достоянием России».

Ермаку мы не обязаны ни основанием городов, ни «прекращением главных и важных смут».

«ИДЕГЭЙ» ДАСТАНЫНДА ХАН СЫЙФАТЛАРЫ ТУРЫНДА БЭХЭС ТАМЫРЛАРЫ

«Идегэй» дастаны Партия Үзэк Комитетының 1944 ел 9 август карары нигезендә тыюларга төкем ителгән әсәр буларак, 1988–89 елларда гына тоткынлыктан чыгып, матбугатта кабат бастырылды. Безнең үткән тарихыбызны күзаллау өчен әһәмиятле булган мәшһүр дастанның тормышыбызга кайту вакыйгасына утыз елдан артык вакыт үтеп тә киткән.

Дастан ата-бабаларыбызның яшәеш фәлсәфәсен, дөләт югалту фажиғасен мажаралы вакыйгаларга төреп укучыга житкерә. Анда күтәрелгән һәр тема бүген дә үзкыйммәтен югалтмаган. Әсәр илләр жыйган ата-бабаларыбызны атта чапкан кыргыйлар рәвешендә сурәтләү кебек стереотиплардан арынырга, дөләт тоткан ир-егетләрнең кешелек сыйфатларын, идеалларын ачарга мөмкинлек бирә.

«Идегэй» дастанын күңелгә нык алып укып китүемә сәбәп булып әсәрдә бәян ителгән яшәү рәвешенә, омтылышларның, ышануларның авылда сакланып калганын күрүдән килеп чыкты. Дастанда бит авылча һәр юл-сукмак исемле, туган жирнең «яфраклары калкадай, ботагы көмеш алкадай» икәнә искә төшсә, йөрәгебез Идегәйнеке кебек сулкылдап куя, авыл малайларының «колын тайдай уйнашып» ат көтүләре, атны яратулары – болар барсы да безнең тормыш сурәте. Дастан ижатчысы безнең Исергәпчә (Баулы районы) «жик күреп», «теңкә кортып», «яскынып», «кыдырып» дип сөйли. Норадын әнисенә безнеңчә «инәки» дип эндәшә. Дастан геройлары авылча туры, дәрәс сүзнә яраталар, алдашмау, урлашмауны үзләренә яшәү кагыйдәләре итү өчен көрәшәләр. Геройларның авылча үзара ант эчүләрен, антларына, әйткән сүзләренә тугры калуларын, сүзнә тәсирен бик тирән аңлап, каргышка ышануларын да искә төшерик.

Дастанны авыл тормышы белән чагыштырганда тагын бер сүз игътибарны жәлеп итте: ул бүген дә кулланышта булып, кыяфәте белән куркынычрак яки ябык кешегә әйтелә торган «өрәк» сүзе (аның икенче мәгънәсе – үлгән кешенең адашкан жаны). Бу сүз дастанда да кулланыла – өрәк низаг чыгуга төп сәбәче була бит. Кобогыл исемендә йөргән Идегәйнең тәхет хужасы Туктамыштан өрәге көчлерәк икәнлеген ханәше Йәникә күреп ала: Идегэй килеп кергәндә Туктамыш хан ирекседән торып баса. Туктамыш моңа ышанмый, Кобыгылның ди:

«Өрәге миннән каты булалмас!
Килбәте миннән киң булмас!
Килбәте киң булганда
Коты миндәй котлы булалмас!»

Өрәкләргә сынау үткәрәләр. Нәрсә сыныйлар соң алар? Өрәк – дастаннан аңлашылганча, йогынты, тәэсир көче, хәзергечә әйтсәк – аурасы. Алар ханның тәэсир көчен «елкычыдан би булган» Идегәйнең тәэсир көче белән чагыштыралар. Нәтижәнең хан файдасына булмавы зур кыенлыктар белән тәхеткә ирешкән Туктамышны куркуга сала. Тәэсир көчөң, йогынтың бетсә хан сараенда тусаң да, хакимлек дилбегәсе кулдан китәргә мөмкин икәнлегенә ишарә бит бу.

Өлеге күренеш безгә булачак ханның башкалардан өстенлекле сыйфатларын ачыктарга ярдәм итә, хан нинди булырга тиеш – шул сорауга җавап бирә. Әсәр геройлары да ул хакта даими бәхәсләшәләр, үзләрен Чыңгыз хан варислары белән чагыштыралар. Аларны да тыңлап карыйк. Ир-егетнең өстенлегә сүзне үткәреп сөйли белүдә («Ирнең ирдән нисе артык? / Бер сөйләгән сүзә артык»), уй белән идарә итә белүдә («уйны тыйган мырзамын»), дип белдерә тәхеткә үз дөгъвасы булган Норадын. Әйе, хакимлек дилбегәсен кулында тоткан хан өрәк-йөрәк көченә өстәп сүз белән ышандыру көче, уй көче, табигатьтән бирелгән үтә сизгерлек («фирасәте фаш булды») сыйфатлары булганда гына далада башкаларыны ияртә, илләр җыя алган. Өске катлам берләшеп үткәрә торган ябык корылтайда Чыңгызыйлар арасыннан нәкъ щундый ир-егетне хан итеп күтәргәннәр. Әмма Үзбәк хан бакыйлыкка күчкәч (1341), аның улларынан соң бу кануни тәртипкә хыянәт ителә. Адәм баласы бит, коткы сүзгә ияреп саташу, комсызлык, көнчелек өскә чыга. Илдә буталыш китә. Егерме ел дэвамьнда күп каннар түгелә, күп ханнар алышына. Ил көчсезләнә. 1380 елда тәхеткә ирешкән Туктамыш та, күрәсен, бу кануни тәртипне читләтеп, Аксак Тимер ярдәмендә хан булгандыр.

Алтын Урданың көчсезләнүенә табигый шартлар сәбәпче булганын да истә тотарга кирәк. Ул чорларда табигать нык үзгәргән: аерым елларда булган я биниһая корылык, я артык күп явым-төшем афәте, кимерүчеләрне үз урыныннарыннан кузгаткан, кешегә якынарак сыенырга мәҗбүр иткән, ә алар төрле йогышлы авырулар таралуга сәбәпче булган. 1346 елда Идел һәм Дон елгаларының түбән агымы җирләренә чума чире үтеп керә. Чума аркасында Сарай шәһәрәндә һәм якын тирәдә халык яртылаш диярлек кимегән, дип исәпли тикшерүчеләр. Табигый шартларның начарлануы аркасында күп борынгы династияләренң дә юкка чыкканы тарихларда мәгълүм хәл.

Табигать көйсезлеге, чумадан халык кырылу, илнең өске катламындагы үзара дошманлык – болар барсы да халык күңелендә зур хәвеф булып

Зәрия Хәбипова. «ИДЕГЭЙ» ДАСТАНЫНДА ХАН СЫЙФАТЛАРЫ ТУРЫНДА БӘХӘС ТАМЫРЛАРЫ

төенлэнгән һәм жәмгыятәтә ил корабын бәла-казадан исән алып чыгарлык батыр эзләү уе тудырган элбәттә. Дастанның башлангыч юлларында ук Идегәй халык күнеле эзлэгән батыр итеп күрсәтелә:

«Ятимнәргә – яр булган,	Ялгызга – ясак булган,
Колчурага – дус булган,	Жәяүгә – таяк булган,
Аты юкка – ат булган,	Карны ачканга – тамак
Чүллэгәнгә – су булган,	булган
Адашканга – юл булган,	Идегәй ир бар икән».

Алга таба Идегәйнең дә ханнарга хас сыйфатлары санап кителә: көчле өрәкле, алдан күрүчән, үткер сүзле чичән. Дастан сәхифәләре аңа тагын бер сыйфат өсти – ул һәрвакыт уяу: үзен агуларга эзерләнгәннән тиз абайлап ала, агуны кайтара; Туктамыш хан үтерткән кеше улы икәнлеге ачыклангач, тозакка элэккәнче, сарайдан чыгып китү жаен таба.

Дастан шуның белән дә әһәмиятле, ул далада яшәп килгән тәрбия ысулларын Идегәй, Норадын тәрбиясе аша гамәлдә күрсәтә, һәр кешегә үзәндә бу сыйфатларны үстерү серләрен ача. Моның өчен табигатьтән көч алып үсәргә, яхшы-яманны аера белергә, рухи сыйфатларга өстенлек бирергә кирәклегә дастанның күп юллары аша укучыга житкерелә. Идегәй тәрбиясе турында:

«Алтысында ат менде,
Жидесендә жәй тартып,
Жиде тотам ук атты.
Сигез-тугыз булганда,
Сигез тукмак сындырып,
Туң тимергә кул орды.
...
Унберендә бер булды,
Уйпыксыз чичән ул булды.
Уникегә житкәндә
Алпамыштай ир булды», – дип әйтелә.

Унике яшендә ул үзенә яшәү хокукын төгәл билгеләп: «Ил игелем күрсен, дип, Асыраган чал бабам – Ул игелегем күрсен», дип, – хезмәтен ил белән, туган жир белән бәйләгәнән әйтә.

Икенче жирдә Идегәй үз иптәшләрен яклауны, саклауны өстенә алганын белдереп:

«Мин исәндә үлмәссең!
Үлмәссең дә бөлмәссең,

Авырлыклар күрмәссең!» – дип, рухларын күтәрә. Шулай ачыла аның башкаларны үз артынан ияртү, ил батыры булып житлегү сәләте.

Тарихка күз салсак, татар дәүләтчелеге тамырлары бик тирэнгә киткән зур агачны хәтерләтә. Шушы тирән катламнарны бер жепкә тезеп барлаганда, без дәүләт төзегән-тоткан ир-егетләрнең идеалларын күзалый алырбыз. Аларның исемнәре, алар керткән тәртипләр, казанышлары, омтылышлары мәңге ташларда, елъязмаларда, легенда булып халык хәтерендә югалмыйча сакланып калган.

Һун империясенә нигез салган һәм безнең эрага кадәр 209–174 елларда идарә иткән Модэ шаньюй (икенче исеме Баһадур) – дәүләт төзелешенә күп яңалыклар керткән тарихи шәхес. Ул керткән үзгәрешләр Бөек Дала халкы өчен яшәү рәвешенә әйләнәп, мең елдан соң да эһәмиятен югалтмаган. Модэ дәүләтнең ныклы кысасын – структурасын барлыкка китерә. Үзгәрешләр нигезендә ыру башлыклары ирекле сайланмый, ә вазифаларын варисларына тапшыру хокукы ала, ягъни ыру аксөякләре (аристократиясе) барлыкка килә. Шулу вакытта ыру башлыклары шаньюй житәкләгән югары идарәгә буйсынырга тиеш була. Дәүләтнең ныклығы өчен өченче көч кертелә – гади сугышчылар арасыннан талантлы, көчле кешеләр ил идарәсенә югары катламына кадәр күтәрелә алганнар. Модэ шаньюй керткән үзгәрешләр дәүләтне берләштерүгә, ныгытуга һәм көчәюгә китергән. Һун дәүләте өч йөз ел буена Кытай басымына бирешмичә яшәвен дәвам иткән. Шулай итеп, төрки-татар дәүләтен Кытай үзенә тиң дәүләт дип таныганга 2000 елдан артык вакыт үткән икән.

Төрки каһанлыклар чорыннан (V–VII гасырлар) истәлек булып мәңге ташлар сакланган. Ул ташларда каһанның бурычлары төгәл күрсәтелгән: илне һәм кануннарны саклау; халыкны ачык-ялангачлыкка төшермәү, ил халкын күбәйтү. Каһанның сыйфатлары – зирәк, батыр, белемле булу. Бу борынгы ташъязмаларда бәлки беренче тапкырдыр каһанның сыйфатларына халыкны ияртә алу сыйфаты өстәлә һәм басым ясап аерым күрсәтелә. Төньякук истәлегендәге ташта бу турыда болай әйтелгән: «Казануым, тырышлыгым аркасында, ияртә алуым аркасында ирешелгәннәрем, казанган уңышларым өчен илебез көчле ил булды, халкым көчле халык булды».

Халыкка куелган таләпләр – тугры булу, чит тәэсиргә бирешмәү, байлыкка алданмау. Каһаннарның сәләтсезлеге, ата-баба кануннарын үтәмәү, гади халыкның ваемсызлыгы, малга алданып чит тәэсиргә бирешү илнең таркалуына китерүче сәбәпләр, дип күрсәтелә язмаларда.

Чыңгыз хан (1155–1227) тәхеткә утыргач, үзе яулаган жирләрдә идарә итүдә катгый тәртип булдыруны максат итеп куя. Монның өчен Бөек Дала халыкларының яшәү тәҗрибәсен туплаган кануннар тупланмасы Яса¹ языла. Яса – һәркемгә дә аңлаешлы, кем булуына карамастан,

1 Язу сүзе шуннан булса кирәк (ред.).

Зэрия Хэбипова. «ИДЕГЭЙ» ДАСТАНЫНДА ХАН СЫЙФАТЛАРЫ ТУРЫНДА БЭХЭС ТАМЫРЛАРЫ

бердэй үтэлэргэ тиешле тэртипне аңлаткан кагыйдэлэр жыентыгы. Яса талэплэре бик катгый яңгырый: урлашу, женси бозыклык, ялган шаһитлык – канун буенча үлем жэзасына хөкем ителэ. Шул ук вакытта Ясада бер-береңэ миһербанлы булу, диннэрне хөрмэт итү, фэн кешелэренэ, табибларга, фэкыйрьлэргэ салым салмау турында да әйтелэ. Яса гамэлгэ куелгач, Бөек Далада зур туплану барлыкка килэ, почта хезмэте кертелэ, юллар куркынычсызлыгы тээмин ителэ, сүдэ жанлана.

Чыңгыз хан үзе Ясаны гамэлгэ кертүне, аның кануннарын бозмыйча саклауны иң мөһим бурыч дип санаган. Монголларның «Серле хикәят»ендэ мондый юллар бар: «Әгэр аннан соң килгән дәүләт башлыклары, бәкләр, баһадирлар, нойоннар... «Яса»ны катгый үтәмәсэләр, дәүләт эшлэре тетрәп өзеләчәк. Яңадан, бик теләп, Чыңгыз ханны эзлэрләр, әмма таба алмаслар. Әгэр минем токымым минем тәхетне алып, «Яса»ны төгәл саклап, төгәл үтәсә, тагын биш йөз, мең, ун мең ел буена күктән аларга игелекле ярдәм иңчәк».

Чыңгыз ханның шәхесе һәм идарә ысуллары бик күп галимнэрнең тикшерү үзегендә булган һәм бүгенге көндә дә эзләнүлэрнең кимегәне юк. Галимнэр язганча, бөек жиһангир һәм аның варислары чоры – ул яулап алулар, сәяси үзгәрешләр чоры гына түгел, ә халыкларны йокыдан уяту, һәртөрле мэдәни агымнарга юл ачу чоры да. Тикшерүчеләр дөнъяны яулаган тиңдәшсез жиһангир Бөек Тәңре ачкан ун хакыйкаткә таянып идарә иткән, дип исәплиләр. Күклэрнең боерыгы түбәндәгеләрдән гыйбарәт: Яхшылыкны онытма. Гади бул. Үз-үзеңне кулда тот, ачуыңны йотарга өйрән. Акыллы, талантлы кешелэрне эзлә, аларны үзең хезмэт иттер. Дошманыңны кызганма. Рәхимсез булма. Жайлаша бел һәм яңача идарә итүдән курыкма. Күкләр синең терәген икәнне исеңнән чыгарма. Үзеңнең варисларыңны һәм көрәштәшлэреңне дә шуңа инандыр. Диннэр ирегән хөрмэт ит.

Чагыштырганда борыңгы бабаларыбыз төзегән дәүләтлэрдә ике мең ел элек тә, мең еллар элек тә, Чыңгызхан заманнарында да дәүләт башында торучыларның илдә ныклы тэртип булдырып, талантлы кешелэргә таянып, белемлеләр сүзенә колак салып, диннэрне хөрмәтлэүне алга куеп идарә иткәннэре аңлашыла. Әлбәттэ, бу без идеаллаштырылган караш. Әмма бу караш нигезсез түгел. Дала халыкларында булган иркенлек, уй тыелмау аларга табигать серлэренэ тирэнрәк төшенергә мөмкинлек биргән. Ат иярлэп дөнъя гизү, иллэр жыю, камил тел, язу, әдәбият, сәнгать эсэрлэре барлыкка китерү – борыңгы бабаларыбыз казанышы бит. XIV гасырда яшэгән Сәйф Сараи үз поэмасына бик гадәти итеп «коюш тирэсендә йөргән жир кебек» дигән юллар кертэ («Сөһэйл вә Гөлдерсен» поэмасы). Икенче мәшһүр шагыйрь Котб «Хөсрү вә Ширин» поэмасында (1342 ел) ерак дөнъялар, галәмдәге мәңгелек хэрәкэт турында яза.

Ә бит христиан дөнъясында эле XIX гасыр башына кадәр инквизиция хакимлек иткән, аның кушуы буенча күпме халык жәзалап үтерелгән. Николай Коперникның жир кояш тирәсендә әйләнүен исбатлаган хезмәте (1539 елда басыла) 1835 елга кадәр чиркәү тарафыныннан тыелган булуын, ә Джордано Бруноның галәм чиксезлеге турында һәм башка чиркәү карашларына сыешмаган фикерләре өчен утта яндырылганын (1600 ел) искә төшерик.

Бөөк Дала халкы озак дәверләр бар катламнар өчен дә бердәй танылган тәртип кысаларында яшәгән халык буларак, бу тәртип тел, горреф-гадәтләр, уртак бәйрәмнәр аша һәр кешенең күнеленә сәндерелеп килгән. Дәүләт кулдан киткәч тә авылларга кертеп бикләнгән халкыбыз ата-бабаларыбызның борынгыдан килгән яшәү кануннарын исән калу чарасы буларак саклаган. Үзара яхшы мөнәсәбәт, тәртип тотып, тырышлык куеп яши белү – бу бит тормышның нигезе, андый шәһесләрене, жәмгыятне Тәңре үз канаты астына ала. Чит көчләр бу яшәү рәвешен даими жимерергә тырышкан, әмма безне жимерү үзләрен үк жимерү икәнән оныталар алар.

Шушы урында билгеле галим Марсель ага Әхмәтжанов сүзләрен китерү урынлы булыр. «Татар халкының бу дәверләрдә төп житешсезлеге аның дала халкы, табигать баласы булып, христиан дөнъясының мәкерен аңларга эзерлексез булуыннан да килгән. Далада яшәүче төркиләр алар янына килеп чыккан кешеләрдә мәкер-фәлән күрмәгәннәр. Бу сүзләр элек Алтын Урда дәүләте белән этник чыгышлары бәйләнгән казакълар, каракалпаклар, кыргызларда күренгән этнографик күзәтүләр нәтижәсенә таянып әйтелә. Авылларда яшәгән татарлар эле 1970–1980 елларга кадәр узгынчы, юлаучы кешеләргә карата әүвәлгечә һәрвакыт хөрмәт күрсәттеләр, әдәп белән карадылар һәм ярдәмчел булдылар. Башка кавем кешеләренә артык дәрәжәдә ышанып карау татарларга, казакъларга, кыргызларга, каракалпакларга һ.б. зур әхлакый зыян китерде. Бу зыян – әүәлге дала халыкларының традицион мәдәни казанышларына кимсетеп, бөөкдержавачылык күзлегеннән чыгып караганда, эле дә үсә бара». Зур галимнең сүзләренә өстәп, без эле дә шундый бит дип әйтәсе килә.

Аңыбызда шул бик борынгы чорлардан канга сәңгән тәртип программасы булып, Бөөк Дала кануннары (Яса) һаман яши эле. Канунның бер маддәсен генә алыык – урлашкан өчен үлем жәзасына хөкем иткәннәр. Урлашмау нәрсә дигән сүз? Ул – һәркем өчен үзе көч куеп тапкан милекнең чиген билгеләү, кагылгысызлыгын тану дигән сүз. Милекнең кагылгысызлыгын һәр кеше генә түгел, дәүләт тә таный. Бу кануни таләпне киңәйтеп тә булыр иде: икенче кеше хезмәтен урлау (тиешенчә бәяләү), гомерен алу – шулай ук урлашмау булып тора. Туктамыш хан, ачуы чы-

Зәрия Хәбипова. «ИДЕГЭЙ» ДАСТАНЫНДА ХАН СЫЙФАТЛАРЫ ТУРЫНДА БӘХӘС ТАМЫРЛАРЫ

гып, Идегәйнең әтисен үлемгә хөкем итә, милкен яндырырга боера. Ил агасы Жантимер¹ ханның бу адымы кабул ителгән яшәү кануннарын бозганын, шуның белән җавап рәвешендә үзенә дә жәза киләчәген, ул гына да түгел, кылган гамәле иң югары түрә гаделсезлеге булганнан, илне таркатуга кадәр китерәчәген искәртеп болай ди:

«Буыннан буын чабылса,	Ялгыз башы қаңгырап,
Ул чагында ни калыр?	Куйдай булып маңгырап,
Йорт урынында дау калыр;	Чүл далада тинтерәп,
Яу чапканда ни калыр?	Дуадактай хан калыр».

Ишетми аның әйткәннәрен хан. Еллар үткәч, Идегәйнең үзе үтерткән кеше баласы булганы ачыклангач, Субра ерауның күрәзәсе исенә төшә бөек ханның. Бу очракта Туктамыш хан кырыс, ярсу, ачучан холкын басып, Яса кануннарын истә тотып, киңәшкә колак салып хөкем чыгарырга була. Ул Аксак Тимер янына качкан кешенең малае буларак, Норадынны ни эшләтергә дигән сорау белән мәкерле гамәлләр остасы Жанбайны үз катына чакырта. Туктамыш хан Жанбай белән, бөтен шик-шөбһәсен белгертеп, ачыктан-ачык сөйләшә. Ул Идегәйнең дә, Норадынның да үзеннән көчле булуларын таний. Атасы – ерак, Норадын янда гына, аны астыртын үтертсә, Тәңре хөкемәннән куркуын әйтә. Бөек Тәңре ятимнәренә, гарип-горәбәнә, толларны, ярдәмчәсез карт-корыны үз канаты астына ала һәм ул бичараларның рәнжешә җавапсыз калмый бит. Шундый зур дәүләтне жыю һәм түрәлек итү Тәңре ярдәменнән, аның кодрәтеннән, ризалыгыннан башка мөмкин түгел. Иксез-чиксез җирләр, сансыз коллар хужасы Туктамыш хан үз хакимлегенең илаһи көч белән чикләнгәнлеген белә. Шуңа ул Жанбайның киңәшен тотып, Норадынны үтертми, гомерен язмышка тапшырып, начар атка атландырып әтисә янына жибәрергә карар кабул итә.

Әсәр геройларының кылган гамәлләре бер эздән генә бармый, өстен булу теләге аларны каршылыклы адымнар ясарга этәрә. «Аларны уңай һәм кире, яхшы һәм яманга бүлеп кую кыен», – дип яза дастанны рус теленә тәржемә иткән Семен Липкин.

Ил, халык яклаучысы булган Идегәй дә, Аксак Тимер явы белән Туктамыштан үч алырга килеп, Алтын Урда шәһәрләрен жимерүдә катнаша. Бодайби карт:

«Сыенганым син идең –
Бу жиһанның фетнәсе
Аксак Тимер дошманны
Сарайга алып китердең», – дип, аны гаепләп чыга.

1 Ул кенегес кабиләсеннән булып, бәкләр-бәге дәрәжәсенә ия булган (ред.).

Котылгысыз үлем тозагына элэккәнен сизгән рәхимсез Туктамыш хан, ил өстенә килгән бәла-казаларда үз габен танып: «Әл-аман бул мин-нән соң!» – дип, ил киләчәге өчен кайгыра, халкының исән-имин булуын тели. Ханның Күкләрдә сакланачак соңгы теләге була бу.

Дастанны ижат иткән кешеләргә яшәешнең без белмәгән бик күп серләре мәгълүм булган. Дөнъяны энергия, мәгълүмат агымы рәвешендә кабул итү (өрәк сынау, Субра ерауның тарихи хәтерне кузгатып, кыяфәткә карап мәгълүмат алу күренешләре), мәгълүматның табигатьнең аерылгысыз өлеше буларак сакланганын белү, кеше камиллеген рухи сыйфатлар белән бәйләп карау, камиллеккә ирешү юллары (Идегәй, Норадын тәрбиясе), һәр кылган гамәлгә җавап булачагын аңлау – болар барсы да табигатьгә көчләр белән кеше бәйләнешләрен тирәнрәк күзаллаудан килә.

Хәзерге тормышыбызда фән, техника казанышлары безгә күп унайлыклар тудырып тора. Жәмгыятьтә белемле, акыллы кешеләр дә җитәрлек кебек. Шул ук вакытта кешелек башына төшкән бәлаләр дә кимеми: сугышлар дәвам итә, экологик шартлар начарая, кеше комсызлыгы чамасызга әйләнгәннән дә күрәбез. Ни өчен шулай, нәрсә җитми адәм баласына? Менә шулар турында уйланганда, безгә «Идегәй» дастанының һәр жөмләсен кат-кат укып, үзебезгә карау, аңлау кирәк. Тарих чылбырында Идегәй образы Бөек Дала идеалларының камил өлгесе буларак кабул ителергә хаклы һәм мәшһүр Дастан халкыбызга көчле туплану, алга бару өчен зур таяныч булып торачагы бәхәссез.

Әдәбият

1. Дәүләтшин Гамиржан. Төрки-татар рухи мәдәнияте тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999. – 512 б.
2. Идегәй: Татар халык дастаны. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. – 255 б.
3. Иржән Хара-Дауан. Чыңгыз хан. – Казан: «Матбугат йорты» нәшрияты, 1998. – 271 б.
4. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы / Марсель Әхмәтжанов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 361 б.

**ЧИСЛЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ
ТАТАР НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ДАННЫМ ВСЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ 2002,
2010 гг.***

№	Регионы, республики и другие национально-территориальные образования	2002	2010
1. Северо-Западный регион			
1.	Архангельская область	3076	2335
2.	Ненецкий АО	211	209
3.	Вологодская область	1859	1519
4.	Калининградская область	4734	4534
5.	Санкт-Петербург	35616	30857
6.	Ленинградская область	9447	8993
7.	Мурманская область	7954	5624
8.	Новгородская область	2083	1658
9.	Псковская область	1502	1234
10.	Республика Карелия	2629	10779
2. Центральный и Центрально-Черноземный регионы			
1.	Брянская область	1179	953
2.	Белгородская область	3397	3243
3.	Владимирская область	8678	7333
4.	Воронежская область	3501	3341
5.	Тверская (Калининская область)	6719	5859
6.	Костромская область	2732	2224
7.	Калужская область	4306	4206
8.	Курская область	1581	1279
9.	Ивановская область	8208	6696
10.	Липецкая область	1751	1973
11.	Москва	166189	149043
12.	Московская область	52892	56202
13.	Орловская область	1424	1242
14.	Рязанская область	5575	4941
15.	Смоленская область	2429	2241

№	Регионы, республики и другие национально-территориальные образования	2002	2010
16.	Тамбовская область	2732	2292
17.	Тульская область	8974	7878
18.	Ярославская область	6175	4982
3. Северо-Кавказский регион			
1.	Краснодарский край	25615	24840
2.	Ростовская область	17892	13948
3.	Ставропольский край	12909	11795
4.	Республика Адыгея	2904	2571
5.	Карачаево-Черкесская Республика	2022	1697
6.	Республика Дагестан	4669	3737
7.	Кабардино-Балкарская Республика	2852	2375
8.	Республика Северная Осетия-Алания	2113	1411
9.	Республика Калмыкия	1086	1466
10.	Республика Ингушетия	151	64
11.	Чеченская Республика	2137	...
4. Волго-Уральский регион			
1.	Нижегородская область	50616	44103
2.	Ульяновская область	168773	149873
3.	Пензенская область	86806	86431
4.	Республика Мордовия	46261	43392
5.	Саратовская область	57583	52884
6.	Волгоградская область	28848	24557
7.	Астраханская область	77142	60523
8.	Кировская область	43637	36457
9.	Удмуртская Республика	109868	98831
10.	Республика Коми	15690	10799
11.	Республика Марий Эл	43464	38357
12.	Чувашская Республика	36399	34214
13.	Республика Татарстан	201893	2043017
14.	Республика Башкортостан	995253	1009295
15.	Самарская область	127984	126124
16.	Пермский край (Коми-Пермяцкий АО)	135534 1100	115544 –

**ЧИСЛЕННОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ТАТАР НА
ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ДАННЫМ
ВСЕРОССИЙСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ 2002, 2010 гг.**

№	Регионы, республики и другие национально-территориальные образования	2002	2010
17.	Свердловская область	168224	143803
18.	Оренбургская область	165989	151727
19.	Челябинская область	214220	187872
20.	Курганская область	21986	17017
5. Западно-Сибирский регион			
1.	Тюменская область	116055	131096
2.	Ханты-Мансийский АО - Югра	107954	108894
3.	Ямало-Ненецкий АО	27795	28509
4.	Омская область	48116	41870
5.	Томская область	20151	17029
6.	Новосибирская область	27886	24158
7.	Кемеровская область	51065	40229
8.	Алтайский край	8904	6794
9.	Республика Алтай	462	414
6. Восточно-Сибирский регион			
1.	Республика Хакассия	4024	3095
2.	Красноярский край	43872	34828
	Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО	427	–
	Эвенкийский АО	162	–
3.	Иркутская область	26987	22882
	Усть-Ордынский (Бурятский) АО	4102	–
4.	Республика Бурятия	8196	6813
5.	Республика Тыва	588	352
6.	Республика Саха (Якутия)	10817	8122
7.	Читинская обл.	7769	5857
	Агинский Бурятский АО	390	–
7. Дальний Восток			
1.	Приморский край	14572	10640
2.	Хабаровский край	10982	7836
3.	Еврейский АО	1196	879
4.	Амурская область	4889	3406
5.	Камчатская область	3404	2374
	Корякский АО	216	–

№	Регионы, республики и другие национально-территориальные образования	2002	2010
6.	Чукотский АО	535	451
7.	Магаданская область	2002	1415
8.	Сахалинская область	6832	4880

* Таблица составлена по следующим источникам: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: В 14 т. Т. 4, кн. 2. Национальный состав и владение языками, гражданство. Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Табл. 9; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: В 11 т. Т. 4, кн. 1. Национальный состав и владение языками, гражданство. Официальное издание. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012; т. 11. Сводные итоги. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Табл. 4.1.*

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАТАР В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ¹

Страны	Численность	Страны	Численность
Ближнее зарубежье			
Казахстан	200545	Литва	3225
Узбекистан	195000	Молдова	2900
Украина*	73304	Латвия	2739
Кыргызстан	27200	Эстония	2445
Азербайджан	25090	Грузия	800
Туркменистан	15000	Абхазия	700
Белоруссия	7316	Армения	506
Таджикистан	6512		
Дальнее зарубежье			
Турция	25000	Южная Корея	100
Румыния	20000	Япония	90
Китай	5500	Швеция	85

¹ Без крымских татар. Данные предоставлены Р.Б. Гайнетдиновым и уточнены редакцией. В таблицу также не включены татары, живущие в Афганистане (ок. 600 тыс. чел.), в Пакистане, по некоторым данным ок. 1 млн чел., и Иране (точная численность неизвестна, речь идет о нескольких сотнях тысяч человек). Кажется, такие же татары есть и в Индии. Причина их не отражения в данном случае в таблице заключается в неясности вопроса об их подлинном этническом самосознании. Возможно, что это остатки средневековых татар (татаро-монголов).

ЧИСЛЕННОСТЬ ТАТАР В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Страны	Численность	Страны	Численность
Польша	1828	<i>Египет</i>	70
Израиль	5000	<i>Саудовская Аравия</i>	60
Афганистан	4000	<i>ОАЭ</i>	45
Болгария	4000	<i>Аргентина</i>	40
США	4000	Бельгия	25
ФРГ	3000	<i>Индия</i>	20
Чехия	2000	<i>Бразилия</i>	10
Великобритания	1500	<i>Иордания</i>	10
Италия	1000	<i>Мексика</i>	10
Финляндия	950	<i>Канарские острова</i>	5
<i>Австрия</i>	500	<i>Кувейт</i>	5
<i>Австралия</i>	500	<i>Люксембург</i>	5
<i>Канада</i>	500	<i>Норвегия</i>	5
<i>Франция</i>	500	<i>Сейшельские острова</i>	5
<i>Испания</i>	300	<i>Сингапур</i>	5
<i>Нидерланды</i>	300	<i>Швейцария</i>	5
<i>Венгрия</i>	200	<i>ЮАР</i>	5
<i>Словакия</i>	200	<i>Филиппины</i>	5
<i>Перу</i>	100	<i>Ливан</i>	
<i>Португалия</i>	100		

Всего: около 644870 тыс.

Курсивом даны оценочные данные

**Төбәк тарихы буенча конференцияләр һәм очрашулар.
Хатлар һәм кайтавазлар**

Краеведческие конференции и встречи. Письма и отклики

ХРОНИКА

Конференция по природе и истории бассейна реки Ик

19–22 августа 2020г. в Азнакаево РТ и с. Тюменяк Туймазинского района РБ в два этапа прошла V Всероссийская (с международным участием) научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии», проведенная в рамках празднования 100-летия образования Татарской АССР (1920–2020 гг.), 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и 90-летия газеты «Маяк» (г. Азнакаево). Мероприятие было совмещено с Международным фестивалем культуры и творчества тюркских народов «Чатыр-тау Жыены-2020».

«Чатыр-тау Жыены-2020»

В работе конференции приняли участие более 130 чел. – известные ученые-историки и специалисты, краеведы, учителя, музейные работ-

ники, общественные деятели, представители СМИ и органов власти из городов Казани, Самары, Уфы, Ижевска, Йошкар-Олы, Омска, Тары, Вятских Полян, Альметьевска, Туймазы, Октябрьского, Азнакаево, Лениногорска, Набережных Челнов, Нижнекамска, Чистополя, а также из районов Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Кировской, Самарской, Оренбургской, Омской и Ульяновской обл. Основные организаторы конференции: руководство Азнакаевского муниципального района РТ, Исполком ВКТ, Общество татарских краеведов РТ.

Первый этап конференции под названием «Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Вклад населенных пунктов Азнакаевского района, Юго-Восточного и Восточного Татарстана в развитии экономики, культуры Татарской АССР и татарского народа», прошедший под девизом «Сила Республики – в селах!», состоялся в Азнакаево РТ 19–20 августа 2020 г.

В рамках конференции участники и гости приняли участие в торжественном открытии памятника-стелы землякам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., на месте ныне несуществующей д. Ташлы-Яр Чубар-Абдулловского сельского поселения. Здесь же был установлен камень, рассказывающий о былой истории деревни.

Затем участники конференции поднялись на гору Чатыр-тау, где состоялась показ пролога Международного фестиваля культуры и творчества тюркских народов «Чатыр-тау Жыены-2020». На открытии фестиваля и конференции выступили Глава Азнакаевского района РТ М.З. Шайдуллин, народный артист РТ и РФ, лауреат премии им. Г. Тукая А.Ш. Шакиров, руководитель татарской женской организации «Ак калфак» К.Р. Идрисова и начальник Комитета по работе с краеведами Исполкома ВКТ А.А. Бурханов.

В рамках проведения конференции работали 4 секции:

1) «Проблемы истории и культуры Восточного Татарстана и татарского мира» (на базе школы № 1 Азнакаево, заслушаны 14 докладов);

2) «Человек и природа в бассейне рек Восточного Татарстана. Музейно-краеведческая и туристическая работа» (на базе Азнакаевского краеведческого музея – 20 докладов);

3) «Вопросы и проблемы истории регионов и населенных пунктов бассейна реки Ик и сопредельных территорий Волго-Уральского региона» (на базе Азнакаевского РГДК – 23 доклада);

4) «Жизнь и деятельность выдающихся деятелей и уроженцев бассейна реки Ик и сопредельных территорий Волго-Уральского региона» (на базе Культурного центра – Дома дружбы народов – 25 докладов).

На Пленарном заседании были заслушаны 10 докладов и состоялись приветствия представителей делегаций. С приветствиями выступили гла-

ва Азнакаевского района РТ М.З. Шайдуллин, депутат Государственного Собрания – Курултая РБ С.В. Туразянова, академик АН РТ, ректор Института культуры мира (ЮНЕСКО) Э.Р. Тагиров, главный редактор газеты «Казанские ведомости», заместитель председателя Союза журналистов РТ В.А. Якупова и др. С научными докладами выступили председатель РОО «Общество татарских краеведов» РТ А.А. Бурханов, заместитель директора СОШ с. Урманаево Азнакаевского района РТ Э.Т. Ихсанова, главный редактор журнала «Туган жир», доктор исторических наук Д.М. Исхаков, вице-президент АН РТ, академик В.В. Хоменко, д.э.н. Р.Ф. Гатауллин (Уфа), предприниматель С.И. Хасанова (Омск), руководитель женской организации «Ак калфак» К.Р. Идрисова, председатель Ассоциации «Клуб воинской славы» РТ М.В. Черепанов, краевед-исследователь М.Х. Ибрагимов (Уфа). В ходе 4 секционных и пленарного заседания всего были заслушаны 105 докладов и выступлений. По итогам проведения конференции принята Резолюция.

К началу конференции участникам и гостям были презентованы 2 сборника: «Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Вклад населенных пунктов Азнакаевского района, Юго-Восточного и Восточного Татарстана в развитии экономики и культуры Татарской АССР и татарского народа» (Материалы Всероссийской конференции, Азнакаево, 19–20 августа 2020 г., научный редактор-составитель – А.А. Бурханов. – Казань: Отечество, 2020. – 432 с.) и «Татарские населенные пункты: история, современность и перспективы развития (городская слобода и сельское поселение)» (Материалы Всероссийского форума татарских краеведов в Томске 12–13 сентября 2019 г., научный редактор-составитель – А.А. Бурханов; Казань – Томск: Отечество, 2020. – 544 с.).

Научная программа конференции, кроме технической и научной программ, включила также данные об Оргкомитете форума, проект резолюции, обращение Главы Азнакаевского района РТ к участникам форума, материалы об объектах историко-культурного наследия Азнакаевского района, краткую информацию о регионе, его гербе и флаге. Здесь же помещены 2 информации, подготовленные М.В. Черепановым об уроженцах и жителях Азнакаевского и Тумутукского районов, считавшихся пропавшими без вести (всего – 129 и 134 чел.). В заключении участникам была представлена статья Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова «Татары: верность традициям, уверенность в будущем».

Участники конференции по окончании 1-го этапа в Азнакаево РТ поехали в Туймазинский район РТ для участия во 2-м этапе форума.

Информация А.А. Бурханова

* * *

«Круглый стол» по проблемам природы и истории бассейна реки Ик в Туймазинском районе РБ

В рамках второго этапа V-ой Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции «Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии» (в г. Туймазы и с. Тюменяк Туймазинского района РБ) 21–22 августа 2020 г. состоялся «круглый стол» «Национальные сельские поселения бассейна реки Ик и сопредельных территорий Волго-Уральского региона: история, современность и перспективы развития».

Круглый стол и культурные мероприятия в Туймазинском районе РБ были организованы ВОО «Татарские села России» (руководитель – Ф.Г. Галимов) и Комитетом по работе с татарскими краеведами Исполкома ВКТ. В работе «круглого стола» и других мероприятиях приняли участие около 90 чел.: ученые, краеведы, журналисты, учителя, писатели из Ижевска, Йошкар-Олы, Омска, Казани, Уфы, Азнакаево, Вятских Полян, Альметьевска, Бугульмы, Нижнекамска, Чистополя, Лениногорска, Туймазы и Октябрьского. В ходе «круглого стола» прозвучали 10 докладов по различным проблемам изучения объектов природы и памятников историко-культурного наследия, истории сел и деревень, жизни и деятельности выдающихся земляков, музейно-краеведческой и туристической работы. Были организованы выставки стенгазет, фотоматериалов, книг и журналов по краеведению. По итогам «круглого стола» приняты резолюция и решение об издании сборника материалов.

Информация А.А. Бурханова

* * *

Презентации книг

28 августа 2020 г. в агенстве «Татаринформ» состоялась пресс-конференция – «круглый стол» по теме «Некоторые итоги деятельности структур и обществ татарских краеведов в Татарстане и регионах РФ: новые форумы и конференции, изданные книги и перспективы изучения татарских сел и регионов». Мероприятие проводилось в рамках 100-летия Татарской АССР и Дня Республики Татарстан.

В пресс-конференции приняли участие А.А. Бурханов (Казань), писатель, журналист и руководитель Совета краеведческого клуба «Ветеран» Н.И. Сайдашев, краевед, заместитель директора по учебной работе и учитель татарского языка и литературы СОШ с. Урманяево Азнакаевско-

го района РТ Э.Т. Ихсанова и директор Централизованной библиотечной системы Азнакаевского района РТ З.А. Исламова.

В ходе презентации были обсуждены вопросы:

- Как создавались и продолжают работать структуры татарских краеведов в РТ и регионах РФ. Каковы основные направления и формы их деятельности?
- Какие регионы РТ, Поволжья, Урала и Сибири особенно активны в своей деятельности и интересны для ученых и краеведов. Как изучаются объекты природы, памятники материальной культуры, архивные и музейные материалы?
- Какие форумы и конференции, где, когда и на какие темы «Обществом татарских краеведов» РТ были проведены в последнее время, их результаты, поддержка со стороны разных структур?
- Какие книги издаются краеведами самостоятельно, при поддержке органов власти, спонсоров и ВКТ?
- Вклад активистов краеведческих обществ и ученых в изучение истории районов и сел, в открытие музеев и памятников, изучение жизни и деятельности выдающихся земляков и героев.
- Как отнеслись краеведы и ученые к основным моментам выступления Президента РТ Р.Н. Минниханова в СМИ, в частности, в газете «Республика Татарстан» от 25.07.2020 в статье «Татары: верность традициям, уверенность в будущем»?

Были представлены и презентованы новые книги:

- «Татарские населенные пункты: история, современность и перспективы развития (городская слобода и сельское поселение)». Отв. ред. – А.А. Бурханов. Казань-Томск, 2020. – 544 с. (Труды Всероссийского форума татарских краеведов в Томске, 2019).
- «Человек и природа в бассейне реки Ик в историческом развитии. Вклад населенных пунктов Азнакаевского района, Юго-Восточного и Восточного Татарстана в развитие экономики и культуры Татарской АССР и татарского народа». Казань, 2020. – 432 с. (отв. ред.-составитель – А.А. Бурханов).
- Сайдашев Наиль. «Возвращение на родину предков». Казань, 2020. – 134 с.
- Галеева Н.Ф. «Тайчи: История таежной деревни». Омск, 2020. – 264 с.
- Фазылов Фагит. «Ык буенда ак томан». Уфа, 2020. – 432 с.

Информация А.А. Бурханова

* * *

Конференция в Зай-Каратае

3 сентября 2020 г. в с. Зай-Каратай Лениногорского района РТ состоялась V Всероссийская научно-практическая, историко-краеведческая конференция «Человек и природа в Лениногорском районе и Юго-Восточном Татарстане. Село Зай-Каратай и Шешминско-Зайская природно-географическая и историко-культурная зона: проблемы истории и культуры» («Первые межрегиональные Зай-Каратайские историко-краеведческие чтения»), проведенная в рамках празднования 100-летия образования Татарской АССР (1920–2020), Дня Республики Татарстан, 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 г., 65-летия основания города нефтяников Лениногорска (1955–2020) и 75-летия создания НГДУ «Лениногорскнефть».

Основные организаторы конференции – Зай-Каратайская школа, Администрация Зай-Каратайского сельского поселения, Управление образования Лениногорского района РТ, Комитет по работе с краеведами Исполкома ВКТ и РОО «Общество татарских краеведов» РТ. В работе конференции приняли участие более 100 чел. (ученые, специалисты, краеведы, учителя, музейные работники, представители СМИ и органов местной и районной власти из городов Казани, Уфы, Лениногорска, Азнакаево, Октябрьского, Мамадыша, Туймазы, Альметьевска, Бугульмы, Чистополя, из районов Татарстана, Башкортостана и Самарской области).

Перед началом конференции состоялась экскурсия по Зай-Каратайской школе. Здесь же прошли мастер-классы по учебным дисциплинам.

В рамках конференции прошли заседания 5 секций:

- Секция 1. «Вопросы региональной истории: средневековье, новое и новейшее время» (состоялись 13 выступлений);
- Секция 2. «Вопросы изучения истории и перспектив развития населенных пунктов и районов Татарстана» (12 докладов);
- Секция 3. «Жизнь и деятельность выдающихся земляков-уроженцев сел и деревень» (12 выступлений);
- Секция 4. «Вопросы развития этнотуризма, музейно-краеведческой работы и преподавания гуманитарных дисциплин в учебных заведениях» (15 выступлений);
- Секция 5. «Изучение молодыми исследователями природы, истории и культуры родного края» (17 выступлений учащихся были заслушаны в онлайн-режиме).

В ходе Пленарного заседания, которое открыли глава Зай-Каратайского сельского поселения М.И. Идиятова и директор Зай-Каратайской школы Л.Ш. Ахметова, а вел А.А. Бурханов, с приветствиями к участникам и гостям выступили глава Лениногорского района РТ Р.Г. Хусаинов, заместитель руководителя Исполкома Лениногорского района РТ В.В. Друк, заместитель главы Азнакаевского района РТ, кандидат технических наук Н.М. Нагимов, представители делегаций районов РТ и РБ.

На Пленарном заседании с тематическими докладами выступили А.А. Бурханов («Некоторые итоги и перспективы изучения и сохранения объектов природы и памятников историко-культурного наследия Лениногорского района и Юго-Восточного Татарстана в рамках написания истории и определения стратегии развития татарских сел»), руководитель Региональной ассоциации «Клуб воинской славы» РТ, член-корреспондент АВИН РФ М.В. Черепанов («Судьбы уроженцев села Зай-Каратай и Лениногорского района РТ, пропавших без вести, представленных к званию Героя Советского Союза или посмертно награжденных орденами и медалями в годы Великой Отечественной войны»), краевед-исследователь из Мензелинского района РТ Н.К. Гафиятов («Из истории татар восточных и юго-восточных районов Татарстана XVI–XVIII вв.»), краевед-исследователь из Набережных Челнов С.А. Хусаинов («Размышления с критической точки зрения по родословной потомков Туйки до обоснования их в деревне Зай-Каратай»), краевед из Альметьевска А.Ф. Ямаева («Из опыта работы по изучению истории татарских сел Лениногорского района РТ»), заведующий Музеем-библиотекой им. Х. Атласи (пгт. Карабаш) Ф.А. Валиахметов («Мои предки – уроженцы села Зай-Каратай»), краевед-публицист из Альметьевска З.Г. Хабипова («Һәр атамада тарих эзе»), краевед-публицист из Уфы И.Ф. Латыпова («Галим Нигъмәт Хәким һәм аның туганнары»), координатор краеведов Азнакаевского района РТ Н.М. Нагимов («Из опыта краеведческой и музейной работы в Азнакаевском районе РТ») и др.

По итогам конференции принята резолюция, произведены награждения участников грамотами и благодарностью администрации и Управления образования Лениногорского района РТ, ВОО «Татарские села России» и «Общества татарских краеведов» РТ. А.А. Бурханов от имени руководства Исполкома ВКТ вручил медали «За заслуги перед татарским народом» Л.Ш. Ахметовой, М.И. Идиятовой и Г.К. Урмановой, а также благодарственные письма учителям и краеведам Лениногорского района РТ.

Информация А.А. Бурханова

«Булгарская застава» ждет своих посетителей

10–11 сентября 2020 г. председатель РОО «Общество татарских краеведов» РТ А.А. Бурханов побывал в с. Ивановка Старо-Майнского р-на Ульяновской обл., где на окраине деревни, на левом берегу Волги, возрождается прообраз фортификационного сооружения средневековой эпохи X–XIII вв. Проект агротуристического, историко-культурного комплекса под названием «Булгарская застава», является объектом рекреации и направлен на воссоздание возрожденной копии фортификационных сооружений средневековой крепости периода Волжской Болгарии (IX–нач. XIII вв.). Она создана на основе детального изучения ряда археологических объектов, расположенных на месте городищ периода Волжской Болгарии на территории современной Ульяновской обл., Татарстана и Чувашии, а также Самарской, Пензенской и Саратовской обл. Ближайшие городища такого типа сохранились на территории Чердаклинского и Старо-Майнского районов, в частности, исследованные археологами Юрманское, Ивановское, Кокрятьское, Старомайнское, Краснореченское, Крестовогогородищенское. Строительство такого рода фортификационных сооружений (крепостей) велось не зависимо от природно-географических условий и местного рельефа, поэтому их условно называют «неподчиненными» рельефу (т.е. их можно строить в любом месте, в том числе, в равнинных условиях). Этот тип крепостных сооружений располагался традиционно на открытых пространствах, имел правильную форму крепостных стен, укрепленных несколькими башнями, и представлял средневековую укрепленную усадьбу с боевым гарнизоном, который охранял округу, т.е. территорию посадов и слобод, от кочевых племен и разбойников. Традиционно такие крепости имели площадь от 6 до 15 га, сама укрепленная крепость, а остальную часть занимал посад (бистэ) – рабад). Крепостная стена строилась из дерева – имела горизонтально-вертикальную столбовую конструкцию с боевым ходом, 7 боевыми башнями высотой до 15 м.

Вот такой тип крепостей ныне возрождается в комплексе «Булгарская застава» в Ульяновской области по инициативе и спонсорстве Р.Ш. Гайнетдинова. В возрождаемом сооружении на берегу залива Волги, состоявшем из двух частей построены и ведется строительство комплекса исторических и современных построек. По всему комплексу расположены объекты исторической реконструкции вооружения и боевой техники VIII–XIII вв., объекты культурного и исторического показа, рассказывающие о богатейшей истории Среднего Поволжья периода средневековья.

Детский городок позволит маленьким гостям окунуться в исторические предания в сказочной форме и позволит почувствовать себя настоящими участниками событий периодов средневековья. У южных ворот – мини-зоопарк и аквариум «IDEL ZOO», единственный в регионе, представляющий ихтиофауну Идел/Волги. Здесь же у южных ворот есть «Балык мунчасы», где можно взять необходимый инвентарь для развлекательной рыбалки.

1. Идея возрождения средневековой болгаро-татарской городской культуры в Среднем Поволжье и процесс строительства Агротуристического, историко-культурного комплекса «Булгарская застава» является важным вкладом в дело развития этнотуризма в регионе. В связи с этим рассматриваемый проект целесообразно поддержать и с некоторыми корректировками (наполненными научно-методической базой) и дополнениями развивать и в дальнейшем.

Однако, слабым звеном проекта является увлеченность автора-исполнителя проекта, в основном, историей, городской культурой и фортификацией только Волжской Болгарии. В этом проекте нужно усилить также значение Болгарского вилайета (в государстве Улуса Джучи) и Казанского ханства в истории и культуре средневековых тюрко-татар и современного татарского народа.

2. Целесообразно разработать научно-методическую основу дальнейшего развития рассматриваемого проекта с упором на активизацию процесса этнотуризма и укрепления базы музейно-краеведческих материалов с привлечением в эту деятельность ведущих ученых-историков, археологов и этнографов, специалистов по музейному делу и архитектуре.
 - 2.1. Необходимо продолжить строительство новых объектов комплекса, ориентированных на этнотуристические цели и воспитание молодого поколения в любви к родному краю и истории своего народа.
 - 2.2. Строительство музея археологии и средневековой истории Среднего Поволжья в одном из сооружений комплекса, который нужно укомплектовать археологическими, этнографическими и иными экспонатами и макетами. Здесь могут оказать помощь археологи и специалисты Ульяновской области и Татарстана.
 - 2.3. Необходимо сотрудничество с музеями и заповедниками регионов Поволжья, в частности, с Болгарским ГИАЗ Минкультуры РТ.

3. В целях активизации и популяризации деятельности рассматриваемого комплекса целесообразно в ближайшие годы на его территории проведение целой серии научно-практических, общественно-полезных и массовых мероприятий.
- 3.1. Проведение выездного заседания Форума «Болгар Жыены».
- 3.2. Проведение в Старо-Майнском р-не Ульяновской обл., в зоне комплекса «Булгарская застава» Всероссийского сельского Сабантуйа (по согласованию РТ и Ульяновской области).
- 3.3. Проведение на базе комплекса Всероссийской научно-практической конференции по проблемам истории региона и населенных пунктов в историческом развитии. Предполагаемые сроки: май-июнь 2020 (2021)г.
4. Подготовка и издание научно-популярных и научных книг (с картами), брошюр и путеводителей по истории средневековых городов Поволжья, по истории развития комплекса «Булгарская застава».
5. Дальнейшая разработка и изготовление различных предметов и товаров этнотуристического характера (открытки, справочники, карты, сувениры и т.д.).

Все вышеназванное послужит для дальнейшего развития комплекса «Булгарская застава» как полноценного этнотуристического объекта и центра духовности и культуры татарского и других народов Поволжья.

Информация А.А. Бурханова

* * *

17 сентября в Йошкар-Оле состоялась Первая всероссийская краеведческая конференция («круглый стол») на тему: «Изучение истории татарских сел и деревень и развитие татарского краеведения Республики Марий Эл». Мероприятие проходило в Национальной библиотеке им. С.Г. Чавайна в рамках празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и было приурочено к столетию образования Марийской и Татарской АССР.

Конференцию открыла председатель РОО «Общество татарских краеведов» Марийской Республики С.Газизьянова. Участников «круглого стола» тепло поприветствовал гость из Казани, руководитель «Общества татарских краеведов» РТ Альберт Бурханов. Он в своем выступлении рассказал об основных итогах деятельности татарских краеведов РТ и РМЭ. Именно официально зарегистрированными краеведческими структурами на сегодняшний день являются РОО «Общество

татарских краеведов» Республики Татарстан (регистрирован в марте 2018 г.) и РОО «Общество татарских краеведов» Республики Марий Эл (зарегистрировано в августе 2020 г.). Аналогичная работа проводится и в других регионах РФ.

По поручению руководства Исполкома ВКТ А.А. Бурханов вручил благодарственные письма ВКТ и «Общества татарских краеведов» РТ наиболее активным краеведам Йошкар-Олы и Параньгинского района РМЭ. С.М. Газизьянова и Р. Юлдашев были награждены медалями ВКТ «За заслуги перед татарским народом».

Доклады участников были представлены учеными, краеведами, историками и представителями общественных организаций Марий Эл, соседних регионов. Слушателям конференции, студентам историко-филологического факультета Марийского государственного университета, выпала уникальная возможность перенять опыт старшего поколения. Участники конференции показали молодым историкам и журналистам перспективы развития профессии на сегодняшний день и помогли заложить почву для правильного выбора деятельности в будущем.

Одним из важных событий стало подписание Соглашений о сотрудничестве между РОО «Общество татарских краеведов» Республики Марий Эл и РОО «Общество татарских краеведов» РТ, а также Ассоциацией содействия патриотическому воспитанию и поисковой работе «Клуб Воинской Славы».

Итогом конференции стало принятие резолюции и награждение участников конкурса-акции «Жизнь ради жизни». Победители получили дипломы и благодарственные письма.

*Алсу Сабирьянова,
студентка историко-филологического
фак-та Марийского гос. ун-та*

* * *

ЛИТЕРАТУРНО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТУЙМАЗИНСКОМ РАЙОНЕ РБ

19–20 сентября 2020 г. в Туймазинском районе РБ на базе Культурно-туристического комплекса «Бабай утары» прошла I-я литературно-краеведческая конференция в рамках празднования 100-летия образования Татарской АССР и 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., приуроченная ко второй годовщине начала организационного оформления деятельности Литературного объединения «Илһам» («Вдохновение»). Организаторами конференции стали: ЛИТО

«Илхам» («Вдохновение»), ВОО «Татарские села России» и РОО «Общество татарских краеведов» РТ. В работе конференции приняли участие более 80 чел.: работники культуры, писатели, поэты, ученые, педагоги и журналисты из городов Уфа, Казани, Москвы, Набережных Челнов, Мамадыша, Альметьевска, районов Башкортостана и Татарстана. Участников конференции приветствовали управляющий делами Администрации Туймазинского района РБ Д.М. Арсланова и председатель ВОО «Татарские села России», почетный энергетик РФ Ф.Г. Галимов.

С отчетом о проделанной работе за 2018–2020 гг. и планах на будущее ЛИТО «Илхам» («Вдохновение») выступила руководитель Литературного объединения, канд. экон. наук Н.З. Валиахметова. Затем с докладом на тему «Роль краеведов и литераторов в изучении и сохранении историко-культурного наследия и старинных сел бассейна реки Ик» выступил руководитель Комитета по работе с краеведами Исполкома ВКТ А.А. Бурханов. Он рассказал об итогах своих исследований в 2009–2018 гг. в бассейне р. Ик по изучению объектов историко-культурного наследия и написания истории сел. От имени руководства ВКТ он вручил Благодарственное письмо руководителю ЛИТО «Илхам» («Вдохновение») Н.З. Валиахметовой, а также благодарственные письма «Общества татарских краеведов» РТ активистам литературного объединения С.С. Гарифуллиной (г. Октябрьский), Р.Р. Хасаншину (г. Туймазы), Р.Я. Сабировой (г. Октябрьский), М.М. Галлямову (г. Октябрьский). От имени писателей РТ выступили руководитель татарстанского регионального отделения писателей России М.А. Сафин, также вручивший памятные медали и грамоты активистам ЛИТО «Илхам» («Вдохновение»).

За два года активной деятельности под руководством Н.З. Валиахметовой ЛИТО «Илхам» («Вдохновение») объединило в своих рядах 195 творческих людей – журналистов, писателей, поэтов, ученых, краеведов и композиторов. В 2020 г. данное объединение за активную военно-патриотическую деятельность и издание серии книг о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. было удостоено премии им. Музагита Хайрутдинова. Сама Н.З. Валиахметова за серию статей и книг, в том числе «Мы гордимся Вами, ветераны!» и «Ода герою Музаю Хайрутдину», стала в 2019 г. лауреатом премий имени Музагита Хайрутдинова и Зульфиры Сафиной.

В рамках конференции была организована выставка книг, состоялся концерт татарской этнографической группы ДК г. Туймазы. Участники конференции ознакомились с достопримечательностями культурно-туристического комплекса «Бабай утары» в с. Тюменяк и г. Туймазы.

Информация А.А. Бурханова

* * *

В рамках поездок 24 сентября 2020 г. по районам Татарстана председатель РОО «Общество татарских краеведов» РТ А.А.Бурханов посетил ряд школ и музеев, встретился с краеведами, учителями и общественными деятелями Рыбно-Слободского и Мамадышского р-ов РТ. Состоялась встреча и беседа с учителями и учащимися старших классов Биектауской СОШ Рыбно-Слободского р-на РТ, где были обсуждены вопросы развития краеведения в сельской школе и основные моменты профориентационной работы. В школе обучаются около 80 учащихся, классы оформлены с содержательными материалами по истории и культуре татарского народа, Татарстана и Российского государства. В школе работает краеведческий музей, работу в которой ведет учитель татарского языка и литературы Г.Х.Гарипова.

А.А.Бурханов вручил коллективу школы, Г.Х.Гариповой и учительнице физики, кандидату исторических наук Н.Г.Гарифу благодарственные письма за активную краеведческую деятельность и воспитание молодого поколения в любви к родному краю. В библиотеку школы были переданы книги и экземпляры журнала «Туган жир. Родной край».

Затем казанские гости посетили сельский краеведческий музей в д. Яңа Сала, созданный по инициативе Н.Г.Гарифа в двухэтажном кирпичном здании, построенным в начале XX в. его прадедом, купцом и предпринимателем Зайнетдиновым Шарафутдином. Нурулла Гариф восстановил и провел реставрационные работы в полуразрушенном здании и превратил его в частный музей с уникальными экспонатами и современными экспозициями. В музее более 3 тыс. экспонатов: это археологические находки, начиная с каменного века до позднего средневековья, этнографические материалы, связанные с повседневной жизнью и бытом сельчан региона, старинные вещи, предметы, одежда, книги. В музее формируется библиотека научной и научно-популярной литературы, где хранятся более 1500 книг по истории и краеведению.

В ходе поездки в Мамадышский район А.А.Бурханов посетил Отдел культуры и Краеведческий музей Мамадышского р-на РТ. При встрече с руководителем Отдела культуры Мамадышского Исполкома С.П.Спирidonовым, директором Мамадышского музея М.М.Садриевой и активистом краеведческого движения Р.А.Муллахметовой были обсуждены итоги прошедшей на базе Мамадышского РДК Первой межрегиональной научно-практической, историко-краеведческой конференции «Краеведение в Мамадышском районе Республики Татарстан: история, современность и перспективы развития», вопросы организации деятельности Мамадышского отделения «Общества татарских краеведов» РТ и подготовки к Всероссийской конференции «Человек и природа в бассейне реки

Нукрат-Вятка в историческом развитии. Мамадышский район: проблемы истории и культуры», которую планируется провести в 2021 г.

А.А. Бурханов передал благодарственные письма Министерства культуры РТ и РОО «Общества татарских краеведов» РТ по итогам конференции 2020 г., которые будут вручены активистам краеведческого движения региона.

Информация А.А. Бурханова

* * *

В Кировской области планируется проведение конференции по истории татар бассейна реки Нукрат-Вятка

В последние годы Региональная культурно-просветительская общественная организация Кировской области (РКПООКО) и краеведы Вятско-Полянского р-на и других регионов Кировской обл. активно сотрудничают с РОО «Общество татарских краеведов» РТ при Всемирном конгрессе татар. Благодаря совместной деятельности, краеведы принимали участие во многих краеведческих форумах и конференциях. В частности, краеведы Кировской обл. активно участвовали во всех Всероссийских краеведческих форумах, проведенных в Казани, Уфе и Томске, во Вероссийских и Межрегиональных тематических конференциях в Казани, Курганской обл.и, городах Азнакаево, Мамадыш, Туймазы и др. В краеведческих сборниках, издаваемых ВКТ и «Обществом татарских краеведов» РТ (отв. редактор – А.А. Бурханов) опубликованы статьи кировских краеведов и общественных деятелей.

Вышеуказанная работа позволила активизировать деятельность местных краеведов и выйти с инициативой о подготовке к проведению в Вятских Полянах в октябре 2021 г. Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции «Человек и природа в бассейне реки Нократ-Вятка в историческом развитии. Татары Вятской природно-географической и историко-культурной зоны и их вклад в развитие экономики и культуры Кировской обл. и Волго-Уральского региона: история и современность», проводимой в рамках 75-летия известного татарского писателя-просветителя, уроженца Вятско-Полянского района Рафаэля Хузина (Сибата) и Года родных языков и народного единства в рамках реализации «Стратегии развития татарского народа». В ходе проведения заседания рабочей группы по подготовке названной конференции А.А. Бурханов побывал в Вятских Полянах и в ряде татарских сел и деревень региона, где он встретился с руководителями и представителями региональной власти, татарских общественных организаций и краеведческих структур, органов образования, работниками музеев.

Вопросы подготовки названной конференции и сотрудничества были обсуждены при встрече с Первым заместителем главы администрации Вятско-Полянского р-на Кировской обл. В.В. Пелевиной с участием руководителей отделов культуры, образования и туризма. А.А. Бурханов передал главе Вятско-Полянского района А.Ю. Чернову книги по истории Татарстана и татарского народа, а также проекты плана и другой документации по подготовке форума. Были также обсуждены вопросы подготовки названной конференции и проведения совместных мероприятий со школами татарских сел района, а также вручено Благодарственное письмо ВКТ директору Вятско-Полянского фил. Кировского ин-та пов. квалификации педагогических работников Н.В. Барабановой.

Затем состоялась встреча с коллективом единственного в РФ Музея головных уборов народов мира (музея шляп) в Вятских Полянах. Директор музея, президент Ассоциации культурных традиций народов мира М.А. Колесникова, провела экскурсию по залам музея, подробно остановилась в экспозиции народов Поволжья, Урала и Сибири, при этом особое внимание уделив костюмам и головным уборам различных групп татар. Музей активно сотрудничает с Национальным музеем РТ, учеными-историками и этнографами Татарстана.

Затем А.А. Бурханов в сопровождении руководителя РКПООТ Кировской обл. Р.Х. Фасхутдинова посетил татарские села, расположенные на правом и левом берегах реки Нукрат-Вятка. В частности, были встречи с жителями, коллективами школ, мечетей и домов культур сел и деревень Нижние и Средние Шуни, Чумачар, Ямышка, Сосмак, Старый Пинигерь. В с. Старый Пинигерь состоялась встреча с учителями и учащимися средней школы, казанский гость посетил мечеть, которой в 2020 г. исполнилось 194 года со времен строительства. Ученик А.А. Бурханова, ныне имам-хатип Старо-Пинигерской мечети, историк-этнограф З.М. Назмутдинов провел экскурсию по мечети, рассказал о ее истории и процессе реконструкции, показал богатую библиотеку, состоявшую из журналов и уникальных книг. Отметим, что на базе мечети 26 сентября с.г. прошел диктант по татарскому языку, в котором участвовали более 30 жителей села, среди них и профессор А.А. Бурханов. Диктант прошел также на базе сельской школы.

А.А. Бурханов привез и раздал в Пинигерской мечети, местной школе экземпляры газет «Татарлар» и «Казанские ведомости», книги по истории татар и номера журнала «Туган жир. Родной край». В связи с юбилеями активистам краеведения И. Зайнуллину (55-летие), З. Назмутдинову (55-летие) и Р. Фасхутдинову (60-летие) казанский гость вручил благодарственные письма от имени руководства ВКТ и ценные книги.

А.А. Бурханов вручил Благодарственное письмо от РОО «Общество татарских краеведов» РТ также коллективу Старо-Пинигерской и Нижне-Шунинской школ. Библиотекам школ были подарены номера газет, журналов и книг. Состоялась встреча с руководством и учителями школы с. Нижние Шуни. Интерес вызвала встреча с ветераном педагогического труда, бывшего учителя географии и создателем школьного музея в с. Нижние Шуни, отличником просвещения РСФСР, отличником образования СССР С.С. Шарафутдиновой.

После встречи и беседы с директором СДК д. Ямышка Г.М. Исламовой, состоялись встречи со старожилами, представителями поколения детей войны Г.Н. Хамидуллиной (Фазлеевой), отец которого погиб в 1942 г. в ходе кровопролитных боев под Ржевом. Руководитель Ассоциации содействия патриотическому воспитанию и поисковой работе «Клуб воинской Славы», член-корреспондент АВИН РФ М.В. Черепанов подготовил справку о службе в Красной Армии и месте гибели красноармейца Назифуллы Фазлеева, уроженца с. Ямышка 1912 г., т.е. отца Г.Н. Хамидуллиной; дочь получила долгожданную информацию о своем родителе. Кроме того, А.А. Бурханов посетил в пгт. Кукмор РТ, где он встретился с руководителем Исполкома Кукморского района РТ А.Х. Гарифуллиным и обсудил вопросы изучения объектов историко-культурного наследия и изучения сел. Он вручил коллективу Кукморского историко-культурного музея Благодарственное письмо от имени РОО «Общество татарских краеведов» РТ.

Информация А.А. Бурханова

* * *

2 октября 2020 г. группа ученых, краеведов и журналистов из Казани участвовали в торжественном мероприятии по случаю открытия Музея крещенных татар Нагорной стороны (Тау ягы керәшен татарлары музейе) в с. Хозесаново Кайбицкого р-на РТ. В составе делегации ВКТ были: начальник Комитета отдела по работе с татарскими краеведами Исполкома ВКТ РТ А.А. Бурханов, гл. ред. краеведческого журнала «Туган жир. Родной край», док. истор. наук Д.М. Исхаков, кандидат исторических наук, доцент Р.Б. Хаплекамитов, заслуженный работник культуры, журналист Х.Ф. Бадрутдинов, корреспондент газеты «Ватаным Татарстан» Р.Г. Мингазов.

В гости к жителям с. Хозесаново приехала делегация артистов из Елабуги – ансамбль песни и пляски «Алабуга» и группа студентов Елабужского колледжа культуры и искусств под руководством заслуженного артиста РТ Д.В. Мироваевой. Вместе с командой дочери, супругой и вну-

ками прибыл и сам уроженец села Хозесаново – заслуженный работник культуры РТ, баянист, композитор, автор 400 песен, почетный гражданин Елабуги В.А. Мироваев.

У сельской школы с. Хозесаново по инициативе 83-летнего уроженца села, автора двух книг по истории с. Хозесаново (Хужа Хэсэн), заслуженного экономиста РТ, краеведа В.В. Данилова, при спонсорстве его сына – генерального директора ООО «Премьер» Э.В. Данилова, появилось двухэтажное кирпичное здание музея. Уроженец села Г.П. Казаков (Москва) помог закупить оборудование для музея.

На торжественное открытие названного музея прибыли жители села и соседних деревень, учащиеся местной школы. Звучали татарские песни, включая и кряшенские, люди танцевали и пели. Торжественное мероприятие открыл зам. гл. Кайбицкого р-на РТ Р.Р. Хаялиев.

С приветственным словом перед участниками торжества выступил глава Кайбицкого р-на РТ А.И. Рахматуллин. Он сообщил, что в с. Хозесаново недавно состоялось открытие нового Дома культуры и единственного в РТ Музея татар кряшен, заявив, что это важное событие в жизни не только Кайбицкого р-на, но и всего Татарстана. Здание построено, начата работа по оформлению экспозиций и залов, но еще предстоит деятельность по дальнейшему развитию содержания музея. Он поблагодарил В.В. Данилова и его сына Э.В. Данилова за большую работу, обратился к сельчанам с предложением помочь в сборе новых экспонатов.

Руководитель делегации от Исполкома ВКТ А.А. Бурханов отметил, что в последние годы активизировалось движение татарских краеведов в Татарстане и регионах РФ, важнейшими направлениями деятельности краеведов являются проведение исследований в полевых условиях и в архивах, организация конференций и форумов, написание книг по истории сел и деревень, создание сельских музеев.

Открытие Музея татар кряшен Нагорной стороны в Кайбицком районе является важным событием. Предлагается в рамках празднования 30-летия образования Кайбицкого р-на РТ в 2021 г. провести Всероссийскую научно-практическую, историко-краеведческую конференцию «Человек и природа в бассейне реки Свияга и на Горной стороне в историческом развитии. Кайбицкий район: проблемы истории и культуры».

А.А. Бурханов поздравил с открытием нового музея всех жителей и гостей, пожелал долгих лет жизни инициатору создания музея В.В. Данилову. В заключение он от имени руководства ВКТ вручил: В.В. Данилову медаль ВКТ «За заслуги перед татарским народом», а Э.В. Данилову, Г.П. Казакову и А.И. Рахматуллину – благодарственные письма ВКТ и «Общества татарских краеведов» РТ. Благодарности Общества также

были вручены коллективу школы с. Хозесаново и редакции газеты «Кайбыч таңнары. Кайбицкие зори».

Гл. ред. краеведческого журнала «Туган жир. Родной край», док. истор. наук Д.М. Исахаков поздравил В.В. Данилова, жителей и гостей с открытием Музея татар кряшен Нагорной стороны. Он рассказал, что еще в 1970-е гг. в ходе научных экспедиций изучал этнографию молькевских кряшен татар. Ученый подчеркнул уникальность культурных традиций этой этнокультурной группы татар.

Д.М. Исахаков и А.А. Бурханов вручили серию номеров журнала «Туган жир. Родной край» и сборник статей «Татарские населенные пункты: история, современность и перспективы развития» (материалы Форума татарских краеведов в Томске) для музеев и местных краеведов.

Гостей и жителей приветствовала председатель Хозесанского сельского поселения С.П. Матвеева. В своем заключительном выступлении В.В. Данилов поблагодарил за помощь в создании музея спонсоров и местных жителей, сообщил о своих планах о дальнейшему развитию музея.

Затем под музыку и аплодисменты В.В. Данилов, А.И. Рахматуллин и А.А. Бурханов разрезали красную ленту и открыли данный музей. После его осмотра сельчане и гости пришли в СДК, где состоялся праздничный концерт, подготовленный группой артистов под руководством Д.В. Мироваевой и В.А. Мироваева.

Информация А.А. Бурханова

* * *

2 октября в Казани – в Старо-Татарской слободе, по адресу ул. Каюма Насыри, д. 10, состоялось торжественное открытие Музея истории татарских денег.

Как объяснил инициатор создания этого частного Музея Артур Галимжанов, идея его создания связана с тем, что в рамках празднования 750-летия образования государства Улуса Джучи (Золотой Орды) в 2019 г. были выпущены шоколадки в форме монеты с фольгой золотого цвета. Тогда вместе с Наилем Набиуллиным было решено собирать книги по нумизматике, закупать оригиналы и копии старинных монет и бумажных денег.

В небольшой комнате Музея создатели повесили плакаты и рисунки, связанные с историей монетного дела с древнейших времен в странах Востока, античной Греции и Древнем Риме, Парфии и Кушанской империи, Европе, Китае и Индии. Также представлены металлические деньги периодов гуннов и др. тюрков, Хазарского каганата, Саманидов, Золотой

Орды, средневековой Европы и Руси. Хорошо представлены монеты и бумажные деньги Российской империи, европейских и восточных государств. Особое внимание уделены татарским монетам периода ханов Золотой Орды Узбека, Джанибека, Токтамыша и др.

На открытии музея приняли участие около 70 чел.: государственные и общественные деятели, ученые и специалисты, студенты вузов Казани. Артур Галимжанов и Наиль Набиуллин рассказали о подготовке к открытию музея и об основных коллекциях, экспонатах. Депутат Государственного Совета РТ, поэт Ркаил Зайдулла отметил: «Это очень важное дело. Татарские рукописи сгорели и плохо сохранились, а клады хранятся под землей».

Руководитель «Общества татарских краеведов» РТ А.А. Бурханов обращаясь к создателям музея подчеркнул: «В последнее время вы стали работать грамотно и эффективно. Поэтому Вас хвалю и ставлю Вашей работе 10 баллов». Он подчеркнул, что среди краеведов тоже активно изучаются татарские монеты. Искусствовед Р. Шагеева, профессор Г. Хафизов и др. отметили важность открытия Музея для изучения истории и культуры Татарстана и татарского народа. Один из создателей Музея – Наиль Набиуллин отметил, что Музей будет работать ежедневно с 10:00 до 18:00 часов. Вход для гостей – и татарстанцев бесплатный.

Информация А.А. Бурханова

* * *

Презентация книги о татарах на берегах Невы

21 октября 2020 г. в конференц-зале Исполкома ВКТ состоялась презентация книги петербургского писателя и общественного деятеля Р.Х. Теляшова «Татары на берегах Невы» (Санкт-Петербург, Изд-во СПб гос. экономического ун-та, 2020. – 695 с.).

Для презентации книги из Санкт-Петербурга в Казань приехали автор книги Рахимжан Халиуллович Теляшов, его супруга София ханым и спонсор книги – известный татарский меценат Шамиль Абдуллович Аллюшев. На встречу с автором и спонсором книги в Исполком ВКТ пришли известные ученые, специалисты, краеведы, общественные деятели и журналисты из телерадиоканалов «ТНВ – Новый век» и ГТРК «Татарстан», интернет-газеты «Бизнес-онлайн», республиканских газет «Республика Татарстан», «Ватаным Татарстан», «Мэдэни жомга», «Казанские ведомости», «Известия Татарстана» и др.

«Круглый стол» открыл руководитель Исполкома ВКТ, кан. Филол. наук Д.Ф. Шакиров, познакомивший присутствующих с автором и спон-

сором книги, отметивший важность издания подобных книг о судьбе татар в регионах РФ и др. странах.

Начальник Комитета по работе с краеведами Исполкома ВКТ А.А. Бурханов рассказал об истории татарского краеведения, об основных направлениях деятельности татарских краеведов в Татарстане и регионах РФ, продемонстрировал недавно изданные книги татарских краеведов. Он отметил, что Исполком ВКТ уделяет особое внимание презентациям новых краеведческих книг. В частности, в Казани на базе ВКТ проходили презентации книг по истории сел Сатышево (Сабинский район) и Хозесаново (Кайбицкий район), серии книг по истории Азнакаевского района РТ. Были выездные презентации книг в Ульяновской, Саратовской, Омской, Пензенской областях, в Республике Марий Эл и районах Татарстана. Несмотря на определенные недостатки, по его мнению, книга Р.Х. Теляшова удалась. Это – хороший информационный справочник и работа мемуарного характера, заодно и фотоальбом.

Автор книги Р.Х. Теляшов поблагодарил всех, кто помогал в подготовке книги (свою семью, работников Эрмитажа и петербургских архивов, представителей татарских общественных организаций Санкт-Петербурга, полномочного представителя РТ в Санкт-Петербурге и Ленинградской области Р.Н. Валиуллина, руководство ВКТ). Затем он подробно остановился на том, как собирал материалы для написания данной книги. Особо была отмечена роль и поддержка спонсоров – генерального спонсора Ш.А. Алюшева, а также К.М. Курмакаева, Р.Р. Магдиева, Р.Р. Сиразетдинова, А.Д. Суфиярова и К.А. Хайруллина. Автор книги поблагодарил всех пришедших на презентацию и ответил на вопросы.

Спонсор книги Ш.А. Алюшев рассказал о высоких нравственных качествах автора книги, указав, что он прекрасный исследователь, патриот своего народа, хороший организатор. Затем он поблагодарил ВКТ за приглашение на различные форумы и мероприятия, а также за организацию сегодняшней презентации.

София Теляшова сообщила, что она родом из Илишевского района РБ и в Ленинграде живет с конца 1960-х гг., сказала, что в Казани впервые. Рассказала о своей семье и как Рахимжан абый героически работал в ходе подготовки книги к изданию.

С благодарностями автору и спонсорам книги выступили зав. отделом новой истории Института истории им.Ш.Марджани АН РТ, док. истор. наук, И.К. Загидуллин, канд. истор. наук Т.А. Биктимирова, док. истор. наук, профессор Г.Г. Хафизов, зав. отделом Института татарской

энциклопедии и регионоведения АН РТ, канд. истор. наук Б.Л. Хамидуллин, ведущий науч. сотр. Центра письменности и музыкального наследия ИЯЛИ А.М. Ахунов, нумизмат, краевед О.В. Степанов и канд. истор. наук, доцент Р.Б. Хаплекхамитов.

В заключение Д.Ф. Шакиров вручил благодарственные письма от имени Исполкома ВКТ и подарочные книги Р.Х. Теляшову и Ш.А. Алюшеву, а Софии ханым – цветы.

Гостям также были подарены номера журналов «Туган жир. Родной край» и сборник материалов Всероссийского форума краеведов в Томске.

Информация А.А. Бурханова

СВЕРКАТЬ ТАК СВЕРКАТЬ

12 октября 2020 г. в клубе Тукая Союза писателей Татарстана состоялся литературно-музыкальный вечер, посвящённый 60-летию со дня рождения лауреата премии им. Ангама Атнабаева, поэтессы, краеведа Галии Гайнутдиновой.

Зал был полон любителями поэзии. Среди приглашённых оказались такие известные персоны, как художник-каллиграф, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая Наджип Наккаш; председатель Союза писателей РТ Д. Салихов и его заместитель Р. Айметов; телекомментатор НТВ И. Киямов; педагог, певица Ч. Файзелгатова; поэт Галимзян Гильманов; певец, композитор Д. Бадиков; певица, композитор М. Нургалиева; журналист Х. Гарипова; поэт, певец Р. Булатов; поэтесса И. Валиуллина; директор Казанской гимназии №5 А. Рагимшин и др. На чудесном вечере также присутствовали ведущий консультант управления национального образования Министерства образования и науки Республики Татарстан Альфия Ахатова, а также представители Авиастроительного и Ново-Савинского РОНО Э. Хамидуллина и И. Ильясова.

*Г. Гайнутдинову поздравляет председатель Союза писателей РТ
Д. Салихов*

Представителем администрации Татышлинского района Башкортостана, откуда родом Галия Михеевна, был председатель районного Совета ветеранов А.Ф. Магзумов.

Юбиляр была награждена Почётной грамотой Министерства образования РФ, Благодарственным письмом Министерства образования и науки, а также нагрудным знаком Министерства культуры РТ. Затем Анас Магзумов торжественно зачитал Благодарственное письмо главы администрации Татышлинского района – Ф. Шайхисламова. И тут же он с особой теплотой и сердечностью прочитал поздравительное стихотворение имама мечети с. Старый Курдым Магдана Атнабаева, родного брата Ангама Атнабаева. Сам Магдан хазрат из-за болезни не смог приехать на юбилейное торжество. Зато стихами своими проникновенными обрадовали Галию односельчане имама З. Гизатуллин и Р. Мустаева.

После этого торжественная часть постепенно перешла в замечательный концерт, составленный из песен и стихов Г. Гайнутдиновой. Как писал Шекспир: «Весь мир – театр, а люди в нём актёры». Галия эту классическую картину мира выразила своим стихотворением «Өч пәрдалек тамаша». Так вот, этот замечательный концерт вылился в необыкновенный спектакль – театральное зрелище, где люди – «актёры», подчиняясь задуманному сюжету, произносили и пламенные поздравительные речи, и дарили юбиляру ценные подарки, пели, декламировали стихи и даже (в лице студентов театрального училища) демонстрировали отрывки из драматических постановок.

А что за спектакль без конфликта? Как трактует теория драматургии, конфликт есть основа любого драматического произведения, он нужен, чтобы сделать образы героев яркими, чтобы получилась захватывающая драматургия. И я решился на создание такого театрального конфликта – вышел на сцену читать стихотворение Г. Гайнутдиновой «Якыйк Тукай хакына» с кинжалом в руке. Выбрал я для своего выступления именно это стихотворение, потому что мне понравилась гражданская позиция автора – она предстала здесь смелой и проницательной личностью. В её принципиальном характере и кипучей деятельности порой случаются взрывные деяния, похожие на блеск молнии или кинжала, с помощью которых она прокладывает себе жизненный и творческий путь. Ведь и её любимый певец Айдар Галимов поёт: «Яшьнэргэ икэн яшьнэргэ...» Галия то и дело своими смелыми и актуальными стихами совершает уколы в сторону социальной несправедливости. Например, мы видим это в её стихотворениях «Агымнарга каршы» («Плыву против течения») и «Мэртәбәле бөек халык» («Великий народ»).

Перед тем, как начать чтение стиха, я продемонстрировал зрителям свой кинжал с богатым восточным орнаментом и сказал: «Этот красивый подарок моих дагестанских друзей я использую в своём выступлении в качестве метафоры». И не спеша, выразительно прочитал наизусть потрясающее стихотворение Галии Гайнутдиновой.

Яклыйк Тукай хакына

Кыйналды тел, кимсетелде,
Куймыйк ирек аны кабат
Хаксызга яраларга.

Ана телебез яшэргэ
Тиеш саф, бөтен килеш.
Үзебез сакламый аны
Кем соң сакларга тиеш?

Кыскартырга тырышалар
Мөмкинлеклэрен күптэн.
Телебезнең ирке, имеш,
«Тиеш»тэн узып киткэн.

Яклар өчен телебезне,
Кузгалыйк, агай-эне.
Чүпләнеп һәм гарипләнеп
Бара бит татар теле.

Кадерсезлэнгэнгә күрә,
Тел өстенә мүк үсә.

Ябылды зинданнарга.
Яшьләнеп иде Тукайның
Күзләре моны күрсә.

Бәлки, һуштан язар иде,
Гаделсезлекне күреп.
Чөнки татар үзе яши,
Туган телгә төкереп.

Киләчәк кичермәс безне,
Телгә зыян китерсәк.
Яна буын сабийларын
Туган телсез үстерсәк.

Югалмас, газиз телебез
Сеңеп калса алтыда.
Телебезне тел тидертми

Яклыйк Тукай хакына!
Яклыйк милләт хакына!

Кинжал – символ непокорности, смелости. Поэтесса Галия Гайнутдинова является Личностью и Гражданином. Она талантлива, всегда имеет своё мнение и смело его отстаивает, пропагандируя татарский язык и культуру родного народа.

*Томас Нигаматзянов,
член Союза журналистов РТ и РФ,
лауреат премии им. Ангама Атнабаева*

Юбилярлар турында сүз

Слово о юбилярах

ИСТОРИК ОТ ВСЕВЫШНЕГО: 60 ЛЕТ ИСКАНДЕРУ ИЗМАЙЛОВУ

Искандер Лерунович Измайлов – один из ключевых историков небольшой группы, совершившей подлинный переворот в исторической науке Татарстана в конце XX в. В 1990-х гг. сюда входили такие почтенные аксакалы, как Миркасыйм Усманов, Равиль Фахрутдинов, Булат Султанбеков, Марсель Ахметзянов и несколько человек из более молодого поколения, включая меня самого. В числе нас Искандер был младше всех. Но обладая недюжинным умом, блестящими знаниями и бойцовским характером, он сыграл очень важную роль в «битве историков» – такое наименование получили события в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова накануне его раздела в 1996 г., в результате которого и возникли предпосылки создания Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, а также написания 7-ми томной «Истории татар с древнейших времен», подготовленной совершенно в ином духе, чем работы советских историков из республики.

Надо специально подчеркнуть, что нам совместно с И.Л. Измайловым удалось еще до начала работы над названным многотомником проработать целый ряд ключевых проблем истории татарского народа Средневековья. В результате весь этнический «каркас» этого труда оказался написан нами. Несмотря на то, что мы являлись с Искандером Леруновичем многолетними соавторами, у нас имелись (и до сих пор сохраняются) отдельные разногласия, отчасти связанные со спецификой мышления каждого и базовой специализацией – он археолог, а я этнолог. Но эти индивидуальные особенности нам никогда не мешали готовить совместные исследования.

И теперь, спустя много лет с начала сотрудничества, я от чистого сердца могу сказать: дорогой Искандер, мы с тобой хорошо потрудились и, дай Аллах, ещё поработаем.

Со славным тебя юбилеем от имени историков-краеведов обширного татарского мира!

*Дамир Исхаков,
главный редактор журнала «Туган җир. Родной край»*

* * *

Пользуясь юбилейной датой, наша редакция решила побеседовать с И.Л. Измайловым об исторической науке, об изучении истории татарского народа и, конечно, о ремесле историка. Разговор ведет кандидат исторических наук Ильнар Гарифуллин.

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*«В принципе не исключено, что когда-нибудь
наша цивилизация отвернется от истории.
Историкам следовало бы над этим подумать.
Дурно истолкованная история, если не
остеречься, может в конце концов возбудить
недоверие и к истории, лучше понятой.»*

Марк Блок (1886–1944)

– Искандер Лерунович какова роль истории в нациестроительстве? Вообще для чего нужна история?

– Полагаю, что слова «национальная история» с одной стороны вызовут неудовольствие многих. Одни будут считать, что занятия «национальной историей» – это симптом серьезного психического расстройства само по себе, другие будут уверять, что нет национальной истории, как нет «национальной физики», а третьи, станут утверждать, что история – это пропаганда, а ее изложение – суть политика, обращенная в прошлое. Все

это вполне возможно. Но фактом остается то, что на Земле нет нации без своей версии национальной истории, вписанной в ее картину мира. Следовательно, проблемы изучения и осмысления прошлого в фактах и событиях, образах и метафорах, концепциях и мифах, – все это играет важнейшую роль для самоопределения нации. При этом совершенно точно можно сказать, нации возникают тогда, когда у неких сообществ, сословий и социальных страт, появляется понятная и общепризнанная картина прошлого.

Общности средневековья, как правило, представляют собой некий союз социальных общностей, сословий, которые мало связаны между собой и объединены через горизонтальные связи. Но они очень непрочны, часто вызваны и связаны с определенным государством, как неким надобщинным объединением аристократического слоя. Но в эпоху Нового времени или модерна происходит коренной перелом во всех сферах общественной жизни. Главное – начинают формироваться нации как единое горизонтальное поле или как единая социальная страта. Ведь что такое нации – это, как правило, общество, где имущественное расслоение есть, но социальных, сословных и даже половых перегородок практически нет или с ними общество ведет непримиримую борьбу, которая может длиться веками. С течением времени конечно, постепенно либерализация и демократизация меняют и это, несмотря даже на сопротивление элит. Не всегда так однолинейно, но суть неизбежных процессов понятна и победа демократии неизбежна.

Картина мира, соответственно, с этими этапами меняется, трансформируется, становится сложнее и рельефнее. Можно прямо сказать, что наше понимание прошлого намного многогранное и ярче, чем наших дедов и прадедов. Изменяется и само видение истории, понимание ее назначения и концептуальное разнообразие. Простой пример, если для средневековых хроник главным было живописание деяний героев, полководцев и тому подобных деятелей, одновременно там же были собраны сведения о засухах, набегах и бунтах. Но постепенно приходит понимание, что главное – описать историю народа как гражданскую историю национальных государств. Под эту задачу происходит формирование целого ряда новых дисциплин, которые нужны для отсеивания недостоверных хроник и поздних наслоений – исторической критики, герменевтики, палеографии. Одновременно развиваются различные концепции развития мира и «осевого времени» истории от эволюционизма до марксизма и постмодернизма.

Иными словами, национальная история – это строгая и упорядоченный взгляд на прошлое определенной нации, а история как наука – это

цельный взгляд на прошлое, построенный на традициях и процедурах науки эпохи модерна. В идеале эти национальные истории должны, поскольку они являются частями общего потока научных исследований, притираться и смыкаться, но на практике до этого еще далеко и, скажем честно, это вряд ли, достижимо. Дело не в ненаучности тех или иных концепций. Квазинаучные историописания, типа штудий Фоменко, просто отбрасываются из общего потока научной мысли, а на уровне разницы понимания фактов и событий, интерпретаций и концепций, источниковедческой полноты и т.д. различия и сохраняются. Введение единомыслия в науку, посредством закона пока никому еще не удалось. Тем более, в мировом масштабе. Поэтому национальные истории, как части общего научного потока изучения прошлого будут существовать, определяя сознание, формируя идентичность наций.

– То есть существует история национальная и история как абстрактная наука?

– Нет. Думаю, что в идеале – это одно и то же. Абстрактной истории не существует. Все истории национальны. Даже если какой-то историк, к примеру, пишет историю Ирана находясь в Москве, то это в любом случае российский национальный взгляд на историю Ирана. И если иранский историк пишет историю России, то это есть иранский взгляд на историю России. Это разные картины мира, хотя в глубинном плане оба могут являться еще и частью мирового осмысления прошлого. Почему? Да потому что истории как чистой абстракции не существует, как не существует абстрактной истины. Диалектика Гегеля полагает, что каждая конкретная истина приближает нас к пониманию истины абсолютной, но не способна ее достичь полностью. Так и в этом случае. Национальные истории являются в той или иной мере частями общей мировой истории, но не перекрывают ее полностью.

В концептуальном плане национальная история, это, по существу, изучение событий прошлого, выстраивание их в определенной системе и логике. Вот это есть национальная история. Грань научности в том, чтобы сделать это максимально точно и полно на основе интерпретаций тех источников, которые есть в нашем распоряжении, с учетом всех соответствующих научных процедур и выстроенных в логичную и непротиворечивую систему, т.е. адекватную концепцию.

– Где следует провести грань между объективным научным подходом к изучению истории и умозрительным подходом исследователя?

– Сама наука о прошлом, как писал французский историк и патриот Марк Блок, сродни не художественному творчеству, как это было в эпоху классицизма, а является ремеслом, не формой нравоучительной или поу-

чительной литературы, строгим следованием научным процедурам и шаблонам. И так шаг за шагом в познании прошлого. Ремесло историка – это не его взгляд на события и написание больших нарративов по принципу «как это было в действительности». Это самая высшая точка обобщения, плод высокой степени абстракции. Настоящее творчество историка, это скрупулезное изучение источников и компаративистика, сопоставление фактов и моделей. Ремесло историка – это умение извлекать какую-то важную информацию из скупых, дисперсных и разнообразных источников. Анализируя весь комплекс доступных знаний, историк получает факты, которые могут интерпретироваться и выстраиваться, обретая вид гипотезы и теории, формируя концептуальный взгляд на это прошлое. В зависимости от научности этого ремесленного подхода к прошлому и можно определить насколько профессионально и объективно он подходит к изучению этих феноменов. Если он анализирует источники небрежно, непрофессионально или поверхностно, то его взгляд получается субъективным и односторонним, и соответственно, он окажется на обочине историографии, не будет включен в научный процесс или даже окажется за его пределами. Например, у нас много фанатов теории Фоменко, но историческая наука, вынеся ему суровый приговор, исключила его из своего оборота. Писать и издавать он может, однако став притчей во языцех, никогда не станет своим среди историков. Это пример субъективного взгляда на прошлое, своеобразная квазинаучная фольк-хистори. Такие персонажи есть и у нас в Казани. Одни пишут, что татары – потомки этрусков и египтян, другие, что болгары плавали по Северному Ледовитому океану и открывали Исландию. И мы всегда давали отпор таким людям, не давали им влиять на науку и представлять свои писания как научные. Считаю честью для нашей национальной истории, что подобные взгляды были отринуты у нас из научного процесса и они стали маргинальными.

Поворотным моментом стала вторая половина 1990-х гг., когда происходило национальное возрождение и начался процесс осмысления татарского прошлого. Обычно считается, что состоялся простой поворот от одной теории к другой. Все намного сложнее. Прежняя наука, восходящая не только концептуально, но и фактологически к идеологическим большевистско-советским схемам, внезапно оказалась «факультетом ненужных вещей», а советская историография в большинстве своем – «заповедником гоблинов». С одной стороны, эти схемы пришли в полное противоречие с развитием мировой науки – этнологии, исторической антропологии, истории, археологии и другими отраслями гуманитарного знания. С другой, – фактологическая основа советской науки была не только недостаточной, но и намеренно сокращенной, огрубленной и де-

кретированной. Достаточно сказать, что были десятки страниц текстов вождя большевизма В.И. Ленина, которые было запрещено публиковать и даже читать! Ясно, что в такой ситуации начинать приходилось с пересмотра всего тезауруса источниковедческой базы, проверяя ее и сопоставляя. От пересмотра отдельных событий, персонажей и фактов в то время удалось перейти к системному пересмотру взгляда на прошлое. Пришлось заново переосмысливать не только прежнюю картину мира прошлого, но и начать плавание в море мировой науки, стремясь соответствовать высоким критериям научности.

– А что Вас конкретно не устраивало во взглядах на татарское прошлое в конце восьмидесятых начале девяностых годов?

– Много чего нас не устраивало. Легче сказать, что было научно-го – существовал татарский народ, прошедший тысячелетнюю историю от племени к нации. А не устраивало все остальное – терминология, периодизация, принципиальная неантропологичность (если не сказать, бесчеловечность), концептуальные основания и методы интерпретации. Например, засилье «пятичленки» – смены общественно-исторических формаций или советская национальная трихотомия – племя-народность-нация. Все это вдруг при знакомстве с мировой литературой, которая стала доступной, стало выглядеть ветхим и гнилым забором, который скрывал от нас достижения мировой науки. Но эта гнилая наука в лице ее некоторых представителей совершенно не желала лишиться своих административных постов и рычагов управления научным сообществом. В частности, академик Закиев, возглавлявший Институт языка, литературы и истории АН РТ, пытаясь сохранить некий «заповедник сталинизма» в Татарстане, старался решительно воспрепятствовать новым веяниям общественной жизни и научного творчества. И объектом борьбы стало прошлое и оценки некоторых этапов истории. Но при этом, повторюсь, важной составляющей несогласия с его теориями было именно то, что он игнорировал научные процедуры и методики, намереваясь, как в советское время, схематизировать прошлое, апеллировать не к фактам, а к «городовому»

– Как это отразилось на формировании новых представлений о татарской нации?

– Феномен нации имеет историческую составляющую, поскольку является частью общих представлений о систематизированном концептуальном прошлом. В этом вопросе важен не только ответ на то, что есть нация, но какие процессы привели к ее становлению. Советская власть, подавляя мысль тоталитарной идеологией, не могла не апеллировать к прошлому, поскольку именно его стадийные изменения постулировали

наступление коммунизма. В этой связи нужно было создать свое видение истории Татарстана, вписанное в историю СССР. От первых попыток создать цельную историю Татарстана и татарского народа мы увидим, что в качестве национального государства татар советскими учебниками указывалось Казанское ханство, чьим предшественником была Волжская Булгария. В этом в трудах разных историков был крен в пользу одного или другого государства. Например, А.Х. Халиков отстаивал мысль, что основой формирования татар были болгары. Что-то похожее происходило и в русской историографии, где процесс становления общенационального государства постепенно смещался от Московской к Киевской Руси, где конструировалась некая древнерусская народность.

– *Национальное государство русских?*

– Конечно. Древнерусская народность считалась общей для всех восточных славян, которые и намеревалась сплотить навеки Великая Русь, как в прошлом, так и в советском настоящем. Иными словами, за советским народом брежневской конституции угадывалась древнерусская народность. Для татар таким феноменом было еще с середины 1940-х гг. принято считать болгарскую народность. А вот Золотая Орда, как внешний, агрессивный фактор, должен был исчезнуть из советского прошлого.

– *История СССР без Золотой Орды?*

– Абсолютно. Золотая Орда представлялась внешним, агрессивным и тормозящим историю фактором.

– *А в чем здесь причина? Только политическая близорукость или еще какие-то причины были?*

– Пожалуй, сыграли роль несколько факторов. С одной стороны, вся русская историография и идеология выросли в противостоянии с Улусом Джучи и его наследниками. Все эти идеи плавно перетекали в сталинскую имперскую идеологию. Декретировался этот поворот Постановлением ЦК ВКП(б) от 8 августа 1944 г. С другой стороны, в татарской историографии было и «булгарское» направление. Разбору его посвящены специальные исследования мои и Д.М. Исхакова. Но были и довольно самоочевидные факторы: например, достаточно наложить карту расселения казанских татар, на карту Волжской Булгарии и мы увидим почти полное совпадение. А вот такой фокус с картой Золотой Орды не получится, будет не так убедителен. Но при таком «булгарском» подходе за пределами татарской нации оказываются сибирские, польско-литовские, крымские татары, которые никакого отношения не имели к болгарам. Вот и первые сложности между «булгаристскими» теориями и национальной идентичностью татар. Они просто никак не соответствуют друг другу.

– Но ведь еще в 1950-х гг. состоялось разоблачение культа личности Сталина. Тогда почему же не отошли от этих негласных запретов?

– Не будем указывать, что «оттепель» оказалось недолгой и половинчатой. «Культ личности» подвергся критике, но не большевистская идеология. Никто не отменял сталинских постановлений 1940-х гг., ни в Татарстане, ни в Башкирии, ни в Казахстане. К тому же огромные территории этой евразийской империи затрудняли ее локализацию и изучение в одном центре. У Золотой Орды было множество наследников, но никто до поры до времени не брал смелость начать ее изучать и объявить своей прародиной. Кроме того, не будем забывать про фактор пресловутой «дружбы народов». Например, практически никогда в советских учебниках не писалось, что украинцы воевали с русскими. Взаимоотношения России и Украины заканчивались Переяславской Радой 1654 г., а далее украинцы терялись на просторах учебников, растворяясь в советском народе. Это не случайно. Дружба народов не предполагала войны между народами СССР. К тому же Российское государство, как и многие другие возникли в противоборстве с Золотой Ордой. Булгары также воевали с Чингиз-ханом и его наследниками, поэтому Булгария обладала куда как более «удобной» в идеологическом плане, историей, чем Улус Джучи. Отрицательная коннотация последнего никуда не делась.

– То есть получается, что татары Золотой Орды были таким неудобным объектом?

– Золотая Орда как государство – да. А вот население... Оно как бы повлияло на всех чуть-чуть, а потом взяло и растворилось без следа. И многие народы СССР просто как бы случайно были связаны с историей Золотой Орды... И чтобы примирить болгарское прошлое и татарскую идентичность была изобретена мысль, что татары так именовались лишь формально, на деле это имя случайно «прилипло» к булгарам – якобы завоеванный народ принял название своего завоевателя. И чем быстрее татары забудут данное историческое «недоразумение», тем лучше для них. Примерно такая вот идеологическая схема определяла историческую науку в Татарстане. Периодизация определяла, что существовала Волжская Булгария, а потом, после краха Золотой Орды, первая возродилась в виде Казанского ханства. Между ними не выявлялось никакого зазора. связи. В начале 90-х гг. XX в. в связи с тем, что многие препоны пали, стали писать об этом. Институт истории встал перед дилеммой – писать историю Татарстана или татарского народа.

Одновременно возник и всплеск татарского национального движения и стали приезжать татары из других регионов, где они жили диаспораль-

но. Они с тревогой спрашивали о том, кто мы и откуда наши истоки. Ответ, что мы болгары, перестал удовлетворять научное сообщество и др.

Во весь рост встал вопрос о том, как создавать новую историю, из каких компонентов она будет состоять, какие события и государства точки в ней будут определяющими. Внезапно стало ясно, что средневековый феномен национального государства – это чисто советское изобретение. То есть для мировой науки такого явления не существует. Сословные централизованные монархии Европы в очень ограниченном количестве могут быть представлены как предшественники национальных государств – Англия, Франция, Швеция. А вот Италия, Испания и Германия никак не подходили под этот феномен. Вот поэтому инструментарий советских историков и был устаревшим, схематичным и неспособным обнять многообразие истории. Теоретическая ограниченность советской исторической науки была связана с тем, что она основывалась на теориях конца XIX – начала XX вв. В мировой науке конца XX в., когда во всей западной науке – в социологии и истории – произошла смена парадигм, у нас почти никак не отреагировали на эти изменения и соответственно всё осталось в прошлом.

Едва начавшись, процесс переосмысления истории в республике натолкнулся на яростное противоборство со стороны консерваторов из ИЯЛИ во главе с академиком Закиевым. Причем это был своеобразный поколенческий разрыв, то есть группа более молодых и продвинутых историков стала говорить о новых подходах к прошлому. Стала заявлять, что нельзя замыкаться только в рамках Волжской Булгарии, а следует обратить внимание на феномен Золотой Орды, где и происходили этно-социальные процессы, ключевые для татарского мира. Но как-то примирить эти точки зрения не удалось. Смена парадигм, как правило, происходит вместе со сменой научных поколений. На поверку прежняя теория и ее фактологическая база оказались слабыми, квазинаучными и очень субъективными. Что немедленно и выявилось в ходе ряда дискуссий по разным поводам.

Понятно, что никто не любит проигрывать. Никто не уступает позиций без сопротивления, но тот уровень концентрации злобы, клеветы и подлости, которые обрушил Закиев на наши головы, показал, что проблема совсем не в чистой науке, а в том, что мы покусились на самые основы их мироздания и идеологии. Не имея возможности доказать свою правоту в научном полемике, Закиев и его подручные прибегли только к излюбленному методу, тому, чему они научились делать в советское время лучше всего – к репрессиям. Например, в 1993 г. Дамир Исхаков и Гузель Сулейманова-Валеева подготовили к изданию сборник статей по

истории Золотой Орды. Сначала Закиев их вызвал «на ковер», запретив издание сборника, а Ученый Совет института отказался дать разрешение его печатать. В ходе заседания Закиев прямо заявил, что пока он жив, он не позволит печатать подобные работы. Следует подчеркнуть, что конференция, материалы которой вошли в этот сборник, прошла за личные средства ученых, а издание профинансировал фонд им. М. Султан-Галиева. Когда она была все-таки опубликована, разразился скандал и редакторам сборника был объявлен выговор. На Ученом Совете, обосновывая выговор, Закиев нам заявил, что авторы украли интеллектуальную собственность Института. На вопрос Дамира Исхакова, что сам Совет отказался финансировать издание, последовал ответ, что «это не ваше, а мое дело, что печатать, а что нет». И таких историй в то время было очень много. Например, Искандер Абдуллин, Фарид Хакимзянов подготовили свои сборники источников по истории Золотой Орды. Абдуллин подготовил армянские источники, написанные на армянской графике, но татарским языком, которые хранились в Львове. Он много работал в архивах, часто за собственный счет ездил во Львов, собрал целый сборник интереснейших материалов. Тюркологический съезд обязал Институт опубликовать его, но академик и тюрколог Закиев запретил и это издание. Сама мысль о языке и культуре Золотой Орды была ему и его клеветам ненавистна. То есть в этом случае, как в капле воды, видно, что проблема истории Золотой Орды даже в конце 1990-х гг. в Казани была совсем не научной, а актуальной политической коллизией. Неудивительно, что 1970–90-е гг. неоднократно дебатировались идеи о переименовании татар в болгар.

Водораздел идеологии и науки четко прошелся по всем нам. Более того, Закиев в 1970-е гг. носился с идеей переименовать татар в болгар. После того, как мы с Дамиром Исхаковым напечатали статью о постановлении 1944 г., мой учитель Альфред Халиков внезапно начал говорить, что никаких запретов на изучение Золотой Орды не было, а потом, видя мое упорство, перестал вообще со мной разговаривать. Мирфатых Закиев говорил, что это постановление правильное и актуальное, то есть он по факту был и оставался сталинистом до мозга костей. Он ведь и историком был весьма своеобразным, и лингвистом, хотя и то, и другое надо взять в кавычки. Так, он брал название, к примеру асов (асы, ясы, буртасы) и сопоставлял его лингвистически с названием Исландии, заявляя, что оно в переводе означает «страна асов». Плохо не то, что являлся слабым ученым, а то, что он обладал административными рычагами, мог диктовать кого уволить, а кого понизить в должности. Так он уволил Ф. Хакимзянова, Р. Ахметьянова, потом и меня выдал из Института.

Но через какое-то время и в республике, в её руководстве болгаризма перестали считаться истинными. Такие мудрые политики и национальные деятели, как Минтимер Шаймиев и создатель Академии Наук РТ Мансур Хасанов, смогли переломить ситуацию. Им, татарам по воспитанию и идентичности, было просто дико слушать, что все татары должны переименоваться в болгар. Рафаэль Хакимов, в то время советник Президента, также воспринял эту точку зрения, что тоже сыграло важную роль в разделе ИЯЛИ и образовании Института истории.

– Как это случилось? Чисто административными мерами или было обоснование?

– Это был один из важнейших и судьбоносных моментов в истории науки Татарстана. Академик Закиев, испытывая «головокружение от успехов», довольно грубо отчитал и Академию наук, и самого Президента. Это переполнило каплю терпения руководства республики, да так, что оно решилось на административные меры. Было решено разделить Институт на две части, создав Институт истории, чтобы не провоцировать в дальнейшем конфликты в гуманитарной сфере.

Вот тогда-то и стал вопрос – какую сверхзадачу должен перед собой поставить новый Институт, как придать исследованиям прошлого и настоящего должную научность и динамизм. Для решения этих вопросов советник Президента РТ Р. Хакимов часто приглашал ведущих историков, обсуждая разные идеи и проекты. То есть его назначение в тот момент сыграло положительную роль, ибо, при ином раскладе не было бы такого доверия к историкам со стороны руководства республики. А так появился доступ к меценатам, дополнительному финансированию.

Тогда же Валерий Тишков обратился в Институт истории, предлагая написать большую монографию о татарах. Такую работу тогда подготовили о русских и украинцах. Но ранее Закиев отказался от этого предложения, видимо, понимая, что его болгаристские идеи не пройдут в Москве. Довольно быстро зав. отделом этнологии Р. Уразмановой удалось собрать этнографическую часть текста, дополнить другими статьями по современности, религии и т.д. Том получился даже лучше, чем все ожидали. А мы, с Дамиром Исхаковым, в сжатые сроки написали к нему исторический очерк, где кратко изложили базовую концепцию этнического развития татарского народа от племени к нации. На удивление этот исторический очерк выдержал испытание не только перед строгими критиками из Институтов Истории и Этнологии РАН, но и временем. Этот текст стал первым концептуальным изложением новой теории происхождения и развития татар. Позднее эта концепция легла в основу статей Татарской энциклопедии, а в базовых элементах с соответствующим расширением

и дополнением и в семитомную «Историю татар с древнейших времен». До сих пор ни у кого не нашлось обоснованных аргументов против этой концепции. Достаточно сказать, что ее основа, как нечто не подлежащее сомнению, вошла в статью о татарах в Википедию, причем без указания авторства. Слова, как говорится, народные!

Вот это я называю настоящей славой для любого историка, поскольку его идеи стали частью национальной идентичности татарского мира...

– А какие еще важные задачи выполнял Институт истории в те годы по развитию исторической науки?

– Сверхзадачей начала нулевых годов, сразу после создания Института истории, было создать новую историю татарского народа. Одновременно с подготовкой научного обоснования 1000-летнего юбилея Казани началось обсуждение вопроса о написании многотомной истории татарского народа. Несколько раз концепцию обсуждали ведущие историки. Было проведено ряд семинаров – публичных дискуссий по базовым проблемам истории. На международных конференциях обсуждалось участие зарубежных коллег и учитывались их предложения.

В самом начале пытались обсуждать написание истории в рамках истории Татарстана. Особенно рьяно за эту идею ратовал С. Алишев. Но потом было окончательно решено писать именно историю татарского народа. Хотя обсуждение велось практически по всем томам, цельного и концептуального подхода к некоторым проблемам в названном ракурсе выработать не удалось и по объективным, и по субъективным причинам. К объективным можно отнести кадровый голод и отсутствие специалистов по некоторым важнейшим проблемам, например, по проблемам периодизации истории татар, часто не хватало умения емко изложить суть вопроса, не всегда удавалось согласовать взгляды на оценку того или иного периода. Все эти вопросы нужно было обсуждать на специальных симпозиумах или конференциях, добиваться их решения. Слишком долго в ИЯЛИ не было таких проектов, поэтому никто, ни в Академии, ни в университете не имел опыта руководства возникшим сложным коллективом и научным контентом. К субъективным следует отнести попытки с определенного времени директора Р. Хакимова диктовать ученым свои взгляды, нетерпимость его к критике. Дракон укусил свой хвост. Едва удалось избавиться от одного дракона, как на его месте возник другой, не менее самолюбивый и нетерпимый к чужому мнению. Это привело затем к определенной дезорганизации работы над многотомником.

В итоге тома получились несколько противоречивыми по своему качеству. В I томе нет обоснования, почему события бронзового, раннежелезного века относятся к истории татар. Там есть описание событий,

происходивших на Южном Урале, но совершенно нет исторических процессов на территории Казахстана. Он производит впечатление сборника статей, а не цельной истории. Лишь у С. Кляшторного была цельность взгляда на прошлое Евразии, но собственно в татарскую историю этот том мог быть вписан и более конкретно. II том, посвященный Волжской Булгарии и истории Великой степи, получился более цельным. В нем есть оценка этого периода как части татарской истории и прослежены цепочки связей от болгарской истории к современности. III том, я считаю, один из лучших в этой серии. В нем четко описано становление Золотой Орды, дано довольно полное описание становления государственности и ее социальной общности. IV том, посвященный татарским государствам, тоже получился в целом неплохим. Но и там имеются отдельные изъяны. К примеру, там есть материалы о литературе Крымского ханства, но нет о весьма развитой литературе Казанского ханства. Том V, посвященный XVII–XVIII вв., считаю, удался. VI том оказался неудачным из-за неправильной периодизации. Его временной промежуток обрубил ровно по 1880–1900-м гг. А вот следующий – VII том, в итоге вместо советского периода, начался с 1900 г. и рассматривал феномен татарской нации начала XX в. в отрыве от предшествующего периода.

– *В чем важность этого издания?*

– Создание семитомной истории – это гигантское достижение татарской исторической науки. Ни у одного из народов России, в том числе и у тюркских народов, не было написано такой цельной истории. Даже казахи не смогли это осилить. Между тем, опыт написания обобщающих трудов у них был огромный. Например, в советское время у казахов было три редакции их истории (первое – 1943 г., второе – начала 1970-х гг., третье – в 1980-е гг.). Из тюркских народов, ни у кого такого целостного исследования, как у татар, написано не было. Но современную, концептуально новую, историю казахской нации они пока не написали. У башкирских коллег есть и история Башкортостана и пятитомная история башкирского народа. Довольно неплохие по качеству, если не принимать во внимание сомнительные тексты о древнебашкирском народе, фальшивых источниках и ряд др.

– *Как можно оценить современный период развития исторической науки?*

– Даже краткий обзор вызовов и сложностей, искажений и имитаций исторической науки, изучающей татарское прошлое, показывает, что проблем в этом процессе столько, сколько колючек у кактуса и все они также остры. Оценивая их можно подчеркнуть, что характерной чертой всяческих искажений и мифотворчества является фривольное обращение

к краеугольным камням исторического познания – методике исследования и историческим источникам. Именно эти тенденции вызывают дискуссии и требуют критики с точки зрения современной науки.

Можно сказать, что сейчас мы находимся на пороге нового этапа в истории нашего народа. Сейчас подготовлена прекрасная площадка для нового подъема. Духовного потенциала, стойкости и ума у нас достаточно, чтобы завоевать место среди ведущих наций современного мира. Характерной чертой нынешней жизни являются процессы глобализации, унификации и стандартизации, причем не только в странах «третьего мира», но и в развитых странах. Болезненно воспринимается в обществе тенденция к стиранию и размыванию культурных границ, потеря собственных этнических традиций, что требует ответа. В современных условиях здесь столкнулись разнонаправленные тенденции и векторы развития современного общества: глобализация и национальное возрождение, модернизация и традиционализм, унификация жизненных стандартов и усиление консерватизма. Проявлением этой тенденции является суверенизация национальных интересов – стремление очертить и оградить свои традиции, язык, культурные особенности не только в бытовой сфере, но и в политическом плане.

Полигоном этой идеологической борьбы всегда была, есть и будет историческое прошлое.

НУРУЛЛЕ ГАРИФУ – 60 ЛЕТ

Его выразительные глаза говорят о доброте и отзывчивости, у него открытая и искренняя улыбка, хорошо поставленный убедительный голос. Ему хватает всего нескольких секунд, чтобы расположить собеседника к себе – это у него редкий врожденный дар. Всегда мыслит позитивно даже в трудных ситуациях, а самое главное – он не завидует другим, а искренне радуется чужим успехам. Всегда готов оказать помощь тем, кто в ней нуждается и сказать добрые слова поддержки и сочувствия. Он имеет чувство собственного достоинства, моральные принципы и вызывает уважение у окружающих.

Это Нурулла Гиматдинович Гариф (Нурулла Гариф). В сентябре ему исполнилось 60 лет.

Впервые с этим неординарным человеком я познакомился в 2013 г. на августовской конференции учителей Высокогорского района. Помню, кто-то из коллег попросил мои рукописные школьные истории, чтобы почитать. В зале, чуть подалее от меня, сидел известный на всю республику писатель Нурулла Гариф, ему-то в руки и попали несколько листов моих школьных историй. Я внимательно следил за писателем, выражение его лица менялось каждую секунду, он читал и смеялся от души. Вскоре вся папка с моими историями оказалась в руках Нуруллы Гариф.

Я подсел к нему. Он мне: «Надо же! Здесь есть истории, которые, как травинка, пробивают бетон. Обязательно надо выпустить книгу. О школе еще не все сказано. Тем более, что эти рассказы написаны человеком, который не один десяток лет работает руководителем школы, который хорошо знает ее проблемы. Здесь правдивая история и жизнь сегодняшней системы образования». Вскоре появилась на свет моя первая книга «О школе еще не все сказано...», редактором которой стал Нурулла Гариф. Позже, благодаря его бескорыстной помощи, появились еще три книги. С тех пор продолжается наше плодотворное сотрудничество. Мы часто встречаемся то в архивах, то на историко-краеведческих конференциях, бываем в гостях друг у друга.

Нурулла Гиматдинович Гариф родился 1 сентября 1960г. в д. Яна Сала Рыбно-Слободского района РТ. Приведу фрагмент статьи «Беседа с Нуруллой Гариф» из моей книги «У надежды нет границ» (Казань, 2018).

– Нурулла дус, я знаю, что в течение многих лет ты преподавал информатику в Учхозской СОШ Высокогорского района. Но тебя в Татарстане и за его пределами больше знают как известного писателя-историка, который выпустил свыше полусотни книг. Интересно, как уживаются в твоих книгах информатика и история? Что ты ответишь?

– Равиль туган, однозначно скажу, что одно другому не мешает. Могу утверждать, что информатика и история – это науки для тех, кто думает о будущем. Хотя, по определению, история – это наука о прошлом. Это по определению, но кто не знает своей истории, тот не имеет будущего. Я же всегда думаю о татарском народе, о его прошлом, настоящем и о том, какая судьба ему уготована в будущем. Об этом я пишу по вдохновению, каждый день, не меньше пяти страниц, а иногда и больше.

– Это не считая то, что ты пишешь в соцсетях?

– Да, соцсети не в счёт, это отдельно.

– Тогда ясно, меньше пяти страниц не получится...

– Мы живем в век компьютерных технологий. Свои книги я уже давно не пишу от руки и на печатной машинке тоже, есть же компьютер.

– Ну, а твои рукописи? Они от руки?

– Так это же теперь мои файлы, все мои рукописи переведены в цифровой вид. Они практически не занимают места и всегда у меня под рукой. Ты же сам видел, что на столе у меня одни компьютеры.

– Понятно, твои рукописи – это твои файлы. Спасибо, что прояснил.

– Михаил Булгаков, когда-то устами Воланда, сказал знаменитую фразу: «Рукописи не горят». Сейчас это выглядит весьма правдоподобно,

действительно, файлы не горят. Значит, и электронные книги пламя не способно уничтожить. Как видим, рукописям и книгам обеспечено реальное бессмертие.

– Нурулла, интересно знать, как ты стал учителем информатики? Случайно?

– Не случайно, это точно. Такую роскошь я не мог себе позволить. В родном селе Яна Сала я окончил начальную школу, среднее образование получил в д. Шомбут. После службы в Советской армии я окончил радиотехническую школу в Казани (1980–82 гг.). В 1988 г. окончил физический факультет К(П)ФУ – бывшего КГУ им. В.И. Ленина. По диплому я инженер-радиофизик и радиоастроном. В те годы в школах позарез нужны были учителя физики, позднее информатики, их не хватало. Меня же долго уговаривать не пришлось. Я же родился 1-го сентября – в День знаний. Кому, как не мне, быть учителем, подумал я и согласился, тем более мне сразу дали квартиру. Преподавал не только информатику, но и физику, математику. За время работы в школе я выпустил более 40 книг, написал множество научных статей. Помимо Болгара и Биляра, расположенных на территории Татарстана, принял участие в археологических экспедициях в древние города татарского народа – Сарай-Бату, Сарай-Берке, Хаджи Тархан (Астрахань). Все не перечислить...

– Нурулла, ты не задумывался о том, чтобы найти другую работу кроме школы?

– Но я всегда приходил к мысли, что мое место в школе, и поэтому я держался в Учхозской СОШ на 29 лет. В 2017 г. с женой переехал на малую родину – Яна Салу. На территории усадьбы своих родителей я построил дом, где и живём. В гости приезжают дети и внуки. Вот сейчас у меня на коленях сидит внук, я нянчусь с ним. Бабай же я! Мы счастливы...

– Нурулла, уже на своей родине ты выпустил не одну книгу, в том числе «Кажәрлэнгән еллар авазы», там целых 300 страниц. Если писать столько от руки, то рука отвалится, но и на компьютере стучать – это адская работа. Это твоя третья по счету книга, она о репрессиях, проведенных в нашей стране в 1926–1938 гг. Сколько нервов ты потратил, сколько пыли стряхнул с архивных полок...

– Согласен. Кто пишет, тот знает.

– Нурулла, что ты писатель, это понятно, а как ты стал историком?

– Как я стал историком? Само мое рождение уже история, но историком не рождаются. Я ещё в школе задавал себе вопросы: Правда ли история? Опирается ли она на достоверные источники? Не с потолка ли

она написана? Таких вопросов в моей голове рождалось много. Я убежден, что сила писателя в правде. У кого правда – тот сильнее.

Приведенный мной фрагмент из моей вышеназванной книги характеризует Нурулла Гарифа не только как состоявшегося писателя-историка, но и как интересного собеседника с тонким чувством юмора.

В 2000 г. Нурулла Гариф поступил в аспирантуру Института истории имени Ш. Марджани АН РТ. В 2005 г. он успешно защитил диссертацию на тему: «Чаллынский улус в Казанском ханстве: опыт изучения феодально-вассальных отношений в постзолотоордынских тюрко-татарских государствах». Следует отметить, что в то время он, пожалуй, был единственным, кто защитил диссертацию на историческую тему на татарском языке! Ему же не раз предлагали без лишних хлопот защищать на русском языке, но он все равно поступил по-своему. Так он стал кандидатом исторических наук, а еще раньше, в 2002 г., его приняли в Союз писателей Республики Татарстан. В его творчестве преобладают изучение исторических периодов развития татарского народа, научные и философские сочинения, поучительные рассказы и публицистика. Действительно, Нурулла Гариф – Писатель с большой буквы, благодаря которому оживают страницы истории родного края и татарского народа. Даже не верится, что он выпустил 56 книг, но это так! Еще около десятка книг у него готовы к выпуску. А скольким людям он помог подготовить и выпустить их книги? Этого не сосчитать...

Свой юбилей Нурулла Гариф встретил в кругу родственников и друзей с оптимизмом и большими планами на будущее.

С юбилеем тебя, Нурулла дус!

От имени друзей, коллег и татарских краеведов Равиль Салиев, краевед-исследователь, Почетный работник общего образования РФ.

*Хәмидә Гарипова***БӘХЕТ ӨЧЕН КҮП КИРӘКМЕ?
(Юбиярга мэдхия)**

Жәмһүриятебез мөстәкыйльлек яулап алып, барчабызны канатландырган, киләчәккә якты өметләр уяткан чорда башкалага күченеп килеп, «Шәһри Казан» гэжитенә фән һәм мәгариф бүлеге мөхәррире булып эшкә урнаштым. Вазгыять башны әйләндергеч яңалыкларга бай иде ул чакта. Газиз туган телебезнең дәүләт теле дип игълан ителүе үзе ни тора! Бер-бер артлы татар гимназияләре, милли мәктәпләр ачылды. Рус мәктәпләрендә татар теле өлкән агайныкы белән бер күләмдә укытыла башлады. Милли кадрларга ихтыяж бик зур иде. Татарстан укытучыларының белемен күтәрү институтында, моңарчы төрле фәннәрне укыткан мөгалимнәрдән тыш, татар милләтеннән булган, беркадәр татарча белгән, башка тармакта хезмәт куйган кешеләрне дә укытып, татар теле-әдәбияты белгечләре әзерләргә керештеләр. Оешмаларда, предприятиеләрдә татар теленә өйрәтү курслары ачылды.

Ул чактагы баш мөхәрриребез – милли жанлы, кыю йөрәкле Илдус Илдарханов, миңа Казандагы мәгариф бүлекләрен, бөтен татар мәктәп-гимназияләрен әйләнеп чыгып, белем учакларындагы милли алгарыш

барышын даими яктырту бурычын йөкләде. «Ишетсен колагың, юкны бар итеп мактап язасы түгел! Кимчелекләргә күз йомма! Тормыш чынбарлыгын, ничек бар, шулай яктырт. Проблемаларның асылына төшенеп, уңай хәл итү юлларын күрсәткән кыю фикерле, аналитик мәкаләләр кәтәм синнән», – дип, катгый таләп куйды.

Бу вазифама керешкәнче, егерме биш ел дәвамында мәгариф системасында, шуның егермесен житәкче булып эшләгәнгә күрә, кайсы белем учагына аяк бассам да, хәл-әхвәлнең ни дәрәжәдә четерекле, катлаулы булуын, ашыгыч рәвештә эзерләп чыгарылган милли кадрларның нәрсәгә сәләтле икәнлеген ачыклау әллә ни авырлык тудырмады. Пединститутта үзләштергән белгечлегем буенча татар теле һәм әдәбияты укытучысы булуым, чирек гасыр дәвамында шул фәннәрне укытуым сәбәпле, кайсыбер чиле-пешле мөгаллимнәрнең, телебезне вата-жимерә, үзләре дә юньләп аңлап бетермәгәнне балаларга өйрәтергә азаплануын, дәрәсләрдә тупас хаталар жибәрүен, татар теле укытучыларына методик ярдәм күрсәтергә тиешле, милли мәгариф өчен җаваплы кайбер директор урынбасарларының хәтта татарча иркенләп сөйләшә дә алмавын күреп кайткач, гажизлектән үз-үземә урын таба алмыйча гасабилануларым әле дә исемдә.

Беркөнне кич белән күрше кызы Юлия ярдәм сорап ишегемне шакиды, бусагамнан үтүгә, елап жибәрде. Физика-математиканы тирәнтен өйрәнүче лицейда гел «бишле»гә генә укучы 9 сыйныф укучысы, ничаклы азапланса да, татар теленнән өй эшен эшли алмаган. «Мәдәни жомга» гәжитеннән күчереп басылган сәяси-фәлсәфи яңгырашлы публицистик мәкаләдән өзекне чеп-чи рус кызы ничек тәржемә итә алсын соң? Китапны төзүче мөгтәбәр галимә Флера Сафиуллина, моңарчы татарча сөйләшмәгән, укымаган-язмаган башка милләт вәкиленең генә түгел, яраткан әбекәе белән ана телендә беркадәр аралаша-аңлаша алган татар баласының да Тукай теленнән жанын биздерерлек дәрәжәдәге авыр биремнәрне нәрсә уйлап дәрәслеккә керткән икән, дип баш ваттым.

Мәктәпләр буенча сәяхәтләрем ике елдан артык дәвам итте. Көзгә пыскак яңгырлы бер көндә Авиатөзелеш районының иң ерак почмагындагы 2 нче татар мәктәбенә (хәзер 5 нче гимназия) юл тоттым. Дәрәсен әйтим, кәефем шәптән түгел иде. Мәктәп ишеген ачып кергәч үк, укучыларның саф татар телендә матур итеп исәнләшүеннән, мөгаллимнәрнең үзара дустанә мөнәсәбәтеннән биредә жылы мохит хөкем сөрүен сизеп алдым. Милләтебезнең киләчәген ихластан кайгыртучы, алдынгы карашлы директор Фарис Харисов (соңрак ул Татарстан мәгариф министры дәрәжәсенә күтәрелде) житәкләгән укытучылар коллективының, гаять зур тырышлык куеп, шул микрорайонда татарлар яшәгән йортлар буйлап йөрөп, татар милләтеннән булган эти-әниләрне үгетләп-күндереп, Казанда беренчеләрдән булып,

гап-гади рус мәктәбен татар милли белем учагына эверелдерүе күнелемә аеруча хуш килде. Житәкчелек белән якыннан аралашкач, укытучыларның дәресләренә кереп утырып, балаларга карата кайгыртучан мөнәсәбәтне күреп куангач, укучыларның саф татарча биргән жавапларын тыңлагач, тыныч күнел белән кайтырга жыендым.

Шул мәлдә директор бүлмәсенә кечерәк кенә буйлы, ачык йөзле, бөтерчек кебек житез хәрәкәтле, урта яшыләрдәге сөйкемле ханым килеп керде. «Бүген безгә татар шагыйрәләре кунакка килә, балалар белән очрашу оештырам. Бәлки сез дә бу чарага рәхим итәрсез?» – дип ихластан елмайды ул. Мөгаллимәне ай күрдә, кояш алды, исемен сорарга өлгермәдем. Директор аның турында: «Ут йөрәкле бу ханым – Галия Гайнетдинова. Милли жанлы, ижади куәсле, тырыш укытучыларыбызның берсе ул. Туган телне әйбәт белә, әдәбият дөньясына мөкиббән, рәсем ясарга оста, газеталарга мәкаләләр яза, шигырьләр ижат итә, кул эшләренә маһир, нәрсәгә тотынса, шуны коеп кына куя. Мин – ир хатыны, ике бала анасы, вакытым юк, дип тормый, жәмәгать эшләре эчендә кайный. Иң мөһиме – балаларны ярата, аларны үсендерә белә, дәресләрен кызыклы итеп үткәрә, үз фәне белән мавыктырып укыта.

Безнең татар мәктәбе ачарга жыенуыбыз турында ишеткәч, К. Якуб исемендәге Полиграфкомбинаттагы жайга салынган технолог эшен калдырып, үз милләтемә хезмәт итәргә телім дип, бирегә килде. Читтән торып укып, татар теле һәм әдәбияты укытучысы һөнәрен үзләштерде. Эшлекле, кыю йөрәкле депутат, халык театрында баш рольләренә башкаручы сәләтле үзешчән артист та булган әле Галиябез. Мөгаллимгә бу сыйфатларның барысы кирәк. Киләчәгә өметле шәхес ул!» – дип, миндә кызыксыну уятты.

Галия Михай кызы оештырган әдәби, мәдәни, фәнни-гамәли юнәлешле чаралар бер-бер артлы булып торды. Директор урынбасары буларак, коллективта тәрбия эшләрен житәкләде, шәһәр мәгариф идарәсе оештырган һөнәри бәйгеләрдә катнашты. 17 ел рәттән балалар ижатын чагылдырган «Гимназия таңнары» гэжиге мөхәррире, мәктәп радиосында кызыклы тапшырулар оештыручы да Галия иде. Гәжит-журналларда шәлкем-шәлкем шигырьләре, кыю фикерле мәкаләләре басылды, үзе житәкләгән «Яшь журналист» түгәрәгендә каләм сынаган балаларның тәүге ижат жимешләрен туплап редакцияләргә алып килә иде. Укучыларына шулай канат куйды. Аның сәләтле шәкертләре елның-елында республика фәнни-гамәли конференцияләрендә, әдәби, сәнгати, ижади бәйгеләрдә алдынгы урыннар яулады.

30 ел дәвамында укытучы һөнәренә тугры калып, республикабызның милли мәгарифенә керткән саллы хезмәтләре өчен был РФ Мәгариф

министрлыгының Мактау Грамотасына, ТРның «Мәдәнияттәге казанышлары өчен» күкрәк билгесенә, ТР Фән һәм мәгариф министрлыгының Рәхмәт хатына лаек булды. Ходай насыйп итсә, киләчәктә аңа Атказанган укучы исеме бирелер дип өметләнәм, чөнки ул моңа күптәннән лаек.

Югары категорияле мөгаллимә булуы өстенә, Галия ханым әдәби мохиттә үз урынын тапты, ижаты халыкка танылды, тиешле бәясен алды. Ул соңгы унбиш ел эчендә бер-бер артлы басылып чыккан алты шигырь китабы авторы, Әнгам Атнабаев исемендәге әдәби премия лауреаты, 2014 елдан бирле Татарстан Язучылар берлеге әгъзасы. Күркәм юбилее уңаеннан Тукай клубында үткәрелгән чарада шигърияттә ат уйнаткан олпат шагыйрьләр, ижатына мөкиббән китүче күп санлы укучылары, якташлары тарафыннан Галия ханым ижатына югары бәя бирелде. Әдәби-музыкаль кичәдә аның сүзләренә язылган жырлар, берсеннән-берсе матур, лирик аһәңле, тирән мәгънәле шигырьләре яңгырады. Мин аның ижаты белән башлангыч чорыннан бирле кызыксынып, даими укып киләм. Китаптан-китапка үсеш күзәтелүенә, темаларның төрлеләнә, шигъри теленең образларга байый, камилләшә, фәлсәфи фикерләренең тирәнәя баруына сөенәм.

Галия шигырьләрендәге лирик герой яшәү мәгънәсен эзли, бәхеткә ирешергә омтыла. Шагыйрә саф мәхәббәткә, намуслы хезмәткә, Туган жиргә, әниләргә мәдхия жырлый, туган тел язмышының бүгенге көндәге четерекле хәл-халәте өчен ихластан борчыла, ижат җимешләрендә сагыну-сагыш та, гүзәл гамь дә чагыла. Соңгы китабын юкка гына «Күңел-бакча» дип атамаган. Әйтерсең ул, гомере буге тырыш хезмәт куеп, күзләрне иркәләрлек шау чәчәклә, мул җимешле бакча үстергән. Галиябезнең хисләр дөнъясы матур, ижаты күңелне хушландырырлык, тормыш юлын мәгънәле уза. Ижаты гөрли, гомерлеккә сайлаган яры Рафаэль – янәшәсендә, кызы Айгөл, улы Алмаз үсеп җитеп, ил-көнгә яраклы кешеләр булган, балдан татлы оныклары аның өчен өзәлеп тора. Ул укыткан күп санлы шәкертләре тормышта үз урынын тапкан, янында авыр чакта иңен куярлык ышанычлы чын дуслары бар.

Бу бәхетнең үзе түгелмени?

ГӨЛНӘФИС

Безнең белән гел аралашып торган, төбәк тормышын өйрәнүчеләрнең бик күп чараларында катнашкан Гөлнәфис Вәлиеваның быел түгәрәк датасы, юбилей елы.

Исеме жисеменә бик тә туры килгән бу себер татарларынан булган ханым акыллылыгы һәм сөйкемлелеге белән башка хатын-кызлардан аерылып тора. Шулай ук ул ышанычлы юлдаш һәм тирән фикерле киңәшче дә. Аның белән күп тапкырлар юлда булганга, без яхшы беләбез – һәрвакытта да аннан ярдәм киләчәк, бу ярдәм чын күңелдән башкарылачак икәнлеген.

Әмма Гөлнәфиснең башка барлык сыйфатларын да каплап китүче тагы бер ягы аның гадәттән тыш оста жырчы булуы – безнең чараларда ул күп тапкырлар башкаручы буларак чыгыш ясаганга, аның үзенчәлекле сихри тембрлы тавышы һәм кабатланмас үз-үзен сөхнәдә тоту пластикасы күпләргә таныш. Жырчы буларак Россия төбәкләрендә, чит илләрдә узган төрле мәдәни чараларда һәм Сабан туйларында да чыгышлар ясап, аның халык тарафыннан бик тә жылы кабул ителүе, алкышларга күмелүе һәркемгә билгеле. Чынлап та Гөлнәфис Вәлиеваның жырчы буларак профессиональ дәрәжәсе югары кимәлдә. Аның оештыру сәләте дә Себердә бик күпләргә билгеле, чөнки ничә еллар инде ул «Искер-жыен» фестивален оештыруда һәм алып баруда актив катнашып килә.

ГӨЛНӘФИС

Вақыт-вақыт «Туган жир. Родной край» журналына кәргәндә, гадәттә ул буш кул белән кермәс, һәрчак шат күңелле һәм елмаеп торган көләч йөзле булып. Шуңа күрә дә без аны яратабыз.

Инде форсаттан файдаланып, журналыбызның редакциясе һәм Гөлнәфисне белгән барлык төбәк тарихын өйрәнүчеләр исеменнән без аны юбилее белән котлыйбыз, алдагы тормышында бәхет һәм шатлык, исәнлек-иминлек телибез.

Һәрвақытта гүзәл һәм тирән акыллы зат булып кал, Гөлнәфис!

Редакция

НЕУТОМИМЫЙ И БЕСПОКОЙНЫЙ ЗИЯТДИН...
(к 55-летию историка-этнографа, краеведа и общественного деятеля З.М. Назмутдинова)

Этим уникальным человеком, очень серьезным, кропотливым и требовательным к себе и другим, но, с другой стороны, добрым и мягким по характеру, я познакомился в райцентре пгт. Кукмор, когда летом 1999 г. проводил впервые истории Кукморского района РТ крупномасштабные рекогносцировочные поездки и стационарные раскопки на средневековых татарских поселениях Кукмара-1 и Мачкара. Тогда нами были сделаны важные открытия, касающиеся заселения нашими предками территории бассейна реки Нукрат-Вятка в пределах Кукморского Заказанья и сопредельных территорий Кировской области.

Перед началом раскопок в окрестностях пгт. Кукмор (Кукмара, ныне г. Кукмор), у подножия гор, в зоне дач местных жителей, директор Кукморского исторического музея (КИМ) Л.А. Давлетшина, интересная и активная личность, пришедшая в музейное дело из системы торговли, но ставшая хорошим музейным руководителем и организатором краеведения в районе, предложила нам помощь и привела группу учащихся старших классов для участия в раскопках. Коллективом учащихся из пгт. Кук-

НЕУТОМИМЫЙ И БЕСПОКОЙНЫЙ ЗИЯТДИН...

мор и д. Ст. Пинигерь Вятско-Полянского района Кировской области, пришедшим нам на поддержку при проведении земляных работ, руководил тогда еще достаточно молодой учитель истории СОШ №4 пгт. Кукмор, житель д. Ст. Пинигерь Зиятдин Назмутдинов. Коллектив работал с большим интересом, кропотливо и аккуратно выбрасывая ненужные и очищая от дерна и земли участки нескольких раскопов, шурфов на территории средневекового поселения Кукмара-1.

С первой же минуты работы Зиятдин мне понравился: любопытный, серьезный, четко решал все поставленные задачи, к тому же у него был огромный интерес к истории родного региона и к большой истории татарского народа. Кроме того, он вел записи, тщательно фотографировал, учил ребят навыкам полевой исследовательской работы, да и сам быстро учился многому, чего до сих пор не приходилось ему познать. Я тогда узнал, что Зиятдин уже неоднократно бывал с ребятами на экскурсиях и раскопках в Болгаре, Иске Казани, Казанском Кремле, Суваре и других памятниках археологии и архитектуры Татарстана. Это позволило ему и ребятам изучить археологические материалы, иметь уже небольшой опыт полевых работ, что позволило учителю и ученикам быстро внедриться в исследовательский процесс в Кукморе.

Позже Зиятдин написал серию газетных материалов по итогам археологических работ и высказал свои соображения по истории региона для районных газет Вятско-Полянского и Кукморского районов. И я думаю, это было не случайно – сезон 1999 г. для Заказанского отряда Золотоордынской комплексной историко-археологической экспедиции (ЗКО ЗКИ-АЭ) Института истории АН РТ, созданного и действовавшего под моим руководством с 1995 г., был поистине удачным, богатым на открытия археологических, эпиграфических и историко-культурных памятников.

В тот сезон нами были найдены разнообразные предметы эпохи энеолита и бронзового века, выявлены целые поселения периодов Золотой Орды и Казанского ханства, а также колониального времени (XVII–XIX вв.). И наши исследования убедительно подтвердили факт наличия широкой сети тюрко-татарских поселений золотоордынского и постордынского времени в бассейне реки Нукрат-Вятка, в пределах северных районов Татарстана и сопредельных районах Кировской обл. Эти материалы широко раздвинули границы историко-археологической карты болгаро-татарских земель и Улуса Джучи далеко на север и подтвердили факт развития в этих местах культуры тюрко-мусульманских народов эпохи средневековья. Они показали наличие в этих местах крупных ремесленно-торговых центров XIII–XVI вв., таких как поселения Мачкара (Маскара), Кукмара-1, Салтык-Ерыклы,

Туембаш и др. Тем более, неподалеку пролегал сухопутный путь на север и на юг, здесь протекает р. Нукрат-Вятка, являющаяся многие века транспортной магистралью в развитии торговых связей между различными племенами и народами Волго-Уралья и Евразии.

Находки, выявленные нами в ряде археологических объектов региона, мы передали на постоянное хранение в фонды Кукморского исторического музея, в экспозициях которого они украшают его Отдел археологии до сих пор. Об итогах исследований мы писали в Научном отчете, переданном в Институт археологии РАН (в Москву) и КИМ РТ (в Кукморе), а также в целом ряде научных статей и сборнике «Кукморский регион: проблемы истории и культуры» (редактор-составитель – А.А. Бурханов. – Казань: Gumanitara, 2005. С. 8–43), доложили на ряде международных, всероссийских, региональных научно-практических конференциях и форумах.

Многие участники экспедиции до сих пор вспоминают о наших полевых исследованиях 1999 г. на Кукморской земле, и, особенно, сам З.М. Назмутдинов.

Позже Зиятдин Мухарлямович написал и опубликовал этнографическую и богатую новыми материалами статью «Современная свадьба сельских татар» (по материалам Вятско-Полянского района Кировской области и Кукморского района Республики Татарстан) в вышеназванном сборнике «Кукморский регион: проблемы истории и культуры» (С. 57–61).

А после 2005 г. мы с нашим героем долго не виделись. Затем я часто стал встречать З.М. Назмутдинова в качестве общественного и религиозного деятеля, краеведа-исследователя в ряде мероприятий, проводимых по линии Всемирного конгресса татар: это были форумы татарских сельских предпринимателей, татарских мусульманских деятелей и татарских краеведов. К тому моменту Зиятдин стал уже имам-хатибом Старо-Пинигерской сельской мечети, активно вел общественную и культурно-просветительскую деятельность среди татар родной деревни и района, а также в Кукморском районе РТ. При этом он активно занимался и краеведческими исследованиями, оказывал методическую помощь коллегам-краеведам из других регионов в изучении архивных материалов XVII–XIX вв.

Он деятельный участник практически всех краеведческих форумов и конференций, проводимых по линии Исполкома ВКТ и РОО «Общества татарских краеведов» РТ в Казани и районах Татарстана. Так, в частности, в 2019 г. по моему приглашению, как представитель Кировской обл. он принимал участие в работе Всероссийского форума татарских краеведов, который прошел в сентябре 2019 г. в Томске. Затем он принял участие в поездке в Курганскую обл., где выступил в качестве докладчика в работе Всероссийской научно-практической, историко-краеведческой конференции «Татары

НЕУТОМИМЫЙ И БЕСПОКОЙНЫЙ ЗИЯТДИН...

Зауралья и Южного Урала: история и современность. Сафакулевский район: проблемы истории и культуры», проведенной в октябре 2019 г. в райцентре с. Сафакулево по инициативе «Общества татарских краеведов» РТ и Администрации Сафакулевского района Курганской области.

Об итогах этих поездок Зиятдин Назмутдинов написал на страницах районных газет и представил статью в сборник «Татарские населенные пункты: история и современность (городская слобода и сельское поселение)».

Назмутдинов Зиятдин Мухарлямович (Нәжметдинов Зыятдин Мөхәррәм улы) родился 18 июня 1965 г. в д. Старый Пинигерь (Иске Пенәгр) Вятско-Полянского района Кировской области в семье сельских рабочих. В 1982 г. он с отличием закончил учебу в СОШ д. Старый Пинигерь и поступил в ГПТУ №41 Казани. Получив в 1983 г. квалификацию профессионального фотографа 4 разряда, он ушел на службу в ряды Вооруженных сил СССР: в 1983–1985 гг. служил в составе Военно-воздушных сил страны. После армии, в течение 6 месяцев, он работал в Вятско-Полянском машиностроительном заводе, а затем 1,5 года – фотографом фотосалона в Вятских Полянах.

Затем судьба молодого человека резко изменилась: в 1987 г. он поступил на учебу в заочное отделение исторического факультета Казанского государственного университета, которое успешно завершил.

В 1989 г. его приглашают на работу в недавно открывшуюся СОШ №4 пгт. Кукмор Татарской АССР на должности библиотекаря и учителя истории. Его педагогическая деятельность 23 года в основном связана с этой школой, позже в течение 2,5 года он трудился библиотекарем и учителем средней школы д. Ст. Пинигерь Кировской области.

Работая в коллективе СОШ №4 пгт. Кукмор, он вел фотокружок и кружок краеведения, принимал участие в создании школьного музея. Начиная с 1989 г., в течение 10 лет, он возил учащихся кукморских школ на археологические экспедиции в Татарстане.

В 2006 г. жители его родной д. Старый Пинигерь выбрали его на общественных началах сельским имамом и он полностью оправдал доверие земляков, внедряя каноны ислама и духовность в сельскую жизнь. В течение 8 лет он продолжал педагогическую деятельность в СОШ №4 пгт. Кукмор и школе родного села, занимался реконструкцией сельской мечети, построенной еще в 1826 г. Параллельно он также вел педагогическую деятельность в мусульманском медресе пгт. Кукмор, занимая там должность завуча и преподавателя.

В 2014 г. Зиятдин-хазрет прекратил педагогическую деятельность в школе и перешел полностью на службу в мечеть. В 2015 г. сельчане по инициативе своего имама провели 180-летие Старо-Пинигерской со-

борной мечети. Местная мечеть начала привлекать внимание не только местных жителей села и района, но и гостей и посетителей из Кировской обл., Татарстана, Удмуртии и других регионов Поволжья и Урала. Так, к примеру, в 2017 г. мечеть приняла делегатов форума Международной татарской женской организации «Ак калфак». В том же году здесь побывала делегация Азнакаевского муниципального района РТ в составе руководителей региона, религиозных деятелей, писателей, журналистов и общественных деятелей.

В последние годы З.М. Назмутдинов, участвуя в ряде форумов татарских религиозных деятелей, активно выступает на заседаниях по проблемам развития сельских мечетей, изучения истории татарских населенных пунктов и по вопросам совершенствования изучения татарского языка.

Наш герой – активный и подготовленный краевед-исследователь, автор целого ряда научных и научно-популярных публикаций по краеведению. Среди его работ назовем «Ислам юль» (перевод трактовке исламских канонов), «Кукмара 4-нче урта мәктәбе тарихы» (летопись 1989–1992 гг.), «Болгар археологик экспедицияләре көндәлекләре» (1–2 книги, об экспедициях в Болгаре, Иске Казани, Суваре и Кукморе в 1989–2008 гг.), «Иске Пенәгәр авылы мәчете» (записи 2006–2013 гг.), «Туйлар турында язмалар» (1988–1992 гг.), «Тормыш юлым», «Деревня Старый Пинигерь и колхоз «Политотделовец» в 1930–1950-е гг.» (по материалам газеты «Вятско-Полянская газета»). В этих трудах автор поместил уникальные и редкие фото и архивные материалы о жизни школ, мечети, деревни, сельских семьях и др.

Зиятдин Мухарьямович постоянно находится в поиске и движении, целеустремленно и методично повышает свою квалификацию и профессионализм, развивает и расширяет сферы деятельности, повышает свои нравственно-моральные качества. Этим он дает пример землякам и молодежи. Он постоянно помогает односельчанам, готов содействовать всем, кому нужна помощь, поэтому пользуется заслуженным авторитетом и уважением у своих земляков и жителей района и области, Кукморского района РТ, а также у своих коллег – краеведов, общественных и религиозных деятелей Кировской обл., Татарстана и сопредельных регионов Поволжья и Урала.

С ЮБИЛЕЕМ ВАС, уважаемый коллега Зиятдин-эфэнде! Дальнейших успехов, новых побед, благополучия в жизни, крепкого здоровья и долгих лет жизни!

От имени и поручению друзей и коллег, татарских ученых-историков, краеведов и общественных деятелей – Альберт Бурханов, председатель РОО «Общество татарских краеведов» РТ.

СЕБЕР КЫЗЫ

Бөтендөнъя татар конгрессы һәм Татарстан Республикасы «Татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр жәмгыяте» тарафыннан нәшер ителүче «Туган жир. Родной край» журналының жаваплы сәркатибе Мөнирә Хәлим кызы Сәгыйдуллинага декабрь аенда 50 яшь тула. Тумышы белән Себер кызы. Эчкерсез, гаделлекне яклаучы, ярдәмчел, сүзендә торучы, морадына ирешүчән, үз эшен яратып, зур жаваплылык белән башкаручы хезмәткәр.

Себердә «казан, казанлы» атамалары еш очрый. Казанлы исемле авылларның берсе Төмән өлкәсе Вагай районында урнашкан. Бер яктан – Агыт ярына сыенган, икенче яктан – тайгага ышыкланган, гасырлар дәвамында иманлы халкы белән дан тоткан әлеге авылда ярты гасыр элек Хәлим абый белән Нера апа гаиләсендә иң беренче бала дөнъяга килә. Бу нәселдә исем кушуга аеруча зур игътибар бирелү сәбәпле, ике яктан да бу кыз-бала иң беренче онык булганга, Харис бабасы аңа Мөнирә дип исем куша, ягъни «нур өлэшүче, яктыртучы».

Гаиләдә алар биш бала тәрбияләнәләр. Этисенең – «яхшылар», әнисенең «затлылар» нәселеннән булу балаларга да, ата-анага да зур жаваплылык өсти. Хәлим абый белән Нера апа үзләре дә күркәм гаилә булып, балаларга да һәрьяктан яхшы тәрбия бирергә омтылалар. Гаиләдә аеруча китап культы хөкем сөрә. Татар китапларын махсус Казаннан алдырып, чиратлашып укыйлар. Әдәби эсәрләрдән тыш документаль, фәнни эсәр-

ләр, шулай ук вакытлы матбугат та читтә калмый. Кичләрен Хәлим абый балаларын янына жыеп башта К. Насыринең «Әбугалисина»сын, «Мең дә бер кичә» әкиятләрен укыган, аннан үзенң гармунында татар моңнарын яңгыратырга яраткан. Әбиләре Мәйсәрвар апа нәсел-шәжәрә турындагы әби-бабалардан калган риваятьләренә, төрле истәлекләренә хикәят итеп сөйләгән. Кул эшләре остазы булып саналган бабасы балаларны үз кәсебенә өйрәтеп калдырырга тырышкан. Әниләре исә тәмле ризыклар пешерү серләренә өйрәткән. Шунысы да бар: балаларга кечкенә вакытларынан үк татарның мәркәзе – Казан, мөселманнарныкы – Мәккә дип сөндерелә, татарлыкка һәм ислам диненә карата зур ихтирам, олы мөхәббәт тәрбияләнгән.

Балачак хыялын калдырып, эти-әнисенң сүзенә колак салып, Мөнирә Төмән медицина көллиятен тәмамлый. Шул елларда өлкәдә «Яңарыш» газетасы нәшер ителә башлый. Ул рәхәтләнеп язарга тотына, редакциядә узган төрле чараларда катнаша. «Яңарыш» газетасының баш мөхәррире Азат Гыйззәт улы Сәгыйтовның хәер-фатыйхасын алып, 1991 елда Казан дөүләт университетына укырга керә. Ул вакытта кәлам тоткан күп яшьләренң хыялы булган журналистика факультетында белем ала.

Студент еллары – Мөнирәнең үз-үзен эзләү чоры. Бүгенге Мөнирә ул чактагы 20 яшьлек Мөнирәне исенә төшереп, яшь кыз-бала өчен куркып куймый микән... «Азатлык» татар яшьләре берлеге хәрәкәте, Татар яшьләре көннәре, Халыкара төрки яшьләр хәрәкәте, татар студентлары өчен «Ягымлы яз» фестивале һ.б. Бу әле тулы исемлек түгел. Иркән тайгада туып үскән ирек яратучы кыз-бала, ике дә уйламыйча, сугыш алдында торган Ичкериягә дә чыгып китә. Башкача була да алмый, башкача булса, Мөнирә булмый инде ул. Ә аннан соң – Төркиягә китеп төрек телен һәм мәдәниятен өйрәнү курслары, журналистика юнәлешендә белем арттыру. Тырышып укыган, тиз аралашучан, күпкырлы сәләтле кызның борынгы Истамбулда урнашып калу мөмкинчелеге була торып та, ул, сагыну хисләренә төренеп, үзенң яраткан Казанына кайта. Һәрвакыттагыча яшьләр хәрәкәтенә баштан чума. Татар яшьләре көннәреннән тыш, Халыкара төрки яшьләренң мәдәни фестивальләрен уздыруга үз өлешен кертә: Кырым, Кыргызстан, Казакъстан, Азәрбайжан, Чувашстан Республикасы. Шул ук вакытта Себер-Казан арасын да еш узарга туры килә. Туган туфрак, эти-әни һәм бертуганнар сагынып көтеп тора бит.

1990-нчы еллар ахырында, ничәмә еллар яңгырап килгән татар яшьләре таләбен истә тотып, Яшьләр һәм спорт эшләре буюнча Татарстан Республикасы дөүләт комитеты каршында «Идел» яшьләр үзге оештырыла. Оешманың әле яңа формалашып, актив эшчәнлек алып барган чоры. «Идел» дөнья татар яшьләрен үз тирәләренә туплап, милли

үзәң уяту юнәләшендә эш алып бара. Татар яшьләре игътибарын милли үзәңн үстерүгә жәлеп итү, сәләтле яшьләргә үсәргә ярдәмчел булуы өр-яңа кызыклы проектлар кирәклегә ачыла. Халыкара фестивальләрдә катнашып, шактый тәжрибә туплап өлгергән кыз, каләм тибрәтүче сәләтле яшьләр өчен, «Иделем акчарлагы» бәйгесенә нигез сала. Хезмәттәше Миләүшә Сафиуллина (Шарапова) белән «Милләтебез хәзинәләре» һәм «Сәяхәт» исемле проектлары белән ТР Мәгариф һәм фән министрлығы оештырган бәйгедә жинү яулап, мәктәп яшендәге татар балалары өчен профиль смена оештыру максатына ирешәләр. Әлегә проектлар әле дә булса «Идел» яшьләре үзәгә тарафыннан оештырылып килә.

«Идел»дә эшләгән чорда ук дөнъя татар яшьләрен бер мәйданга жыю хыяллы белән янып йөргән Мөнирәне 2004 елда Бөтендөнъя татар конгрессына Яшьләр форумын оештыру максаты белән, эшкә чакырлар. Ниһаять, күптәнгә хыялы тормышка аша. Бар күңелен биреп, жин сызганып эшләргә алына ул. Нинди эш булуына карамастан, барысын да жаваплылык тоеп башкара. 16 ел эшләү дәверендә ул шактый проектларны тормышка ашыра: татар яшьләре өчен «Татар кызы» һәм «Татар егете» Бөтенроссия конкурслары; «Яшьләр сәхнәсе» татар яшьләре театр фестивалләре; татар журналистлары һәм массакүләм мәгълүмат чаралары өчен «Татар рухы һәм каләм» бәйгесе; «Бәхәтле балачак» татар балалары Интернет бәйгесе, «Без – Тукайлы халык» һ.б.

Мөнирәнең беркайчан да эшсез торганын күргәнем юк, ул татар халкының рухи мирасын саклау һәм торгызу буенча зур эш тә алып бара. Үз эше белән беррәттән татар матбугатында әледән-әле кызыклы мәкаләләре дөнъя күрә. Беренчеләрдән булып «Идел» журналында популяр татар спортчылары, дөнъякүләм киң танылып Мәскәү сәхнәләрендә чыгыш ясаучы сәңгәт әһелләре турындагы язмаларны бары ул гына оештыра ала. Геройларын эзләп табып, аларны сөйләштереп, бер-бер артлы кызыклы мәкаләләрен укучыларга тәкъдим итеп бара.

Әтисеннән күчкән холкы аңа тыныч кына яшәргә ирек бирми. Ул мөхтажларга ярдәм итү өчен утка да, суга да керергә әзер. Бары тик бер генә мисал китерәсем килә: 2016-нчы елны Төмән өлкәсендәгә Тугыз авылы язгы су ташу вакытында коточкыч фажигагә дучар була. Бер тәүлек дигәндә, авыл су астында кала, тау башындагы мәчетнең бары тик манарасы гына балкып тора. Район хакимияте бу хәлне күпме яшерергә тырышса да, Мөнирә, каләмдәшләре ярдәмендә, мәгълүмати блокаданы сүтеп, гуманитар ярдәм жыюны оештыра һәм авылга илтеп дә куя. Мондый мисаллар аның көндәлек тормышында житәрлек. Ул һәрдаим нинди дә булса ярдәм акцияләре оештыра яки аларда катнаша, бигрәк дә Себергә кагылышлы булса. «Себерем, татарларым, якташларым», – дип жанатып

тора. Туган ягы Төмән өлкәсендә барган һәр вакыйганы ул жентекләп күзәтеп бара.

Мөнирәннең тормышы ал да гөл бармый. Өтисеннең бик яшьли фажи-гале рәвештә якты дөнъядан китүе, әнисеннең күп еллар буе яшәү өчен көрәшүе, үз гаиләсеннең бер мизгелдә челпәрәмә килеп чит-ят жирдә нәни баласы белән бер ялгызы калу... Әйтерсең лә, дөнъяның асты-өскә килеп, язмыш дилбегәсе кулдан ычкынган кебек иде. Әмма ул бу очракта да югалып калмады, сыгылып төшмәде, зарланып шыңшып утырмады. Киресенчә, бар көчен жыеп, кечкенә сабыен кочагына кысып, язмышның ачы жилләренә каршы сикәлтәле тормыш юллары буйлап алга омтылды.

Мөнирәннең портреты төгәл булсын өчен, аның сәләтле музыкант, шул ук вакытта тарих белән кызыксынучы булып үсеп килгән Ильясның әнисе икәнлеген дә онытырга ярамый. Баласы – аның ышанычлы терәге, ярдәмчесе, тормышының мәгънәсе.

Мөнирә Хәлим кызын күркәм юбилее белән котлыйбыз, киләчәктә эшендә уңышлар, тормышында бары бәхетле мизгелләр генә теләп калабыз.

Илсәяр Закирова

Хушлашу

Некрологи

РАШИТ: СЛОВО О ДЕМОКРАТЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

К сожалению, из-за болезни я не смог быть на похоронах Рашита Ракиповича Ахметова – известного татарского журналиста, издателя демократической газеты «Звезда Поволжья», которую в Татарстане читали и читают представители всех слоев нашего общества. Так как мне длительное время приходилось выступать на страницах этого весьма специфического издания, я не только хорошо знал Р. Ахметова, но был с ним в весьма в дружеских отношениях, в том числе часто посещая проводимые им разные застольные мероприятия (дни рождения, встречи друзей и т.д.). Но имейте в виду – Рашит спиртное употреблял в очень ограниченных дозах, хотя, другим – а таковые тоже находились – не мешал.

Могу от чистого сердца сказать – Рашит являлся очень хорошим человеком, обладавшим глубокой внутренней культурой и весьма широким кругозором. Начитанность его поражала – он прекрасно разбирался в русской и мировой литературе, любил поэзию. Обращал особое внимание на публицистику и мемуары, в основном, политические. При этом ему ничто человеческое не было чуждо – несмотря на его упорное вегетарианство, оно относилось только к области питания. Поэтому, его деятельность,

например, в политической среде, никак нельзя маркировать как очень уж одномерную и беззубую – он иногда вел себя достаточно агрессивно, скажем, когда сотрудничал с Народным Фронтом, Демпартией. Отсюда и наши с ним разногласия политического характера, временами ставивших нас на двух сторонах баррикад. Но, Рашит Ракипович при всех жизненных перепитиях продолжал быть последовательным демократом, что в конечном счете позволяло ему нащупать тропинку к татарским сердцам. Тем более, что в душе он в любой ситуации оставался глубоко татарским человеком. Думаю, что эту душу сформировала у него мама – Лейла ханум, прекрасно знавшая татарский язык и работавшая учительницей. Иногда мы к ней заглядывали с Рашитом в гости, и она нас потчевала татарскими блюдами. Рашит очень любил свою маму. И полученную от матери татарскость ему удалось передать своему сыну Руслану.

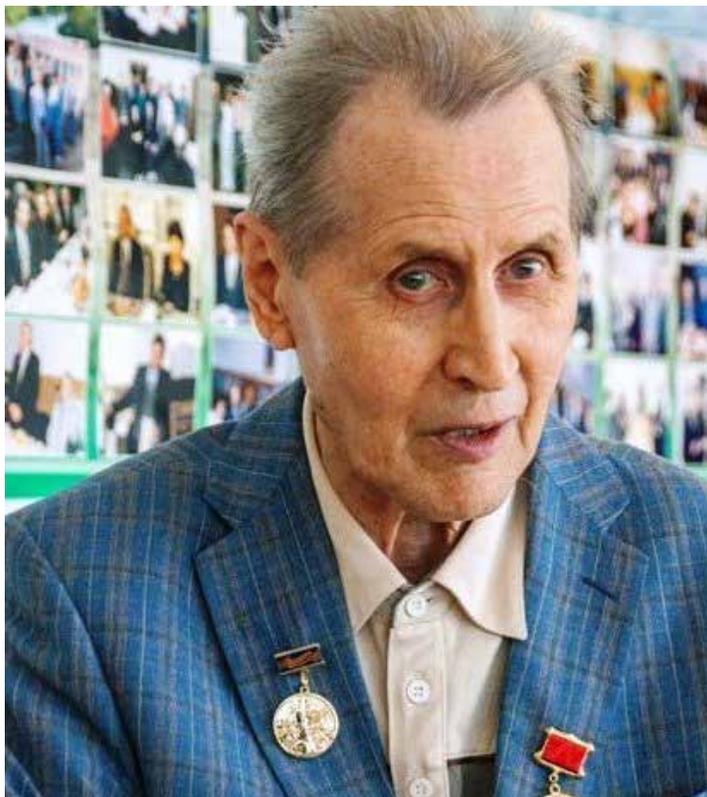
Мне приходилось с ним бывать в зарубежных поездках, в особенности, в Турции. Рашит обычно ездил в сопровождении подружек (с женой он был в разводе), иногда весьма своеобразных. Вообще, круг общения у него, на мой взгляд, всегда оказывался не вполне стандартным, ибо любил он экзотические знакомства. В том числе общаясь с такими журналистами, как, например, Раис Сулейманов и т.п. Я то таких людей в душе не принимал, но Рашита с ними что-то связывало – они у него публиковались, сидели на застольях, он с ними обменивался информацией и т.д. Из старинных и неизменных друзей Рашита, мне нравился только Сергей Никитин, происходивший из рода староверов (отец, правда, был обкомовским работником) – он неизменно оставался глубоко русским человеком, хотя и женатым на татарке. Однако, как старовер, он вовсе не употреблял спиртного и тоже имел некоторые личные особенности. Но он неизменно умел оставаться самим собой. Вместе с Рашидом они обычно бывали заангажированы в разных политических проектах, московских делах, далеко не всегда протатарстанских...

С течением времени Рашит Ракипович становился все в большей мере татаринном – видимо, мертвая в России демократия его не устраивала, и он занял сторону более слабого, давно колонизованного русским миром, татарского народа. Такой вектор его трансформации был по-своему закономерным, ибо некоторые вещи лучше видятся только с возрастом. То, что его похоронили как мусульманина – а он в религиозных делах долго колебался, глубоко интересовался даже индуизмом – говорит о том, что к концу своего круга жизни он определился с Кыйблой.

Я хотел бы от имени всех татарских краеведов пожелать Рашиду Ракиповичу Ахметову оказаться в Джаннете. Своей жизнью он заслужил быть там.

Дамир Исхаков

ХУШЛАШУ

Республика жәмәгәтчылеге зур югалту кичерде. 2020 елның 9 ноябрдә танылган нефтьче, Әлмәт яклары төбәкчеләре хәрәкәтенен башында торган Рафыйк Хазим улы Әмирханов вафат булды.

Әмирханов Рафыйк Хазимович 1932 елның 3 гыйнварында Благовар районы Яна Бүләк авылында (Башкортостан) туган. Белеме буенча тау инженеры. Ишембай һөнәр училищесын (1950) һәм И.М.Губкин исемдәге Мәскәү нефть һәм газ промышленносте институтын тәмамлаган (1966).

Хезмәт юлын 1943 елда колхозда башлый (1943–1947). Һөнәр училищесын тәмамлагач, «Бөгелмәнефть» (1950–1952), «Әлмәтнефть» (1952–1954) газ һәм нефть чыгару трестларында оператор булып эшли. 1954–1957 елларда Совет Армиясендә хезмәт итә. Солдат хезмәтенән соң, «Әлмәтнефть» идарәсенә кайта. 1961–1963 елларда Мәскәүдә тау инженерлыгы буенча югары белем ала, институтны тәмамлагач, «Әлмәтнефть» идарәсенә скважиналарны жир асты ремонтлау буенча мастер булып урнаша.

Хезмэт юлы баскычлары: техник бүлекнең өлкән инженеры (1965–1968), фәнни тикшеренү һәм житештерү цехы житәкчесе (1968–1970), техник бүлек начальнигы (1970–1979), «Татнефть»тә бүлек начальнигы (1979–1983), Ангола Республикасында нефть чыгару буенча баш инженер (1983–1986), «Әлмәтнефть» идарәсендә техник бүлек инженеры (1986–1995).

100дән артык рационаторлык тәкъдиме бар, 8 авторлык таныклыгы һәм патент алган, нефть чыгаруга кагылышлы 30дан артык фәнни хезмәт бастырган.

Р.Х. Әмирханов нефть чыгаруның бөтен нечкәлекләрен өйрәнгән универсал белгеч иде. Татарстан нефтенең башлангычы, үсеше, беренче нефтьчеләр, аларның эш шартлары аның күз алдында, катнашында барды. Шуңа Әлмәттә төбәк энциклопедиясен эзерләү турында сүз чыккач, аның кандидатурасын житәкче итеп билгеләү бик табигый кабул ителде. Әмирхановның эчке эзләнүләренен, омтылышларының бер канаты нефть эше булса, икенче канаты тарих иде. Нәсел җепләре дә этисе ягыннан атаклы Идегәйгә тоташа, әнисе ягыннан – дин эшлеклеләре. Рафыйк Хазимович – күренекле дәүләт эшлеклесе һади Килдебәкнең бертуганының оныгы.

1995–2005 елларда Р.Х. Әмирханов житәкләгән Әлмәт энциклопедия төркеме төбәк тарихы буенча күп материал туплады, фәнни оешмалар, галлимнәр белән бәйләнешләр барлыкка китерде, экспедицияләр оештырды, конференцияләр үткәрдә, шактый хезмәтләр чыгарды. Аның житәкчелегендә Әлмәт энциклопедиясенен 1-нче томы, саллы «Альметьевск-Әлмәт» энциклопедик җыентыгы басылды.

Р.Х. Әмирханов «Вклад Альметьевских нефтяников в технический прогресс отрасли. Кн. первая. Техника и технология нефтедобычи», «Из истории Уфимского края. Нефтепромышленник Надыр Уразметов и его время» (И.Р. Габдуллин белән берлектә), «Окно в прошлое. Материалы подворной переписи 1900–1901 гг.» (И.Р. Габдуллин, М.И. Роднов белән берлектә) китапларының авторы, тарихи темага төрле җыентыкларда 20ләп мәкаләсе, өч дистәләп үл эшкәрткән шәжәрә бастырган. Үл тарихка кагылышлы мәкаләләрендә, китапларында халкыбыз тормышын-яшәешен бары архив документларына таянып кына язуну максат итеп эшләде.

Үл барыбыз өчен дә иң мәртәбәле төбәк тарихчысы иде.

Нефть чыгару өлкәсендәге казанышлары өчен Р.Х. Әмирхановка Татарстан АССРның атказанган нефтьчесе (1977), «Татнефть»нең почетлы нефтьчесе (1991) исеме бирелде, 1959 елда үл Хезмәт Кызыл байрагы ордены белән бүләкләнде. «За доблестный труд», шулай ук «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «За доблестный

ХУШЛАШУ

труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995), «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1995) медальләре иясе, Хезмэт ветераны да иде (1988).

Р.Х. Әмирханов И.М. Губкин исемендәге (1970, 1973) фәнни техник конкурс лауреаты, ВДНХ СССР (1967, 1971, 1973, 1976) бронза медальләре белән бүләкләнгән.

Татар дөнъясы төбәк тарихын өйрәнүчеләр һәм киң татар жәмәгәтьчелеге бу шәхесне олылап баш ия. Урыны оҗмакхта булсын.

Зәрия Хәбилова

Авторлар буенча белешмә

Айсин Руслан Валерьевич, политолог.

Бекиров Надир Валериан улы, фәлсәфә фәннәре кандидаты.

Буровский Андрей Михайлович, язучы, археолог, тарихчы, фәлсәфәче, тарих фәннәре кандидаты, фәлсәфә фәннәре докторы, профессор.

Борханов Альберт Әхмәтжан улы, тарих фәннәре кандидаты, ТР «Татар төбәк тарихын өйрәнүчеләр жәмгыяте» рәисе, «Гомумтатар төбәк тарихын өйрәнүчеләр жәмгыяте» Советы рәисенең беренче урынбасары.

Галләмова Әлфия Габделнур кызы, тарих фәннәре докторы, ТФАнең Ш. Мәржани ис. Тарих институтының әйдәп баручы фәнни хезмәткәре.

Гарипова Хәмидә Лутфулла кызы, педагог-журналист, тәржемәче, ТР Журналистлар берлеге әгъзасы.

Гарифуллин Ильнар Зөлфәт улы, «Idel.Реалии» мәгълүмати басмасының сәяси күзәтүчесе, тарихчы, политолог, тарих фәннәре кандидаты, дәүләт милли сәясәте һәм милли хәрәкәт мәсьәләләре буенча белгеч.

Гатауллин Ринат Фәйзлдин улы, икътисад фәннәре докторы, РФА ӨФҮ СЭТИ.

Закирова Илсәяр Гамил кызы, филология фәннәре докторы, ТФАнең Г. Ибраһимов исемендәге ТӘСИның Халык ижаты бүлеге баш фәнни хезмәткәре, гыйльми совет әгъзасы.

Измайлов Искәндәр Лерун улы, тарих фәннәре докторы, ТФАнең А.Х. Халиков исемендәге Археология институтының баш фәнни хезмәткәре.

Исхаков Дамир Мәүләви улы, тарих фәннәре докторы, РТФА академиясы, БТК Милли Шура әгъзасы, журналның баш мөхәррире.

Мишкинене Галина Антоновна, гуманитар фәннәр докторы, Вильнюс университетының славян филологиясе кафедрасы доценты (Литва).

Нигъмәтжанов Томас Тимерхан улы, ТР һәм РФ журналистлар берлеге әгъзасы, «Теплоконтроль» акционерлар жәмгыяте Казан приборлар төзү предприятиесе баш метрологы.

Салиев Равил Зөфәр улы, төбәк тарихын өйрәнүче, Россия Федерациясе Мактаулы гомуми белем бирү хезмәткәре.

Тасин Жәмил (Tasin Gemil), тарихчы, профессор, Румыниянең Cluj-Napoca шәһәрндә Тюркология институтын оештыручы һәм директоры.

Тычинских Зәйтүнә Әнтрәшит кызы, тарих фәннәре кандидаты, РФА УрБның Тубыл комплекслы фәнни станциясе өлкән фәнни хезмәткәре.

Харрасова Эльвира Фэрит кызы, журналист, Татарстан Республикасы журналистлар берлеге эгзасы, И.Винокуров премиясе лауреаты, төбэк тарихын өйрәнүче.

Хэбипова Зэрия Габдулла кызы, жэмэгать эшлеклесе, публицист, төбэк тарихын өйрәнүче.

Хэлилова Лэйсэн Элфир кызы, ТФАнең Ш.Мэржани ис. Тарих институтының тарих фэннэре кандидаты гыйльми дэрэжэсен алырга теләүче.

Шэйдуллин Рафаил Вэли улы, тарих фэннэре докторы, профессор.

Сведения об авторах

Айсин Руслан Валерьевич, политолог.

Бекиров Надир Валерианович, кандидат философских наук.

Буровский Андрей Михайлович, писатель, археолог, историк, философ, кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор.

Бурханов Альберт Ахметжанович, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки РТ, первый заместитель председателя Совета ВОК, председатель РОО «Общество татарских краеведов» РТ.

Галлямова Альфия Габдульнуровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АНТ.

Гарипова Хамида Лотфулловна, педагог-журналист, переводчик, член Союза журналистов Республики Татарстан.

Гарифуллин Ильнар Зульфатович, политический обозреватель информационного издания «Idel.Реалии», историк, политолог, кандидат исторических наук, специалист по вопросам государственной национальной политики и национальных движений.

Гатауллин Ринат Файзлtdинович, доктор экономических наук, профессор, ИСЭИ УФНЦ РАН.

Закирова Илсеяр Гамиловна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, член ученого совета.

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ.

Исхаков Дамир Мавляевевич, доктор исторических наук, академик РАЕН, член Национального Совета Всемирного конгресса татар, главный редактор журнала.

Мишкинене Галина Антоновна, доктор гуманитарных наук, доцент кафедры славянской филологии Вильнюсского университета (Литва).

Нигаматзянов Томас Тимерханович, член Союза журналистов РТ и РФ, главный метролог Казанского приборостроительного предприятия АО «Теплоконтроль».

Салиев Равиль Зуфарович, краевед, Почётный работник общего образования РФ.

Тасин Джемиль (Tasin Gemil), историк, профессор, основатель и директор Института тюркологии в г. Cluj-Napoca (Румыния).

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

Хабипова Зария Габдулловна, общественный деятель, публицист, краевед.

Халилова Ляйсан Алфировна, соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

Харрасова Эльвира Фаридовна, журналист, член Союза журналистов РТ, лауреат премии им. И. Винокурова, краевед.

Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционный совет журнала «Туган жир/Родной край» сообщает что к публикации принимаются статьи и материалы как на татарском, так и на русском языках. В этой связи обращаемся ко всем заинтересованным в развитии указанного журнала авторам с предложением принимать участие в его издании. Для этого необходимо подготовить и направить соответствующие статьи в наш адрес.

Рекомендуемая тематика публикаций:

- *методика и методология историко-краеведческих исследований;*
- *история краеведения и историко-краеведческое наследие;*
- *проблемы региональной истории;*
- *новые археологические, нумизматические, фольклорные и эпиграфические находки;*
- *публикация источников;*
- *история конкретных сел и деревень;*
- *история музеев и публикация музейных коллекций;*
- *жизнь и деятельность выдающихся краеведов и земляков;*
- *использование краеведческих материалов и музейных коллекций в школе;*
- *популярные статьи по краеведению;*
- *краеведческая хроника (конференции, встречи и т. д.);*
- *рецензии, обзоры книг на краеведческую тематику.*

Статьи оформляются согласно указываемым ниже требованиям:

Технические требования к оформлению статей

1. Внутри публикаций ссылки оформляются следующим образом [Аминов 2017. С. 82.]; [Денисов 2012. С. 25; Черкас 2005. С. 16.]; [ГАОО. Ф 476. Оп. 3. Ед. хр. 609. Л. 6.]

2. Список использованной литературы оформляются согласно ГОСТу и приводятся в алфавитном порядке в конце статьи в виде нумерованного списка:

Источники и литература

1. Аминов Р.Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. – 348 с.

2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 98. Оп. 2. Ед. 25.

3. ГАОО. Ф. 98. Оп. 2. Ед. 26.

4. Денисов Д. Н. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII–начало XX в.). М. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2012. – 410 с.

5. Черкас Т. Г. Хронограф города. Орск: [Б.и.], 2005. – 67 с.

Редакционные требования к оформлению:

Инициалы и фамилия автора указываются справа, далее по центру публикации идет название статьи.

1. Текстовый редактор – Microsoft Word, в формате doc или docx;
2. А 4;
3. Поля: слева – 3 см., справа – 1,5 см. сверху и снизу – 2 см. Нумерация страниц снизу справа;
4. Шрифт – Times New Roman;
5. Размер шрифта – 14;
6. Межстрочный интервал – 1,5;
7. Абзацный отступ – 1,0.

Требования к иллюстративным материалам:

Фотоматериалы и рисунки (сканкопии) принимаются только качественные (в формате JPEG, объемом не менее 3,50 МБ).

Объем публикаций в пределах от 0,5 до 1,0 п. л. (20 000–40 000 знаков с пробелами). К публикациям прилагаются аннотации из 5–6 предложений, а также выделяются ключевые слова (4–5).

Сведения об авторе:

1. Фамилия, имя, отчество _____
2. Ученая степень _____
3. Ученое звание _____
4. Занимаемая должность _____
6. Почтовый адрес с индексом _____
7. Адрес электронной почты (e-mail) _____
8. Контактный телефон _____

Редакция отмечает, что после получения статьи от автора и детального его изучения членами редколлегии она в случае соответствия всем требованиям передается в печать. Если материалы не соответствуют техническим и научным требованиям, статья возвращается автору с замечаниями для устранения недостатков. В связи с большим объемом поступающих материалов редколлегия может ограничиться пересылкой автору, в случае необходимости, соответствующих правил оформления для приведения ее в соответствие с требованиями.

Редколлегия оставляет за собой право размещения публикаций в журнале согласно рубрикаций и наличия мест в выпускаемых номерах. После выхода журнала авторы статей могут получить по одному экземпляру издания.

Авторам выплачивается гонорар. Для этого необходимо вместе с материалом прислать сканкопии паспорта, ИНН, СНИЛС, счет со всеми банковскими реквизитами.

Электронная версия журнала размещается на сайтах Всемирного конгресса татар и «Всетатарского общества краеведов».

Материалы следует присылать по эл.адресу: monitoring_vkt@mail.ru с указанием темы: «Для журнала «Туган жир/Родной край». Допускается и прямая передача публикаций в редакцию, но лишь в электронных версиях. Для этого указываем адрес нашего журнала: Казань, ул. А. Пушкина, 52, офис 303, редакция журнала «Туган жир/Родной край».

Туган жир

Төбәк тарихы буенча журнал

Родной край

Краеведческий журнал
Специальный выпуск '2020, I

Подписано в печать 25.11.2020г. Формат 70×100 1/16

Усл. печ. л. 19,5 Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета.

в типографии ООО «Груммант»

В данном номере журнала использованы фотографии из личных архивов
авторов

Nemėžis, 2015 09 12

Немежис шəһəрендə татар мэдəният үзəге ачу. 2015 ел. Г. Мишкинене архивыннан

Траќаи, 2013 06 22

*Висагинас шəһəре Татар жəмгыятенең «Мирас» ансамбле.
Ионас Паршелюна фоторəсеме.*

Къырым татарлары кызлары

Къырым татарлары йорты

Әстерхан татарларының «Әбиләр туенда күрешү» йоласы. И.Закирова фоторәсеме

Касыйм шәһәренең Шакулов йортында язучы Закир Гади мөгаллим вә мөгаллимәләр белән. 1920 елның мае.

Себер татарларының йорт күренеше

«Изге Искер көннәре», 2020 ел

*Себер татарлары
татар доньясына
изге теләкләрнең эчтүсү*

